

ISSN 2411-1503

СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

ВЫПУСК XXI

ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра археологии, этнографии и музеологии

НИИ гуманитарных исследований

ФГКОУ ВПО «БАРНАУЛЬСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

УПРАВЛЕНИЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
ПО КУЛЬТУРЕ И АРХИВНОМУ ДЕЛУ

ISSN 2411-1503

СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Выпуск XXI

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2015

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431
С 689

Ответственные редакторы:
А.А. Тишкин, В.П. Семибратов

Редакционная коллегия:
*В.В. Горбунов, Т.Г. Гребенникова, С.П. Грушин, Е.Г. Кабанова,
А.А. Казаков, Ю.Ф. Кирюшин, Г.А. Кубрина, Д.В. Папин,
Н.Н. Серегин, Т.В. Тишкина, О.Г. Филиппова, Я.В. Фролов*

С 689 **Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края** : сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. – Вып. XXI. – 264 с.

В сборнике научных статей опубликованы материалы докладов XXI научно-практической конференции (с международным участием) «Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края». Рассматриваются различные вопросы, связанные с проблемами сохранения, изучения и использования археологических, исторических и архитектурных памятников Алтайского края и сопредельных регионов.

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Бублик И.Г. Правовой режим кладов, содержащих культурные ценности	6
Гребенникова Т.Г., Турло Т.П., Шаталова М.А. Музейная архитектура городов Алтайского края: современное состояние и перспективы развития	9
Казаков А.А. Об опыте работы Барнаульского юридического института МВД России по охране культурно-исторического наследия народов Российской Федерации	15
Казаков А.А., Нохрин С.А. Действия участкового уполномоченного полиции по предупреждению и пресечению правонарушений, посягающих на объекты культурного наследия Российской Федерации	19
Кротов А.В., Мелёхин В.А., Бусленко А.В. Социология культуры в феноменологическом осмыслении культурного наследия (Россия)	28
Курсакова Е.Н. П.В. Хавский и его практический опыт в сохранении исторических источников	31
Матренин С.С., Панфилов Д.П. Теория и практика борьбы с «черной археологией» в России	35
Мелёхин В.А., Кротов А.В., Мамешина Н.С. Культурное наследие как системно-функциональная целостность (Россия)	42
Паршикова Т.С. Мероприятия по охране археологических памятников Алтайского края в 1960-е гг. в связи с созданием Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК)	45
Полякова Е.А. Практический опыт документирования и использования памятников истории и культуры православия (на примере музея истории Алтайской духовной миссии)	49
Сметанникова Е.В. Проблемы сохранения культурного наследия на примере Бийска	53

РАЗДЕЛ 2. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ

Аникин Д.А., Вистингаузен В.К., Горбатова О.Н., Иванченко В.Г. Пещерные памятники и прииски Чарышского района Алтайского края	58
Бородовский А.П. Тюркская оградка с деревянным столбом в центре из урочища Большой Мигуля у западного склона хребта Сальджар	62

<i>Головченко Н.Н.</i> Археологическая разведка в Крутихинском районе Алтайского края осенью 2014 года	68
<i>Горбунов В.В., Лихачева О.С.</i> Кинжал редкого типа с Алтая	70
<i>Горбунов В.В., Тишкин А.А., Серегин Н.Н.</i> Основные итоги и дальнейшие перспективы изучения раннесредневекового памятника Сростки-I ..	75
<i>Грушин С.П., Миляев Г.А., Вальков И.А., Кунгуров А.Л.</i> Результаты археологической разведки в Змеиногорском районе	83
<i>Дашиковский П.К.</i> Исследование курганов скифской эпохи в западном Алтае в 2014 г.	88
<i>Илюшин А.М.</i> Новые материалы о местах проживания населения Кузнецкой котловины в развитом средневековье	92
<i>Казаков А.А.</i> К археологической карте Быстроистокского района Алтайского края и Онгудайского района Республики Алтай	99
<i>Казаков А.А., Семибратов В.П., Редников А.А., Матренин С.С., Григоров Е.В.</i> Исследование погребального комплекса быстринской культуры Каменка в Советском районе Алтайского края	103
<i>Кирюшин К.Ю., Грушин С.П., Ситников С.М.</i> Обследование поселения Бойниха 1 в 2014 году	109
<i>Кирюшин К.Ю., Онников А.В.</i> Новые материалы памятника – поселение Перешеечное-I	116
<i>Кирюшин К.Ю., Фролов Я.В.</i> Материалы I тыс. до н.э. могильника Тузовские Бугры-I (по результатам исследований 2014 года)	124
<i>Кузнецов Н.А., Ширин Ю.В.</i> Случайные находки на р. Чумыш	130
<i>Кунгуров А.Л.</i> Палеолитическая стоянка Урожайная в предгорьях Алтая	133
<i>Кунгуров А.Л.</i> Бронзовый наконечник копья из Обь-Чумышского междуречья	141
<i>Матренин С.С.</i> Впускные погребения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени	144
<i>Матренин С.С.</i> Погребальные комплексы булан-кобинской культуры Онгудайского района Республики Алтай	153
<i>Мерц И.В., Мерц В.К.</i> Новые памятники эпохи ранней бронзы Бескарагайского района Восточно-Казахстанской области	167
<i>Пилипенко С.А.</i> Берестяные изделия из курганного могильника Кротово-15 в Новосибирском Приобье	176
<i>Серегин Н.Н., Мухарева А.Н.</i> Основные этапы исследования наскальных рисунков раннего средневековья на территории Алтая	184
<i>Ситников С.М., Гайдученко Л.Л., Гельмелъ Ю.И.</i> Некоторые результаты изучения поселения Новоильинка-5	192

Тишкин А.А., Мухарева А.Н., Мунхбаяр Ч. Мониторинг и фиксация «оленных» камней на северо-западе Ховдского аймака Монголии	196
Федорук А.С., Слюсаренко И.Ю., Фролов Я.В., Папин Д.В. Случайные находки бронзовых предметов из западных районов Алтайского края	203
Федорук А.С., Фролов Я.В. Новые находки бронзовых предметов на поселении Фирсово-18	206
Шалахов Е.Г. К вопросу о связи некоторых петроглифов южной Сибири и Монголии с культурой воинской элиты позднебронзовой эпохи	210

РАЗДЕЛ 3. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ И ЭТНОГРАФИИ

Лен К.В. Делопроизводственная документация общественных управлений городов второй половины XIX в. как источник по изучению городской жизни	215
Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С., Байгонакова Г.А., Казакулов Э.Т., Чилбакова А.В. Родовые старейшины в сохранении ритуальных практик: на примере праздников Чага Байрам и Эл Ойын	217
Целищева М.А. Памятник архитектуры «усадьба наследников купца Измайлова» (г. Бийск)	221
Целищева М.А. Памятник архитектуры первой пятилетки с элементами конструктивизма «Банк» (г. Славгород)	227
Целищева М.А., Слуцкий М.А. Объекты культурного наследия регионального значения «Торговый дом Гилева» и «Торговый дом Игнатьева» (г. Бийск)	230
Чарышова М.Ю. Символика молока в культуре алтай-кижи	236

РАЗДЕЛ 4. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И В СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

Грушин С.П., Сайберт В.О., Спиненко О.В. Концепция экспозиции по археологии в «Музее истории развития горного производства им. А. Демидова» в Змеиногорске	240
Тишкин А.А. О необходимости изучения археологических предметов, хранящихся в муниципальных музеях Алтайского края	246
Тишкин А.А., Сёмкина Т.П., Черепанова Т.М. Коллекция раннесредневековых изделий в Шелаболихинском районном музее ...	251
Тишкина Т.В., Сёмкина Т.П. История создания и деятельность МКУК «Шелаболихинский районный музей»	258

РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

И.Г. Бублик

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ КЛАДОВ, СОДЕРЖАЩИХ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

Широкий практический интерес к приобретению права собственности на клад обусловлен в том числе тем, что обычно в состав кладов входят ценные вещи – камни, жемчуг, золотые и серебряные монеты, драгоценные металлы в слитках, изделиях и ломе, а также отечественная и иностранная валюта. К тому же клад зачастую имеет не только имущественную ценность, но также и большое историческое, художественное значение (например, клад, содержащий монеты древних государств, иконы и т.д.). Именно последней категории кладов посвящена настоящая публикация.

Регулирование гражданско-правовых последствий обнаружения клада осуществляется по правилам ст. 233 ГК РФ. Данная норма (абз. 1, п. 1) фактически воспроизводит определение клада, содержавшееся в ГК 1964 г., под которым и теперь понимаются зарытые в земле или сокрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен либо в силу закона утратил на них право.

Итак, сегодня по общему правилу предметы, входящие в состав клада поступают в собственность гражданина или юридического лица, которому принадлежит имущество (земельный участок, строение и т.д.), где клад был сокрыт, и лица, обнаружившего клад, в равных долях, если соглашением между ними не установлено иное*.

В то же время в гражданском праве существуют особенности правового режима некоторых объектов права собственности, которые продиктованы либо объективными свойствами некоторых вещей (земля, природные ресурсы), либо наличием определенного публичного интереса в регулировании подобных отношений (вещи, изъятые из оборота; вещи, составляющие исключительную государственную собственность). Все эти особенности связаны, как правило, с наличием публичного субъекта (государства или муниципального образования)**.

Вот почему безусловное огосударствление ценностей должно происходить, когда вещи, составляющие клад, *ввиду их особого значения для истории, искусства,*

* Как видно, такой порядок вполне совпадает с представлениями о кладе древнеримских юристов, именно по такой схеме со времен императора Адриана происходило распределение обнаруженных ценностей в Древнем Риме.

** Гражданское право: учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 1. М., 2006. С. 481.

науки и культуры, в установленном законом порядке отнесены к культурным ценностям» (п. 2, ст. 233 ГК РФ). То есть оборот культурных ценностей*, входящих в состав обнаруживаемых кладов, представляет собой ту область общественных отношений, которая находится на стыке публичных и частных начал правового регулирования.

Наиболее точно понятие «движимые культурные ценности» определено в Законе РФ от 15 апреля 1993 г. №4804-I (в ред. от 23.07.2013) «О вывозе и ввозе культурных ценностей»**. В ст. 7 данного закона под культурными ценностями понимаются движимые предметы материального мира, находящиеся на территории Российской Федерации и принадлежащие к одной из следующих категорий:

- исторические ценности, в том числе связанные с историческими событиями в жизни народов, развитием общества и государства, историей науки и техники, а также относящиеся к жизни и деятельности выдающихся личностей (государственных, политических, общественных деятелей, мыслителей, деятелей науки, литературы, искусства);

- предметы и их фрагменты, полученные в результате археологических раскопок;

- художественные ценности, в том числе:

- оригинальные скульптурные произведения из любых материалов, в том числе рельефы;

- художественно оформленные предметы культового назначения, в частности иконы;

- гравюры, эстампы, литографии и их оригинальные печатные формы;

- произведения декоративно-прикладного искусства, в том числе художественные изделия из стекла, керамики, дерева, металла, кости, ткани и других материалов;

- изделия традиционных народных художественных промыслов;

- старинные книги, издания, представляющие особый интерес (исторический, художественный, научный и литературный), отдельно или в коллекциях;

- редкие рукописи и документальные памятники;

- архивы, включая фото-, фоно-, кино-, видеоархивы;

- почтовые марки, иные филателистические материалы, отдельно или в коллекциях;

- старинные монеты, ордена, медали, печати и другие предметы коллекционирования;

- другие движимые предметы, в том числе копии, имеющие историческое, художественное, научное или иное культурное значение, а также взятые государством под охрану как памятники истории и культуры.

* Наряду, например, с государственными контрактами, государственным регулированием в отдельных отраслях, сферах производства (сельское хозяйство, авиапромышленный комплекс) и т.п.

** Ведомости РФ. 1993. №20. Ст. 718.

Очевидны несовершенства и этого определения, обусловленные его описательностью и отсутствием единых сущностных критериев культурных ценностей, громоздкостью.

Более лаконично культурные ценности определяются в ст. 4 Федерального закона от 15 апреля 1998 г. №64-ФЗ (в ред. от 23.07.2008) «О культурных ценностях, перемещенных в союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации»*. Указанный документ к культурным ценностям относит ценности религиозного или светского характера, имеющие историческое, художественное, научное или иное культурное значение: произведения искусства, книги, рукописи, архивные материалы, составные части и фрагменты архитектурных, исторических, художественных памятников, а также памятников монументального искусства и другие категории предметов. Похожее определение содержится и в Федеральном законе от 26 мая 1996 г. №54-ФЗ (в ред. от 01.12.2014) «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»**.

Обращение к доктрине гражданского права позволяет привести точку зрения Д.В. Мазеина***, который к движимым культурным ценностям предлагает относить уникальные или редкие вещи, представляющие ценность для истории, литературы, искусства, науки и культуры, способные к перемещению в пространстве без ущерба их целостности и относящиеся к категориям, указанным в законе. Далее Д.В. Мазеиным предлагается перечислять различные категории движимых культурных ценностей, как это сделано в Законе «О вывозе и ввозе культурных ценностей».

Таким образом, если в состав клада войдут отвечающие перечисленным признакам предметы, то они в соответствии с абз. 1 п. 2 ст. 233 ГК РФ подлежат передаче в государственную собственность. В этом случае нашедшему клад лицу, а также собственнику земельного участка, строения совокупно выплачивается вознаграждение в размере 50% от всей стоимости клада, которое распределяется между ними поровну либо в иных пропорциях по их соглашению.

Заслуживает внимания и установленный законом размер компенсации лицу, обнаружившему в качестве клада те или иные культурные ценности, а также собственнику земельного участка или строения, где они были обнаружены. Напомним, что такой размер составляет половину стоимости найденных культурных ценностей. Существует вполне понятное мнение,**** что компенсация в таком виде не является справедливой и отнюдь не стимулирует лиц, обнаруживших клад, передавать найденные

* СЗ РФ. 1998. №16. Ст. 1799.

** СЗ РФ. 1996. №22. Ст. 2591.

*** Мазеин Д.В. Некоторые проблемы правового регулирования гражданского оборота движимых культурных ценностей // Актуальные проблемы гражданского права. М., 2004. С. 147.

**** См. Мазеин Д.В. Указ соч. С. 150.

ценности государству. Действительно при таком подходе у указанной категории лиц, наоборот, возникает вполне понятное стремление получить за такие ценности их полную (во всяком случае реальную) стоимость.

Наконец, из контекста п. 3 ст. 233 ГК следует, что, например, участники археологических экспедиций, лица, осуществляющие раскопки и иные поисковые операции на основании трудовых договоров, участники подрядных обязательств и т.д. являются субъектами, на которых правила п. 1 и п. 2 ст. 233 ГК РФ вообще не распространяются. Деятельность лиц данной категории урегулирована Законом об объектах культурного наследия, п. 9 ст. 45 которого устанавливает что физические и юридические лица, проводившие археологические полевые работы, в течение 3 лет со дня выполнения таких работ обязаны передать все обнаруженные культурные ценности на постоянное хранение в государственную часть Музейного фонда РФ. Как видно, эта обязанность применима и к обнаруженным данными субъектами *любым* кладом, в том числе относящимся к памятникам истории и культуры.

Наконец, еще раз укажем на то, что к числу наиболее серьезных законодательных упущений следует отнести отсутствие детально регламентированного механизма приобретения права собственности на клад, который бы поэтапно направлял каждый шаг обнаружившего его субъекта: от момента обнаружения сокрытых ценностей вплоть до момента выплаты ему вознаграждения, когда содержание клада относится к культурным ценностям.

Очевидно, что одной нормы (ст. 233 ГК) для полноценного ответа на все эти вопросы явно недостаточно, вот почему предпочтительным представляется создание группы норм, регулирующих однородные правоотношения, как это сделано законодателем применительно к институту находки (ст.ст. 227–230 ГК РФ).

Т.Г. Гребенникова, Т.П. Турло, М.А. Шаталова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

МУЗЕЙНАЯ АРХИТЕКТУРА ГОРОДОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ-Алтай
(проект №14-11-22001 «Энциклопедия музеев Алтайского края»)

Музейная архитектура – искусство и результат проектирования и/или строительства пространства, которое будет использоваться для размещения специфических музейных функций (в частности, функций экспонирования, превентивной и восстановительной/коррективной консервации, исследовательской деятельности, менеджмента и приема посетителей). С XVIII – начала XIX века наряду с тем, что старые здания

преобразовывались под музейное использование, появилась специальная архитектура, отвечающая актуальным требованиям хранения, исследований и музейной коммуникации.

Долгое время музейная архитектура не становилась предметом специальных исследований. Только в 1990-е гг. в свет выходят две монографии В.И. Ревякина [1991, 1993]. В своих работах преимущественно на зарубежном материале он прослеживает функциональное развитие зданий музеев от хранилищ предметов искусства до современных сложных музейных комплексов, являющихся научно-исследовательскими учреждениями. Особое внимание уделено направленности в проектировании художественных музеев последних десятилетий в нашей стране и за рубежом. Также исследователь сформулировал рекомендации по размещению музеев в структуре города, составу и взаимосвязи помещений, объемно-планировочному решению, устройству, оборудованию и освещению экспозиционных залов и фондохранилищ. Особое внимание проблемам изучения музейной архитектуры уделяет М.Т. Майстровская [2001], которая подготовила соответствующую статью в «Российскую музейную энциклопедию». Кроме того, в 2002 г. она опубликовала фундаментальную работу, в которой раскрыла ключевые направления и специфику эволюции музейной архитектуры во взаимосвязи с изменениями в экспонировании и музейном дизайне [Майстровская, 2002].

Актуальность теоретического и практического аспектов темы музейной архитектуры подчеркнута двумя специальными выпусками журнала «Музей», вышедшими в 2008 (№6) и в 2012 (№1) гг. На страницах первого из названных номеров была опубликована статья М. Хрусталевой [2008], посвященная истории становления и современным направлениям эволюции мировой и отечественной музейной архитектуры. Исследовательница подчеркнула, что в разные исторические периоды ценность хранимого в музее наследия подчеркивалась архитектурной конструкцией и первый тип такого здания – «музей-храм с портиком и колоннадой» [Хрусталева, 2008, с. 7]. М. Хрусталева справедливо подмечает, что данные архитектурные элементы прочно вошли в практику строительства художественных музеев мира и применялись вплоть до XX столетия, в том числе в России (здание ГМИИ им. А.С. Пушкина). Она указала, что ситуация радикально изменилась в XX в., когда стремительный рост количества разнообразных музеев стал более чем очевидным явлением. В это время в музейном строительстве ярко проявило себя направление модернизма в архитектуре, которое в начале XXI столетия сменится доминированием хайтека и бионики. В качестве особого пути в развитии музейной архитектуры М. Хрусталева [2008, с. 15–20] называет «русский путь».

В Алтайском крае интерес к исследованию музейной архитектуры появился сравнительно недавно. Для нашего региона пока еще нормальной является ситуация, когда музеи размещаются в помещениях быв-

ших детских садов, общежитий и т.д. Здания-памятники архитектуры занимает 21 музей Алтайского края, пять из них при этом располагаются только в части здания [Целищева, 2014, с. 311–312]. Тем не менее надо отметить, что первое специальное здание музея в Алтайском крае было построено еще в 1-й половине XIX в. – это здание Музея горного дела на Алтае, возведенное по инициативе П.К. Фролова в Змеиногорске [Степанская, 2007, с. 288]. Еще 12 специальных зданий в различных районах края были построены во 2-й половине XX в. И только два из них – в городах Горняк и Заринск.

В Барнауле и многих других городах региона государственные и муниципальные музеи размещены в зданиях-памятниках архитектуры. Старейший музей Сибири – Алтайский государственный краеведческий музей расположен в памятнике архитектуры – здании горной лаборатории. Известны проблемы музея, связанные с неудовлетворительным состоянием здания, нехваткой экспозиционных и фондовых площадей. Военно-исторический отдел музея с 1991 г. находится в здании-памятнике «Городская больница». Отдел занимает часть двухэтажного здания, построенного в 1907 г. по проекту гражданского инженера И.Ф. Носовича [Целищева, 2014, с. 136].

Государственный художественный музей Алтайского края долгое время располагался в здании, являющимся памятником архитектуры регионального значения «Школа средняя, общеобразовательная». В настоящее время музей, временно, переехал в другое здание, в связи с масштабной реконструкцией [Целищева, 2014, с. 114].

Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая с 1991 г. расположен в усадьбе городского типа, что дает ему не только большие помещения, но и существенную площадь прилегающей территории. Известно, что усадьба была построена золотопромышленником Е.П. Оларовским. Следует подчеркнуть, что до сих пор не известна точная дата постройки здания. Высказываются мнения о том, что нижняя дата опускается до 1780 г., но, пожалуй, – это самые смелые предположения. Более реалистичным выглядит датирование усадьбы началом XIX в. До конца этого столетия усадьба находилась в частном владении. Тогда она занимала целый городской квартал, парадный вход располагался с восточной стороны. Также высказывается предположение о более позднем появлении западной части усадьбы с оградой и хозяйственными постройками. Музей вполне обеспечен экспозиционными площадями, а вот обширное фондовое собрание (более 60 тыс. ед. хр.) нуждается в дополнительных помещениях*.

Музей «Город» расположен в памятнике архитектуры регионального значения «Городская дума». Основу здания составляли строение городской управы (XIX в.) и магазин Товарищества «С.Я. Яковлев и А.И. По-

* За предоставленные сведения выражаем благодарность заведующему экспозиционно-выставочным отделом ГМИЛИКА Алексею Онофрейчуку.

ляков» (1910 г.). В 1914–1916 гг. они были объединены под руководством архитектора И.Ф. Носовича. В результате получилось двухэтажное здание, занимающее целый квартал между улицами Л. Толстого и Ползунова. Музей занимает крыло по ул. Л. Толстого [Звоник, 2006, с. 89–90].

В 2012 г. был открыт Музей истории аптечного дела «Горная аптека». Здание музея имеет долгую историю. Оно – старейшее кирпичное здание в г. Барнауле, было построено в 1793–1794 гг. на месте старой деревянной аптеки. Проект разработан первым профессиональным архитектором на Алтае А.И. Молчановым. В 2010–2012 гг. проведена масштабная реставрация, в результате которой в здании разместился Краевой туристический центр. В нем, кроме музея, есть выставочный зал продукции предприятий, входящих в Алтайский биофармацевтический кластер (АБФК) [Полякова, 2013, с. 44–47].

Алейский историко-краеведческий музей был основан в 1982 г. С сентября 1999 г. он занимает здание бывшего Госбанка, построенного в 1929 г. Музей состоит из одноэтажной части и двухэтажной (построенной в 1955 г.). На здании имеется мемориальная доска о том, что в годы Великой Отечественной войны там располагался Харьковский эвакуационный госпиталь [<http://www.museum.ru/M2269>]. Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки занимает два здания – памятники архитектуры: особняк купца Н.И. Асанова и дом Варвинских. В первом располагается администрация и исторический отдел. Здание является памятником архитектуры усадебного типа. Оно было построено в 1913 г. по проекту известного в России томского архитектора Лыгина К.К. для купца-миллионщика, почетного гражданина города Бийска Н.И. Асанова. Отдел краеведческого музея – Музей Чуйского тракта – занял особняк Варвинского – памятник архитектуры, представляющий собой двухэтажное кирпичное здание под скатной крышей. Он построен как жилой дом по заказу купца Варвинского. Кроме того, в отдельных зданиях располагаются выставочный зал и Музей воинов-интернационалистов. Таким образом, музей, обладающий большим фондом (140 тыс. исторических артефактов и 20 тысяч книг), располагает достаточно большими площадями [<http://www.museum.biysk.ru/ru/>].

Каменский краеведческий музей – единственный музей в городском центре района. История этого музея начинается с 1918 г., когда был приобретен первый предмет – берцовая кость мамонта. Инициаторами, как и во многих других музеях, стали представители городской интеллигенции, а конкретно – учителя Алферов Лонгин Андреевич и Ляпустин Александр Иванович. Почти столетняя история музея изобилует многими трудностями [Зенухина, 2003, с. 173]. В 1987 г. музей занял большую часть второго этажа здания-памятника архитектуры – Торговый дом «А.И. Винокуров с сыновьями». Здание двухэтажное, кирпичное с внутренним двором-колодцем было построено в начале XX в.

Белокурихинский городской музей им. С.И. Гуляева арендует помещение памятника архитектуры «Здание радонолечебницы», кото-

рое было построено в 1930-х гг. по проекту архитекторов А.П. Голубева и С.А. Замкова. Славгородский городской краеведческий музей располагается в здании-памятнике архитектуры «Торговая контора купца Селютина» (1910–1917 гг.). Здание – двухэтажное, кирпичное, прямоугольное в плане. Находится оно в центре города, на пересечении двух улиц [Целищева, 2014, с. 316].

Отдельного внимания заслуживают музеи, расположенные в специально построенных зданиях. В 1985 г. в г. Заринске был возведен мемориал славы, включавший в себя «вечный» огонь, аллею героев и собственно музей. Здание выстроено в форме башни серого цвета с изображением панорамы боя по периметру и представляет собой своеобразный памятник. Экспозиционно-выставочная площадь составляет 240,2 кв. м, а площадь фондохранилищ – всего 10 кв. м.

Как видно из вышесказанного, подавляющее большинство городских музеев Алтайского края расположено в зданиях-памятниках архитектуры. С одной стороны, это повышает их привлекательность и почти всегда дает музею расположение в центре города, но, с другой стороны, этот факт ведет к затруднениям в расширении площадей музея, в его перестройке. Кроме того, часто исторические здания требуют особого ухода, соблюдения этических мер в размещении экспозиционных материалов.

К сожалению, в городах крайне редко ведется строительство новых музейных зданий и редко производится реставрация старых. Тому есть объективные причины, связанные в том числе с системой застройки городов. Между тем в последние годы в связи с увеличением собраний, нарастанием потока посетителей и более активной включенностью музеев в современную культурную жизнь и инфраструктуру наблюдается повышенное внимание к проблемам расширения музейного пространства в городах. Такие примеры известны в европейской части России (например, проект «Музейный городок» Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина на Волхонке).

Исследователь Е.Н. Прянишников [2008, с. 68–73] отмечает, что стратегия пространственного развития музея может осуществляться в довольно разнообразных формах. Главными ее составляющими является освоение пространства и прорастание в среду города, вследствие чего происходит увеличение сферы влияния музея. Е.Н. Прянишников [2008] выделяет следующие типы пространственного развития музеев: концентрация, расширение, распространение и ревитализация. Концентрация подразумевает повышенную интенсивность использования имеющегося пространства, отдельных помещений и прилегающего участка. Практика пристройки к основному зданию дополнительных помещений прослеживается в обустройстве музеев Алтайского края. Так, в 1964 г. с помощью такого приема площадь АГКМ была увеличена на 600 кв. м, что позволило разместить зал временных выставок.

Расширение в пространственном развитии музеев характеризуется присоединением новых, соседних участков. В России стратегия по созданию музейных кварталов, объединяющих воедино памятники архитектуры и современную инфраструктуру, наиболее актуальна для центральных музеев страны. Курс на освоение новых территорий и зданий был взят Государственным Эрмитажем. Уже ни один год решается вопрос о реконструкции и преобразования ГМИИ имени А.С. Пушкина в цельное музейное пространство. В качестве региональной попытки пространственного расширения музейного пространства можно отметить присоединение участка бывшего жилого дома к территории уже называвшегося краеведческого музея в Барнауле.

Одна из прогрессивных форм развития – ревитализация – подразумевает создание экспозиций в ранее не использовавшихся пространствах (крыши, подвалы, коридоры). Также разновидностью ревитализации является освоение входной зоны и внутренних дворов. Коллекционным музеям в городской среде в лучшем случае приходится довольствоваться небольшим внутренним двориком. Но и это при умелом обращении не является преградой на пути к пространственному расширению деятельности музея. К примеру, в Музее аптечного дела «Горная аптека» активно привлекается внутренний двор для организации массовых мероприятий.

При правильном подходе музеи в городской среде могут стать важными центрами культурного туризма. Идеальной представляется ситуация, когда музей является отправной точкой культурных маршрутов. Данная тактика была применена при разработке проекта туристско-рекреационного кластера «Барнаул – горнозаводской город». Планируется, что территория кластера будет состоять из семи комплексов, в три из которых войдут ныне существующие музеи исторической части Барнаула. Перспективной представляется организация комплекса «Культурно-исторический парк и Горная аптека». Тем самым будет восстановлена историческая и пространственная связь между Горной аптекой и бывшим «аптекаремским огородом». Иными словами, возможности пространственного развития музея в городской среде представляют большой интерес с точки зрения развития культурного туризма, в том числе туризма музейного.

Библиографический список

Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.museum.biysk.ru/ru/>. Дата обращения – 15.03.2015.

Звоник Е.Ю. История строительства здания Городской думы и Управы в Барнауле // Труды Алтайского государственного краеведческого музея. Барнаул, 2006. Т. 2. С. 89–94.

Зенухина Т.Н. М.А. Круковский и Каменский краеведческий музей // Краеведческие записки. Барнаул, 2003. Вып. 5. С. 173–180.

Майстровская М.Т. Музейная экспозиция: Искусство. Архитектура. Дизайн. Тенденции формирования. М., 2002. Ч. 1. 275 с.

Майстровская М.Т. Архитектура музейная // Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 1. С. 48–50.

Мастеница Е.Н., Шляхтина Л.М. Музеология и ее методы в системе социально-гуманитарных наук // Факты и версии: Историко-культурологический альманах Исследования и материалы. Книга 4. Методология. Символика. Семантика. СПб., 2005. С. 23–34.

Музеи России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.museum.ru/m3156>. Дата обращения 10.03.2015.

Полякова Д.А. 220 лет со времени строительства в Барнауле здания Горной аптеки по проекту архитектора А.И. Молчанова // Барнаульский хронограф. 2014 г.: календарь знаменат. и памят. дат. Барнаул, 2013. С. 44–47.

Прянишников Н. Стратегия пространственного развития музея // Музей. 2008. №6. С. 68–73.

Пушкинский музей: проект реконструкции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/city/infrastructure/112451-gmii-100>. Дата обращения 19.03.2015.

Ревякин В.И. Музеи мира. М., 1993. 246 с.

Ревякин В.И. Художественные музеи. М., 1991. 128 с.

Степанская Т.М. Улочки под Змеиной горой // Алтайский благодатный край. М., 2007. С. 287–290.

Хрусталева М. Дом-музей: история и будущее музейной архитектуры // Музей. 2008. №6. С. 5–20.

Целищева М.А. Здания музеев как объекты культурного наследия Алтайского край // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2014. №18. С. 135–143.

Целищева М.А. Проблемы музейных зданий Алтайского края (объектов культурного наследия) в развитии культурно-познавательного туризма // Международный продовольственный форум «Сибирское поле: от освоения целины до продовольственной безопасности страны». Барнаул, 2014. С. 311–320.

А.А. Казаков

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

ОБ ОПЫТЕ РАБОТЫ БАРНАУЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ПО ОХРАНЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Охрана культурно-исторического наследия народов Российской Федерации является достаточно сложной задачей, успешное решение которой невозможно без комплексного подхода. Это и выявление памятников истории и культуры, их фиксация, описание, постановка на учет, заключение охранных обязательств, реставрационно-восстановительные работы, аварийное исследование разрушающихся объектов и еще целый ряд различных мероприятий, направленных на

сохранение объекта охраны. Каждому мероприятию можно посвятить отдельную работу, каждое является достаточно важным элементом системы охраны.

Однако никакая система работать не будет, если не будет людей, заинтересованных в деле охраны культурно-исторического наследия. Подобная заинтересованность формируется, как и любые другие элементы мотивационной сферы, методами педагогики и различными методами просветительской, пропагандистской работы.

Будучи глубоко убежденным в том, что основным инструментом охраны культурно-исторического наследия является правовая база, для повышения эффективности охранных мероприятий необходимо в этом заинтересовать прежде всего правоприменителей.

Для реализации выдвинутого положения сотрудниками Барнаульского юридического института МВД России, в стенах которого готовят правоприменителей, проведен комплекс учебно-воспитательных мероприятий, результаты которых изложены в настоящей работе.

В рамках комплекса мероприятий по сохранению культурно-исторического наследия народов Российской Федерации на кафедре истории и философии была организована работа проблемной группы научного кружка по сохранению культурно-исторического наследия.

На заседаниях проблемной группы обсуждались вопросы законодательства, регламентирующего деятельность по охране культурно-исторического наследия, структура органов государственной власти, отвечающая за охрану памятников истории и культуры, роль и место органов внутренних дел в этой структуре, нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность сотрудника полиции в сфере охраны памятников истории и культуры, алгоритмы действий сотрудников полиции при выявлении правонарушений и преступлений в отношении памятников истории и культуры.

Учитывая актуальность этой проблемы для Алтайского края, было принято решение с целью расширения и закрепления полученных знаний о проведении выездных полевых работ.

В настоящее время на территории Алтайского края известно 4506 объектов культурного наследия, из них 128 памятников истории и культуры федерального и 4378 краевого значения. В числе объектов культурного наследия – 1623 памятника истории, 629 памятников архитектуры, 2254 памятника археологии [Кубрина, 2014, с. 9].

Если памятники истории всегда на виду, и каждый случай разрушения предается огласке, то памятники археологии (их намного больше других) большинству неизвестны, так как человек, не обладающий специальной подготовкой, их не видит. Поэтому они наиболее интенсивно разрушаются под действием антропогенного фактора. Наибольший «вклад» в разрушение вносят сельское хозяйство, промышленно-дорожное строительство и «черные копатели».

Одним из таких памятников является курганный могильник Красный Яр, открытый советским археологом С.М. Сергеевым в 1930 г. и насчитывающий на момент открытия около 130 курганных насыпей, причем курганные насыпи были хорошо выражены на поверхности и очень четко фиксировались визуально [Сергеев, 1946, с. 289]. В 1998 г. мониторинг, проведенный сотрудником Алтайского государственного университета М.Т. Абдулганеевым, показал, что этот курганный могильник в настоящее время полностью распахан в процессе освоения целинных земель и применения тяжелой сельскохозяйственной техники. Курганных насыпей на площади могильника им уже не зафиксировано. Состояние памятника – аварийное [Абдулганеев, 2009, с. 372].

Несмотря на аварийность данного памятника и невозможности визуальной фиксации курганных насыпей, было принято решение с целью спасения (пока еще возможного) некоторых объектов данного курганного могильника провести на его площади спасательные работы.

В августе 2014 г. были организованы выездные полевые работы на этом могильнике. Работа проведена силами курсантов и профессорско-преподавательского состава института. Состав экспедиции формировался исключительно из добровольцев, которые использовали личное оборудование. Для организации питания каждый участник выездных работ вкладывал свои средства. Работы проводились в каникулярное и отпускное время. Таким образом экспедиция была полностью самофинансируемой.

В ходе полевых работ исследованы три захоронения, относящиеся к быстринской археологической культуре. Публикации археологического материала посвящена отдельная работа.

Кроме спасения объекта от дальнейшего разрушения, преследовалось еще несколько важных целей.

Цель первая – получения опыта и знаний, необходимых правоприменительно для дальнейшей деятельности по сохранению культурно-исторического наследия. Большая часть курсантов института обучается по профилю «участковый уполномоченный полиции». Современная реальность свидетельствует о том, что в сельской местности в самых разных районах Алтайского края участковый является единственным представителем государства на большой территории, т.е. там, где чаще всего происходят акты корыстного посягательства или вандализма по отношению к культурному наследию. В настоящее время далеко не каждый сотрудник полиции знает алгоритм своих возможных действий даже при встрече с «черными копателями». В связи с этим, уже в 2015 г. планируется определение круга заказной тематики для правоохранительных органов. В наших планах есть проведение на базе выездных экспедиций зональных сборов сотрудников полиции и муниципальных органов власти, которые в силу своих функциональных обязанностей в той или иной степени отвечают за сохранность памятников истории и культуры.

Цель вторая – воспитательная. Курсанты за время экспедиции не только пополнили свои знания необходимой информацией по обнаружению и охране памятников историко-культурного наследия, но спасли один из них. Это обстоятельство само по себе является примером проявления высокой степени гражданственности и патриотизма. В августовские дни 2014 г. молодые ребята и девушки совершили важное государственное дело, стали еще более сопричастны к судьбе своей страны.

Цель третья – курсанты, непосредственно участвуя в поисках артефактов далекого прошлого, своими руками извлекая тайны из земли, стали острее ощущать свою принадлежность к истории собственной страны. Наша работа удачно вписывается в совокупность большого круга мероприятий, проводимых в рамках патриотического воспитания.

Цель четвертая – сама экспедиция и ее результаты стали заметными событиями как в научной, так и в общественной жизни Алтайского края. Археологическая экспедиция привлекла внимание жителей Советского района. К раскопкам приезжали (а то и непосредственно участвовали) школьники, учителя школ, представители муниципальных органов власти, правоохранительных учреждений. Результаты экспедиции широко освещались в средствах массовой информации.

Цель пятая – совместный творческий труд, проживание в полевых условиях (палатка, спальники, отсутствие многих удобств городской цивилизации), романтика ночного костра, песни под гитару оставили неизгладимые воспоминания, положительные эмоции, значительно улучшили психологический микроклимат, укрепили дружбу, которая возможно пройдет сквозь года.

Цель шестая – курсанты получили навыки организации жизнедеятельности в полевых условиях, что пригодится им в последующей службе.

По окончании полевых работ с целью ознакомления сотрудников института и курсантов, которые не участвовали в выездном мероприятии, была организована экспозиция, на которой были представлены основные результаты деятельности экспедиции.

В открытии экспозиции приняли участие руководство института, представители Главного управления МВД России по Алтайскому краю, научно-производственного центра «Наследие», Научно-исследовательского института гуманитарных исследований Алтайского государственного университета, Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, Государственного художественного музея Алтайского края и другие гости.

Экспозицию посетили практически все сотрудники и курсанты института, а также воспитанники подшефного детского дома.

Кроме того, полученные знания и умения были реализованы в научно-исследовательской работе курсантов, которыми были подготовлены доклады на различные научные конференции, в частности на общегородскую конференцию «Молодежь – Барнаулу».

Проведенная работа вызвала живой интерес как среди сотрудников института, так и среди обучаемых. Уже сейчас нет отбоя от желающих работать в этом направлении. Хочется верить, что и в этом году будут организованы выездные работы, в результате которых будет спасен еще один аварийный объект культурно-исторического наследия.

В заключение хочется привести слова одного из участников экспедиции: «Мы вынесли из экспедиции кроме новых знаний, твердое убеждение в том, что одним из важнейших направлений деятельности сотрудников полиции является участие в охране историко-культурного наследия народов Российской Федерации. Основной нашей задачей является правоприменение. В дальнейшем наши усилия будут сосредоточены на разрешении проблем именно правоприменения – разработке алгоритмов действий как специалистов по охране памятников, так и различных категорий сотрудников правоохранительных органов, что очень востребовано в настоящее время.

Теперь мы уверены, что каждый, кто побывал в экспедиции и посетил нашу экспозицию, осознали важность этого опыта и после окончания института, выйдя на свои административные участки, никто мимо фактов нарушения законодательства в этой сфере не пройдет».

Библиографический список

Кубрина Г.А. Об итогах деятельности за 2006–2013 гг. и перспективных направлениях работы по сохранению историко-культурного наследия в Алтайском крае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. С. 7–18.

Сергеев С.М. О резных костяных украшениях конской узды из «скифского» кургана на Алтае // Советская археология. Т. VIII. М., 1946.

Абдулганеев М.Т. Археологические памятники советского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2009.

А.А. Казаков, С.А. Нохрин

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

ДЕЙСТВИЯ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И ПРЕСЕЧЕНИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Согласно преамбуле Федерального закона Российской Федерации от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ «Государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) является одной из приоритетных задач органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления».

В последние годы комплексный государственный подход по решению вопросов охраны напрямую связан с последовательным введением новелл в российское законодательство. За последние 20 лет издан ряд федеральных законов (Закон РФ от 14.01.1993 №4292-1; Федеральный закон РФ от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ), иных нормативных правовых актов (Постановление Правительства Российской Федерации от 10 февраля 2014 г. №127); внесен ряд дополнений и изменений в административное (ст. ст. 7.13, 7.14.1, 7.14.2, 7.15.1 КоАП РФ) и уголовное законодательство, (ст. ст. 243.1, 243.2, 243.3 УК РФ), создана Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия, находящаяся в ведении Министерства культуры РФ (Россвязьохранкультура).

Внушительный перечень законодательных новшеств напрямую связан с масштабностью посягательств, направленных на объекты культурного наследия. Небывалый расцвет «черной археологии», использование в преступной деятельности последних достижений науки и техники, использование ресурсов «Интернет» (сайты коллекционеров, кладоискателей) с целью организации сбыта запрещенных к свободному обороту вещей без соответствующих разрешительных документов, недостаточное внимание к проблеме со стороны правоохранительных структур причиняет национальному достоянию России непоправимый ущерб. Определены регионы, в которых наиболее распространены грабительские раскопки в целях наживы, в числе которых Южный, Поволжский, Центральный, Северокавказский, Уральский федеральные округа. Несмотря на то, что Алтайского края в этом скорбном списке нет, проблема от этого в нашем регионе не становится менее острой.

Несмотря на то, что существует достаточно проработанная нормативная база, правоохранительные структуры проблемами сохранения культурно-исторического наследия практически не занимаются. Работа по профилактике и пресечению преступлений и правонарушений в этой области не проводится. Известны лишь единичные случаи, когда правоохранители использовали свои полномочия для восстановления законности, да и те связаны с непосредственным обращением к ним специалистов в области охраны культурно-исторического наследия, к коим относятся и ученые, занимающиеся исследованием памятников истории и культуры. Авторам пока не известно ни одного случая, когда правоохранительные структуры самостоятельно выявили или пресекли незаконные действия, объектами посягательства которых являются памятники истории и культуры.

Подобное положение дел порождает уверенность в безнаказанности противоправных действий в этой области, что не способствует улучшению положения дел с охраной памятников, а напротив, стимулирует к расширению противоправных действий. Как уже было сказано, в интернете открыто торгуют предметами археологии, в газетах появляются

объявления о продаже раритетных вещей, находчики считают их своей собственностью и не торопятся передавать в государственные учреждения культуры, группы черных копателей с металлоискателями открыто разгуливают не только по территории старых поселений, но и по памятникам археологии. Достаточно редки, но все-таки встречаются и крайне прискорбные случаи, когда специалисты-археологи с металлоискателями целенаправленно занимаются поиском металлических артефактов на памятниках археологии, извлекая их из культурного слоя, что является прямым нарушением не только профессиональной этики, и закона.

Говоря о правоохранительной системе, следует заметить, что наиболее известной, востребованной и массовой является система органов внутренних дел. Участковые уполномоченным полиции занимают центральное место в этой системе. Поэтому именно на них и ложатся основные задачи по выявлению и пресечению правонарушений и преступлений, посягающих на объекты культурного наследия. Особенно это касается сельских поселений или труднодоступной местности, где они являются практически единственными представителями исполнительной власти, и где находятся пока не разрушенные в результате воздействия антропогенного фактора памятники археологии, каждый из которых является объектом охраны Федерального значения!

Составы административных правонарушений, посягающих на объекты культурного наследия РФ перечислены в главе 7 КоАП РФ «Административные правонарушения в области охраны собственности», а именно: ст. 7.13 «Нарушение требований сохранения, использования, и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, их территории либо несоблюдение ограничений, установленных в границах их зон охраны»; ст. 7.14 «Организация или проведение земляных, строительных или иных работ без разрешения государственного органа охраны культурного наследия»; ст. 7.14.1. «Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории культуры) народов Российской Федерации»; ст. 7.14.2 «Неисполнение обязанности по приостановлению работ в случае обнаружения объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, или работ, проведение которых может ухудшить состояние объекта культурного наследия либо нарушить его целостность»; ст. 7.15 «Ведение археологических разведок или раскопок без разрешения»; ст. 7.15.1 «Незаконный оборот археологических предметов»; ст. 7.16 «Незаконное изменение правового режима земельных участков, отнесенных к землям историко-культурного наследия»; ст. 7.33 «Уклонение от передачи обнаруженных в результате археологических полевых работ культурных ценностей на постоянное хранение в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации».

С учетом масштабности правонарушений, посягающих на объекты культурного наследия, в Кодекс об административных правонарушениях

РФ включены в качестве органов, наделенных правом рассматривать административные дела органы внутренних дел, органы, осуществляющие государственный контроль в области сохранения, использования, популяризации объектов культурного наследия и их государственную охрану (Россыязохранкультура) и судьи.

Несмотря на то, что перечисленные правонарушения не относятся к предметной компетенции участкового уполномоченного полиции, их деятельность может принести ощутимые положительные результаты. Зачастую им не хватает знаний, но этот пробел мы и призваны устранить.

Рассмотрим один из видов административного правонарушения, посягающего на объекты культурного наследия, а именно «Ведение археологических разведок или раскопок без разрешения» (ст. 7.15 КоАП РФ).

По прибытию на свой административный участок, участковому уполномоченному полиции следует обратиться в районный отдел культуры, где имеются сведения о памятниках истории и культуры на его участке, с указанием их местонахождения на картах.

При нахождении на участке обязательно обращать внимание на лиц, находящихся на этих территориях.

При выявлении лиц, занимающихся земляными работами на этих территориях или поисковой деятельности с применением различных технических средств немедленно пресекать эти действия и выяснять их законность (наличие открытого листа либо других документов, дающих право на подобную деятельность (геодезические, геолого-разведочные и т.п. работы).

При отсутствии подобных документов налицо деяние, содержащее признаки административного правонарушения. В этом случае необходимо применить меру обеспечения по делу об административном правонарушении, предусмотренную ст. 27.10 КоАП РФ «Изъятие вещей и документов», с целью принудительного лишения лица возможности пользоваться и распоряжаться вещами и предметами. Вещи и предметы изымаются, когда они обнаружены на месте совершения административного правонарушения, в ходе осуществления личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице, досмотре транспортного средства.

Изъятию подлежат вещи и предметы непосредственно связанные с совершением правонарушения, а именно:

- являющиеся орудиями совершения правонарушения (кирки, лопаты, ломы; специальные технические средства поиска и т. д.);
- являющиеся предметами административного правонарушения (монеты, пряжки, пуговицы, конская выпряжь, изделия из цветного металла, дерева, мрамора, кухонная утварь, иконы, фрески, книги, предметы народного быта и т.д.).

Об изъятии вещей и предметов составляется протокол либо делается соответствующая запись в протоколах о доставлении, административном задержании, административном правонарушении. При изъятии большого числа предметов составляется опись, в которой помимо количественных признаков, указываются отличительные признаки каждого изымаемого предмета, будь это целый предмет или его фрагмент. Изымаемые предметы предъявляются понятым, в целях обеспечения сохранности помещаются в упаковку, и скрепляются бирками с удостоверяющими надписями. Протокол подписывается должностным лицом, лицом, у которого изъяты вещи и понятыми. В случае отказа лица, у которого изъяты вещи, от подписи, об этом делается запись, скрепленная подписями понятых. Копия протокола под расписку вручается лицу, у которого было произведено изъятие.

Согласно п. 1 ч. 3 статьи 29.10 КоАП РФ в постановлении по делу об административном нарушении должны быть решены вопросы об изъятых вещах и документах. При этом вещи и документы, не изъятые из оборота, подлежат возвращению законному владельцу, а при неуставлении его передаются в собственность государства в соответствии с законодательством Российской Федерации. Иными словами археологические объекты, изъятые участковыми уполномоченными полиции как предметы по делам об административных правонарушениях, возвращаются государству.

Рассмотрение дел данной категории относится исключительно к подведомственности мировых судей.

Следует отметить, что судебная практика в рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 7.15 КоАП РФ неоднозначна, что связано с рядом причин, (особенностью расположения объектов культурного наследия, спорностью вопросов о принадлежности найденного имущества и т.д.). Наиболее распространенной является неправильное оформление предоставляемых в суд документов.

Так мировой судья судебного участка №1 Октябрьского района г. Саратова, 19.08.2013 рассмотрев материалы дела об административном правонарушении по части 1 статьи 7.15 КоАП РФ, в отношении гражданина К, который производил археологическую разведку при помощи металлоискателя и раскопку на территории охраняемого государством объекта без соответствующего разрешения на эту деятельность, производство по делу об административном правонарушении прекратил за отсутствием события административного правонарушения по п. 1 ч. 1 ст. 24 КоАП РФ **в связи с тем, что данных свидетельствующих о том, что вышеуказанная территория, отнесена к территории охраняемой государством, в материалах дела об административном правонарушении не имелось.**

При правильном оформлении материалов административного дела решения суда однозначны. Так мировой судья судебного участка

№1 Чистопольского района и города Чистополя Республики Татарстан, 14.07.2013 рассмотрел материалы дела об административном правонарушении по части 1 статьи 7.15 КоАП РФ в отношении гражданина Ф., который производил археологическую разведку, при помощи металлоискателя, и раскопки, на территории охраняемой государством археологического памятника «Малополянское городище», без соответствующего разрешения на эту деятельность. Гражданин Ф. в судебном заседании пояснил, что действительно 08 мая 2013 около 20 часов, он, находясь в 4-х км от села, ходил по пашне с металлоискателем, «поднимал железо», никакого памятника археологии в этом месте нет, поскольку «Малополянское городище» находится южнее, т.е. он был в 2,5 км от археологического памятника. Тем не менее, мировой судья квалифицировал действия гражданина Ф. по части 1 статьи 7. 15 КоАП РФ, как «ведение археологических разведок или раскопок без полученного в установленном порядке разрешения (открытого листа)», **поскольку границы археологического памятника не определены.**

Таким образом, для оптимизации деятельности в этом направлении необходимо унифицировать материалы административных дел, передаваемых на рассмотрение в суды, а это возможно только при разработке макета административного дела по этому виду правонарушения. Наличие подобного макета позволит избежать ошибок при оформлении дел, а, следовательно, повысит эффективность деятельности участкового уполномоченного полиции, когда его усилия обернутся положительным результатом в судебном разбирательстве. Наличие precedентов на конкретной территории (даже на территории Алтайского края) значительно сократит количество желающих заниматься этим видом деятельности, что положительно скажется на сохранности памятников истории и культуры.

Разработкой подобного макета административного дела сотрудниками института займется в ближайшее время и через год – два все участковые уполномоченные полиции не только Алтайского края, но и всей России, будут иметь мощный инструмент для привлечения к законной ответственности «черных археологов», которые в настоящее время чувствуют свою безнаказанность.

При проведении полевых работ специалистами-археологами на административном участке участковому уполномоченному полиции в качестве первоначальных профилактических мер следует рекомендовать по прибытии в район полевых работ в обязательном порядке провести рабочую встречу с руководителем (членами) археологической экспедиции. Помимо ознакомительного характера, рабочая беседа должна носить четко выраженную цель по определению действенного и эффективного взаимодействия, направленного на предупреждение преступных посягательств не только на объекту культурно-исторического наследия, но и на личные вещи, жизнь и здоровье

членов археологической экспедиции. В ходе рабочей встречи изучается следующая информация:

1. Законность пребывания, а именно: наличие разрешения (открытого листа) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия, выданного Министерством культуры РФ. К сожалению, бюрократическая волокита иногда приводит к ситуациям, когда при выданном открытом листе его нет на руках у руководителя экспедиции, а имеется лишь копия, распечатанная с сайта «Рос-связьсохранкультуры». В этом случае необходимо установить личность руководителя экспедиции и проверить наличие открытого листа на его имя и на конкретный памятник или район проведения работ на официальном сайте.

2. Правовой статус лиц проводящих указанные работы (граждане, должностные лица, юридические лица).

3. Территория (маршрут) проведения работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия.

4. Сроки проведения предстоящих работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия.

5. Количество задействованных участников экспедиции (группы).

6. Количество привлеченных подсобных рабочих для проведения полевых работ из числа местного населения.

В дальнейшей деятельности участкового уполномоченного полиции целесообразно проверить полученные персональные данные по всем видам криминалистических учетов (картотеки, АИПС и т.д.).

7. Наличие специальных технических средств поиска, позволяющих определить наличие археологических предметов в месте залегания.

8. Наличие транспорта.

9. Наличие средств радио-, видео- и проводной связи (уточняются основная и запасная частоты, периодичность времени для выхода в эфир и т.д.).

10. Наличие средств фото- и киносъемки, видеозаписи.

11. Наличие аварийно-спасательных средств.

12. Наличие у членов экспедиции (группы) гражданского и наградного оружия, патронов к нему и соответствующих документов (разрешений, лицензий).

13. Количество ценных личных (номерных) вещей принадлежащих членам экспедиции (группы).

Вышеперечисленные сведения заносятся в рабочую тетрадь участкового уполномоченного полиции либо в паспорт на административный участок. Обобщенный рапорт о проделанной работе передается начальнику территориального органа МВД России.

В свою очередь, участковый уполномоченный полиции доводит до руководителя и членов археологической экспедиции информацию об особенностях административного участка: место нахождения ближай-

шего территориального органа МВД России, государственных и муниципальных органов, общественных объединений правоохранительной направленности, больниц, фельдшерско-акушерских пунктов, рынков, учреждений ФСИН, воинских частях и другую значимую для района пребывания информацию.

В ходе рабочей встречи участковый уполномоченный полиции в обязательном порядке вручает присутствующим визитные карточки (с указанием должности, звания, Ф.И.О., места расположения участкового пункта полиции, дней и часов приема граждан, контактные телефоны, включая телефон участкового пункта полиции). В целях предупреждения преступлений и административных правонарушений разъясняет меры предосторожности, направленные на обеспечение личной и имущественной безопасности; кратко доводит информацию о количестве лиц, страдающих психическими расстройствами, больных алкоголизмом или наркоманией и представляющими опасность для окружающих, о количестве лиц, в отношении которых установлен административный надзор, проживающих вблизи территории, на которой предполагается проведение работ.

В качестве превентивных мер участковым уполномоченным полиции в ходе профилактического обхода административного участка следует разъяснить владельцам торговых точек применение возможных санкций за совершение сделок с археологическими предметами в нарушение требований, установленных законодательством Российской Федерации.

На протяжении всего периода полевых работ участковый уполномоченный полиции осуществляет индивидуальную профилактическую работу на административном участке, которая включает в себя:

- проведение профилактических бесед с лицами, состоящими на профилактическом учете;
- наблюдение за поведением лиц, состоящих на профилактическом учете, их образом жизни, кругом общения;
- опрос родственников лиц, состоящих на профилактическом учете, их соседей и других лиц;
- применение мер административного принуждения к лицам, состоящим на профилактических учетах в соответствии с законодательством Российской Федерации.

При получении сведений о совершении противоправных деяний, сообщив о них в дежурную часть территориального органа МВД России, участковый уполномоченный полиции обязан незамедлительно прибывать на место совершения преступления, административного правонарушения, место происшествия, пресекать противоправные деяния, устранять угрозы безопасности граждан и общественной безопасности, документировать в пределах компетенции обстоятельства совершения преступления, административного правонарушения, обстоятельства происшествия, обеспечивать сохранность следов административного правонарушения, происшествия, а до прибытия на

место происшествия следственно-оперативной группы – сохранность следов преступления (п. 37.5 Наставления по организации деятельности участковых уполномоченных полиции). В случае невозможности прибытия на место происшествия следственно-оперативной группы, участковый уполномоченный полиции самостоятельно проводит неотложные следственные действия в целях обнаружения и фиксации следов преступления, в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством РФ.

Участковому уполномоченному полиции следует знать, что с началом исследований руководитель экспедиции формирует научный отчет, который является основным документом о результатах проведения археологических полевых работ в соответствии с выданным разрешением (открытым листом). В нем отражаются полные данные в текстовом, графическом, фотографическом и иных видах, о выявленных и (или) об исследованных объектах археологического наследия и археологических предметах.

В течение трех лет со дня окончания срока действия разрешения научный отчет подлежит передаче на хранение в Архивный фонд Российской академии наук как составную часть Архивного фонда Российской Федерации, а археологические находки – в Музейный фонд РФ. Именно поэтому, преступные посягательства, совершенные в отношении объектов археологического наследия, найденных экспедицией в местах залегания, следует расценивать как посягательства совершенные в отношении государственной собственности.

Первоначальные данные о найденных археологических предметах крайне противоречивы, так как требуют длительной временной экспертной оценки (определение ценности найденных вещей, принадлежность к определенной исторической эпохе и т.д.), тем не менее, детальное описание (изображение) найденных предметов позволит участковому уполномоченному полиции своевременно спланировать оперативно-розыскные мероприятия по розыску похищенного имущества.

О приметах похищенного (наименование, характерные приметы, количество) и обстоятельствах, совершения преступления участковый уполномоченный полиции незамедлительно ориентирует дежурную часть территориального ОВД. В ходе проведения инструктажей доводит оперативную информацию сотрудникам строевых подразделений: патрульно-постовой службы полиции, вневедомственной охраны, дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения, сотрудникам подразделений, уполномоченным осуществлять оперативно-розыскную деятельность, сотрудникам полиции линейных управлений, отделов МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте.

В обязательном порядке информация о похищенных предметах должна быть доведена до сведения внештатных сотрудников полиции,

народных дружинников, членов общественных объединений правоохранительной направленности.

Надеемся, что данная публикация будет полезна не только, и даже не столько специалистам в области охраны памятников истории и культуры (хотя этот сборник стоит возить с собой для ознакомления с содержанием данной статьи участковых уполномоченных полиции на месте проведения полевых работ), сколько сотрудникам органов внутренних дел, поэтому данная работа, наряду с изданием, читательским адресом которого являются специалисты в области охраны памятников истории и культуры, будет опубликована и в ведомственном издании для доведения ее основных положений до сотрудников органов внутренних дел.

Библиографический список

- Кодекс об административных правонарушениях РФ.
Наставление по организации деятельности участковых уполномоченных полиции.
Федеральный Закон Российской Федерации от 25.06. 2002 №73-ФЗ.

А.В. Кротов¹, В.А. Мелёхин², А.В. Бусленко¹

¹Алтайский государственный университет;

²Алтайский государственный технический университет, Барнаул, Россия

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Наверное, не будет большим преувеличением, если мы будем утверждать, что «культура» – это один из самых многозначных терминов в науке и повседневной речи. Как в русском, так и иностранных языках под «культурой» понимается огромное количество значений и смыслов. В нашем контексте будет правильно отметить две сформировавшиеся основные концепции анализа проблем культуры:

как творческой деятельности в работах Э.А. Баллера [1970, 1987], В.М. Межуева [2006, 2011] и др.

как «технология» деятельности в работах В.Е. Давидовича [1979] и Э.С. Маркаряна [1983].

Исходя из предметного понимания названной статьи, будем исходить из позиции авторов первого видения осмысления проблем культуротворчества, поскольку речь идет о внутреннем духовном процессе. Именно в пункте интериоризации творческого процесса видится поле взаимодействия «чисто» культурологического и «чисто» социологического взглядов на творчество в области культурного наследия общества.

Категория «культурное наследие» – обозначение всего совокупного достояния конкретного общества (или всего человечества), то есть другими словами – это средства накопления и хранения прошлого опыта.

В этом же контексте можно рассматривать естественную память индивидов и коллективную память. Очень важен язык как средство коллективной памяти. Стоит подчеркнуть и особую роль речи текста, письменности, книгопечатания, искусства в сохранении прошлого опыта.

Аналогичным образом происходит организация хранения культурного опыта в религиозном обществе. В этом случае догматизацию нужно рассматривать как средство упорядочивания и защиты комплекса сакральных смыслов и знаний. О функциональном разделении способов хранения элементов культуры в светской культуре и функциональном противоречии между выработкой инноваций и сохранением накопленного достояния правильно отмечал Б.С. Ерасов [2000, с. 196].

Социологическое видение духовных процессов в области культуры проявилось в возникновении и оформлении феноменологической социологии. Суть феноменологического подхода состоит в том, что это направление социологии рассматривает общество как явление, созданное и постоянно воссоздаваемое в духовном взаимодействии индивидов. Это видно в работах Э. Гуссерля [1999], М. Шеллера [1988, 1996] и М. Мерло-Понти [1992].

Основной задачей феноменологической социологии признается анализ и описание повседневной жизни – жизненного мира и связанных с ним состояний сознания. «Жизненный мир» – это понятие, используемого феноменологами для обозначения мира повседневности в том виде, в каком он представляется обычно социальным индивидам. Жизненный мир феноменологической традиции является главным объектом социологического исследования. Главная характеристика этого мира заключается в том, что он не проблематичен и воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Вследствие этого жизненный мир выступает как мир, противоположный миру ученых, в том числе социологов, в рамках которого естественные объекты и социальные взаимодействия не воспринимаются как данность. Следовательно, социологи должны показывать, каким образом жизненный мир конструируется [Иванов, 2006, с. 58].

Социальная структура с точки зрения феноменологической социологии представляет собой всю сумму типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия. Таким образом, общество конструируется в результате взаимодействия в повседневной жизни. Однако, сконструированный социальный порядок в силу естественной установки сознания воспринимается индивидами как объективная реальность – система норм и правил, которые необходимо усвоить и которым необходимо следовать. Эту двойственность общества, представляющую собой одновременно и «субъективные смыслы», и «объективную фактичность», П. Бергер и Т. Лукман [1995, с. 59] в совместной работе «Социальное конструирование реальности», написанной ими в 1966 г., представили как особенность социальной реальности, для которой характерны три момента:

1. Общественно-человеческий продукт.
2. Общество – объективная реальность.
3. Человек – социальный продукт.

Социологический взгляд на жизненную повседневность не входит в противоречие с пониманием культурного наследия как явления духовного творчества, которое будучи его продуктом, с позиции социокультурного анализа, совпадает в том смысле, что когда пишутся данные строки, настоящее моментально становится прошлым: возникает тема культуры и времени.

Культура и общества находятся друг с другом в отношении не абстрактном, а конкретного тождества, предполагающего не только совпадения, но и различия, которое не может рассматриваться как такое жесткое разделение культурного и общественного, когда между ними воздвигается преграда.

Социология в ее феноменологической интерпретации исходит из того, что соотносимость общества и культуры в культуросоциологическом варианте анализа понимает культуру, культурное наследие как творческий процесс.

При этом, подчеркивая специфику социологии культуры в сравнении с философией культуры, культурологией, культуроантропологией и др., следует понимать, что речь идет о «строении и функционировании культуры в связи с социальными структурами и институтами применительно к конкретно-историческим ситуациям» [Ионин, 1998, с. 16], когда конкретно-историческая тематика предполагает феноменологию анализа культуры и «социального времени». Названная категория социологии культуры требует уточнения.

Социологическое измерение культурного наследия – время, которое в культуре протекает (структурируется, накапливается или забывается). Организуя во времени протекания событий, сохраняя их в памяти общества, культурное наследие обеспечивает как поддержание информации, необходимой для выживания и развития общества, так и передачи ее во времени на длительные отрезки. Речь может идти как о содержательных элементах духовной жизни общества (обычаи, нормы, ценности, смыслы, знания), так и о структурных компонентах духовной жизни: мифология, религия, идеология, художественная культура, наука.

Время в социологическом измерении социальной структур, слоев и классов общества, характеризующих динамику изменения культуры, вносит важные коррективы в формирование и становления культурного наследия социума. Оно претерпевает неизбежные изменения, сохраняя присущую ей традиционную структуру и содержание.

Время может измеряться по-разному: по естественным или искусственным циклам, иметь линейную длительность, но во всех случаях культурное наследие обеспечивает сохранение необходимого прошлого и определенное проникновение в будущее.

Библиографический список

- Баллер Э.А. Социальный прогресс и культурное наследие. М., 1987. 158 с.
- Баллер Э.Я., Злобин Н.С. Культура, творчество, человек. М., 1970. 272 с.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
- Гуссерль Э. Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999. 336 с.
- Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. Ростов н/Д., 1979. 263 с.
- Ерасов Б.С. Социальная культурология: учебник для студентов высших учебных заведений. М., 2000. 591 с.
- Иванов Д.В. Социология: Теория и история. СПб., 2006.
- Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1998.
- Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. М., 1983. 284 с.
- Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М., 2006. 408 с.
- Межуев В.М. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. СПб., 2011. 440 с.
- Мерло-Понти М. Око и дух. М., 1992.
- Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 31–95.
- Шелер М. Формы знания и общество // Социологический журнал. 1996. №1/2. С. 135–143.

Е.Н. Курсакова

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

П.В. ХАВСКИЙ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В одной из своих работ ученый-археолог Б.Б. Пиотровский [1976, с. 93] высказал очень важную мысль: «Характерной чертой истории культуры является обязательное использование и переработка культурного наследия прошлых эпох, ибо главнейшим условием развития общества необходимо признать непрерывность передачи опыта и знаний от одного поколения к другому».

Так иногда случалось в российской истории, что важнейший вклад в сохранение историко-культурного наследия своего отечества вносили не профессиональные историки, а дилетанты-любители, люди неумоимо деятельные, необычайно разносторонних дарований. К числу подобных личностей в XIX в. относился Петр Васильевич Хавский – юрист, высокопоставленный чиновник, увлеченный исследователь истории, генеалогии, хронологии. Совмещая в одном лице юриста, архивиста, источниковеда и историка, он был человеком, который многие часы, дни и годы потратил на разбор архивных фондов, описание и изучение документов. А ведь

именно документальные памятники играют основную роль в общем процессе сохранения и передачи историко-культурного наследия. Поле деятельности для П.В. Хавского являлись фонды старинных архивов Министерства юстиции, Министерства иностранных дел, Московской дворцовой канторы, Сенатского архива, Патриаршей библиотеки и библиотеки Московской синодальной типографии. Большой опыт работы в архивах позволил П.В. Хавскому сделать вывод о том, что многие архивы недоступны ученому свету из-за плохого их описания: «Сколько неудобств испытали историки от неимения единства в указаниях на книги, от непринятия признака общего простого, каков есть номер?» [Хавский, 1839, с. 10]. Поэтому он предложил свою систему описания, аналогичную той, которая и в настоящие дни существует в архивах, т.е. с обязательным указанием места хранения, номера книги и страницы: «Пока это общее правило не будет сохранено в библиотеках и архивах, история наша пойдет медленно» [Хавский, 1839, с. 11].

Как юрист, долгие годы проработавший в различных законодательских комиссиях и настаивавший на необходимости изучения истории законодательства, он при содействии Комиссии составления законов предпринял обширное издание «Собрание российских законов», состоящее из тринадцати томов. Кроме того, П.В. Хавский принимал непосредственное участие в работе комиссии М.М. Сперанского по изданию 45-ти томов первого «Полного Собрания Законов Российской Империи». Также при его участии были изданы и другие многочисленные тома систематических собраний различных указов.

Изучая архивный материал по поручению министра юстиции в целях упорядочивания указов российских государей или Археографической комиссии по составлению свода русских летописей, П.В. Хавский встречал источники, которые наталкивали его и на другие темы. Появлялся импульс к написанию специальных статей, книг. Так, с 1835 г. П.В. Хавский по распоряжению министра юстиции работал над описанием Вотчинного и Разрядного архивов в Москве. А уже в 1839 г. им были изданы две книги: «Указатель дорог от Кремля Московского к заставам и к границам Московского уезда» и «Указатель источников истории и географии Москвы». П.В. Хавский следующим образом объяснил причину своего обращения к такому типу исследований, как указатели: «Есть много источников истории Москвы, рассеянных по летописям, журналам и путеводителям, но они не собраны и не приведены в порядок общий» [Хавский, 1852, с. 3]. Все исторические факты, изложенные в «Указателе дорог от Кремля Московского к заставам и к границам Московского уезда», П.В. Хавский, по его словам, почерпнул из собрания государственных грамот и договоров, из актов, хранящихся в московских архивах: Сенатском, Государственном, Вотчинном, Межевом писцовом и чертежном.

В первых строчках его книги «Указатель источников истории и географии Москвы» мы читаем: «Этим новым указанием, по возможности

полным, любители древностей познакомились с материалами, сохраняемыми в Московских государственных архивах» [Хавский, 1839, с. 11]. Заслуга П.В. Хавского как раз и заключается в том, что он воспользовался этими материалами, разобрал их по предметам и издал в системе.

Большинство перечисленных в книге исторических фактов рассказывает о Москве, как о столице Российского государства, где происходили главные для страны события: рождение членов царской семьи, присоединение к Московскому государству княжеств, прием послов, защита Москвы от татар, заложение и строительство храмов и т.д. Книга особенно интересна и содержательна тем, что в ней отмечено множество бытовых подробностей, теперь забытых не только историками, но и знатоками Москвы.

Оба «Указателя» носят не только справочный, но и познавательный характер. Много внимания П.В. Хавский уделял выяснению имен и географических названий, встречающихся в актах. Историки могут узнать из книги П.В. Хавского названия 82 старинных волостей и станов, окружавших Московский уезд. В конце книги помещен ценный «Азбучный список предметов, обозначенных в указателе дорог».

К юбилею Москвы в 1847 г. вышел обзор источников под названием «Семисотлетие Москвы 1147 – 1847, или Указатель источников, ее топографии и истории за семь веков». Свой труд П.В. Хавский посвятил Московскому обществу истории и древностей российских при Московском университете.

Исследовательская тематика П.В. Хавского не ограничивалась изучением истории любимого города. Он внес определенный вклад и в изучение генеалогии родословных великих московских князей. В 1-й половине XIX в., во многом благодаря введению в научный оборот такими историками-любителями, как П.В. Хавский генеалогических источников, появилась возможность создания базы для развития генеалогии как отрасли исторического знания.

Изучению генеалогии русских князей посвящена книга П.В. Хавского «Московский Архангельский собор, или историческое исследование о родословиях святого мученика князя Черниговского Михаила и российских великих князей, опочивающих в Московском Архангельском соборе». Главной задачей автора было составление родословия русских князей и определение места, которое занимает в нем князь Михаил Черниговский. Большое научное значение имеют изыскания П.В. Хавского по генеалогии рода Романовых, основанные на анализе всей имеющейся к тому времени исторической литературы. Автор описал в своем сочинении все надписи на гробах, памятниках и стенах Архангельского собора. Кроме того, к книге дано приложение: выписка об Архангельском соборе из сочинения Александра Ратшина «Полное собрание исторических сведений»; список архиереев собора, взятый П.В. Хавским из «Истории Российской Иерархии» Евгения Болховитина, роспись царским панихидам, «Житие святых великого князя Михаила Черниговского и бояри-

на Федорова», «Житие святого царевича и великого князя Димитрия» из «Опыта исторического словаря», изданного в 1784 г.

В формировании генеалогии (как вспомогательной исторической дисциплины) чрезвычайно важной является разработка методики составления родословных росписей и таблиц, необходимых для наглядного изображения материала, или такой его систематизации, которая дает возможность легко проследить за родственными связями, что весьма сложно делать при описательном характере генеалогического труда. Характер составления таблиц и росписей неразрывно связан с понятиями разновидностей родства. К началу XIX в. в России не было ни того, ни другого. Правда уже в указе Петра I от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования имущества» употреблялись термины «восходящей» и «нисходящей» линий родства, но сколько-нибудь четкого их определения не было. Без методических разработок генеалогия представляла собой только набор тех или иных родословных сведений.

Впервые эти вопросы были изложены П.В. Хавским в 1817 г. в труде «О наследстве». В главе о родственном наследстве П.В. Хавский дал понятия основных видов родства и раскрыл формы графического изображения родословных с 40 образцами родословных. Правила новых форм родословных книг, представленные П.В. Хавским, были приняты за основу при издании первых редакций десятого тома «Свода российских законов» и десятого тома «Законов гражданских», изданных в 1857 г.

В более поздней работе о роде Романовых П.В. Хавский [1863, с. 12] подчеркивал необходимость такой формы родословной, в которую входили бы и «параллельные линии по степеням рождений». Этот факт заслуживает внимания потому, что позднейшие генеалоги ограничивались, как правило, лишь прямым родством, обедняя возможность пользования такими родословными. Кроме того, ценность данной работы заключается еще и в том, что автор в конце книги поместил указатель о порядке княжений и царствований российских государей. Данные для этого указателя П.В. Хавский заимствовал из летописи М. Ломоносова, «Киевской исторической табели» и многих других книг.

Итогом многолетней деятельности П.В. Хавского по изучению генеалогии русских князей и рода Романовых, стала его книга «Предки и потомство рода Романовых. Великие князья. Цари. Императоры», изданная в 1865 г.

Таким образом, деятельность П.В. Хавского представляет собой яркий пример личности, в которой гармонично сочетались юрист и историк. Как профессиональному юристу, занимавшемуся кодификацией законодательного материала, ему просто было необходимо изучать историческую эпоху каждого правового документа. Сначала исторические знания являлись дополнительным элементом к его юридической деятельности. Но постепенно увлечение историей у П.В. Хавского становилось все большим, определялся интерес к более узким областям исторического знания. Осо-

бенно этому способствовала его работа по разбору архивных фондов и описанию документов, связанная с его служебной деятельностью. В конце концов, страсть к истории заполнила всю жизнь П.В. Хавского.

П.В. Хавский был одним из тех исследователей, деятельность которых является связующим звеном между прошлым и настоящим. Работая долгие годы в архивах, он совмещал в одном лице архивиста, источниковеда и историка, т.е. выполнял черновую работу, выявляя и систематизируя материалы, и изучал их. Его труды, основанные на многочисленных архивных документах, на опубликованной к тому времени исторической литературе, на разнообразных источниках, являются ценнейшим источником в общем процессе сохранения и передачи культурного наследия от одного поколения к другому. Занимаясь составлением описаний документальных собраний, извлекая на свет новые или уже забытые источники, он подводил твердую основу под изучение прошлого. В этом заключается одна из его основных заслуг.

Библиографический список

Пиотровский Б.Б. Значение культурного наследия для развития культуры и формы его сохранения // Новая и новейшая история. 1976. №1. С. 93–100.

Хавский П.В. Генеалогические исследования родословной росписи рода Романовых. М., 1863.

Хавский П.В. Об источниках истории Москвы и императорского Московского университета. М., 1852.

Хавский П.В. Указатель источников истории и географии Москвы с древним ее уездом, расположенный в Хронологическом порядке, по княжениям и царствованиям российских государей, со включением царствования государя императора Николая Павловича. М., 1839.

Хавский П.В. Семисотлетие Москвы 1147–1847, или Указатель источников, ее топографии и истории за семь веков. М., 1847.

Хавский П.В. Указатель дорог от Кремля Московского к заставам и к границам Московского уезда. М., 1839.

С.С. Матренин, Д.П. Панфилов

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА БОРЬБЫ С «ЧЕРНОЙ АРХЕОЛОГИЕЙ» В РОССИИ

Под термином «черная археология» в настоящий момент понимается вид противоправной деятельности физических лиц, связанный с незаконными раскопками древних поселений и могильников, а также вынимание археологического материала со дна естественных водоемов с целью добычи древних артефактов для продажи, коллекционирования и других не научных задач. В современной России данное явление стало приобретать значительные масштабы с конца 1990-х гг. и обнаруживает

тенденцию прогрессивного роста, несмотря на качественное изменение законодательства в области охраны объектов историко-культурного наследия (ИКН). Преобладающая масса незаконных раскопок проводится в Европейской части нашей страны. Однако в начале XXI в. в географию «черной археологии» попадает Сибирь и, в частности, Алтайский край с его многочисленными археологическими объектами.

Рост грабительской «археологии» в современной России обусловлен тремя взаимообусловленными факторами. Во-первых, – это становление в стране антикварного рынка, являющегося частью рыночной экономики. Во-вторых, – возможность свободной покупки и использования металлодетекторов. Третьим фактором, подпитывающим деятельность «черных копателей», стал рост заинтересованности общества стариной, желание определенных социальных групп «приобщиться к прошлому» [Материалы круглого стола..., 2002]. Условия для успешного существования незаконного «псевдоархеологического» бизнеса создает доступность специальной археологической литературы (справочников, журналов, сводов), хорошего картографического материала. Немаловажным фактором развития «черной археологии» является неоднозначность толкования понятия «археологическая находка» в действующем российском законодательстве, в частности в гражданском кодексе [Зубенко, 2012, с. 10–26], а также редкость в отечественной юридической практике прецедентов пресечения незаконных деяний, связанных с изъятием археологических предметов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой.

Обзор отечественных интернет-ресурсов дает основания утверждать, что на сегодняшний день действительно существует хорошо организованная криминальная система добычи археологических предметов с последующим их сбытом российским и зарубежным коллекционерам для пополнения частных коллекций. Эта деятельность не имеет никакого права называться археологией, хотя не исключается участие в ней и отдельных археологов-профессионалов в качестве консультантов прежде всего по соображениям материальной выгоды. Знакомство с сайтами «черных археологов» показывает, что грабительская «археология» стремится к легализации и борется за общественное признание. Так, отдельные ресурсы представляют деятельность нелегалов как спасение отечественных древностей от слабой и инертной «академической» археологии, не способной выполнить возложенные на нее обязанности. Большой проблемой является возродившийся в последние годы романтизм кладоискательства, стремление «любителей истории» прикоснуться к прошлому. Стоит признать, что рост «черной археологии» в России обусловлен отсутствием у большинства современных граждан адекватного представления о различиях раскопок ученых – археологов и «черных» копателей, а также знаний о том, что такое сам археологический памятник.

С точки зрения законодательства в Российской Федерации существуют все формальные основания для пресечения деятельности «черных

археологов». Федеральный закон ФЗ №73 от 25.06.2002 г. в статье 49 однозначно трактует что «...объект археологического наследия и земельный участок, в пределах которых он располагается, находятся в гражданском обороте раздельно» и «...объекты археологического наследия находятся в государственной собственности» [Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» ФЗ №73, 2002]. Несанкционированные археологические раскопки и разведки являются административным правонарушением (ст. 7.15 КоАП РФ) [Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N195-ФЗ, 2002]. Разрушение и уничтожение археологического памятника является уголовным преступлением (ст. 164, 243 УК РФ) [Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ, 1997]. В 2015 г. в силу вступает норма (ст. 243.3 УК РФ), предусматривающая уголовную ответственность за уклонение специального субъекта (исполнитель земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ либо законных археологических работ) от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую ценность, или культурных ценностей в крупном размере. Реальная ситуация с защитой памятников археологии от «черных» копателей выглядит намного сложнее.

Для эффективного противодействия «черным археологам», на наш взгляд, требуется комплекс целенаправленных мероприятий, предполагающих реализацию конкретных действий всех субъектов, занимающихся охраной историко-культурного наследия (администрация районов и муниципальных образований, учреждения, связанные с охраной объектов историко-культурного наследия, организации, занимающиеся проведением полевых археологических работ, районные отделы внутренних дел).

Во-первых, установка информационных табличек на особо ценных памятниках археологии с предупреждением о запрете производства на их территории любых видов земляных работ. Практика показывает, что отсутствие на памятниках археологии информационных щитов является препятствием для того, чтобы довести до суда даже те случаи, когда грабители пойманы на памятниках археологии с поличным. Для признания их вины сложно доказать умысел. Установка таких знаков становится реально необходимым инструментом защиты памятников – иначе невозможно доказать, что грабитель знал, что копает на памятнике [Материалы круглого стола..., 2002]. Данная мера позволит оптимизировать организацию контроля за территориями, на которых расположены археологические памятники, районными органами внутренних дел, а также даст конкретные юридические основания для привлечения лиц, занимающихся «черным копом» к административной и уголовной ответственности.

Во-вторых, ускорение процесса постановки археологических памятников на государственную охрану. Общеизвестно, что компетенция органов, уполномоченных в сфере охраны археологического наследия,

распространяется как на выявленные, так и неизвестные, и не поставленные на государственный учет памятники археологии. Однако памятники археологии, временно не поставленные на государственный учет (данный процесс занимает определенное время, а при наличии большого количества новых объектов может быть растянутым во времени), юридически не существуют. Данное обстоятельство кладоискатели используют для оправдания своих действий в случае задержания представителями государственных служб. В обязательном порядке на государственную охрану должны быть поставлены сельские поселения XVIII–XIX вв. На них должны распространяться ограничения и запреты на проведение поисковых работ, аналогичные тем, что предусмотрены для объектов, древность которых превышает 300 лет.

В-третьих, продолжить на законодательном уровне ужесточения в области продажи и использования металлодетекторов частными лицами с учетом положительного опыта ряда стран Западной Европы. Так, например, в Австрии использование металлоискателя возможно только после официального разрешения Министерства охраны памятников старины. Частным лицам обычно это разрешение не выдают. Данная процедура должна идти параллельно с лицензированием поисковой деятельности в конкретном субъекте Российской Федерации.

В-четвертых, поставить под контроль рынок древностей. Специалисты-археологи справедливо высказывают мысль о законодательном запрете оборота древних вещей, возраст которых превышает 300–400 лет [Материалы круглого стола..., 2002, с. 7].

В-пятых, вести борьбу с пропагандой не законного кладоискательства и циничного взгляда на «черных копателей» как «благородных любителей древностей», помогающих археологам спасать от разрушения памятники и изучать историю. Необходимо внятно и открыто объявлять обществу, что происходит сегодня с археологическим наследием, стремиться к распространению правильных знаний через средства массовой информации и интернет-ресурсы. Так, отдельные ресурсы представляют деятельность нелегалов как спасение отечественных древностей от слабой и инертной «академической» археологии, не способной выполнить возложенные на нее обязанности. Организация и осуществление просветительской работы в сфере сохранения объектов археологического наследия должна быть возложена на администрацию районов и муниципальных образований, субъектов РФ, учреждениями, занимающимися охраной памятников историко-культурного наследия, с привлечением сотрудников органов внутренних дел. Благодаря совместным усилиям можно будет возродить практику общественного контроля над культурным наследием. Перспективным мероприятием является популяризация археологического наследия в рамках познавательного и этнического туризма. Это позволит включить археологические объекты в экскурсионные и образовательные маршруты с целью постоянного мониторинга.

В-шестых, следует проводить большую работу по информированию сельского населения с целью формирования у граждан осознанной необходимости защиты культурного наследия. В рамках данного аспекта эффективным средством может стать проведение лекций, агитаций, издание памяток, плакатов, листовок, в которых в доступной форме будут объясняться признаки официальных и незаконных раскопок, а также действия при обнаружении грабительских «раскопок».

Признаки официальных и несанкционированных раскопок
(составлено по листовке общества охраны памятников археологии
«Дружина» в Удмуртской Республике [Кириллов, 2011])

Официальные раскопки	Грабительские раскопки
– наличие разрешения (Открытого листа); – ровные раскопы, ориентированные по сторонам света и размеченные на правильные квадраты или одинаковые участки; – использование металлодетектора лишь на отвалах и при обследовании памятника без выборки предметов; – фиксация и упаковка всех предметов из земли; – предоставление информации об организаторе экспедиции, целях, проведение по раскопу обзорной экскурсии; – использование фото-, видео-аппаратуры, геодезических приборов, измерительной рейки, ведение чертежей; – наличие экспедиционного лагеря	– отсутствие разрешительной документации; – беспорядочная закладка шурфов и раскопок; – бессистемное перекапывание участков земли; – активное использование металлодетекторов на площадях и выемка металлических предметов; – выбрасывание малоценных предметов, осколков керамики, костей; – нежелание идти на контакт, уклончивые ответы о целях раскопок и организаторе экспедиции; – отсутствие измерительной и фиксирующей аппаратуры; – отсутствие организованного лагеря

Просветительская работа с местным населением должна включать в себя следующие направления [Кириллов, 2011]:

1. Самоидентификация жителей с древностями, расположенными на территории их проживания.
2. Привитие устойчивого восприятия их как наследия, оставленного предками.
3. Информирование людей о размещении археологических объектов и юридической ответственности за их разрушение.

Особое внимание должно быть уделено таким категориям людей, как лесники, представители экологических служб, охотники, рыболовы, то есть тем, кому в силу своих служебных обязанностей или хобби часто приходится бывать в лесу, на берегах рек, где чаще всего располагаются археологические памятники.

В-седьмых, совершенствование деятельности правоохранительных органов, прежде всего в районных отделах полиции, в сфере охра-

ны объектов историко-культурного наследия. Работа районных органов внутренних дел должна включать следующие направления:

- проведение профилактических мероприятий с населением в населенных пунктах, расположенных поблизости от уязвимых памятников археологии;

- контроль за деятельностью лиц, использующих металлодетекторы, установление их личностей, проверка на предмет законной деятельности, составление базы данных кладоискателей как лиц, представляющих потенциальную угрозу для объектов ИКН;

- сбор информации о нарушениях законодательства в области охраны историко-культурного наследия;

- мониторинг археологических объектов и информирование представителей государственного органа охраны памятников и МВД о зафиксированных нарушениях;

- задержание лиц, нарушающих законодательство в области сохранения ИКН, проведение оперативно-розыскных и следственных мероприятий;

Система повышения качества знаний и навыков сотрудников органов внутренних дел в борьбе с «черной археологией» предполагает:

- 1) включение курса специальных лекций по археологии в систему правового информирования сотрудников. Лекции должны содержать основные понятия по теме, признаки незаконных раскопок, информацию о видах и содержании Открытых листов и т.д.

- 2) создание подразделений по борьбе с незаконными раскопками там, где проблема стоит особенно остро;

- 3) создание специальных реестров учета лиц владеющих металло-детекторами, кладоискателей, а также лиц, представляющих непосредственную угрозу для объектов историко-культурного наследия.

По любым фактам грабительских раскопок должны приниматься своевременные меры.

В-восьмых, создание положительных прецедентов борьбы с «черными» копателями. Тщательно изучив практику судов по правонарушениям, предусмотренным ст. 7.15 КоАП мы пришли к выводу, что большая часть судебных заседаний проходит в отношении археологов, ведущих раскопки на законных основаниях и с соблюдением всех норм и требований, либо же в отношении представителей археологических организаций, выполняющих работы, предусмотренные договором подряда, также работающих в рамках закона. Конечно, данные лица судом признаются невиновными, в силу того, что правонарушений не совершали. Факт задержания вышеупомянутых лиц, ведущих раскопки в рамках установленных требований, говорит о неграмотности сотрудников органов внутренних дел в данном вопросе. Справедливости ради стоит отметить, что есть и исключения, когда сотрудники задерживают ученых, действительно, нарушивших нормы законодательства и совер-

шивших административное правонарушении, но это случается крайне редко, и, скорее, накладывает тень на самих археологов, чем позволяет нам говорить о каком либо прогрессе в борьбе с «черной археологией». Заставляет задуматься тот факт, что задержание рядовых граждан, не имеющих установленного разрешения на проведение археологических работ (открытого листа), доведении их дела до суда и тем более признание их виновными является большой редкостью. Исключения составляют единичные случаи, когда имеются все признаки правонарушения и соблюдены все процессуальные нормы.

Ярким примером такого исключения может служить дело 5-1754/14 от 24 ноября 2014 г., проходившее в г. Подольске Московской области. Некий Бородулев Ю.В. был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 7.15 КоАП РФ. Гражданин был задержан должностными лицами ОМВД России по Валдайскому району Новгородской области РФ в момент ведения на территории сельского поселения археологических раскопок без получения в установленном порядке разрешения. Согласно постановления по делу, Бородулев вину свою признал, а также дал письменное объяснения об отсутствии разрешения на проведение археологических раскопок. Суд назначил ему наказание в виде административного штрафа в размере 1.500 рублей с конфискацией предметов, добытых в результате раскопок, а также инструментов и оборудования, использованных для раскопок. Данное дело является примером слаженной работы сотрудников ОВД, их подготовленности и компетентности.

В заключении необходимо подчеркнуть, что «черная археология» – это противоправное деяние, являющееся административным, а в отдельных случаях уголовным преступлением. Самовольные грабительские раскопки уничтожают источники для воссоздания прошлого и лишают нас истории.

Библиографический список

- Зубенко Ю.С. Археологическая находка: гражданско-правовой аспект. Горно-Алтайск, 2012. 136 с.
- Кириллов А.Н. Охрана археологических объектов Удмуртской республики от несанкционированных раскопок: методическое пособие // Удмуртская Республика. Ижевск, 2011. 64 с.
- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. №1.
- Материалы круглого стола «Незаконные раскопки и Археологическое наследие России», проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // Российская археология. 2002. №4. С. 70–89.
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. №12.
- Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». ФЗ №73 от 25.06.2002 г. // «Собрание законодательства РФ». 2002. №26.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ

В данной статье авторам хотелось бы рассмотреть некоторые аспекты методологии изучения культурного наследия. Прежде всего как оно анализируется в социологии культуры, социальной культурологии. Общесоциологический подход в понимании культуры базируется на следующих теоретико-методологических основаниях:

- общеразделяемая система ценностей, символов и значений;
- то, что постигает человек в процессе своей жизнедеятельности;
- поколенческая трансляция достижений человекотворчества (более подробно можно ознакомиться с данными постулатами в работах Э.С. Маркаряна [1983] и Ж.Т. Тощенко [1994]).

Таким образом, культура представляет собой систему социально приобретенных и транслируемых от поколения к поколению значимых символов, идей, ценностей, верований, традиций, норм и правил поведения, посредством которых происходит организация человеческой жизнедеятельности.

Методологически «культурное наследие», трактовку которого авторы представят ниже, логично показать в понимании А. Тойнби, когда он рассматривал историю как непрерывность пространства-времени, которое есть «перетекание» дискретности существования человечества. Каждый момент движения представляет собой порождающее начало следующего и в то же время некую самоопределяемую, внутренне завершенную целостность [Тойнби, 2002].

Исходя из системно-функционального взгляда на «культурное наследие» будем исходить из того, что под этой категорией понимается «обозначение всего совокупного достояния конкретного общества» (или даже всего человечества). Культурное наследие ни что иное, как средство накопления и хранения прошлого опыта. Включающая в себя, безусловно, естественную память индивидов, коллективную память, а также язык как средство коллективной памяти. И здесь особо стоит подчеркнуть роль текста, письменности, книгопечатания, искусства в сохранении прошлого опыта. Аналогично происходит организация хранения культурного опыта в религиозном обществе. В данном случае просто необходима некая догматизация как средство упорядочения и защиты комплекса сакральных смыслов и знаний. В светской же культуре происходит функциональное разделение способов хранения элементов культуры. Крайне своевременно будет сказать, что на многих исторических этапах проявляется довольно четкое функциональное противо-

речие между выработкой инноваций и сохранением накопленного достояния (или культурного наследия).

Сейчас такой острой дилеммы не наблюдается, в том числе в связи с изобретением и апробированием новых информационных технологий, которые позволяют значительно раздвинуть границы достигнутого в сфере накопления, хранения и обработки данных.

Воспроизводство всего духовного процесса имеет непосредственное отношение к культурному наследию. Как тут обойтись без преемственности и соответствующих традиций. Автоматически происходит расширение терминологически корректного употребления термина «традиция». Традиция рассматривается как повторение прошлых образцов, противопоставленное изменениям. И традиционные культуры не всегда являются областью интересов только сферы этнографии. Культура авторская фиксирует изменения в составе духовной культуры. Опять встает вопрос, но несколько другой – о соотношении традиций и современности. Ведь в чем выражается самобытность культуры той или иной общности? Принцип самобытности культур, проявляется как их определенность и устойчивость в ходе изменений. Научный статус термина «самобытность» («идентичность») и его использование в современной культурологии можно уточнить у Б.С. Ерасова [2000].

Такое понимание «культурного наследия» следует рассматривать как системную целостность, когда между этапами ее развития отсутствуют резкие границы: на пути от одного этапа к другому развитие проходит ряд ступеней, характеризующихся последовательной стабилизацией структуры.

Целостность (или зрелость) системы определяется наряду с другими признаками, а также и наличием в единой системе доминирующих противоположных подсистем, каждая из которых объединяет элементы, обладающие функциональными качествами, противоположными функциональным качествам другой подсистемы. По сути, любой из представленных выше фрагментов культуротворчества, характеризующих «культурное наследие» в состоянии быть и системой, и подсистемой протекания и воспроизводства культурной жизни общества. Система из доминирующих противоположных подсистем может находиться в относительно устойчивом состоянии. Но это состояние временно, ибо интенсивность взаимодействия как между противоположностями, так и внутри каждой из них непрерывно меняется [Ионин, 2000].

Рассматривая процессы, протекающие в системе «культурное наследие», видим, что они обусловлены противоречивым состоянием целостной системы. Как система, завершившая определенную форму движения, она может продолжать развиваться, лишь качественно умножая тождественно-дифференцированные элементы, причем до определенного предела. Ведь любой вид движения ограничен и качеством (сложностью связи), и количеством (числом элементов, находящихся в данной форме связи).

Т. Парсонс [1997] считал, что любая система, чтобы быть жизненной и эффективной, должна отвечать четырем основным функциональным требованиям:

1. Адаптация (adaptation) предполагает приспособление системы к ее внешней среде.

2. Целедостижение (goal attainment) означает, что система должна вырабатывать цели и достигать их.

3. Интеграция (integration) предполагает способность системы осуществлять внутреннюю регуляцию и координацию элементов системы действия.

4. Латентность (latency) в живых организмах, по существу выполняет функцию генетического кода, обеспечивая скрытое поддержание и воспроизводство общезначимого действия. Если имеется в виду социальная система, то латентность предполагает наличие общезначимого символа, который осуществляет «поддержание культурного образца» (связанного главным образом с языком), а также мотивацию акторов к его сохранению.

За культурной системой закрепляется в основном функция сохранения и воспроизводства образца, равно как и творческого его преобразования. Если в социальных системах на первом месте стоят проблемы социального взаимодействия, то культурные системы складываются вокруг комплексов символических – кодов, на основе которых они структурируются, особых сочетаний символов, в них используемых, условий их использования, сохранения и изменения как частей систем действия [Парсонс, 1997].

Культурное наследие выполняет функцию накопления, хранения и передачи культуры, выступая памятью о прошлом, как хранителе времени. При этом оно производит культурную организацию духовной памяти и структурирования времени: циклы повторений, календарь, праздники и памятные дни; подчеркивает избирательность культурной памяти [Флиер, 2008].

Системно-функциональное видение культурного наследия демонстрируется в целостном двуединстве его сущностной природы, представленной его вне биологическим происхождением, духовным творчеством человека и одновременно выступает в качестве средств и механизмов решения задач и проблем, встающих перед индивидом в процессе его жизнедеятельности [Лесли, 2004].

Библиографический список

- Ерасов Б.С. Социальная культурология. М., 2000. 591 с.
Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000. 431 с.
Лесли У. Избранное: Наука о культуре: Пер. с англ. М., 2004. 960 с.
Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. М., 1983. 284 с.
Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. 270 с.
Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 2002. 640 с.
Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2001. 511 с.
Флиер А.Я. Некультурные функции культуры. М., 2008. 272 с.

Т.С. Паршикова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**МЕРОПРИЯТИЯ ПО ОХРАНЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1960-Е ГГ.
В СВЯЗИ С СОЗДАНИЕМ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ (ВООПИК)**

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также в рамках базовой части государственного задания Алтайского государственного университета «Использование естественно-научных методов в реконструкции историко-культурных процессов на Алтае в древности» (код проекта 1006)

В течение 1940–1950-х гг. на Алтае был предпринят ряд мер, направленных на улучшение деятельности по сохранению историко-культурного наследия. Несмотря на проделанную работу, общую проблему охраны памятников полностью так и не удалось решить. Начатые мероприятия были прерваны в связи с сокращением списков охраняемых государством объектов и резким снижением ассигнований на реставрационные и восстановительные изыскания. В 1960-е гг. в СССР государственные и общественные институты столкнулись с целым комплексом проблем, связанных с изучением, сохранением и использованием памятников. Серьезные недостатки в работе, связанной с охраной объектов историко-культурного наследия, стали предметом аналитического обзора, выполненного в 1963 г. Управлением изобразительных искусств и охраны памятников Министерства культуры СССР. В нем, в частности, отмечались факты массового уничтожения и порчи исторических, архитектурных, художественных и революционных объектов наследия, в связи с проведением реконструкций исторических центров советских городов и халатностью на местах. Среди причин неудовлетворительной памятникоохранительной работы учреждений назывались: отсутствие четкой системы и слабая связь между государственными и общественными институтами. Авторы обзора считали, что весь комплекс охранных мероприятий не может быть обеспечен только государственными органами охраны наследия, без участия общественности [Голотин, 2011, с. 18]. Дальнейшее развитие охраны памятников пришлось на 2-ю половину 1960-х гг., когда в вопросах сохранения наследия наметились положительные тенденции. Одной из них стала организация Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК).

ВООПИК было организовано Постановлением Совета Министров РСФСР №882 23 июля 1965 г. в целях привлечения широкой общественности к активному участию в деле охраны памятников истории и культуры. Летом 1966 г. в Москве прошла учредительная конференция [ГААК. Ф.Р. 1549. Оп. 1. Д. 1. Л. 20–27]. Организация стала первой неправительственной стру-

ктурой в сфере сохранения наследия, объединявшей в своих рядах не только краеведов-любителей, но и прежде всего специалистов: архитекторов, историков, искусствоведов, музейных и архивных работников, реставраторов, инженеров-технологов, археологов [АГКМ. ОФ 12479/1. Л. 3].

На учредительном съезде ВООПИК в июне 1966 г. был утвержден состав общества, закрепивший его организационную структуру. Высшим руководящим органом являлся съезд, который собирался раз в пять лет. В перерывах между съездами его функции выполнял Центральный совет (ЦС), действовавший не реже двух раз в год, в который вошли представители государственных органов, научных и реставрационных организаций, директора крупных музеев, известные деятели культуры. Возглавил ЦС заместитель председателя Совета Министров РСФСР В.И. Кочемасов, а фактическим исполнителем и организатором работы являлся его заместитель В.Н. Иванов, занимавший на тот момент пост заместителя директора музеев Московского Кремля, председателя секции охраны памятников Союза архитекторов СССР. ЦС подчинялись областные, краевые и республиканские советы, а тем, в свою очередь, – городские, районные и поселковые. Низовым звеном объявлялись первичные организации [Черненко, 2013, с. 458].

В июле 1966 г. Президиумом Центрального Совета Общества утверждены местные отделения [ГААК. Ф.Р. 1594. Оп. 1. Д. 1. Л. 13]. В Постановлении от 5 июля 1966 г. под №3 обозначено Алтайское краевое отделение, председателем которого являлся П.А. Бородкин (заведующий архивным отделом крайисполкома) [ГААК. Ф.Р. 1594. Оп. 1. Д. 1. Л. 18], а председателем Алтайского краевого Совета ВООПИК стал Н.Н. Первушин (председатель правления Алтайской организации Союза архитекторов СССР) [ГААК. Ф.Р. 1594. Оп. 1. Д. 1. Л. 14]. Тогда же (в июле 1966 г.) сформирована Государственная Инспекция по охране памятников. В ее состав вошли три отдела: охраны, реставрации, эксплуатации и пропаганды.

Одним из приоритетных оставался вопрос учета памятников, а также проблема отсутствия квалифицированных специалистов, способных проводить весь комплекс мероприятий по выявлению, изучению, сохранению и популяризации памятников. В связи с этим 13 мая 1967 г. Комиссия археологических памятников ЦС ВООПИК и Отдел полевых исследований Института археологии АН СССР обратились с просьбой к археологам, выезжающих летом в регионы СССР для проведения исследований памятников археологии, оказывать местным отделениям ВООПИК помощь по выявлению, учету и охране археологических объектов [ГААК. Ф.Р. 1594. Оп. 1. Д. 4. Л. 67].

В 1967 г. ко всем выдаваемым Открытым листам шло Приложение следующего содержания:

«Уважаемые товарищи! Созданное в 1966 г. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, в целях оказания помощи

государственным органам в сохранении исторического и культурного наследия народов нашей Родины, проводит работу по выявлению, учету, организации охраны и популяризации памятников истории и культуры, в том числе и памятников археологии.

Однако, местные отделения Общества, зачастую, испытывают трудности в работе из-за отсутствия специалистов-археологов. Мы обращаемся к Вам с большой просьбой оказать квалифицированную помощь отделению Общества, находящемуся в области, где Вы проводите исследования.

Как специалист Вы можете помочь в решении многих вопросов, в том числе:

- в выявлении еще не учтенных памятников археологии;
- в определении научной ценности памятника с целью включения его в списки памятников общесоюзного, республиканского или местного значения;
- в составлении паспортов на вновь выявленные археологические памятники и проверке паспортов на ранее учтенные памятники;
- в определении охранной зоны археологического памятника;
- в составлении охранного обязательства на археологический памятник;
- в составлении карты археологических памятников того или иного района;
- в популяризации археологических памятников исследуемой Вами области через местную печать, радио, телевидение, путем проведения экскурсий, бесед, чтения лекций и т.п.

Заведующая Отделом полевых исследований Института археологии АН СССР – Л. Евтюхова. Председатель Комиссии археологических памятников ЦС ВООПИК – Е. Крупнов» [ГААК. Ф.Р. 1594. Оп. 1. Д. 4. Л. 68].

На территории Алтайского края консультации местным отделениям Общества давали А.П. Окладников, С.С. Сорокин, А.П. Уманский, Б.Х. Кадиков и другие специалисты-археологи, проводившие исследования в регионе [ГААК. Ф.Р. 1041. Оп. 1. Д. 726. Л. 28].

Отсутствие научно обоснованной классификации и критериев оценки вело к сокращению списков охраняемых объектов, исключению некоторых из них из перечней и др. Для решения данной проблемы Инспекцией ВООПИК разработаны «Основные положения для отбора памятников истории и культуры, подлежащих государственной охране».

В 1966 г. в Алтайском крае прошла первая региональная конференция ВООПИК [ГААК. Ф.Р. 1549. Оп. 1. Д. 2], где в ходе обсуждения одной из основных была обозначена проблема учета памятников археологии. Продолжались работы по выявлению и изучению таких объектов, проводились исследования на комплексах, находившихся в аварийном состоянии. Для более эффективных действий в данном направлении предлагалось провести работу по составлению карты архео-

логических объектов (главным образом это касалось курганов), которые следовало вывести из системы землепользования [ГААК. Ф.Р. 1594. Оп. 1. Д. 4. Л. 15]. На конференции Советом краевого отделения ВООПИК были обозначены основные критерии для отбора памятников истории и культуры, подлежащих государственной охране. Для археологических объектов, в первую очередь, следовало учитывать следующие факторы: значимость в решении вопросов развития материальной культуры и техники; значение памятника при изучении экономической, социальной, политической и культурной истории народов РСФСР, истории образования российского государства; наличие на памятнике культурного слоя значительной мощности и хорошей сохранности, с четкой стратиграфией и содержащего свидетельства человеческой деятельности. Обязательной охране подлежали памятники археологии, давшие название археологическим культурам, на которых сохранились не раскопанные участки. Обозначенные критерии считались основными для отбора объектов, рекомендованных к постановке под охрану и для проведения их классификации (государственного или местного значения). Однако, отмечалось, что в процессе фиксации могут быть выявлены памятники, обладающие и другими значимыми признаками, которые также следует включать в предварительные охранные списки [ГААК. Ф. 1594. Оп. 1. Д. 1. Л. 31]. На каждый объект составлялась учетная документация (паспорт, акт технического состояния и охранные обязательства). Первичным охранным документом являлась учетная карточка ВООПИК.

Информация, полученная об объектах наследия в данный период, сыграла большую роль для дальнейшего их изучения. Благодаря созданию Общества и его деятельности в конце 1960-х гг. были предприняты конкретные меры по сохранению археологических объектов.

Библиографический список

Годовой отчет о работе Алтайского краевого музея за 1971 г. Т. 1 (Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК)). Ф.Р. 1041. Оп. 1. Д. 726. 105 л.

Голотин И.В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в 1953–1985 гг. (по материалам Ярославской области): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2011. 24 с.

Материалы первой краевой конференции ВООПИК (КГКУ ГААК). Ф.Р. 1549. Оп. 1. Д. 2. 217 л.

Постановление Совета Министров РСФСР, президиум Центрального Совета ВООПИК, переписка (КГКУ ГААК). Ф.Р. 1549. Оп. 1. Д. 1. 95 л.

Проект Устава ВООПИК // Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ). ОФ 12479/1. 13 л.

Приказы Министерства культуры РСФСР, постановление ЦС ВООПИК и переписка краевого Совета с ним (КГКУ ГААК). Ф.Р. 1594. Оп. 1. Д. 4. 77 л.

Черненко Е.А. Общественное памятничкоохранительное движение на Урале в 1960–1980-е гг. : структурный и кадровый аспекты // Десятые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2013. С. 458–463.

**ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ПРАВОСЛАВИЯ
(на примере музея истории Алтайской духовной миссии)**

Сохранение и популяризации памятников истории и культуры православия как форма социальной деятельности берет свое начало в дореволюционный период. Активизировавшаяся во всех регионах России во 2-й половине XIX в. памятникоохранительная деятельность, развитие церковной археологии (как научной и учебной дисциплины) обусловили необходимость формирования теоретических знаний и практических навыков в области атрибуции объектов православного наследия у студентов духовно-учебных заведений. Потребность в обеспечении наглядности преподавания и изучении памятников православной культуры реализовалась в создании церковных педагогических музеев в структуре учебных заведений, церковно-археологических обществ, братств и монастырей. Отделение церкви от государства и антирелигиозная политика первых лет советской власти обусловило ликвидацию российских церковных музеев, чьи фонды частично передавались в государственные музеи. Последующая интерпретация и трансляция наследия православия осуществлялась в контексте идеологических парадигм советского государства.

Инициированные в начале постсоветского периода общегосударственные процессы возрождения религиозной жизни, активизации деятельности церкви в социокультурной сфере, восстановление единой многоуровневой системы религиозного образования способствовали формированию в обществе интереса к истории, культуре и традициям православия. Осуществляемая религиозными институтами и церковно-общественными организациями документирующая и памятникоохранительная деятельность и необходимость в формировании специализированных собраний, представленных памятниками истории и культуры православия, способных улучшить качество обучения, обусловили создание и воссоздание на территории России церковных музеев с выраженным образовательно-воспитательным характером деятельности.

В Алтайском крае действует один из крупнейших западно-сибирских церковных музеев – Музей истории Алтайской духовной миссии. Он был создан совместными стараниями представителей благочиния, ученого сообщества и практиков музейного дела г. Бийска. С января 2008 г. руководство музеем было возложено на известного краеведа, педагога, музейоведа-практика, ведущего специалиста по культурно-историческому наследию, действительного члена ученого совета Бийского

отделения РГО Павла Сергеевича Коваленко. Открывшиеся 28 января в здании воскресной школы первые выставки отражали основные разделы научной концепции будущего музея: «Бийское Архиерейское подворье: история и современность», «Храмы Бийска», «Старопечатная православная книга», «Культура и быт Бийской городской православной семьи второй половины XIX – начала XX в.». В 2009 г. решением епископа вновь созданному музею было передано историческое здание бийского Архиерейского дома (1888 г.). На момент проведения исследования музей истории Алтайской духовной миссии являлся самым крупным по занимаемым площадям, масштабу экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности, но находился в крайне затруднительном материальном положении вследствие неблагоустроенности помещения, недостатка музейного оборудования и пр. [Коваленко, 2011; Полякова, 2014, с. 147–150].

Документирование музеем объектов православного наследия осуществляется различными способами. Ежегодно на средства организации-учредителя и меценатов покупаются единичные предметы. Так, в 2011 г. на средства меценатов, в том числе газеты «Деловой Бийск», были приобретены в антикварных магазинах несколько икон, киот (XIX в.), швейцарские настенные часы (XIX в.), предметы церковной пластики, канделябры [Коваленко, 2011; Полякова, 2013, с. 303–304].

Музеефикация памятников осуществляется и в ходе экспедиций по святым местам Алтая и стоянкам духовной миссии, проводимым совместно с Бийским отделением РГО. С 2008 г. при музее также действует актив, члены которого занимаются выявлением интересных для музея экспонатов в районах Бийского благочиния. В рамках музейной памятникоохранительной деятельности осуществляется изучение памятных мест и объектов наследия, связанных с историей православия; краеведческие исследования и работа над православной летописью Бийска; введение в научный оборот сведений историко-краеведческого характера посредством издания статей, очерков, справочных материалов, участие в городских археологических раскопках. Так, одним из главных проектов 2008 г. стали раскопки на месте взорванного в 1934 г. Троицкого кафедрального собора. Целью раскопок было обнаружение фундамента храма и установка поклонного креста. В ходе работ были выявлены склепы Почетных Потомственных Граждан, бийских купцов и благотворителей Алексея Федоровича и Елены Григорьевны Морозовых. Впоследствии, к 300-летию Бийска там была организована мемориальная историческая зона. Проектом 2009 г. было благоустройство могил известных граждан города, чиновников, дворян, священнослужителей на старом Вознесенском кладбище. При непосредственном участии музея был не только выделен, но и всесторонне изучен мемориальный комплекс некрополя: составлен каталог с фотографиями всех уникальных надгробий, написаны научные статьи и разработан экскур-

сионный маршрут. Раскопки велись и в самом помещении музея (производилась расчистка архиерейских погребов, засыпанных в советские годы) [Коваленко, 2011; Полякова, 2014, с. 147–150].

Помимо археологических исследований в музее осуществляется работа по составлению православной летописи Бийска, первый вариант которой был издан в 2006 г. (П. Коваленко, М. Торопчин), а на современном этапе ведется дополнение первого издания. С этой целью были организованы научные поездки в ГАТО, НБ ТГУ. Изученные материалы Томских епархиальных ведомостей (за несколько десятилетий) и клировых ведомостей бийских храмов; фондов Алтайской духовной миссии и Архиерейского дома; отчеты миссионеров значительно обогатили научно-информационную базу музея (из Томска было привезено более 400 отсканированных документов) [Полякова, 2014, с. 147–150].

В рамках научно-исследовательской деятельности ведется и поиск людей (через Интернет), имеющих отношение к истории православия на Алтае. За последние годы удалось выявить потомков многих бийских священнослужителей и в ходе переписки с ними восполнить «белые пятна истории» города и православия в регионе. Материалы семейных архивов предоставили возможность сотрудникам музея сделать ряд небольших открытий. Так, например, была налажена связь с родственниками (проживающими в Санкт-Петербурге) священника и настоятеля Успенского собора Бийска протоиерея Владимира Дагаева, духовно окормлявшего бийчан в течение 50 лет (XIX–XX вв.). Праправнучка священника передала большое количество фотоматериалов (портреты священства; снимки депутации г. Бийска в Томск для встречи с цесаревичем Николаем и пр.) которых нет ни в одном музее города [Коваленко, 2011; Полякова, 2012, с. 275–279].

Следствием активной и планомерной документирующей деятельности музея являются его фонды. Так, на 2011 г. в музее истории Алтайской духовной миссии было представлено 117 тематических («Бийский Архиерейский дом», «Троицкий собор Бийска» и пр.) и мемориальных (священно- и церковнослужителей, монашествующих; знаменитых горожан). Среди уникальных собраний музея следует назвать коллекции православных икон XVIII–XX вв. (462 ед. хр.); медного православного литья XVIII–XX вв. (76 ед. хр.), старопечатных православных книг XVII – начала XX вв. (246 ед. хр.), православных календарей XX–XXI вв. (696 ед. хр.), нательных крестов XIX–XXI вв. (458 ед. хр.), старопечатных книг (500 ед. хр.). В целом, на 1 апреля 2011 г. в фондах музея насчитывалось 7.826 ед. хр., из которых в ОФ зарегистрировано 5.403 ед. хр. [Музей истории...].

Популяризация фондового собрания осуществляется средствами вербальной и визуальной коммуникации. На современном этапе бийский Музей истории Алтайской духовной миссии обладает самой большой экспозицией. Тематика первых комплексов, открывшихся

в конце января 2008 г. – «Бийское Архиерейское подворье: история и современность», «Храмы Бийска», «Старопечатная православная книга», «Культура и быт Бийской городской православной семьи второй половины XIX – начала XX вв.». Уже в марте тематика была расширена за счет «Портретной галереи Бийских Архиереев», включавшей 12 фотопортретов епископов Бийска. На современном этапе стационарные экспозиции музея располагаются на трех этажах Архиерейского дома и включают тематические комплексы по российской («Русь Православная», «Святой праведный Иоанн Кронштадтский») и локальной истории православия («Алтайская Духовная миссия», «Бийск православный», «Бийск Православный – Возрождение», «Белый клобук Алтая», «Бийский Тихвинский монастырь»), культовой практике («Архиерейская ризница»), быту духовенства и паствы («Архиерейская опочивальня», «Бийское Архиерейское подворье», «Православная горница», «Алтайский аил»). Особое место занимают мемориальные комплексы, посвященные бийскому священству и монашеству («Мемориальный кабинет бийских архиереев», «Невинно убиенные», «За каждым именем – судьба»). Отражена в экспозиции и тема церковного образования («Класс церковно-приходской школы», «Старопечатная православная книга») [Музей истории...; Полякова, 2014, с. 147–150].

В рамках популяризации объектов православного наследия музей ведет активную выставочную деятельность. Только в 2011 г. на базе музея проведены 15 стационарных выставок. Вниманию посетителей были предложены материалы персональных коллекций священнослужителей, иконопись, рукописные и старопечатные книги, медное православное литье, предметы культуры и быта – рушники, самовары, чайники и пр. [Коваленко, 2011]. Обязательной составляющей выставочной политики музея является презентация детских работ, осуществляемая в рамках епархиальных выставок. На современном этапе разрабатывается концепция филиала музея, посвященного Бийскому Тихвинскому монастырю [Полякова, 2014, с. 147–150].

На примере экспозиций западно-сибирских церковных музеев в рамках вербальной коммуникации раскрываются как общеисторические темы, так и непосредственно связанные с деятельностью церкви. К экскурсиям общеисторического характера относятся такие как «Культура и быт Бийской городской православной семьи второй половины XIX – начала XX века», «Старопечатная православная книга», «Храмы Бийска». История РПЦ отражена тематических экскурсиях «Бийское архиерейское подворье: история и современность», «Бийские Архиереи», «Тихвинский женский монастырь», «За каждым именем – судьба», «Невинно-убиенные».

Отдельным направлением популяризации собрания музея являются электронные фотоальбомы православной и краеведческой тематики и публикации научного и научно-популярного характера. Так, с 2008 по 2011 гг. музеем было выпущено около 30 наименований буклетов по

истории бийских храмов, более 20 очерков и энциклопедических статей. Только в 2011 г. в средствах массовой информации о работе музея вышло порядка 30 публикаций [Коваленко, 2011].

Музей истории Алтайской духовной миссии осуществляет документирование и популяризацию объектов православного наследия, что способствует не только освоению истории, но и традиций православия как в культурном, так и литургическом контекстах. Состав его фондов, направления научно-исследовательской, научно-просветительной и экспозиционно-выставочной деятельности органично вписываются в общую концепцию сохранения культурного наследия Алтайского края.

Библиографический список

Бийск 300! [Электронный ресурс]: фотоальбом // Музей Истории Алтайской духовной миссии: офиц. сайт. Режим доступа: http://www.bigpi.biysk.ru/museum/photogallery.php?album_id=65 (дата обращения: 20.06.2014).

Бийск сокровенный [Электронный ресурс]: фотоальбом // Музей Истории Алтайской духовной миссии: офиц. сайт. Режим доступа: http://www.bigpi.biysk.ru/museum/photogallery.php?album_id=35 (дата обращения: 20.06.2014).

Коваленко П.С. [Интервью] / Интервью с заведующим музеем Истории Алтайской Духовной миссии 26 дек. 2011 г. вела Е.А. Полякова (Личный архив Е.А. Поляковой).

Музей истории Алтайской Духовной миссии [Электронный ресурс]: сайт. Режим доступа: <http://www.bigpi.biysk.ru/museum/main.php> (дата обращения: 10.12.2012).

Полякова Е.А. Актуализация деятельности церковных музеев в условиях социокультурных вызовов нового века // Преобразование Сибири: от реформ Столыпина до современности. Барнаул, 2012. С. 275–279.

Полякова Е.А. Научно-исторический потенциал церковных музеев Западной Сибири // Продовольственная безопасность. Аграрно-политический диалог. Барнаул, 2013. С. 302–306.

Полякова Е.А. Документирующая деятельность церковных музеев Западной Сибири как фактор сохранения православного историко-культурного наследия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. №5–2 (43). С. 147–150.

Е.В. Сметанникова

*Алтайская государственная академия культуры и искусств,
Барнаул, Россия*

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ БИЙСКА

Охрана памятников истории и культуры – комплекс мер и мероприятий, нацеленных на сохранение и защиту объектов, обладающих культурной и исторической ценностью, которые включают исследование

памятников, оценку их ценности, присвоение официального статуса, реставрацию и консервацию [Вопросы охраны и использования..., 1990].

В настоящее время в России остро стоит вопрос о сохранении памятников архитектуры. Уникальные, хранящие в себе историю города и людей здания подвергаются разрушению водой, огнем и, конечно, временем. Поскольку государство не в силах содержать все объекты, находящиеся в пределах Российской Федерации, памятники превращаются в руины.

Без культурного наследия немислимы современная жизнь нашего и перспективы его развития. Культурное наследие во многом формирует особый менталитет жителей Алтая, утверждает преемственность гуманистических ценностей, подчеркивает неофициальный статус культурной столицы Алтайского края.

Наследие включено во многие социальные процессы и является источником духовного обогащения. Структура исторических ансамблей способствует гармоничному равновесию в обществе, развитию широкого диапазона деятельности [Сохранение и изучение..., 2006].

Сегодня мы можем разобрать проблемы в области сохранения культурного наследия на примере конкретного города.

Город Бийск, основанный по личному указу Петра I в 1709 г., занимает весомое место в списке населенных пунктов, которые владеют значительным количеством памятников истории и архитектуры. В нем велика доля памятников архитектуры не только городского и регионального значения, но также и федерального. Есть архитектурные ансамбли, несущие эстетическую и культурную ценность, которые вовремя привлекли к себе внимание и были отреставрированы за счет государства или частных инвесторов. Но есть и те, которые находятся в упадническом состоянии и остаются проигнорированными не только местными жителями, но и государственными органами.

К наиболее хорошо сохранившемся памятникам относится здание, расположенное по улице Советская, 30, которое построено в 1900 г. как особняк для купца Васенёва. Выразительность зданию придают сложные и разнообразные оформления оконных проемов, стен, карнизов и удачно выступающая в виде фонаря угловая ниша, выходящая на перекресток. Верх здания украшает скатная крыша с металлической решеткой, с флюгером на шпиле. В настоящее время верхний этаж перестроен. После революции здание использовалось для хранения художественных ценностей, ставших экспонатами Бийского музея [Плотникова, 2011].

Поскольку в настоящее время в здании располагается администрация города Бийска, оно находится в прекрасном состоянии, вовремя проводится реставрация и ремонтные работы. Архитектурный облик практически полностью сохранен.

Следующее здание, располагающееся по адресу Советская, 5, – Сибирский торговый банк. Оно построено в 1890. Заказчик – купчи-

ха Морозова. Главный фасад отличается богатой пластикой. Памятник архитектуры конца XIX в. – первый в истории Бийска банк [Дзагоева, Козлова, Табакаева, 2009]. До 1918 г. на втором этаже здания располагалось Бийское отделение Сибирского торгового банка, на первом этаже – книжный магазин «Товарищество». Впоследствии в здании размещалась школа, а потом – индустриально-педагогический факультет Бийского пединститута.

В 2009 г. к 300-летию г. Бийск под видом реставрационных работ проводился косметический ремонт этих зданий. На данный момент результаты работы стерты временем и природными условиями.

Торговый дом Гилёва. Мемориальный памятник, находящийся по адресу ул. Советская, 4. Элемент исторической застройки торговой площади Бийска. Пример ранней эклектики на Алтае, построен в 1860 г. Это двухэтажное кирпичной, квадратное в плане, здание, сочетавшее функции магазина, конторы, жилых помещений. Утрачены ажурный металлический парапет, на южном фасаде – балкон [Плоникина, 2011]. Центральный фасад отреставрирован, но боковые стены здания не подверглись даже косметическому ремонту.

В настоящее время в здании соседствуют Управление Росреестра по Алтайскому краю, Бийский отдел и кафе «Рандеву».

«Второвский Пассаж». Строительство началось в июле 1904 г. по приказу товарищества «А.Ф. Второв и сыновья», крупнейшей в Сибири компании по торговле текстилем. Фасад Пассажа великолепно украшен элементами русского стиля, классицизма и барокко. Все было продумано до мелочей: в длинной палочке буквы «Г» располагались магазины, в короткой – гостиница. По богатству и изысканности интерьеров этот комплекс ничем не уступал дорогими петербургскими и московскими магазинами – сверкающие витрины, множество зеркал в позолоченных рамах, мягкие пуфики для примерки обуви, вышколенные приказчики, стоящие через несколько метров друг от друга и готовые ответить на любой вопрос клиента и выполнить любую его просьбу.

В 1918–1919 гг. в здании располагался Алтайский народный университет. Во время Великой Отечественной войны здесь находился военный госпиталь. Архитектурный объект находится в хорошем состоянии, но в отдельных местах требуются работы по восстановлению. На данный момент в здании располагается управление образования Администрации города Бийска и управление культуры, спорта и молодежной политики города Бийска.

К сожалению, не все объекты находятся в хорошем состоянии, некоторые памятники пустуют, а значит – нещадно ветшают и разрушаются. Яркий пример огромного ущерба и безразличия находится на улице Ленина, 144. «Пассаж Фирсова» относится к уникальным памятникам купеческой архитектуры начала XX в., являясь одним из составляющих неповторимого архитектурного облика Бийска. Объект составляет

единый объем с «Пассажем Второва». Здание является памятником регионального значения. В исторической справке отмечается, что Пассаж был построен в 1907 г. Андреем Петровичем Фирсовым. До революции 1917 г. в этом здании на первом и втором этажах находились торговые залы, часть второго этажа была предоставлена под жилые комнаты приказчикам и склады. Чтобы стены здания не тянули влагу из грунта, заказчик заставил строителей по всему периметру фундамента проложить слой стекла. Впоследствии этого витрины в магазине на первом этаже Фирсовского Пассажа всегда были чистыми от изморози в отличие от второвского здания.

В лихие 1990-е в пассаже Фирсова разместился банк «Региональный кредит». Ночью 6 декабря 2007 г. в здании вспыхнул пожар. Бийчане, ставшие свидетелями утренней катастрофы памятника городской архитектуры, рассказывали, что к приезду пожарных огонь полыхал уже на втором этаже, быстро расползаясь по деревянным перекрытиям. Уже к половине девятого утра открытое пламя было заметно на месте рухнувшего купола здания. Так город потерял один из главных своих символов, красовавшихся на всех открытках Бийска. Сегодня все чаще говорят о поджоге.

В прошлом году после сильного ливня началось обрушение штукатурки и лепнины на боковой стене. Сейчас обвалы лепнины продолжаются. Символ купеческого Бийска рушится на наших глазах.

На современном этапе главными проблемами сохранения и охраны памятников является недоработанное законодательство и отсутствие контролирующих органов, штрафных санкций, недостаток финансирования, безразличие местных властей и не подобающее отношении местных жителей к памятникам архитектуры. Окна в опустевших зданиях разбивают подростки, памятники деревянного зодчества буквально по крупицам растаскивают, просто ради забавы. Эта проблемы охраны выливается в проблему нравственности. Пока уровень осознания себя как гражданина и архитектуры как части истории каждого не будет на достойном уровне, сложно говорить об охране и грамотном использовании объектов наследия.

Преодолеть бесконтрольное разрушение памятников можно, если интерпретировать понятие об охране как сохранение историко-культурного наследия в первую очередь именно в законодательных документах [Полякова, 2005].

Это позволит существенно поменять отношение к наследию архитектуры в нашей стране. На первый план действительно должны выйти ценности профессионального архитектурного качества и исторической подлинности памятника. Содержание архитектуры – это не только стилевые особенности оформления фасада здания. Цивилизационные и урбанистические ценности также должны в полной мере найти свое закономерное место в осмыслении предмета охраны.

Перспективы сохранения и использования памятников архитектуры неоднозначны. С одной стороны, недостаток финансирования приводит к утрате памятников, а, с другой, существует не безразличные люди, готовые взять в аренду архитектурные объекты и на свои деньги проводить реставрационные работы и поддерживать целостность и исторический дух этих объектов. Стоит отметить и государственные учреждения, располагающиеся в памятниках архитектуры. Они регулярно проводят ремонтные работы и поддерживают первоначальный облик.

Библиографический список

Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1990. 40 с.

Дзагоева Е.А., Козлова А.Н., Табакаева Е.М. Историческое сердце города Бийска: тематические экскурсии. Бийск, 2009. 97 с.

Краевое государственное бюджетное учреждение «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия «Алтайского края» [Электронный ресурс] / электрон. дан. Режим доступа: <http://www.nasledie-altai.ru/> (Дата обращения: 20.02.2015).

Плотникова Л.М. Прогулка по улицам Бийска. Бийск, 2011. 31 с.

Полякова М.А. Охрана культурного наследия России. М., 2005. 272 с.

Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2006. Вып. XV. 386 с.

РАЗДЕЛ 2. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ

Д.А. Аникин, В.К. Вистингаузен, О.Н. Горбатова, В.Г. Иванченко

*Тальменская средняя школа №3, с. Тальменка;
Алтайское краевое отделение ВОО «Русское
географическое общество», Барнаул, Россия*

ПЕЩЕРНЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРИИСКИ ЧАРЫШСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В настоящем сообщении приводятся результаты наблюдений спелеологической экспедиции Алтайского краевого отделения ВОО «Русское географическое общество» [Аникин, 2014], проведенной в период с 10 по 17 июля 2014 г. в Чарышском районе. Экспедиция финансировалась членами Попечительского совета отделения. Работы экспедиции проводились в окрестностях сел Майорка и Сентелек.

Главной задачей экспедиции было выяснение судьбы пещеры Шангина у с. Майорка. Она была открыта П.И. Шангиным во время экспедиции 1796 г. Часть дневника экспедиции обнаружена в Государственном архиве Алтайского края [Вистингаузен, 2013, с. 300]. Позже о пещере писал Г.Н. Потанин [1859, с. 66].

Согласно описанию П.И. Шангина [ГААК. Ф. 169. Оп. 1, Д. 749. Л. 259, 259 оборот, 260] пещера начиналась вертикальным колодцем, глубиной около 7 м, приводившим в разветвленную многоэтажную пещеру. Одна из галерей имела протяженность 130 м при ширине до 20 и высоте до 10 м. П.И. Шангин сообщал о «каменных» сосудах, найденных в глубине пещеры.

Пещера была найдена благодаря указаниям местных жителей. Она располагается на небольшом холме, примерно в 1300 м на ВЮВ от обелиска на братской могиле партизан, находящегося близ дороги Березовка – Майорка, южнее ее, при пересечении ручья. На карте ручей не имеет названия, условно назван Братским. Севернее дороги он сливается с другим ручьем и объединенный ручей впадает справа в Майорку, примерно в километре ниже села, где река круто поворачивает к западу. В 900 м вверх по Братскому ручью от обелиска находится пруд, в настоящее время спущенный. На его берегу выстроена база для туристско-охотников (в момент посещения пустовала). В районе пруда с Братским ручьем соединяется заболоченный лог, ручей по которому течет, вероятно, только весной. На правом борту этого лога, примерно в 500 м от пруда и в 200 м от тальвега лога и находится пещера. Здесь в березовый лес вклиниваются лесопосадки сосны. Вход в пещеру находится на северо-западном склоне холма, на краю большой поляны. В настоящее время он представляет яму поперечником 6х4 м и глубиной 2 м.

Рис. 1. Карта участка работ экспедиции: 3 – пещера Шангина; 5 – грот Верхний Балчигов; 6 – грот Нижний Балчигов; 8 – Бердложинский прииск XIX в.; 9 – «Царский курган»

К сожалению, обследование пещеры оказалось невозможным, так как в 1950–1960-х животноводами майорской фермы КРС совхоза «Березовский» она была превращена в скотомогильник. Во входной колодез сбрасывались трупы животных, павших от бруцеллеза. На дне ямы (поперечник 4х2,5 м) были обнаружены сгнившие остатки деревянного перекрытия и перемешанные с грунтом кости животных. Примерный объем грунта с костями – 30–40 кубических метров.

У села Сентелек было обследовано Балчиково урочище, представляющее межгорную котловину при впадении в р. Сентелек ее двух левых притоков. Один из этих ручьев носит название Балчиков, другой названия не имеет.

В 1990-х годах здесь работала археологическая экспедиция под руководством Петра Ивановича Шульги. Ею собраны новые сведения о пещерах, однако информация об этом неполна и противоречива. Есть сведения о четырех объектах.

1. Пещера с погребением. О местонахождении пещеры известно лишь то, что она находится недалеко от Сентелека. Возможно, она располагается в скалах правого берега Сентелека южнее села. В ней кем-то был обнаружен скелет, который можно было видеть в щели у самого потолка («между глыб»). К тому времени, как П.И. Шульга посетил пещеру, скелет был кем-то потревожен, и часть костей лежала уже на полу. Поэтому Петр Иванович отказался от исследования объекта. В отчет эти сведения не попали, и потом были забыты всеми участниками экспедиции. Но об этом говорится в дикторском тексте фильма [Создание археологического заповедника..., 1995], снятого в Сентелеке в 1995 г.

2. Грот, получивший в списке археологических памятников Чарышского района название Урочище Балчиково-9 (10), где местные жители якобы находили керамику и наконечники стрел. Местонахождение указано: «в 4,7 км к юго-западу от с. Сентелек у подножья г. Балчикова» [Археологические памятники, URL: <http://www.charysh.info/ViewArticle.aspx?o=23>; Памятники природы, архитектуры, археологии, 2002, с. 213]. Сообщается, что памятник обследован П.И. Шульгой, хотя сам он это отрицает.

3. Грот Незамаева. Участник Сентелекских экспедиций 1993, 1994 и 1995 гг. Алексей Незамаев по указанию П.И. Шульги провел поиски пещер на левом берегу Сентелека в Урочище Балчиково. По его устному сообщению, он нашел несколько маленьких ниш и один грот. На привходовой площадке последнего обнаружил каменную плитку, на одной из сторон которой были процарапаны параллельные линии. Первоначально Незамаев определял местонахождение грота как юго-восточный склон г. Воскударной Теплухи. В дальнейшем он засомневался и не исключал, что грот может находиться на горе Балчиковой. Следует отметить, что беседы с А. Незамаевым состоялись через 20 лет после событий.

4. Карстовый колодец в долине р. Солоновки, правого притока Сентелека. Колодец издавна посещался местной молодежью. В указанном выше фильме [Создание археологического заповедника..., 1995] запечатлен спуск участников археологической экспедиции в колодец. В дикторском тексте говорится об использовании колодца древним населением как святилища, но доказательств этому не приводится.

Экспедицией обследованы южный и западный склоны г. Балчиковой, где найдены два грота. Нижний грот имеет вход шириной 7,5 м, высотой – от 1,1 до 2,1 м. Вглубь грота потолок повышается до 3 м. На входе находится крупный каменный блок, а глубже – каменные глыбы размером в поперечнике до одного метра. Потолок слегка влажный. Натечные образования отсутствуют. На полу найдены кости различных мелких животных. Координаты грота: N – 51° 11' 38,2" E – 083° 39' 55,6"; высота 919 м.

Верхний грот имеет вход в виде арки высотой до 5,5 м при ширине 6 м и обращен на юг. Известковая скала над входом гладкая, под ней обрушившиеся крупные каменные глыбы. Между одним из таких обломков и потолком заклинен ствол дерева. В левой стенке грота – небольшая ниша глубиной 1,5 м. На полу – кости мелких животных. Внутри грот имеет высоту до 5 м и длину 11 м. Координаты грота: N – 51° 11' 58,2" E – 083° 39' 31,4"; высота 1100 м.

В образование обоих гротов основную роль сыграли гравитационные процессы, чему способствует то, что известняки разбиты на блоки сетью трещи. Отождествить обследованные гроты с описаниями, сделанными археологами (см. выше) сложно. Для этого слишком мало данных. Во всяком случае, пещере с погребением ни один из них не соответствует. Нижний грот, вероятно, тождественен объекту Урочище Балчиково-9 (10).

Карстовый колодец на правом борту рч. Солоновки, правого притока Сентелека, находится напротив Балчикова урочища, на бровке борта сухого лога – верхнего правого притока Солоновки. Это вертикальная пещера, представляющая комбинацию вертикальных полостей, соединенных на двух уровнях. Глубина пещеры – 13 м. Координаты входа: N – 51° 10' 21,8" E – 083° 42' 41,3"; высота 790 м.

На г. Воскударной Теплухе расположены два русских полиметаллических прииска XIX в. На вершине горы находится Барсуковский прииск, который был открыт в 1822 г. крестьянином Барсуковым по «чудским копиям». Прииск разведывался в 1823–1843 гг. двумя прорезами и одним шурфом [Митропольский, 1931, с. 16]. На юго-западном склоне горы, в пределах Балчикова урочища, над вторым его ручьем находится Бердюжинский прииск. Он разведывался в 1839–1842 гг. и вторично – в 1879–1880 тридцатью разрезами и Воскресенской шахтой, достигавшей вместе с гезенгом глубины почти 60 м [Митропольский, 1931, с. 28–29].

Прииск разведывался и в советское время. Следы этих работ хорошо видны и в настоящее время. Отвалы до сих пор не задернованы. Сохранившиеся размеры шахты 12х9,5 при глубине 7,5 м. Координаты шахты Бердюжинского прииска: N – 51° 11' 44,5" E – 083° 41' 30,4"; высота 804 м.

В книге Б.С. Митропольского и М.К. Паренаго [1931, с. 15] упоминается Балчуговский прииск, который авторы предположительно отождествляли с Барсуковским или Бердюжинским. Правильное отождествление, безусловно, Бердюжинский, так как именно он находится в Балчиновом урочище. Надо также заметить, что в списке исторических памятников Чарышского района [Памятники природы, архитектуры, археологии..., 2002] Бердюжинский прииск перепутан с Барсуковским, а прииск на вершине горы (истинный Барсуковский) вообще не упоминается.

Библиографический список

Аникин Д.А., Вистингаузен В.К., Горбатова О.Н., Иванченко В.Г. Спелеологическая экспедиция в Чарышский район // Известия Алтайского отделения Русского географического общества. Вып. 35. Барнаул, 2014. С. 29–34.

Археологические памятники. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.charysh.info/ViewArticle.aspx?o=23..>

Вистингаузен В.К., Дубровская Р.Ф. Первые открытия алтайских пещер и начало их изучения (XVIII–XIX вв.) // VIII Гуляевские чтения. Барнаул, 2013. С. 299–310.

Митропольский Б.С., Паренаго М.К. Полиметаллические месторождения Алтая и Салаира. Новосибирск, 1931. 462 с.

Памятники природы, архитектуры, археологии, истории и культуры // Чарышский район: Страницы летописи. Барнаул, 2002. С. 207–214.

Потанин Г.Н. Полгода на Алтае // Русское слово. 1859. Сб. 9. С. 61–134.

Создание археологического заповедника в долине реки Сентелек. Фильм на цифровом носителе. Оператор и режиссер А. Боровцов. Автор текста и научный консультант П. Шульга. НПЦ «Наследие». 1995. Ч. 1 // DVD «КИККШ-1997». Архив Историко-краеведческого музея АлтГПУ.

Шангин П.И. Дневник экспедиции 1796 г. (ГААК). Ф. 169. Оп. 1, Д. 749. Л. 259, 259 оборот, 260.

А.П. Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

ТЮРКСКАЯ ОГРАДКА С ДЕРЕВЯННЫМ СТОЛБОМ В ЦЕНТРЕ ИЗ УРОЧИЩА БОЛЬШОЙ МИГУЛЯ У ЗАПАДНОГО СКЛОНА ХРЕБТА САЛЬДЖАР

Тюркские оградки на территории Горного Алтая являются одной из наиболее характерных разновидностей археологических памятников эпохи средневековья этой обширной горной страны [Кубарев, 1984;

Серегин, Шелепова, 2015]. Исследование их, выявление и локализация в различных районах Алтая позволяет не только судить об их региональном и типологическом своеобразии, но и дать характеристику ритуально-культового освоения пространства в тюркское время. Особое значение это имеет для территорий, эпизодически посещаемых археологами, одной из которых являются высокая терраса Катунь у западного склона хребта Сальджар. При обследовании этого участка было обнаружено несколько тюркских оградок (Большой Мигуля-8) [Бородовский, 2014a].

Ритуальный комплекс Большой Мигуля-8 расположен на правом берегу р. Катунь (Онгудайский район) в одном километре к северо-востоку от устья р. Большой Ильгумень, у западного склона хребта Сальджар. Общие географические координаты объекта: N – 50.61427; E – 86.51.882. Высота над уровнем моря – 669 м. Археологический памятник представлен группой из шести оградок со стелами и одной кладкой. Размеры оградок составляют от 1х1 м до 2х2 м. Около двух оградок расположены стелы. У кладки диаметром до 1 м и высотой 0,2 м, сложенной из грубообломочного камня, расположен менгир. Все сооружения частично задернованы. Все оградки сооружены из удлиненных плоских камней и ориентированы своими сторонами по частям света с незначительными отклонениями от этих направлений.

Оградки расположены двумя группами, вытянутыми цепочками (южной и северной) вдоль русла Катунь по направлению ее течения с ЮЗ на СВ. Южная цепочка оградок отличается большей компактностью расположения. Северная цепочка оградок более разрежена и вытянута вдоль высокого берега реки. В обеих цепочках оградок расположено по одной конструкции со стелами, стоящими с восточной стороны конструкций. В непосредственной близости от комплекса оградок Большой Мигуля-8 расположена одиночные кладки Большой Мигуля-4, Большой Мигуля-9, дольменообразная конструкция эпохи палеометалла Большой Мигуля-5 [Бородовский, 2014б], петроглифическое местонахождение Большой Мигуля-6 и одиночный курган Большой Мигуля-7. Следует отметить, что расположение группы оградок Большой Мигуля-8 находится недалеко от ранее существовавшей переправы через реку Катунь у Кур-Кечу.

Рекогносцировочные археологические исследования были проведены на одной из оградок со стелой, расположенной второй от начала в верхнем течении реки и включенной в северную цепочку сооружений (рис. 1). Расчистка каменной конструкции оградки позволило установить, что у нее отсутствовала западная стенка (рис. 1.-1; рис. 2.-А). Остальные стенки оградки сооружены из двух удлиненных камней. Общее количество камней, использованных для сооружения конструкции, – шесть штук. Рисунки на плитах оградки отсутствовали. Внутреннее заполнение оградки представлено разреженным

заполнением из галечника и мелкого грубообломочного материала. После расчистки и удаления каменного заполнения оградки в ее центральной части, был выявлен контур округлого пятна диаметром до 40 см. При выборке заполнения центрального углубления в оградке

Рис. 1. Тюркская оградка Большие Мигуля-8 и детали ее конструкции:
1 – расчищенная оградка; 2 – общий вид оградки со столбовой ямой;
3 – столбовая яма в центре оградки

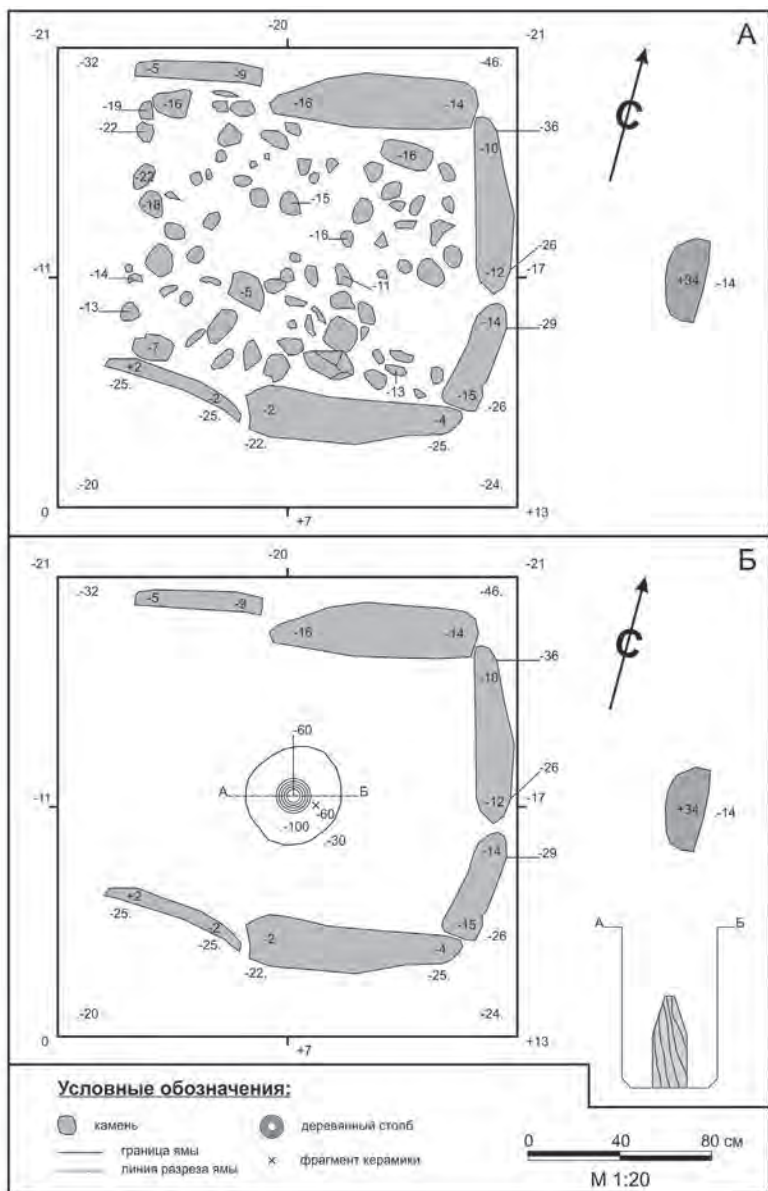

Рис. 2. Этапы расчистки оградки из Больших Мигулей-8:
 А – расчистка контура оградки и ее внутреннего заполнения;
 Б – внешняя конструкция из плит и столбовая яма в центре оградки

обнаружен фрагмент деревянного столба (рис. 1.-3; рис. 2.-Б). Его диаметр составлял до 18 см. Судя по крупным волокнам дерево, использованное для столба относилось к хвойным деревьям. В заполнении ямы к востоку от деревянного столба был обнаружен единичный неорнаментированный фрагмент керамики. Он находился в средней части заполнения столбовой ямы оградки. Основание деревянного столба было изъято в качестве образца для дендрохронологического анализа. Однако качество сухой сильно деформированной древесины не позволило к.и.н. И.Ю. Слюсаренко использовать его для дендрохронологических исследований в рамках программы естественнонаучного датирования погребальных и поминальных памятников тюркского времени Горного Алтая. Однако по археологическим данным тюркские оградки со столбовой ямкой в центре появляются не позднее 2-й половины VI в. [Серегин, Шелепова, 2015, с. 77]. Этот факт интерпретируется как признаки определенных ритуалов, возможно связанных с символикой мирового дерева [Кубарев, 1984, с. 80, рис. 16]. Тем не менее, в отличие оградок юстыдского типа с деревянным столбом в центре и стелой с восточной стороны по типологии В.Д. Кубарева [1984, с. 50, рис. 11], оградка из Большой Мигуля-8 отличается тем, что сложена не из четырех, а из шести плит, с отсутствием их на западной стороне. Такая конструктивная особенность представлена среди некоторых тюркских оградок Онгудайского (Шибе, Ело) и Кош-Агачского районов (Тюргун, Ак-Кообы) [Кубарев, 1984, с. 184, табл. V.-34, 37; табл. XXVII.-165; табл. XLII.-234 (2)]. Вряд ли эта особенность связана с незавершенностью ритуального сооружения или последствий его археологизации. Не исключено, что эта конструктивная деталь тюркских оградок связана с определенной ритуальной семантикой, на которую ранее не обращалось особого внимания.

Обломки керамических сосудов внутри тюркских оградок Горного Алтая также ранее фиксировались в ряде случаев (Чобурак-1) [Бородовский, 1994]. Наличие фрагмента керамики в заполнении столбовой ямы оградки Большой Мигуля-8 может иметь несколько вариантов интерпретации. Один из них не исключает ритуального значения помещения обломка фрагмента керамического сосуда у деревянного столба в центре оградки. Другой вариант интерпретации может быть связан с конструктивным фактором, когда обломок керамического сосуда намеренно был помещен в заполнение столбовой ямы для ее уплотнения [Глушков, Бородовский, 2011]. Также не следует исключать случайного попадания фрагмента керамики в заполнение столбовой ямы оградки из разрушенного культурного слоя. В районе размещения оградок Большой Мигуля-8 такая возможность вполне вероятна. Поскольку около близко расположенного каменного сооружения Большой Мигуля-5 выявлен культурный поселенческий слой, насыщенный керамикой эпохи раннего железа [Бородовский,

20146]. Однако, сравнение фрагмента керамики из Большого Мигуля-8 с этим материалом позволяет выявить существенные отличия, которые позволяют относить его к эпохе средневековья, а не раннего железа.

Поэтому, по своим конструктивным признакам и сопроводительному материалу (фрагмент керамики) оградку из Большого Мигуля-8 можно вполне обоснованно отнести к эпохе средневековья и монокультурной планиграфической модели размещения тюркских оградок [Сергеев, Шелепова, 2015, с. 43].

Для всей территории вдоль западного склона хребта Сальджар на правобережье Катунь присутствия оградок тюркского времени выявлено на памятниках Большой Мигуль-1, Кара-Коркум-8, Убан-Кобы-8, Аныйак-1, Аныйак-2, Аныйак-4, Аныйак-11, Аныйак-13, Кор-Кобы оозы, Кор-Кобы-1, Кор-Кобы-4, Кор-Кобы-10, Кор-Кобы-11. В районе урочища Кара-Корум на памятнике Каракорум-14 была обнаружена одна ранее раскопанная тюркская оградка, информация о которой в публикациях и отчетах не обнаружена.

В целом, для Катунского правобережья, у западного склона хребта Сальджар, из общего количества выявленных и разнотипных памятников (208), тюркские оградки достаточно широко распространены. Поэтому есть все основания считать, что в эпоху средневековья эта естественно изолированная территория была основательно ритуально освоена. В свою очередь, значительное количество объектов археологического наследия (15), представленных тюркскими оградками различных типов, позволяет считать участок Катунского правобережья у западного склона хребта Сальджар, одной из перспективных территорий Горного Алтая для изучения особенностей тюркских ритуальных комплексов 2-й половины I тыс. н.э.

Библиографический список

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на средней Катунь // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 75–82.

Бородовский А.П. Отчет об археологической разведке в Онгудайском районе Республики Алтай вдоль западного склона хр. Сальджар от устья р. Айлагуш до с. Малый Яломан в 2013 г. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2014а. б/н.

Бородовский А.П. Археологические памятники урочища Сальджар (Республика Алтай) // Научные экспедиции РГНФ. М., 2014б. С. 166–167.

Глушков И.Г., Бородовский А.П. Хозяйственно-бытовые комплексы поселения Саранин II (реконструктивная модель) // Игорь Геннадьевич Глушков. Сургут, 2011. Ч. 2. С. 173–185.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния. Новосибирск, 1984. 230 с.

Сергеев Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул, 2015. 168 с.

Н.Н. Головченко

*Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия*

**АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА
В КРУТИХИНСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
ОСЕНЬЮ 2014 ГОДА**

Осенью 2014 г. Верхнеобский археологический отряд Алтайского государственного педагогического университета проводил археологическую разведку в Крутихинском районе Алтайского края. В ходе работ обследован ряд объектов историко-культурного наследия, расположенных на водоразделе рек Крутишка и Разбойная, в том числе курганная группа Большой Лог-1, дислоцирующаяся в 2 км к востоку от с. Буян и 6 км юго-западу от с. Большой Лог.

Впервые памятник выявлен в 1974 г. В.А. Могильниковым и А.П. Уманским, обследовавшим на нем 5–6 курганов. В ходе разведки 2014 г. на памятнике выявлены четыре не распахиваемые насыпи, с которых были сняты метрические показания и GPS-координаты.

Курган №1 имеет насыпь высотой 4,2 м диаметром 36 м, не распахивается. В центре насыпи – одна грабительская яма диаметром 5 м и глубиной 0,75 м, четыре ямы (периферийные) меньше по размерам: диаметром от 2,6 до 3,5 м, глубиной 0,2–0,3 м. GPS-координаты объекта: N – 53°49'21.88", E – 81°2'45.26".

Курган №2 – высотой насыпи 1,15 м диаметром 25 м, не распахивается. Грабительских ям нет. GPS-координаты: N – 53°49'22.26", E – 81°2'51.18".

Курган №3 имеет насыпь высотой 1 м диаметром 28 м, не распахивается. Грабительских ям нет. GPS-координаты: N – 53°49'26.88", E – 81°2'48.97".

Курган №4 – высотой насыпи 4 м диаметром 25 м, не распахивается. Грабительских ям нет. GPS-координаты: N – 53°49'17.51", E – 81°2'42.12".

В планиграфическом плане курганы №1, 3, 4 образуют четкую цепочку по направлению юго-запад – северо-восток, а курган №2 примыкает к цепочке с востока.

Измерение расстояний между курганами дало следующие результаты: расстояние между объектами №1–3 равно 170 м, №1–4 – 62 м. Курган №2 находится в 139 м от кургана №1, в 170 м от кургана №3 и в 217 м от кургана №4. Полученные значения оказались близки к данным А.Н. Телегина [2008, с. 37–46] по курганной группе Обьезное-1 и нашим данным по памятнику Кочковатое [Головченко, 2014, с. 25–32]. Экстраполируя наши наблюдения и положения, высказанные А.Н. Телегиным, курганную группу Большой Лог-1 можно предварительно датировать эпохой железа.

Рис. 1. Курганная группа Большой Лог-1, вид с кургана №2

Рис. 2. Курганная группа Большой Лог-1 курган №4, вид с юго-запада

Библиографический список

Головченко Н.Н., Кузнецова Е.А. Археологическая разведка в Крутихинском районе Алтайского края // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история. Павлодар, 2014. Вып. 9. С. 25–32.

Телегин А.Н. Некоторые особенности планиграфии курганной группы Объездное-1 // Вопросы археологии и истории Сибири. Памяти профессора А.П. Уманского. Барнаул, 2008. С. 37–46.

В.В. Горбунов, О.С. Лихачева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КИНЖАЛ РЕДКОГО ТИПА С АЛТАЯ

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление N220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Одной из важных тенденций в развитии военного дела народов, населявших степные пространства Евразии в раннем железном веке, являлось увеличение роли клинкового оружия [Смирнов, 1961, с. 9; Мелюкова, 1964, с. 46]. На территории Алтая наибольшее распространение получило короткоклинковое оружие, представленное кинжалами. Основные находки кинжалов сделаны в погребальных комплексах, но в железном материале они имеют плохую сохранность. Намного лучше сохраняется такое оружие из числа случайных находок. Именно по ним можно судить о конструкции и параметрах изделий в первоначальном виде. Поэтому введение в научный оборот случайных находок весьма актуально. Это позволяет путем сравнительного анализа более обоснованно атрибутировать вещи плохой сохранности, что повышает качество классификационных и типологических схем. Настоящая публикация вводит в научный оборот случайную находку кинжала достаточно редкого для территории Алтая типа. Данное изделие хранится в музее «Мир Времени» города Барнаула под инвентарным номером МВ-К.П.1513. Авторы статьи смогли подробно изучить эту находку благодаря разрешению директора музея Сергея Валерьевича Корепанова, за что выражают ему искреннюю благодарность. По имеющейся информации ранее кинжал хранился у жителя с. Кош-Агач (Кош-Агачский район, Республика Алтай). Точное место и обстоятельства его находки, к сожалению, не известны.

Первоначально остановимся на морфологическом описании и параметрах рассматриваемого кинжала (рис. 1).

Клинковое оружие раннего железного века включает следующие конструктивные элементы: поражающая часть – клинок, удерживаю-

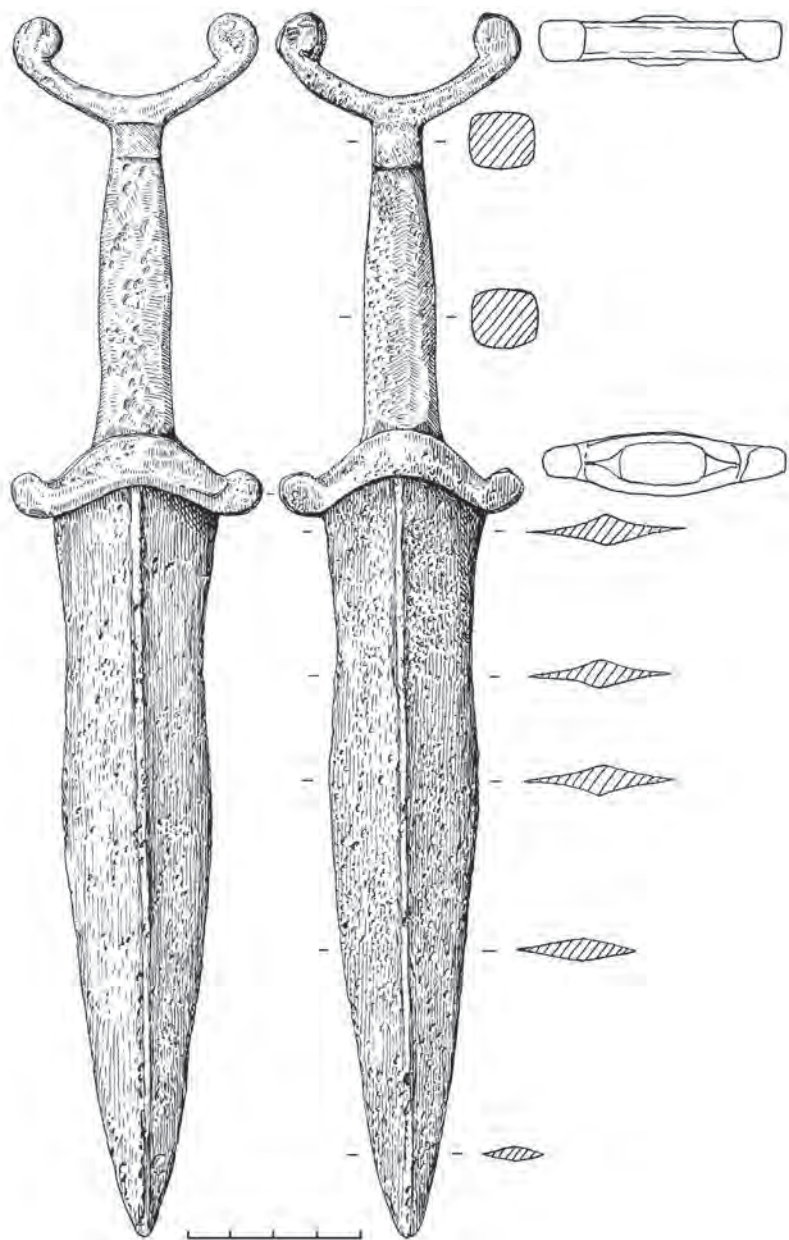

Рис. 1. Железный кинжал из музея «Мир Времени»

шая – черен. Кроме этого выделяется навершие, венчающее черен, и перекрестие, расположенное в месте перехода черена в клинок. Обе эти детали способствуют более надежному удержанию оружия в руке [Лихачева, 2012, с. 167–168, рис. 1].

Общая длина изделия – 28 см; клинок: длина – 18 см, ширина в основании – 3,7 см, ширина в середине полотна – 3,3 см, толщина в середине полотна – 0,7 см; черен: длина – 7,5 см, ширина – до 1,5 см, толщина – до 1,2 см; перекрестие: длина – 5,5 см, ширина в средней части – 1 см, толщина в средней части – 1,4 см, диаметр окончаний – 0,8–1 см; навершие – длина – 5,5 см, высота – 2,4 см, ширина в средней части – 0,6 см, диаметр окончаний – 1 см, толщина – 0,9 см.

Клинок кинжала имеет вытянуто-пятиугольный абрис, с поджатием сторон от основания до середины полотна. Общая его форма на ассоциативном уровне напоминает вытянутый пятиугольник, обращенный вершиной вниз. Стороны, идущие параллельно от основания, немного прогнуты вовнутрь. В месте своего максимального расширения они соединяются со сторонами, которые, сходясь, образуют вершину – окончание клинка. Сечение клинка ромбовидное. По центру него проходит нервюра, которая представляет собой небольшой выпуклый валик. Черен имеет трапецевидный абрис со слегка выпуклыми боковыми сторонами. Широким основанием он соединяется с клинком, а более узким – с навершием. В верхней его части, в месте соединения с навершием, находится шайбовое утолщение, прямоугольное в фас и трапецевидное в профиль. Перекрестие рассматриваемого экземпляра формально может быть отнесено к так называемым «бабочковидным». В тоже время, оно имеет целый ряд особенностей, отличающих его от классических изделий с таким признаком. Так, его общий абрис ассоциативно напоминает коромысло, с дугообразной основной частью и загнутыми наружу округлыми окончаниями. Навершие кинжала может быть отнесено к волютообразным. Основная его часть дуговидна, а округлые окончания загнуты вовнутрь, отдаленно напомина небольшие волюты.

Согласно классификации, разработанной для кинжалов раннего железного века, публикуемый экземпляр относится к группе железных, разделу вытянуто-пятиугольных с поджатием, отделу коромысловидных, типу волютообразных и варианту с шайбовым утолщением на черене [Лихачева, 2012, с. 174–176, рис. 6].

Железные кинжалы в виде отдельных находок известны с XIV в. до н.э., а их постоянное производство начинается с VIII в. до н.э. [Литвинский, 2001, с. 215, 220; Горелик, 2003, табл. V.-18, VI]. Именно с этого времени они широко распространяются на Кавказе и в Восточной Европе [Тереножкин, 1976, рис. 75.-19–20]. В Средней и Центральной Азии железные кинжалы известны с VII в. до н.э. [Толстов, Итина, 1966, с. 152; Чугунов, 2004, с. 16; Яблонский, 2007, рис. 4.-1–2]. На территории Лесостепного Алтая ранее всего они фиксируются в материалах

староалейской культуры [Кунгуров, 1999, с. 93, рис. 1.-1]. В Горном Алтае железные кинжалы датируются не ранее VI в. до н.э. [Суразаков, 1988, рис. 16.-1, 5; Кочеев, 1999, рис. 5].

Кинжалы с клинком пятиугольной формы не характерны для вооружения евразийских степей, зато хорошо известны в Южной Европе, среди оружия 2-й половины I тыс. до н.э. – первых веков I тыс. н.э. Такая деталь, как поджатие сторон клинка от основания к середине, встречается у греческих мечей и кинжалов V–II вв. до н.э., известна у иберских IV–II вв. до н.э. и римских кинжалов II в. до н.э. – III в. н.э. [Конноли, 2000, с. 131, 150, 227, 232, 261; Секунда, 2004, с. 13, 52; Campbell, 2012, p. 31].

«Коромысловидное» перекрестие также характерно для европейской оружейной традиции, а именно – для кельтских мечей и кинжалов 2-й половины V–II вв. до н.э. [Конноли, 2000, с. 116; Peschel, 2006, abb. 8.-6; 10]. Немного напоминают эту форму и перекрестия отдельных савроматских кинжалов V–IV вв. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 14–15, рис. 1.-11–12]. Полностью идентичная форма перекрестия есть у кинжалов каменной культуры IV–III вв. до н.э. [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 57.-2, 63.-5].

Волутообразное навершие является достаточно распространенным и встречается у скифских, савроматских, а впоследствии у сарматских и бактрийских образцов, бытующим таким образом с VI в. до н.э. до рубежа эр [Смирнов, 1961, рис. 3.-3; Мелюкова, 1964, табл. 20.-12; Литвинский, 2001, табл. 58.-1–3; Симоненко, 2010, рис. 13]. Фиксируется оно и у изделий из Горного Алтая, относящихся к пазырыкской и буланкобинской культурам, и бытует на данной территории со 2-й половины V в. до н.э. до I в. н.э. [Тишкин, Горбунов, 2006, с. 32–33, рис. 1.-14–15; Кубарев, Шульга, 2007, рис. 63.-10; 65.-5]. Стоит отметить, что у рассматриваемого экземпляра, оно представляет некую переходную форму между волутообразными и так называемыми антенновидными образцами, которые хорошо известны по сарматским материалам III – начала II в. до н.э. [Клепиков, 2007, рис. 2.-1–3, 6]. Это отражается в незначительной выраженности волют. Наиболее близкое по оформлению навершие известно у изделия каменной культуры IV–III вв. до н.э. [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 57.-2].

Аналогичную форму черена и его схожее декоративное оформление имеют два кинжала из Лесостепного Алтая, относящиеся к каменной культуре: это случайная находка у села Новообинцево и изделие из могильника Новотроицкий-2, который датируется IV–III вв. до н.э. [Могильников, 1997, с. 47, рис. 40.-8; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 57.-2].

В целом, публикуемый кинжал представляет редкий тип, который предварительно можно датировать IV–III вв. до н.э. К нему с большой долей вероятности относятся еще два кинжала из памятника каменной

культуры Новотроицкий-2. Это экземпляры из кургана №5 (могила-3) и кургана №7 (могила-7) [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 181, рис. 57.-2, 63.-5]. У них не ясна форма поражающей части, поскольку клинок первого покрыт остатками деревянных ножен, а у второго сохранился во фрагментах и разрушено навершие. Реставрация кинжала №5 могла бы ответить на вопрос о подлинной форме его клинка.

Представляется маловероятным, что публикуемый кинжал был найден в Горном Алтае. Скорее всего, он происходит из ареала каменной культуры, поскольку его признаки находят наиболее полные аналогии лишь среди каменных материалов. Происхождение рассмотренного кинжала по форме клинка связано с греческой традицией, по форме перекрестия с кельтской традицией, а по форме навершия с савромато-сарматской традицией. Их влияние могло осуществляться по коридору евразийских степей, но греко-кельтские черты могли проникнуть на Алтай и из Средней Азии, особенно после похода Александра Македонского в Бактрию и Согдиану (329–327 гг. до н.э.) и создания там эллинистических государств.

Библиографический список

- Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). СПб., 2003. 336 с.
- Клепиков В.М. Раннесарматские мечи в Нижнем Поволжье // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 51–57.
- Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 74–82.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.
- Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000. 320 с.
- Кунгуров А.Л. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-I в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 92–98.
- Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. 528 с.
- Лихачева О.С. Клинковое оружие раннего железного века из Лесостепного Алтая: проблема морфологического разграничения // Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб., 2012. С. 165–181.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М., 1964. 64 с.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.
- Секунда Н. Армия Спарты. М., 2004. 70 с.
- Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. 328 с.
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. 168 с. (МИА. №101).
- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988. 216 с.
- Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. 223 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. №3. С. 31–40.

Толстов С.П., Итина М.А. Саки низовьев Сыр-Дарьи. (По материалам Тагискена) // Советская археология. 1966. №2. С. 151–175.

Чугунов К.В. Аржан. Источник в долине царей // Археологические открытия в Туве. СПб., 2004. С. 10–37.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

Яблонский Л.Т. Оружие ранних саков Приаралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 134–156.

Campbell D. Spartan warrior 735–331 BC. Oxford, 2012. 64 p.

Peschel K. Frühe germanische Kriegerordnung und keltische militärische Gemeinschaftsformen // Studien zur Lebenswelt der Eiseneit. Berlin; New York, 2006. S. 149–191.

В.В. Горбунов, А.А. Тишкин, Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПАМЯТНИКА СРОСТКИ-I

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнокультурные процессы на юге Западной Сибири в раннем средневековье», №14-01-00463а

Курганный могильник Сrostки-I является базовым комплексом периода раннего средневековья на юге Западной Сибири и одним из крупных некрополей на территории Алтайского края. Он находится в 25 км к юго-востоку от г. Бийска, на окраине с. Сrostки Бийского района, на южном покатом склоне горы Пикет (другое название этого места – Крутой Солонец), расположенной на правом берегу Катуня. Первооткрывателем памятника считается сотрудник Бийского музея – краевед М.Д. Копытов, вскрывший в 1925 г. 39 объектов. В том же году раскопки были продолжены отрядом Алтайской экспедиции Этнографического отдела Русского музея под руководством М.Н. Комаровой (начальник – С.И. Руденко). В результате оказались исследованы еще 11 курганов. Дальнейшие работы на археологическом комплексе проводила экспедиция Общества изучения Сибири под руководством С.М. Сергеева, которая в 1930 г. раскопала шесть курганов. Тогда же был составлен глазомерный план могильника, на котором отмечена 61 земляная насыпь. Всего за два полевых сезона на памятнике Сrostки-I были вскрыты 56 курганов, т.е. большая часть обозначенных объектов. Важно отметить, что исследования под руководством М.Н. Комаровой и С.М. Сер-

геева осуществлялись путем вскрытия центральных участков насыпей раскопами в виде колодцев. М.Д. Копытов проникал в могилу также через центр кургана. При этом никакой документации в ходе работ он не вел. Коллекция находок, полученных М.Д. Копытовым, хранится в Бийском краеведческом музее им. В. Бианки и значится под №849 (по описи в ней указаны 242 предмета). Материалы раскопок М.Н. Комаровой и С.М. Сергеева хранятся в Государственном Эрмитаже (коллекции №4381 и 1285) [Горбунов, Тишкин, 2014, с. 55]. Результаты частичного изучения одного кургана представлены в монографии А.А. Гавриловой [1965]. Большая часть вещей и полевые дневники М.Н. Комаровой и С.М. Сергеева введены в научный оборот Д.Г. Савиновым [1996, 1998].

Отдельные предметы, обнаруженные М.Д. Копытовым, публиковались разными исследователями [Грязнов, 1930; Киселев, 1949; Могильников, 1981; Горбунов, 2010; и др.]. Краткая характеристика работ этого археолога-любителя была дана С.М. Сергеевым [1998], а обзор коллекции предпринимался С.В. Неверовым [1991]. Но полная публикация материалов, добытых М.Д. Копытовым, до сих пор так не состоялась. Указанное обстоятельство определяет актуальность осуществления полноценной работы с имеющимся предметным комплексом.

Получение более полной информации о важном памятнике, а также проведение охранных работ определили необходимость продолжения археологических изысканий на курганном могильнике Сростки-I. Такие исследования были организованы в 2012 г. кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета при участии Казанского (Приволжского) федерального университета и Института истории им. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Затем они продолжались в течение следующие двух лет. Работы осуществлялись по современной методике и включали тахеометрическую съемку визуально выявляемых насыпей и деталей рельефа, раскопки ранее вскрытых курганов с детальной фиксацией конструктивных особенностей насыпей и рвов, расположения и устройства могил, деталей погребального обряда и инвентаря, а также частичную музеефикацию объектов.

В результате реализованных археологических мероприятий были раскопаны четыре кургана (№8, 12, 16, 38). Не останавливаясь подробно на описании полученных материалов, которые опубликованы [Горбунов, Ситдилов, Тишкин, 2013; Горбунов, Тишкин, 2014; Горбунов, Тишкин, Ситдилов, 2014; Тишкин, 2014] либо отражены в работах, находящихся в печати, представим общую характеристику зафиксированных элементов обрядовой практики населения, оставившего исследуемые объекты.

Основная могила *кургана №12* была сооружена для погребения зрелого мужчины в сопровождении лошади. На дне ее, как минимум, находилась конструкция из деревянной рамы. Размеры могильной камеры подходят для размещения в ней умершего человека в вытянутом положении, ориентированного, скорее всего, головой на ЮВВ. Сопроводитель-

ное захоронение лошади могло располагаться над погребением человека. Восточнее могилы, в ее «изголовье», выкапывалась яма, в которую устанавливался столб из ошкуренного ствола дерева. Южнее и юго-восточнее от основного погребения располагались две могилы для захоронения детей в вытянутом положении, головами в восточный сектор. Могила для ребенка постарше делалась глубже и снабжалась инвентарем и заупокойной пищей. Яма для младенца оказалась более мелкой. В ней какие-либо изделия отсутствовали. Перед сооружением насыпи отмеченный столб поджигался и ломался до уровня своей ямы. К югу от могил совершались какие-то ритуальные действия, от которых остались кости лошади. После возведения кургана осуществлялась поминальная тризна к северо-востоку от насыпи, о чем свидетельствуют найденные там колотые кости животных, отдельные фрагменты битой керамики и развал сосуда.

Центральная могила **кургана №8**, скорее всего, была сооружена для погребения двух человек, о чем свидетельствует оставшийся инвентарь. Наличие лука и стрел характерно для мужского комплекта вещей, а двух серег – для женского. О размерах и других конструктивных элементах погребальной камеры судить сложно, так как они уничтожены старыми раскопками. Полное отсутствие костей человека дает возможность предположить наличие парного кенотафа, о чем дополнительно свидетельствуют небольшие продольные параметры могильной ямы. Найденная лопатка овцы может относиться к заупокойной пище. Восточнее могилы, в ее «изголовье», были выкопаны две ямы, в которые установили по столбу из ошкуренного ствола дерева. Рядом с ними найдены кости лошади, в том числе колотые, что демонстрирует совершение на этом месте поминальных действий.

Северо-восточнее от основного погребения была выкопана еще одна могила для захоронения мужчины. Умерший был погребен по способу ингумации (в вытянутом положении, головой в восточный сектор). Ему положили сопроводительный инвентарь, состоявший из сложносоставного лука со стрелами, пояса с пряжкой и ножа. В качестве заупокойной пищи был помещен кусок бараньего мяса. К востоку от «изголовья» этой могилы также был установлен деревянный столб, но из более тонкого ствола. После совершения погребально-поминальных действий над объектами возводилась курганная насыпь. Перед ее сооружением столбы в «изголовьях» могил поджигались и ломались до уровня своей ямы.

В 2014 г. изучались два кургана, которые находились близко друг к другу (рис. 1).

Важной отличительной особенностью **кургана №16** являлся ров (рис. 2), вырытый вокруг насыпи. В его северо-восточной части зафиксирована перемычка. Все могилы располагались в ряд (рис. 3). Среди них основная яма (№1) сооружена для погребения взрослого мужчины, о чем свидетельствуют обнаруженные предметы вооружения – фрагменты железных наконечников стрел и мелкие обломки меча, а также

Рис. 1. Сротки-I. Курганы №16 и 38 до раскопок

Рис. 2. Сротки-I. Кургan №16. Часть выбранного рва

Рис. 3. Сротки-I. Кургan №16. Расположение выявленных могил

бронзовый наконечник ремня с изображением льва от портупей меча. Судя по всему, в ногах человека было положено снаряжение верхового коня, представленное железными удилами и псалием из рога. К нему же относятся подпругная пряжка и три бронзовых бляхи-накладки от узды. К северу и к югу от основного погребения, на небольшом расстоянии были вырыты еще три могилы (рис. 3), предназначенные для умерших людей различного возраста. Во всех случаях зафиксирован обряд ингумации с ориентировкой погребенных головой в восточном направлении. К востоку от могил-1 и 2 были выкопаны небольшие ямы, в которые установили по столбу из ошкуренного ствола дерева. Отличительной характеристикой материалов могилы-3 стало то, что рядом с останками взрослого человека обнаружен скелет ребенка. Кроме того, для одиночного детского захоронения была также сооружена отдельная могильная яма. Сопроводительный инвентарь (рис. 4) обозначенных погребений представлен немногочисленными украшениями (бронзовые серьги, бусины), элементами костюма (бронзовый наконечник ремня и роговая пряжка для пояса), а также бытовыми изделиями (железные ножи). После совершения погребально-поминальных действий над объектами возводилась курганная насыпь. Перед ее сооружением столбы в «изголовьях» могил поджигались и ломались до уровня своей ямы.

Спустя некоторый промежуток времени после сооружения выше-рассмотренного объекта был возведен **курган №38**, насыпь которого частично перекрывала ров уже охарактеризованного комплекса. Центральная могила данного кургана была сооружена для погребения подростка, захороненного по обряду одиночной ингумации и уложенного головой в восточный сектор. Останки умершего находились в специальной берестяной конструкции. Каких-либо вещей рядом с человеком не обнаружено, но на краю могилы найден просверленный астрагал. Отметим, что данный курган также подвергся «раскопкам», однако заложенный шурф размерами 2,6х2,3 м, на глубину более метра, не затронул погребение.

Находки, полученные в полностью раскопанных курганах, имеют целый ряд соответствий в уже известном инвентарном комплексе могильника Сростки-I [Гаврилова, 1965; Савинов, 1998]. Исследованные объекты по всем выявленным деталям обряда (планиграфия могил, способ погребения, положение и ориентация умершего, внутримогильная конструкция из бересты, традиция сооружения «изголовных» столбов и др.) вписываются в погребальные каноны сросткинской археологической культуры [Горбунов, 2012, с. 552]. В целом, по найденному инвентарю и погребальному обряду они могут быть отнесены к грязновскому этапу этой общности и датированы 2-й половиной IX – 1-й половиной X вв. н.э.

Важно подчеркнуть, что после раскопок каждого объекта осуществлялась их частичная музеефикация, включавшая восстановление насыпей курганов до первоначальных размеров. Реализация обозначенных мероприятий позволяет реконструировать прежний

ландшафтный вид местности [Алтайский..., 2007, фото на с. 45] и обеспечить возможность осуществления экскурсионно-туристической деятельности [Тишкин, 2014].

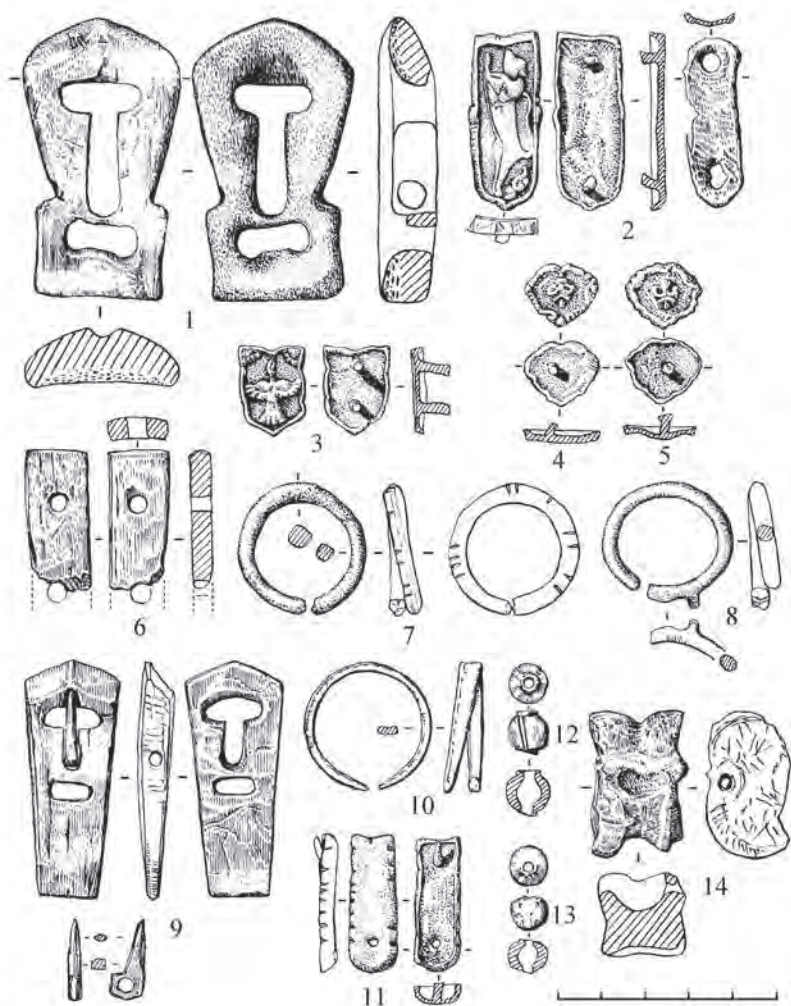

Рис. 4. Курганный могильник Сростки-I. Инвентарь из кургана №16: могила-1 (1-6), могила-2 (7-8), могила-3 (9-11), могила-4 (12-13) и кургана №38 (14): 1 – роговая подпружная пряжка; 2 – бронзовый наконечник и кожаный ремешок; 3-5 – бронзовые бляхи-накладки; 6 – костяной предмет; 7-8, 10 – бронзовые серьги; 9 – роговая поясная пряжка; 11 – бронзовый наконечник ремня; 12-13 – стеклянные бусы; 14 – альчик

В настоящее время в Сростках продуктивно работает созданный Всероссийский мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина. На наш взгляд, одним из направлений его дальнейшего перспективного развития может стать опора на памятники историко-культурного наследия, расположенные рядом с селом. Дело в том, что на горе Пикет, кроме средневековой курганной группы Сростки-I и Сросткинской палеолитической стоянки, есть и другие разновременные археологические объекты. Возможно, что специальное проведение сплошных обследований ближайших окрестностей дополнит имеющийся список и существенно расширит спектр музейной деятельности. Однако уже сейчас существующие сведения и материалы позволяют наметить программу реализации актуального для края проекта с участием музейных сотрудников и исследователей Алтайского государственного университета (АлтГУ), а также студентов, магистрантов и аспирантов, специализирующихся на кафедре археологии, этнографии и музеологии.

Для начала требуется проведение тщательных архивных и библиографических изысканий. Наиболее актуальной задачей является полноценная обработка археологических коллекций, рукописных источников и фотоснимков, хранящихся в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки, Государственном Эрмитаже, Институте истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), в музейных и архивных учреждениях Барнаула, Новосибирска, Томска и, возможно, других городов страны. Особенно важным является развернутая публикация находок, полученных М.Д. Копытовым. Часть вещей опубликована [Горбунов, Ситдилов, Тишкин, 2013, с. 102–103]. Однако полное издание всех материалов до сих пор так не состоялось, хотя научная значимость их велика. В отличие от находок М.Д. Копытова, результаты раскопок М.Н. Комаровой и С.М. Сергеева в значительной мере введены в научный оборот [Гаврилова, 1965; Савинов, 1998]. Однако требуется их дальнейшее детальное изучение. Особенно важным станет применение естественно-научных методов. Отдельно планируется проведение сопоставления всех сформированных сведений для возможной идентификации материалов из каждого кургана.

Особое значение в планируемых работах должны иметь намеченные геофизические исследования, в ходе которых будут получены сведения об особенностях оформления погребального комплекса, определена степень нарушенности отдельных объектов, изучено межкурганное пространство. Полученная магнитограмма позволит эффективно планировать раскопочные работы. Данная работа будет опираться на уже имеющийся опыт проведения таких изысканий на разных курганных могильниках юга Западной Сибири [Тишкин и др., 2007; Тишкин, 2013].

В заключение важно отметить, что для получения существенных результатов нужна программа, в основу которой может быть положен аккумулированный задел. Она должна включать проект музеефикации всех археологических памятников, находящихся на горе Пикет, а также

оформление их в музейный комплекс путем создания специальных площадок, оборудованных баннерами. Возможно, устройство павильона, где может демонстрироваться временная экспозиция, где будет реализовываться сувенирная продукция, буклеты и др.

Отдельной стороной развития может стать подготовка научных и научно-популярных публикаций по результатам проведенных научных исследований. Планируется подготовка и издание буклета. Расширит обозначенную деятельность презентация результатов внедрения историко-культурного наследия в сферу экскурсионно-туристической деятельности на выставках, форумах и конференциях регионального, всероссийского и международного уровня.

Кратко представленный план создания музеефицированного комплекса будет органично вписываться в формирующийся проект создания туристического маршрута «Малое Золотое кольцо Алтая», активно поддерживаемого краевой администрацией и имеющего очевидные перспективы.

Библиографический список

- Алтайский благодатный край. М., 2007. 544 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.
- Горбунов В.В. Антропоморфные подвески из могильника Сростки-I // Төрөвтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул, 2010. С. 16–19.
- Горбунов В.В. Сросткинская археологическая культура: итоги и перспективы изучения // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 2. С. 549–554.
- Горбунов В.В., Ситдилов А.Г., Тишкин А.А. Новые результаты изучения курганного могильника Сростки-I в Бийском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2013. Вып. XVIII–XIX. С. 102–107.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник Сростки-I: история изучения и современные исследования // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2014. Вып. 4–2(84). С. 54–67.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Ситдилов А.Г. Продолжение исследований курганного могильника Сростки-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 80–86.
- Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. 12 с.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949. 364 с. (МИА №9).
- Могильников В.А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 43–52 (Археология СССР).
- Неверов С.В. Материалы раскопок М.Д. Копытова у с. Сростки // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 125–128.
- Савинов Д.Г. Погребения Сросткинского могильника (по материалам раскопок М.Н. Комаровой, 1925 г.) // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 192–206.
- Савинов Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки М.Н. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 175–190.

Сергеев С.М. Курганные погребения близ с. Сrostки Бийского округа. Краткая характеристика // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 187–190.

Тишкин А.А. Кармацкий – базовый памятник монгольского времени в Барнаульском Приобье // V Международный Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV–XVI вв.)». Симферополь, 2013. С. 119–122.

Тишкин А.А. О необходимости музеефикации курганной группы Сrostки-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 272–278.

Тишкин А.А., Чугунов К.В., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Манштейн А.К., Позднякова О.А., Миненко М.И., Адайкин А.А. Геофизические исследования на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007. С. 215–220.

С.П. Грушин, Г.А. Миляев, И.А. Вальков, А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ В ЗМЕИНОГОРСКОМ РАЙОНЕ

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление N220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

В 2014 г. Рудно-Алтайским археологическим отрядом Алтайского государственного университета проводилась археологическая разведка на территории Змеиногорского района Алтайского края. Поиск новых объектов производился в северо-восточной части озера Колыванского. Данная территория является довольно перспективной для выявления новых памятников археологии, что обусловлено благоприятными для проживания человека природными условиями. Наличие большого количества памятников в этой местности способствовало и достаточно раннему началу их изучения [Памятники истории и культуры..., 1996, с. 3].

Основными целями археологической разведки стали поиск, фиксация, картографирование, а также описание обнаруженных памятников археологии, находящихся на территории указанного района. Маршрут разведки пролегал от трассы Р-370 на участке между п. Курья и с. Савушки, затем вдоль грунтовой дороги через р. Усть-Колыванка, ведущей к оз. Колыванское и детскому лагерю «Чайка». Также был обследован район р. Слюдянка. В результате работы отряда был обнаружен ряд новых памятников археологии: поселение Усть-Колыванка-III, одиночный курган Усть-Колыванка-IV, курганные группы Усть-Колыванка-V, Усть-Колыванка-VI и Слюдянка-V (рис. 1).

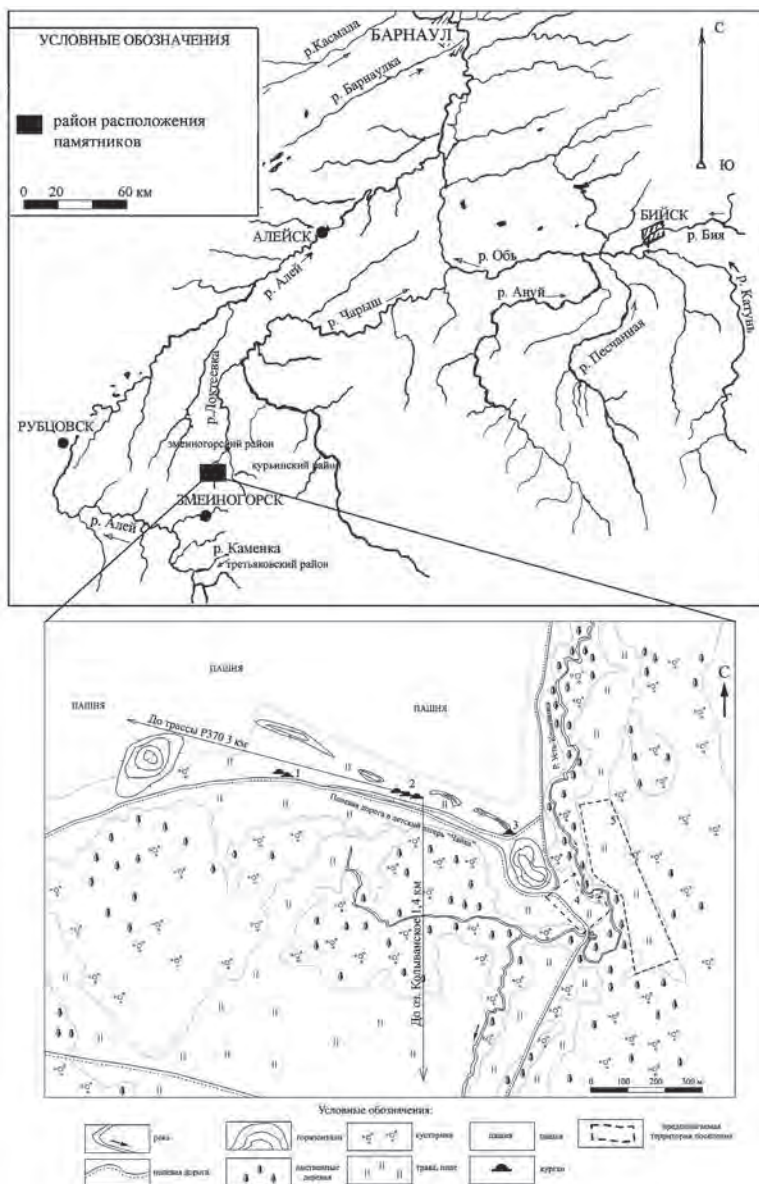

Рис. 1. Район обследования и топоплан расположения памятников:
 1 – Усть-Колыванка-VI; 2 – Усть-Колыванка-V; 3 – Усть-Колыванка-IV;
 4 – Усть-Колыванка-III; 5 – Усть-Колыванка-II

Усть-Колыванка-III. Поселение располагается на левом берегу р. Усть-Колыванка, вдоль полевой дороги, ведущей к оз. Колыванскому и к детскому лагерю «Чайка», в 6 км к северо-востоку от с. Саввушка. Южная часть поселения в настоящий момент разрушается данной грунтовой дорогой. На участке дороги, пересекающем древнее поселение был собран подъемный материал, который представлен изделиями из камня и сколами, а также фрагментом керамики. Набор каменных предметов позволяет предположительно датировать существование поселения эпохой неолита-энеолита и состоит из следующих вещей:

1. Орудие из краевого галечного скола (рис. 2.-1). Сырье – окремненный метаморфизированный песчаник темно-серого цвета. Дорсальная сторона почти полностью покрыта валунной коркой, заполирована и имеет поперечные и продольные макроследы. Возможно, это свидетельство того, что раньше данный экземпляр был крупным галечным лощиком или терочником, расколовшимся в процессе эксплуатации. Более узкое окончание артефакта имеет на дорсальной стороне фасетки сколов с двух краев, выщерблены и залощенность от работы, а также поперечные грубые глубокие борозды на участке валунной поверхности между дистальными оконечностями фасеток сколов. Вентральная сторона радиально обработана глубокой модифицирующей многоярусной обивкой. Обработка осуществлена жестким отбойником. Некоторые сколы на дистальной части имеют заломы, образующие по центру предмета центральный выступ-гребень. Края по периметру дополнительно обработаны крупной ярусной чередующейся грубой модифицирующей ретушью, сделавшей кромки притупленными. Имеется утилитарная залощенность и микровыщербленность. В целом, изделие можно назвать универсальным скобяще-скребушим орудием скорняжного комплекса. Обработка и внешний облик в целом характерны для орудийных наборов конца неолита – энеолита Горного Алтая и его северо-западных предгорий. Валун, послуживший основой для орудия, скорее всего, происходит из аллювия Корболихи. Ближайшие выходы такого материала расположены в окрестностях Змеиногорска.

2. Первичный скол желвака без следов окатанности на корке (рис. 2.-2). Имеет двугранный остаток ударной площадки и очень массивный ударный бугорок. Получен, вероятно, в процессе оформления крупной орудийной или нуклевидной формы. Сырье – окремненный песчаник или сланец – получено древним мастером камнеобработки из коллювиальной осыпи или цокольного выхода. Вторичной обработки нет.

3. Нуклевидный скол (рис. 2.-3). Артефакт массивный с четко выраженной плоскостью откола и оббитостью. Сколы плоские, широкие, разнофасеточные. Дистальное окончание образовано вертикальным сколом, нанесенным с дорсальной стороны, видимо, до снятия артефакта с нуклеуса или орудия при его обновлении. Правый край обработан

дорсальной крупной и мелкой плоской разнофасеточной немодифицирующей ретушью.

4. Медиальная часть крупной пластины или пластинчатого скола (рис. 2.-4). Оба продольных края обломаны, возможно, в процессе утилизации скола, что и могло привести к образованию данного сегмента. Угловые участки артефакта имеют выщерблины, возможно, утилитарного характера.

5. Дистальный фрагмент пластинчатого скола, полученного при обновлении орудия с частичной заполировкой поверхности (рис. 2.-5). Левая кромка частично притуплена, правая имеет более острую грань.

6. Вторичный отщеп-скол (проксимальный фрагмент) с диагональным откалыванием левого края (рис. 2.-6). Имеет остаток двугранной ударной площадки. Правый край, имеющий выступ-уголок, ретуширован, преимущественно с дорсальной стороны. Ретушь зубчатая разнофасеточная модифицирующая уплощающая и приостряющая (участками). Вентральный участок диагональной фасетки отколотого левого края притуплен, что позволяет рассматривать орудие как обушковый скол.

7. Дистальный фрагмент скола или пластинчатого отщепа, снятого с частично шлифованного орудия (рис. 2.-7). Оба края несут ретушнюю обработку. Ретушь мелкая прерывистая приостряющая.

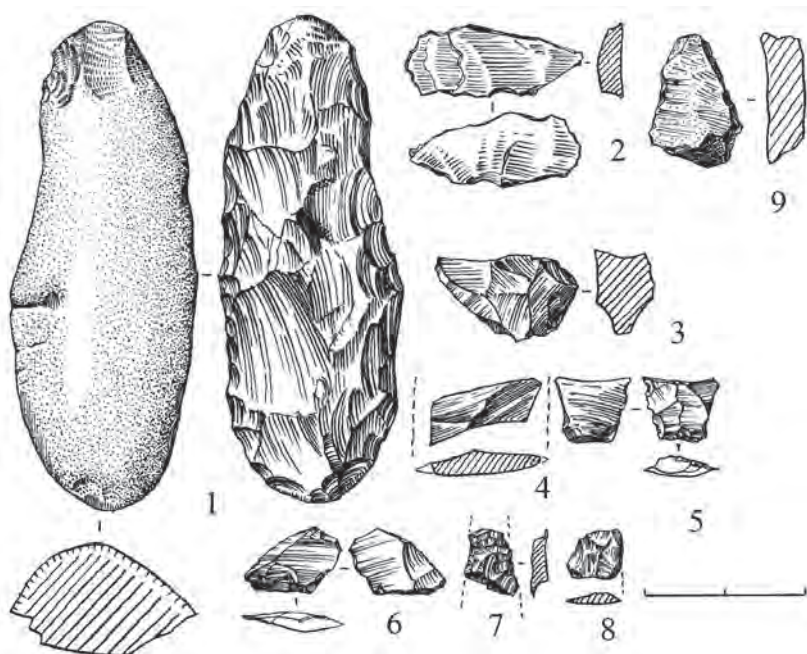

Рис. 2. Усть-Колыванка-III. Сборы подъемного материала

8. Пластинчатый отщеп трапециевидной формы, проксимальная часть (рис. 2.-8). Оба продольных края имеют разнообразную по характеру обработку. Левый модифицирован мелкими анкошевидными дорсальными и проксимальными сколами и приостряющей мелкой разнофасеточной микрозубчатой ретушью. Угол проксимального облома и края имеет вид микроострия. Правый край обломан ударом с дорсала. Угол дистальной части и кромки приострен сколом, нанесенным с дорсальной стороны.

9. Фрагмент керамики подтреугольной формы размерами 3х2 см и толщиной 0,9 см (рис. 2.-9). Прослеживается примесь разноразмерной неокатанной дресвы. Обжиг окислительный среднетемпературный. С наружной стороны нанесен слой ангоба, после обжига приобретший оранжево-красный цвет. Обе стороны фрагмента имеют следы грубой затирки.

Анализ подъемного материала позволяет датировать поселение эпохой энеолита в рамках IV – I пол. II тыс. до н.э.

Усть-Колыванка-IV. Одиночный курган располагается вдоль грунтовой дороги, ведущей в лагерь «Чайка», на небольшом возвышении, примерно в 250 м к юго-западу от поселения Усть-Колыванка-III. Курган представляет округлую кольцевую насыпь из крупных камней диаметром 3,5 м. В центре кургана фиксируется каменная насыпь из более мелкого камня, чем кольцевая выкладка. Внешние признаки объекта позволяют отнести его к афанасьевской культуре эпохи энеолита.

Усть-Колыванка-V. Курганный могильник располагается в 300 м на северо-восток от одиночного кургана Усть-Колыванка-IV. Скопление западин фиксируется вдоль грунтовой дороги, в числе которых восемь объектов и ров. Группа курганов вытянута с севера на юг. Визуально фиксируется отличие западин от окружающей растительности. Датировка этого комплекса представляется пока невозможной ввиду отсутствия каких-либо признаков, по которым можно было определить культурную принадлежность.

Усть-Колыванка-VI. Курганный могильник располагается на северо-востоке от курганный группы Усть-Колыванка-V, на расстоянии примерно 300 м. Могильник представляет собой группу из двух курганов, расположенных по оси запад-восток, расстояние между ними 25 м. Датировка курганов по внешним признакам представляется затруднительной.

Слюдянка-V. Курганный могильник обнаружен в результате работ по обследованию района р. Слюдянка и располагается в 1,5 км к востоку от озера Колыванское и в 2,5 км к северо-востоку от детского лагеря «Чайка». Памятник представляет собой скопление из 19 объектов, расположенных относительно друг друга по линии север-юг. Курганы лежат в узкой долине, которая с запада обрамлена холмами, а с востока поймой р. Слюдянка, пойма густо заросла лесом. Каждый из 19 объектов отличается на поверхности характером растительности и как правило зарос кустарником, а также обладает западиной в центре или небольшой насыпью. Датировать данный комплекс пока сложно, так как отсутствуют культурно-диагностирующие признаки.

Проведенные работы показывают, что, несмотря на достаточную изученность данного района в археологическом плане, на его территории все еще остаются «белые пятна». Следует отметить важность поиска новых памятников, что поможет не только дополнить археологическую карту Змеиногорского района, но и принять меры по охране, а также проведению спасательных аварийных работ на памятниках, так как некоторые из них, например поселение Усть-Колыванка-III, испытывают на себе разрушающее антропогенное и природное воздействие.

Библиографический список

Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. 253 с.

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНОВ СКИФСКОЙ ЭПОХИ В ЗАПАДНОМ АЛТАЕ В 2014 Г.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №14-31-01201, «Погребально-поминальная обрядность кочевников Западного Алтая и Восточного Казахстана как источник для реконструкции этногенетических и социальных процессов в контексте культурно-исторической ситуации в Саяно-Алтайской горной провинции в древности и раннем средневековье»)

В полевой сезон 2014 г. Краснощековская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета продолжила изучение могильников Инской дол и Чинета-II. Указанные памятники входят в состав Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в окрестностях с. Чинета Краснощековского района Алтайского края [Дашковский, 2004; и др.].

На могильнике Чинета-II исследован **курган №31**, расположенный в центральной части долины в непосредственной близости к краю второй надпойменной террасы р. Иня. Он имел диаметр каменной насыпи с С на Ю – 15 м. Высота сооружения вместе со слоем земли достигала 0,85 м. Насыпь объекта сооружена преимущественно из средних по размеру камней в 2–4 слоя. По периметру кургана выявлены более крупные камни, чем в насыпи, которые образуют кольцевую выкладку – крепиду. Под насыпью кургана в центральной ее части зафиксирована могильная яма, которая была ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ и имела следующие размеры от уровня древнего горизонта 3,3х2,5х3,1 м. Вся могила до самого погребения была забутована камнями. На глубине 2,55–2,8 м вдоль северной стенки могильной ямы обнаружено сопроводительное захоронение лошади, которая была уложена на живот и ориентированной головой на восток. В районе ребер животного выяв-

лена костяная подпружная пряжка, в зубах – железные кольчатые удила, а на лбу – золотая круглая налобная бляха из фольги (рис. 1).

В могиле, вероятно, была сооружена деревянная рама, внутри которой выявлен очень плохой сохранности скелет человека. Погребение, возможно, было потревожено или носило вторичный характер. Во всяком случае, скелет лежит не полностью в анатомическом порядке. Судя по отдельным сохранившимся *in situ* костям скелета, умерший был уложен в скорченном положении на правый бок и ориентирован головой на восток. Из сопроводительного инвентаря у погребенного человека выявлены фрагменты золотой фольги, вероятно, от аппликаций, ритуальная пища (кости барана), железный нож, развал керамического сосуда (рис. 1). В районе основного развала керамического сосуда обнаружены частицы красного лака. Возможно, это была деревянная чашечка (?) покрытая красным лаком. Еще одно скопление фрагментов красного лака выявлено в 25 см к юго-западу от первого в районе костей скелета человека. В настоящее время фрагменты лака переданы на экспертизу в Государственный Эрмитаж.

Второй памятник, на котором проводились раскопки курганов скифской эпохи, – Инской дол [Дашковский, 2013; Дашковский, Мейкшан, 2014]. Он находится на той же речной террасе, что и некрополь Чинета-II, но в 400 м южнее первого. В прошедший полевой сезон исследовались курганы №10–11, которые расположены в южной части могильника Инской дол и образовывали микроцепочку из пяти объектов. **Курганы №10–11** являлись самыми южными в данной микроцепочке, которая вытянута в направлении север-юг. Диаметр **кургана №10** достигал 6,75 м. Высота каменной насыпи, сложенной в 1–3 слоя из камней, достигала 0,5 м. Под насыпью зафиксирована могильная яма, которая ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ и имела следующие размеры 2,45х1,58х1,4 м. В могиле обнаружены фрагменты продольных и поперечных деревянные плахи от рамы, внутри которых выявлено погребение человека, уложенного в скорченном положении на правом боку и ориентированного головой на восток. Из сопроводительного инвентаря обнаружены: развал керамического орнаментированного сосуда кувшинообразной формы, ритуальная пища (кости барана), восьмеркообразная золотая (?) серьга (рис. 2.-6), ожерелье из пяти костяных подвесок (рис. 2.-1–5).

Курган №11 располагался в 2,2 м к северу от кургана №10. Диаметр насыпи объекта, сложенной в 1–3 слоя из камней, достигал 7,75 м, а высота – 0,5 м. Под насыпью зафиксирована могила, которая была ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ и имела следующие размеры 2,9х2,05х2,48 м. На глубине 1,94–2,18 м внутри могилы выявлена остроконечная плита, которая перекрывала погребение. Длина плиты 1,5 м, максимальная ширина в восточной части 0,9 м. Противоположенная западная часть плиты имела сужение. Толщина плиты достигала 15–20 см. После снятия каменной плиты-перекрытия обнаружено погребение человека. Умерший был уложен в скорченном положении на

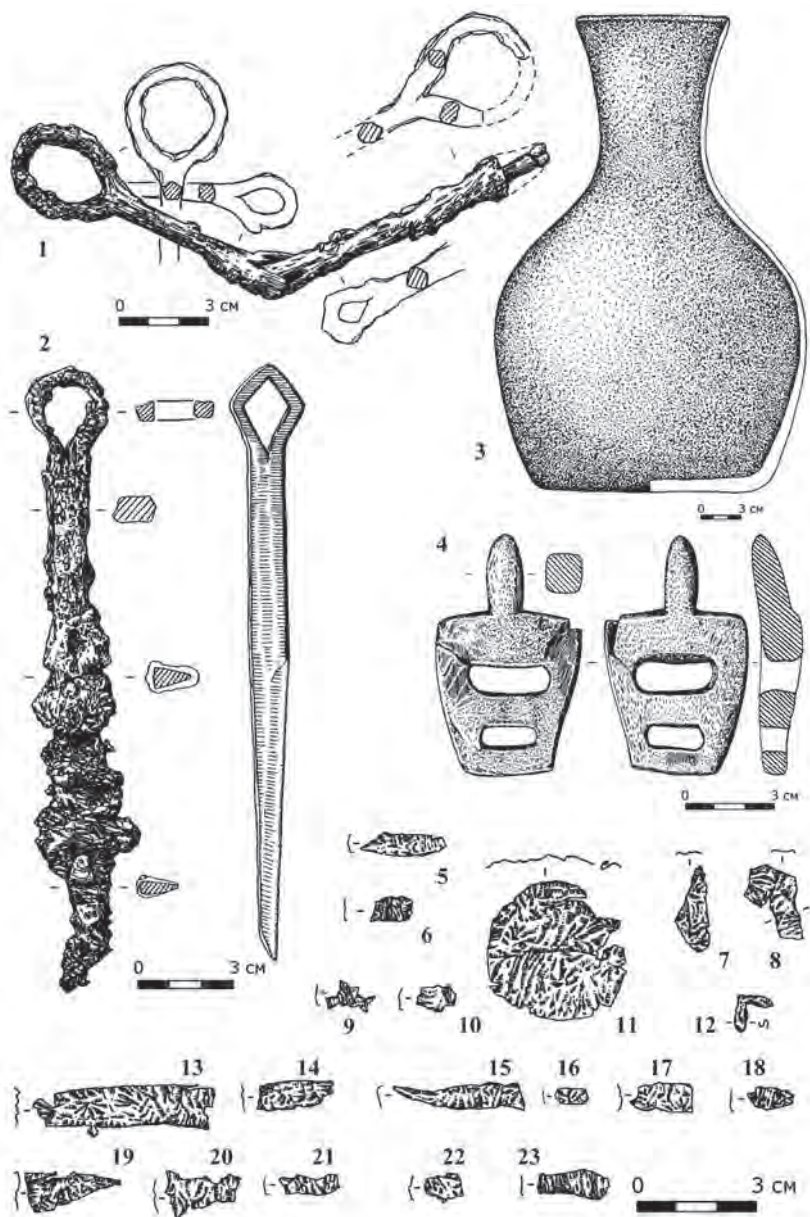

Рис. 1. Инвентарь из кургана №31 могильника Чинета-II
(1-2 – железо; 3 – керамика; 4 – кость; 5-23 – золото)

правом боку и ориентирован головой на восток. Из сопроводительного инвентаря обнаружены железный нож (рис. 2.-7), развал керамического орнаментированного сосуда кувшинообразной формы, а также ритуальная пища (кости барана).

Остановимся теперь на культурно-хронологической атрибуции исследованных курганов. Так, зафиксированные при раскопках кургана №31 могильника Чинета-II особенности погребального обряда (положение умершего на правом боку, ориентация головой на восток, сопроводительное захоронение лошади вдоль северной стенки могилы), а также погребальный инвентарь, имеют устойчивые аналогии в ранее исследованных памятниках пазырыкской культуры как в Северо-Западном [Дашковский, 2014], так и в других районах Алтая [Кубарев, 1987, 1991, 1992; Кубарев, Шульга, 2007; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; и др.]. Указанные обстоятельства позволяют отнести курган №31 могильника Чинета-II к пазырыкской культуре Алтая и предварительно датировать V–III вв. до н.э. Исследованные курганы №10–11 некрополя Инской дол также имеют определенные аналогии в памятниках пазырыкской культуры [Кубарев, 1987, 1991; и др.], в том числе исследованных в Северо-Западном Алтае

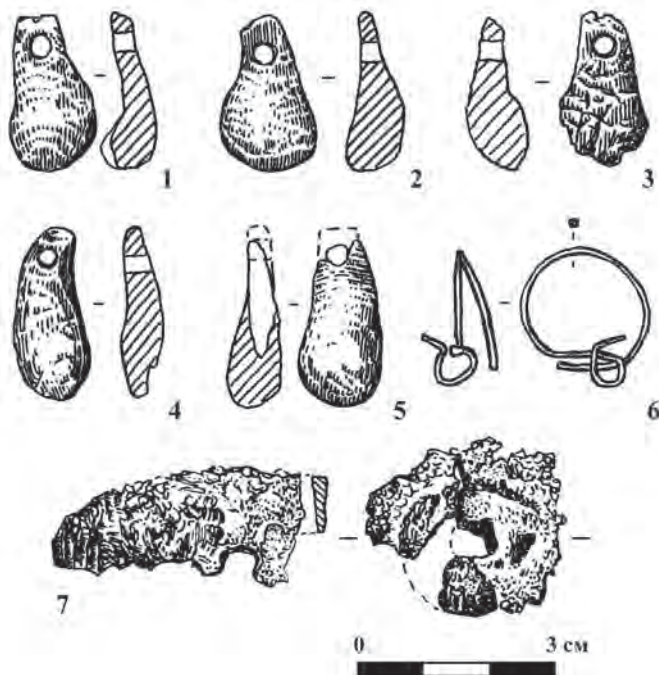

Рис. 2. Инвентарь из курганов №10–11 могильника Инской дол: 1–6 – курган №10; 7 – курган №11 (1–5 – кость; 6 – золото; 7 – железо)

[Дашковский, 2014]. Правда в данном случае отсутствует сопроводительные захоронения лошадей, хотя ранее в кургане №2 было обнаружено погребение человека с лошадьё в одной могиле [Дашковский, Мейкшан, 2014]. Инвентарь из раскопанных курганов на могильнике Инской дол представлен крайне не многочисленными и не выразительными предметами. Указанные обстоятельства свидетельствуют о невысоком социальном статусе погребенных. В целом, учитывая особенности погребального обряда и инвентаря, курганы №10–11 можно предварительно датировать IV–III вв. до н.э. Дальнейшее исследование курганов на могильниках Чинета-II и Инской дол будет способствовать изучению этнокультурных процессов в Южной Сибири в скифо-сакскую эпоху.

Библиографический список

Дашковский П.К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004. С. 34–37.

Дашковский П.К. Археологическая разведка в северо-западном Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013. С. 128–133.

Дашковский П.К. Погребальные памятники кочевников скифо-сакского периода в Северо-Западном Алтае // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014. С. 235–243.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Исследование курганов скифского времени на могильнике Чинета-II и Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 94–100.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

А.М. Илюшин

*Кузбасский государственный технический университет
им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О МЕСТАХ ПРОЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ В РАЗВИТОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Полевые исследования по археологии развитого средневековья на территории Кузнецкой котловины привели к диспропорции источников по погребальным памятникам и местам проживания аборигенов. Не-

смотря на то, что количество выявленных памятников этих двух категорий в регионе приблизительно одинаково, раскопкам в большей мере были подвергнуты погребальные памятники [Илюшин, 2005, с. 26–42]. Более того материалы ранее раскопанных поселений и городищ во многих случаях не известны широкой научной аудитории, что не позволяет в полной мере реконструировать культурный комплекс населения развитого средневековья в Кузнецкой котловине. В этой связи Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция (ККАЭЭ) на протяжении последних 20 лет проводит систематические исследования по картографированию и исследованию поселений развитого средневековья в пределах Касьминского и Урского археологического микрорайона. Цель настоящей работы – ввести в научный оборот новые материалы полевых исследований на поселении Шабаново-10, которые предварительно были датированы развитым средневековьем, и осуществить их первичный типолого-хронологический анализ.

Поселение Шабаново-10 расположено на левом и правом берегу р. Касьмы на юго-западной окраине с. Шабаново, на первой надпойменной заливной террасе, которая круто обрывается к реке. Памятник был открыт в 1999 г. местным жителем Петром Крапивиним, который будучи школьником, неоднократно принимал участие в археологических раскопках на территории родного села в составе ККАЭЭ. В этом же году поселение впервые было обследовано и описано А.М. Илюшиным. Поселение было вытянуто вдоль русла реки на расстояние 560 м, а его площадь составляла приблизительно 8,83 га. Памятник был подвержен естественному разрушению вследствие подмыва береговой террасы в местах изгиба реки, весенних разливов и выветривания обнажений культурного слоя. Подъемные сборы позволили предварительно датировать памятник 1-й половиной II тыс. н.э. [Илюшин, 2000, с. 32–33; Илюшин, Борисов, Ковалевский, 2001, с. 249–251]. В 2000 г. на наиболее сильно разрушенных участках памятника ККАЭЭ заложила четыре аварийных раскопа общей площадью 580 м², где были выявлены артефакты развитого средневековья и найден бронзовый наконечник стрелы раннего железного века [Илюшин, 2001, с. 15–33; Илюшин, Борисов, Ковалевский, 2002, с. 418–419; Илюшин, Иванова, 2003, с. 222–223]. В 2008 г. поселение вновь было обследовано ККАЭЭ. По результатам этого исследования была составлена схема ситуационного плана расположения памятника и границ с каталогом координат углов поворота в системе WGS–84, а его состояние было охарактеризовано как удовлетворительное [Илюшин, 2008, с. 9; Илюшин, Сулейменов, Бутьян, 2009, с. 165–166]. Площадь памятника составляет 8,83 га и используется в настоящее время для выпаса скота, а его территория находится в муниципальной собственности.

Раскопки 2000 г. на Шабаново-10 подтвердили, что поселение является однослойным. Культурный слой на всех четырех раскопах рас-

полагался на глубине 0,70–1,16 м, а его высота в зависимости от рельефа ландшафта колебалась от 0,09 м до 0,46 м. Над культурным слоем находился слой дерна и илистого желтого суглинки. На раскопе №1 расположенным в центральной части поселения были выявлены два открытых очага в виде зольников овальной формы (размеры 0,68х0,48х0,26 м и 1,38х0,87х0,16 м), которые длинной осью были вытянуты по линии ССЗ–ЮЮВ. Ни на одном из раскопов не было зафиксировано следов жилых или хозяйственных построек. Последнее можно объяснить тем, что население, соорудившее этот памятник, пользовалось этим местом проживания в летнее время и использовало легкие переносные жилища типа чума или юрты.

На юго-западной окраине поселения (в раскопе №2) было выявлено захоронение быка или коровы в грунтовой яме овальной формы (размеры 1,96х0,89х0,52 м), длинной осью ориентированной по линии ЗЮЗ–ВСВ. После зачистки в яме зафиксированы остатки двух деревянных шестов со следами перегнившей органики (предположительно кожи) и фрагменты скелета животного, находящиеся в анатомическом сочленении. По положению костей и деревянных шестов можно предполагать, что в грунтовой яме находятся остатки жертвенного захоронения отдельных частей туши крупнорогатого животного после его полного расчленения. Вероятно, их доставили на носилках, которые представляли собой два шеста, на которых была закреплена шкура убитого животного, и вместе с ними погребли в грунтовой яме. С каким конкретным ритуалом было связано это захоронение животного, сказать сейчас невозможно, но факт того, что это ритуальное захоронение составляет единое целое с культурным слоем средневекового поселения, нет ни каких сомнений [Илюшин, 2006, с. 139; Илюшин, 2013, с. 255–261].

Самое большое количество находок сделано в центральной части памятника на раскопе №2. Количество находок на других раскопах за №1, 3 и 4, расположенных на периферии поселения, было значительно меньше. Среди находок имелись многочисленные фрагменты костей, челюстей и зубов травоядных животных (лошадь, корова и овца), фрагменты керамической посуды (108 экз.) и костяные изделия (7 экз.). Обращает внимание отсутствие каменных изделий. Среди артефактов, обнаруженных на раскопах, наибольший интерес представляет коллекция костяных изделий (рис. 1.-1–7), а также фрагментов венчиков и тулова керамической посуды, украшенных орнаментом (рис. 2.-1–18).

Костяные изделия представлены предметами вооружения (наконечники стрел) и орудиями труда и быта (проколка и игральные кости). Костяные наконечники стрел (рис. 1.-1, 2) по креплению к древку стрелы относятся к одному отделу – черешковые, а по сечению и форме пера относятся к двум группам и типам. Наконечник стрелы с ромбическим сечением относится к типу треугольные с жальцами (рис. 1.-1), а другой, с ромбическим сечением и канавкой, относится к типу удлинненно-

треугольные (рис. 1.-2). Первый тип наконечников стрел впервые выявлен на территории Кузнецкой котловины, а второй известен в материалах X–XII вв. с городища Городок и комплекса поселений Торопово-4 [Илюшин, 2009, с. 23; Илюшин, Ковалевский, 2012, с. 43, рис. 41, 33; Ширин, 2004, с. 99]. Костяная проколка и игральные кости, найденные на поселении Шабаново-10 (рис. 1.-3–7), часто встречаются на объектах развитого средневековья в долине р. Касьмы и представляют собой традиционные предметы бытовой культуры местного населения в этот период истории [Илюшин, 2014, рис. 1.-10, 15–17; Илюшин, Ковалевский, 2012, с. 82; и др.].

Основная масса находок была представлена фрагментами керамической посуды, среди которых были венчики, тулова и днища сосудов. Последние – плоские, что свидетельствует о наличии традиции изготовления плоскодонных сосудов. Коллекция керамической посуды, состоящая из фрагментов венчиков и тулова сосудов, украшенных орнаментом (рис. 2.-1–18), была подвергнута типологической классификации и типолого-хронологическому анализу. При классификации венчиков

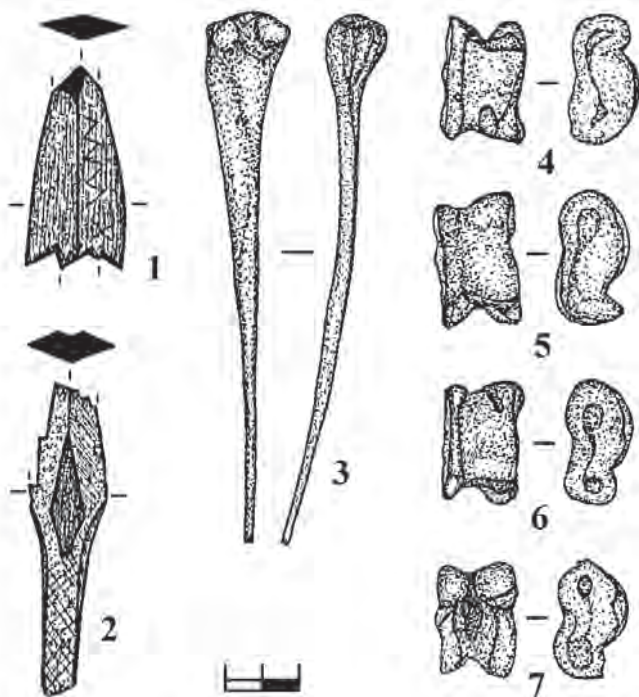

Рис. 1. Коллекция костяных изделий с поселения Шабаново-10:
1, 2 – наконечники стрел; 3 – проколка; 4–7 – игральные кости (альчики)

по профилю были выделены 3 типа. Первый тип представлен венчиками, отогнутыми наружу, в разном исполнении (рис. 2.-1, 2, 4, 7, 12, 16, 17), второй – прямыми венчиками, в разном исполнении (рис. 2.-3, 5,

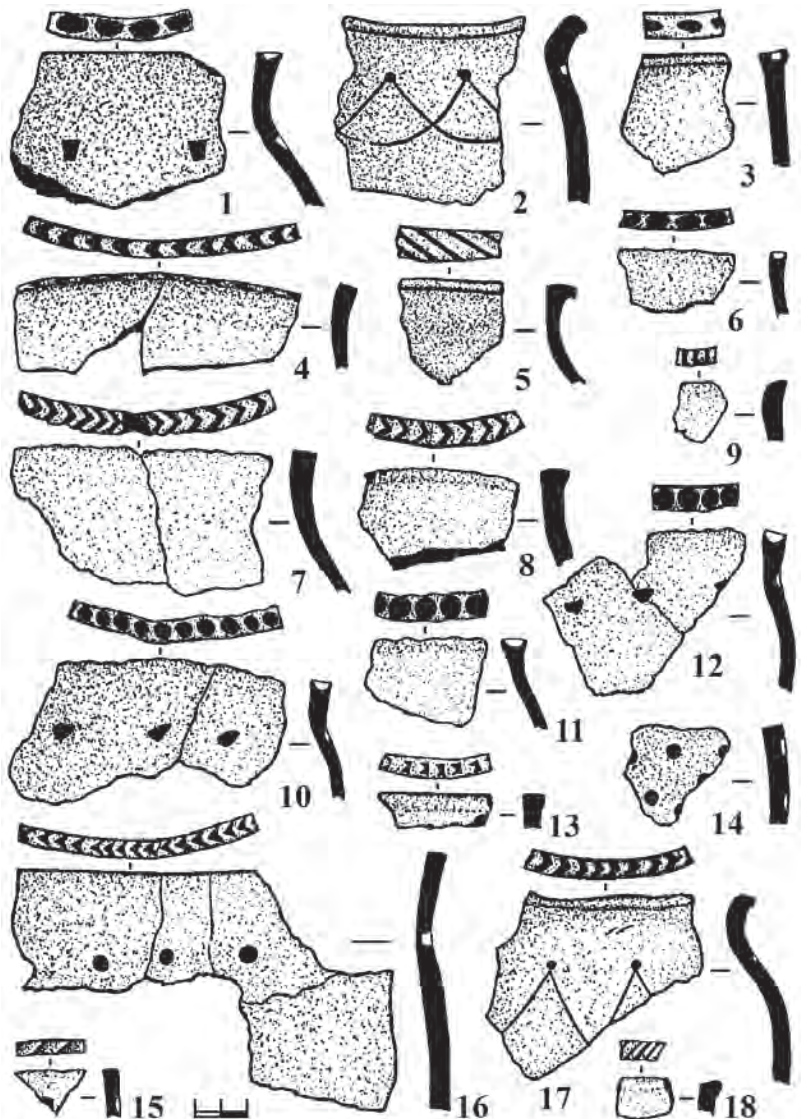

Рис. 2. Поселение Шабаново-10:
1–18 – коллекция фрагментов керамической посуды

6, 8, 10, 11, 13, 15), а третий – венчиками вогнутыми вовнутрь, в разном исполнении (рис. 2.-9, 18). По форме венчики тоже можно классифицировать на 3 типа. Первый тип представлен овальными венчиками (рис. 2.-2, 17, 18), второй – приостренными к внешнему краю (рис. 2.-9), а третий – с плоскими краями (рис. 2.-1, 3–8, 10–13, 15, 16). Орнамент нанесен на венчик, шейку и тулово сосудов. По способу нанесения орнамента можно выделить 2 типа технологий – штамп (рис. 2.-1–4, 6–17) и резные линии (рис. 2.-2, 5, 15, 17, 18). По элементам орнамента можно выделить 7 типов: 1) круглые ямки (рис. 2.-2, 14–17); 2) узкие резные желобки, в разном исполнении (рис. 2.-2, 5, 15, 17, 18); 3) ямки подчетырехугольной формы (рис. 2.-1); 4) ямки каплевидной формы (рис. 2.-10, 12); 5) оттиски двузубчатого штампа (рис. 2.-9, 13); 6) ямки пальцепогтевых вдавлений, в разном исполнении (рис. 2.-1, 3, 6, 10–12); 7) оттиски уголка, в разном исполнении (рис. 2.-4, 7, 8, 16, 17). По мотивам орнамента можно выделить 5 типов: 1) горизонтальное расположение элементов (рис. 2.-1–4, 6–17); 2) наклонное расположение элементов (рис. 2.-5, 15, 18); 3) зигзагообразное расположение элементов (рис. 2.-2, 17); 4) расположение элементов «елочкой» (рис. 2.-4, 7, 8, 16, 17); 5) расположение элементов в форме наклонного креста (рис. 2.-2).

Выделенные типологические особенности керамической посуды из Шабаново-10 имеют ближайшие аналогии в материалах конца I – начала II тыс. н.э. Кузнецкой котловины на поселениях Шабаново-5, Торопово-4, -7, Гурьевское, Маяк и на городище Городок [Елькин, 1974, с. 119–129, рис. 3.-1, 2; 4.-1, 2; 5.-5; Илюшин, 2005, с. 30–33; 2014; Илюшин, Ковалевский, 2012, с. 84–85; Ширин, 1992, с. 36–50; 2004, с. 86; Эрдниев, 1960; и др.]. В долине р. Касьмы близкие аналогии керамической посуде из Шабаново-10 имеются в материалах раскопок погребальных памятников Шабаново-3 (XI–XII вв.), Торопово-1 (XIII–XIV вв.), Мусохраново-1 (XII–XIII вв.) и Сапогово-2 (XI–XII вв.) [Илюшин, 1997, с. 39–42; 1998, рис. 11.-8; 1999, с. 47–50, рис. 44.-2–4; 45.-13; Илюшин, Бутяня, 2010, с. 175–184, рис. 5.-1; 8.-1]. При этом обращает на себя внимание, что на поселениях посуда в основном с уплощенным дном, а на погребальных памятниках с округлым. По приведенным аналогиям поселение Шабаново-10 можно датировать в пределах XI–XIII вв.

Библиографический список

Елькин М.Г. Поселение позднего железного века у г. Гурьевска // ИЛАИ. Кемерово, 1974. Вып. 5. С. 119–129.

Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997. 119 с.

Илюшин А.М. Курганная группа Шабаново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск, 1998. С. 54–78.

Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово, 1999. 208 с.

Илюшин А.М. Отчет об аварийных археологических раскопках на территории села Шабаново в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области в 1999 году. Кемерово, 2000. 58 с.

Илюшин А.М. Отчет об аварийных археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2000 году. Кемерово, 2001. 96 с.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005. 240 с.

Илюшин А.М. Культовые памятники средневекового населения Кузнецкой котловины // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2006. №6(2). С. 135–144.

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году на территории Кемеровской области. Кемерово, 2008. 220 с.

Илюшин А.М. Костяные наконечники стрел у средневекового населения Кузнецкой котловины // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №32. История. Вып. 35. С. 21–28.

Илюшин А.М. Культовые места и площадки в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск, 2013. Т. 2. С. 255–261.

Илюшин А.М. Исследование семейных культовых площадок восточных кыпчаков на Торопово-7 в Кузнецкой котловине // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история. Павлодар, 2014. Вып. 9. С. 64–69.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Ковалевский С.А. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 1999 года. М., 2001. С. 248–250.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Ковалевский С.А. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 2001 года. М., 2002. С. 418–419.

Илюшин А.М., Бутыян В.А. Раскопки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 2009 года на курганный группе Мусохраново-1 // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2010. №4. С. 175–184.

Илюшин А.М., Иванова А.И. Скифские древности на территории с. Шабаново в долине р. Касьмы // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск, 2003. С. 222–223.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы. Кемерово, 2012. 212 с.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово. Кемерово, 1996. 206 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Бутыян В.А. Результаты полевых разведок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2009. №3. С. 165–179.

Ширин Ю.В. Орнаментация средневековой керамики Южного Кузбасса // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 36–50.

Ширин Ю.В. Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2004. Вып. 6. С. 69–112.

Эрдниев У.Э. Городище Маяк. Кемерово, 1960. 68 с.

**К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ
БЫСТРОИСТОКСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ
И ОНГУДАЙСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ**

В сентябре 1988 г. отрядом Алтайской археологической экспедиции Алтайского государственного университета на основании открытого листа №394 (форма №2) проводились разведочные работы в Быстроистокском районе Алтайского края. Обследованию подвергся правый берег р. Оби в окрестностях с. Акутиха. В результате работ были открыты два новых памятника археологии и обследован один ранее известный.

Материалы городища Акутиха 1 опубликованы [Казаков, 2014, с. 5–9], материалы поселений Акутиха 1 и Быстрянский Кордон, ввиду их невыразительности и малочисленности, не издавались. Учитывая, что этот участок обследован в археологическом отношении достаточно слабо, признавая значимость даже незначительных коллекций в процессе познания, не желая безвозвратной потери пусть и малозначащей информации, считаю целесообразным публикацию полученных коллекций.

Поселение Быстрянский кордон находится в Быстроистокском районе Алтайского края, на правом берегу Оби, в 2 км ниже по течению от границы с. Акутиха (рис. 1). В 30-х гг. XX в. этот памятник был обследован сотрудниками Бийского краеведческого музея С.М. Сергеевым и А.П. Марковым, которыми обнаружены могильник, относящийся к андроновской культуре, собрана керамика раннего железного века и невыразительный каменный инвентарь, который невозможно датировать.

В этом месте вторая надпойменная терраса выходила на берег реки большим мысом. Место это очень удобно для поселений и на момент его обследования С.М. Сергеевым и А.П. Марковым здесь располагалось русское село.

Высота мыса около 12 м. Кромка мыса с южной стороны разрушена бульдозерными траншеями. В одной из таких траншей было собрано 10 фрагментов керамики, часть из которых орнаментирована ямками, резными линиями, отпечатком уголка лопаточки (рис. 1). Вероятнее всего на этом месте находилось поселение раннего железного века. Кроме керамики найдены два невыразительных каменных отщепов.

Следов могильника андроновского времени найти не удалось.

При обследовании этого места в 2011 г. выявлено, что в результате активных русловых процессов площадь памятника полностью смыта, в настоящее время там проходит русло Оби.

Поселение Акутиха 1 расположено на второй надпойменной террасе правого берега Оби, в 400 м правее от дороги, ведущей из с. Акутиха в с. Талица, в 1,5–2 км от границы с. Акутиха выше по течению р. Обь.

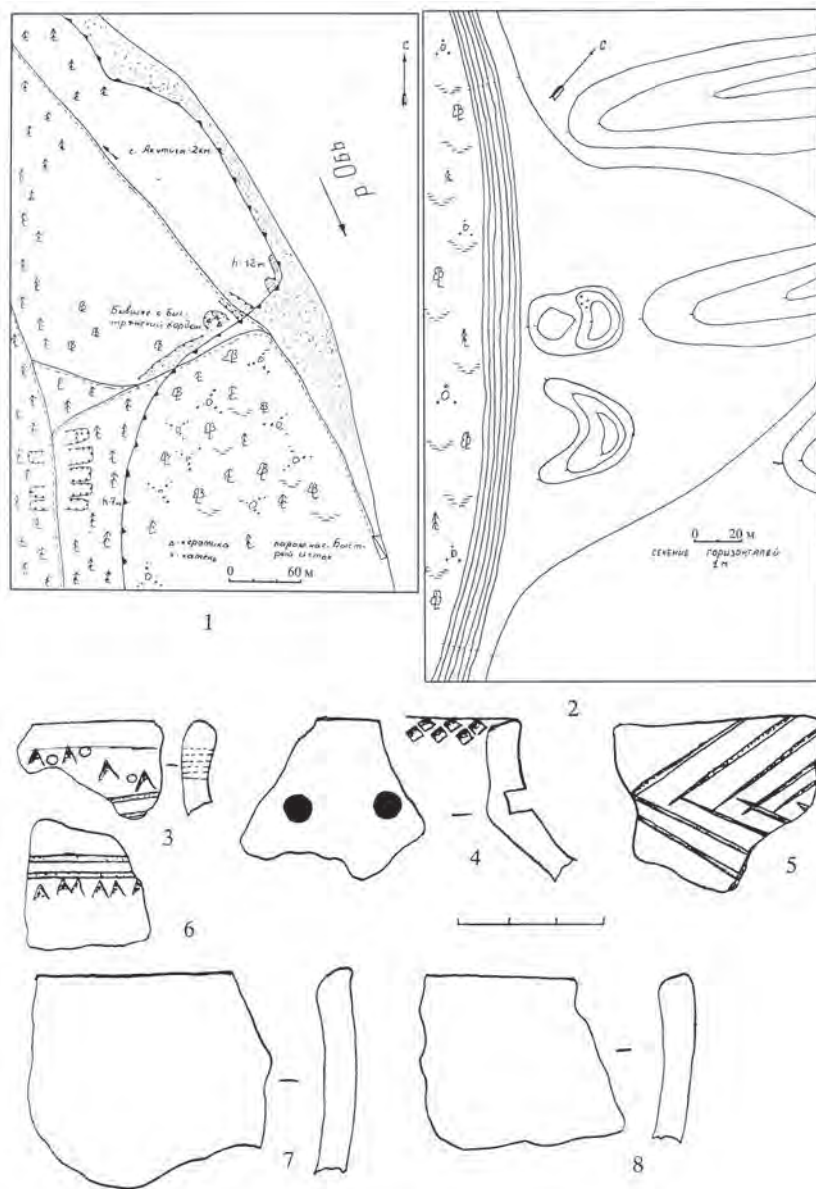

Рис. 1. Поселение Быстрынский кордон (1), Акутиха 1 (2).
Материалы с поселения Быстрынский кордон (3–6) и Акутиха 1 (7–8)

Высота террасы от уровня первой надпойменной террасы 7–8 м. На песчаной гриве, находящейся на самом краю террасы – выдув, в котором найдено несколько фрагментов керамики, из которых два – венчики (рис. 1).

Была проведена зачистка кромки выдува, которая дала следующую стратиграфическую ситуацию: сверху золотой песок светло-желтого цвета мощностью 15–18 см, под ним слабо гумусированная супесь (культурный слой) мощностью 20–25 см, ниже материк – светло-желтый песок.

Насыщенность слоя крайне слабая. Вероятное время существования памятника – ранний железный век.

В июне 1989 г. отрядом Алтайской археологической экспедиции Алтайского государственного университета на основании Открытого листа №787 (форма №2) проводились разведочные работы в Онгудайском районе Республики Алтай. Обследованию подвергся правый берег р. Катунь. В результате работ был исследован один курган афанасьевской культуры на курганном могильнике Каянча (материал опубликован [Казаков, 1992]) и обследован один ранее известный памятник археологии.

Поселение Бектыек 1 находится в 0,4 км выше по течению Катунь от устья ручья Бектыек, правого притока Катунь. Оно расположено на второй надпойменной правобережной террасе Катунь, рядом с двумя скальными выходами (рис. 2). Открыто в 1983 г. М.Т. Абдулганеевым.

В ходе разведки было проведено более тщательное обследование этого памятника с целью выяснения перспективы его стационарного исследования. На предполагаемой площади поселения были заложены три шурфа размерами 2х2 м со стенками, ориентированными по сторонам света.

В целом культурный слой, мощностью от 0,2 до 0,6 м, слабо насыщен находками. В общей сложности из шурфов и сборов с поселения получено немного материала, который можно разделить на три группы (рис. 2):

1. Каменная индустрия. С поселения получена небольшая коллекция каменного инвентаря, который в основном представлен отщепами (около 80 экз.), несколькими пластинами (4 экз.) и орудиями труда (рубящее орудие, оселок, скребло, сверло и проколка).

Невыразительность коллекции не позволяет дать ее точные культурно-хронологические привязки. Однако материал, из которого изготовлены орудия и отщепы, техника их изготовления не характерна для палеолита, преобладание отщеповой индустрии не характерно для мезолита и неолита. Вероятнее всего, каменный инвентарь относится к эпохе энеолита.

2. Керамический комплекс так же невыразителен. Основная масса – мелкие, неорнаментированные фрагменты керамики. Орнаментированы всего семь фрагментов. Сильная фрагментация керамики не позволяет четко датировать этот комплекс, но присутствие таких элементов, как резные линии, каплевидные и мелкие ямочные вдавления позволяют нам предварительно отнести этот комплекс к афанасьевской культуре.

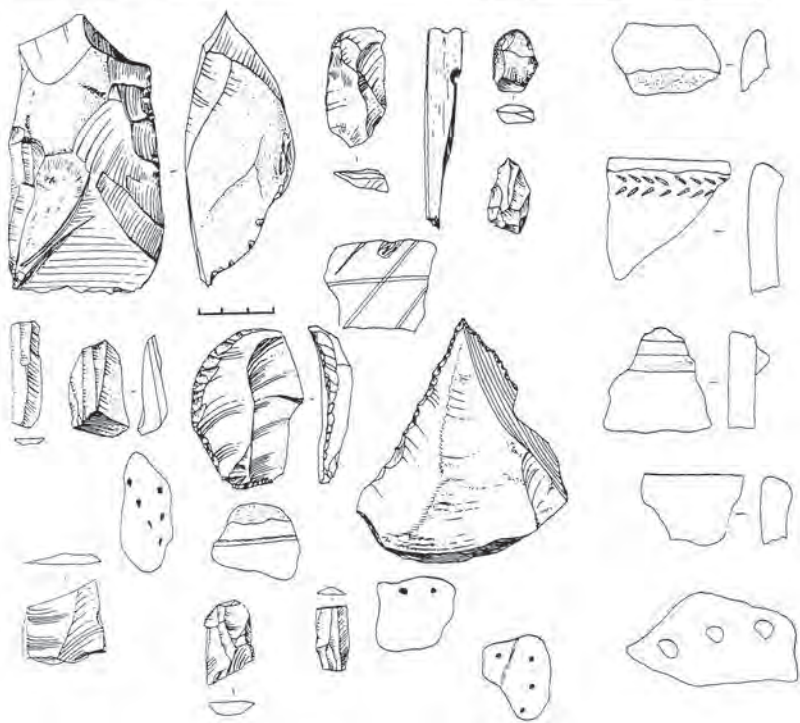
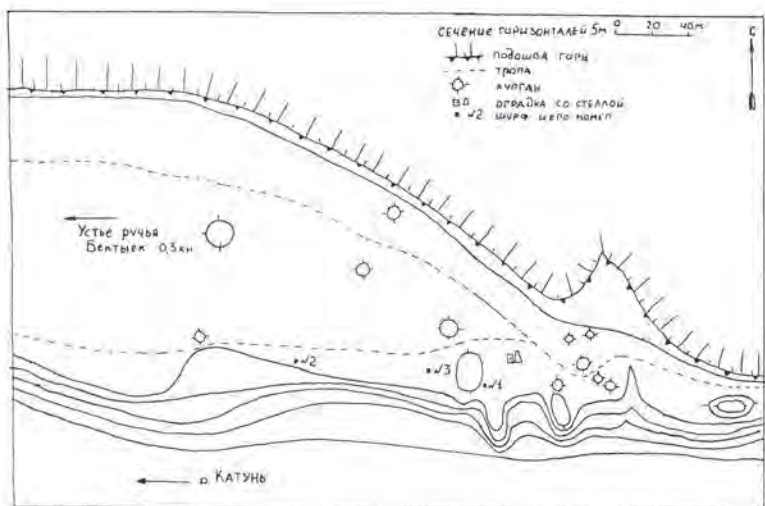

Рис. 2. Поселение Бектыек 1 и материалы с поселения

3. Остеологический материал. В шурфах найдено около 15 мелких фрагментов костей, которые в настоящее время еще не определены. Костяных орудий обнаружено не было.

Учитывая все вышеизложенное, поселение Бектыек-1 предварительно с наибольшей долей вероятности можно отнести к афанасьевской культуре и датировать III тыс. до н.э.

Введение в научный оборот даже незначительных материалов позволяет дополнить археологическую карту региона и в последующем выйти на новый качественный уровень интерпретации археологического материала с построением детальной реконструкции социальной организации и системы жизнеобеспечения древних обществ [Кузнецов, 2006].

Библиографический список

Казаков А.А. Новые материалы афанасьевской культуры со Средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 33–34.

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул, 2014. 152 с.

Кузнецов О.В. Этноархеология и поселенческая археология палеолитических охотников и собирателей // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск, 2006. Т. 9. С. 9–26.

**А.А. Казаков, В.П. Семибратов, А.А. Редников,
С.С. Матренин, Е.В. Григоров**

*Барнаульский юридический институт МВД России;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА БЫСТРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАМЕНКА В СОВЕТСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Работа выполнена при частичной поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление N220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Быстрянская археологическая культура северных предгорий Алтая была выделена в начале 90-х прошлого столетия из состава большебереченской общности по материалам могильников и поселений, локализованных в междуречье Бии и Катунь, Бии и Чумыша, а также на левобережье Катунь в нижнем течении [Киреев, 1992а–б; 1994; Абдулганеев, Кунгуров, 1996]. Сама же идея об этнокультурном своеобразии памятников, занимающих обозначенный географический ареал, была высказана еще в 1980-е гг. [Могильников, Уманский, 1981; Суразаков, 1988, с. 132–137]. Среди древностей скифо-сакского времени юга Западной

Сибири она является одной из наименее изученных. Многие известные сейчас могильники быстринской культуры находятся в предаварийном и аварийном состоянии, что является главным образом результатом распахки открытых террас, строительства объектов народного хозяйства и транспортной инфраструктуры в ходе хозяйственного освоения предгорий в XX в. Преобладающая масса погребальных и поселенческих комплексов данной культуры издана фрагментарно, при этом среди них имеются объекты, известные только узкому кругу специалистов. К этому следует добавить, что многие показательные погребения данной культуры, исследованные в 1-й половине XX в. раскапывались по упрощенной методике без ведения четкой графической документации и фотофиксации. Как следствие этого возникает вопрос о степени достоверности и полноты некоторых полученных таким образом археологических источников. Имеет место депаспортизация отдельных вещественных коллекций.

Принимая во внимание данные обстоятельства, авторы настоящей публикации считают актуальным оперативно ввести в научный оборот археологические источники, полученные в результате раскопок в 2014 г. могильника Каменка, расположенного в окрестностях с. Красный Яр в Советском районе Алтайского края. Исследование на памятнике осуществляла археологическая экспедиция Барнаульского юридического института МВД России (руководитель А.А. Казаков), в которой приняли участие специалисты из Алтайского государственного университета.

Могильник Каменка находится за северо-восточной окраиной с. Красный Яр. Он расположен на мысовидном выступе образованном поймой реки Каменка и третьей террасой р. Катунь. Открыт и впервые исследован С.М. Сергеевым [1946]. В 1929 г. С.М. Сергеевым были зафиксированы 83 курганные насыпи, в настоящее время полностью распаханные.

В ходе визуального осмотра могильника в 2014 г. на всей его территории нами были зафиксированы множественные следы разрушений каменно-земляных насыпей, установить границы и точное количество которых не представлялось возможным из-за мощного дернового слоя. Для раскопок был выбран участок на южном склоне террасы (географические координаты N – 52°21'52.66"; E – 85°21'08.37"), в пределах которого хорошо прослеживалось скопление речного галечника, указывающее на локализацию там одной или нескольких каменных конструкций. После раздерновки и удаления стерильного грунта было выявлено три погребения, которые имели наземные сооружения разной степени сохранности.

Погребение №1 находилось в центре многоярдной кольцевой выкладки шириной до 0,8 м, высотой 0,15–0,2 м, диаметром около 5,7 м, сложенной преимущественно из окатанного камня в один слой. Северо-западная часть выкладки была полностью разрушена распахкой. На северо-восточной оконечности выкладки найден курант зернотерки (рис. 2.-4). Внутреннее пространство кольцевой выкладки имело

грунтовое заполнение, представлявшее собой темно-коричневую супесь. Могильная яма неправильно овальной формы, ориентированная продольной осью по линии З–В, имела размеры 2,28х1,4–1,65 м. Границы могилы на уровне древнего горизонта отчетливо фиксировались по более темному заполнению и провалившимся камням. Глубина ямы от уровня древнего горизонта составила 1,08 м. На разных уровнях заполнения зафиксированы разрозненные кости конечностей и нижняя челюсть подростка. Определить ориентацию умершего черепом относительно сторон горизонта не представлялось возможным. В захоронении обнаружен железный черешковый нож и фрагменты неидентифицируемых железных предметов (рис. 2.-5, 6, 7).

Погребение №2 располагалось внутри кольцевой многослойной выкладки овальной формы длиной 4,36 м, шириной 3,2 м, высотой 0,35 м, ориентированной длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. Сверху данное сооружение перекрывала каменно-земляная наброска размерами 5,4х4,7 м, мощностью до 0,25 м. Внутреннее пространство кольцевой выкладки было заполнено темно-коричневой супесью. В границах внешнего контура выкладки находилась могильная яма вытянуто-овальной формы размерами 3,76х2,4 м, ориентированная длинной осью с запада на восток. Заполнение могилы состояло из супеси коричневого и желтого цвета, желтой суглинистой супеси, а также плотной каменной забутовки, маркирующей грабительский лаз, в котором на глубине 110 и 140 см от уровня древнего горизонта были найдены бронзовые распределитель ремня (рис. 1.-3) и три уздечные бляхи-полуобоймы (рис. 1.-4, 5, 6). Также в заполнении был обнаружен фрагмент венчика керамического сосуда (рис. 2.-9). На глубине 2,06 м от уровня древнего горизонта вдоль южной стенки могилы размещалось захоронение верхового коня, уложенного на живот с подогнутыми ногами, головой ориентированного на северо-запад. В челюстях животного были зажаты железные удила (рис. 2.-8). В проекции шейного отдела позвоночника лежали две бронзовые уздечные бляхи-пронизи (рис. 1.-1, 2). В северной половине ямы расчищен сильно потревоженный грабителями скелет взрослого человека в обкладке из валунов. Судя по расположению длинных костей ног, первоначально он был ориентирован черепом в западный сектор. С умершим обнаружены следующие предметы: сломанный бронзовый votивный чекан (рис. 1.-8), бронзовая накладка на ремень (рис. 1.-7), железный нож (рис. 1.-13), железные бляхи бабочковидной и прямоугольной формы (рис. 1.-9, 10), железные большие бляхи с фигурным корпусом (рис. 1.-11, 12).

Погребение №3. Выявлено в пределах участка, занимаемого северо-западным (утраченным) сектором каменного кольца с погребением №1. Могильное пятно фиксировалось на фоне древнего горизонта по темному заполнению и провалившимся камням, вероятно, от каменного кольца. Яма размерами 1,4х0,73 м имела овальную форму с orienta-

цией длинной оси по линии 3–В. На ее дне (глубина от уровня древнего горизонта – 0,86 м) расчищен потревоженный скелет ребенка в возрасте до 6 лет, ориентированный черепом на запад. Сопроводительный инвентарь представлен двумя керамическими сосудами (рис. 2.-1, 2): горшком (располагался за черепом) и чашей (лежала в ногах). Погребение было ограблено. В 0,3 м от северо-западного края могильной ямы на уровне

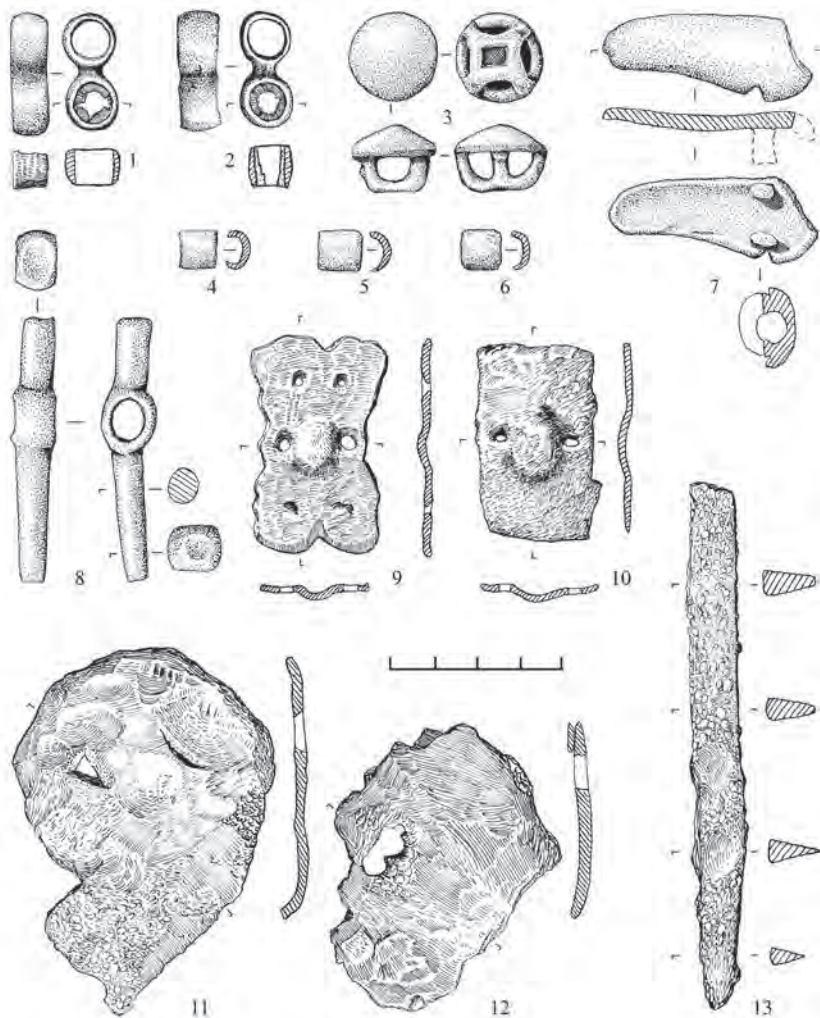

Рис. 1. Предметный комплекс из погребения №2 могильника Каменка:
1–8 – бронза; 9–13 – железо

древнего горизонта зафиксирован развал керамического горшка, украшенного орнаментом в виде елочки (рис. 2.-3).

Особенности ингумации, наиболее ярко представленные в погребении №2 захоронением в сопровождении верхового коня, уложенного в южной половине ямы, ориентированного головой в одну сторону с человеком в западном направлении, дают основания с большой долей вероятности относить данные объекты к быстринской археологической культуре [Суразаков, 1988, с. 134–136; Киреев, 1992а–б; Абдулганеев, Кунгуров, 1996; Бородовский, Бородовская, 2013, с. 37–40]. С другой стороны, исследованные погребения имеют специфические черты, аналогии которым в опубликованных археологических материалах данной общности нам не известны. К их числу относятся наземные конструкции в виде многорядных кольцевых выкладок с грунтовым заполнением внутреннего пространства (нельзя исключать, что данные элементы устройства надмогильных сооружений могли присутствовать на других памятниках, но они не были зафиксированы благодаря упрощенной методике раскопок либо по причине сильного разрушения насыпей) и погребальная камера, представляющая собой каменную обкладку из валунов. Относительно каменных обкладок стоит заметить, что они обнаруживают параллели в могильниках пазырыкской культуры Северного Алтая [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 12–13]. Наиболее близкие аналогии им происходят из памятников, локализованных в долинах Нижней Катунь – Чултухов-Лог-I и Барангол-I [Бородовский, Бородовская, 2013, рис. 55.-1; 53.-1; 54.-2, 3; 71.-4; 72.-1, 2; с. 51].

Найденный в погребениях вещественный материал, несмотря на свою немногочисленность, оказался весьма информативным для археологического датирования. Взаимовстречаемость обнаруженных изделий, прежде всего бронзовых блях-пронизей, полуобойм, распределителя ремня, накладки, а также железных блях, дают основания относить раскопанные объекты к концу VI – V вв. до н.э. [обзор некоторых аналогий по: Суразаков, 1988, рис. 46.-5, 14; Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 55.-9–13; рис. 83.-1, 3, 4–12; 84; Шульга, 2004, рис. 1.-11, 13, 24, 27; рис. 2.-11, 12, 13, 15; 2013, рис. 43, 51]. Данной относительной хронологии не противоречит облик других категорий предметов.

В заключение следует отметить, что результаты раскопок могильника Каменка в 2014 г. расширяют корпус опубликованных археологических источников для изучения быстринской культуры северных предгорий Алтая. Детальная хронологическая атрибуция исследованных погребений, равно как и их полноценное научное издание, являются задачей самостоятельного исследования. Представленные материалы актуализируют возобновление исследований по вопросам генезиса данной культуры, выявлению «равнинных» и «горных» компонентов в происхождении ее носителей, реконструкции процессов взаимодействия с населением соседних культур скифо-сакского времени Южной Сибири.

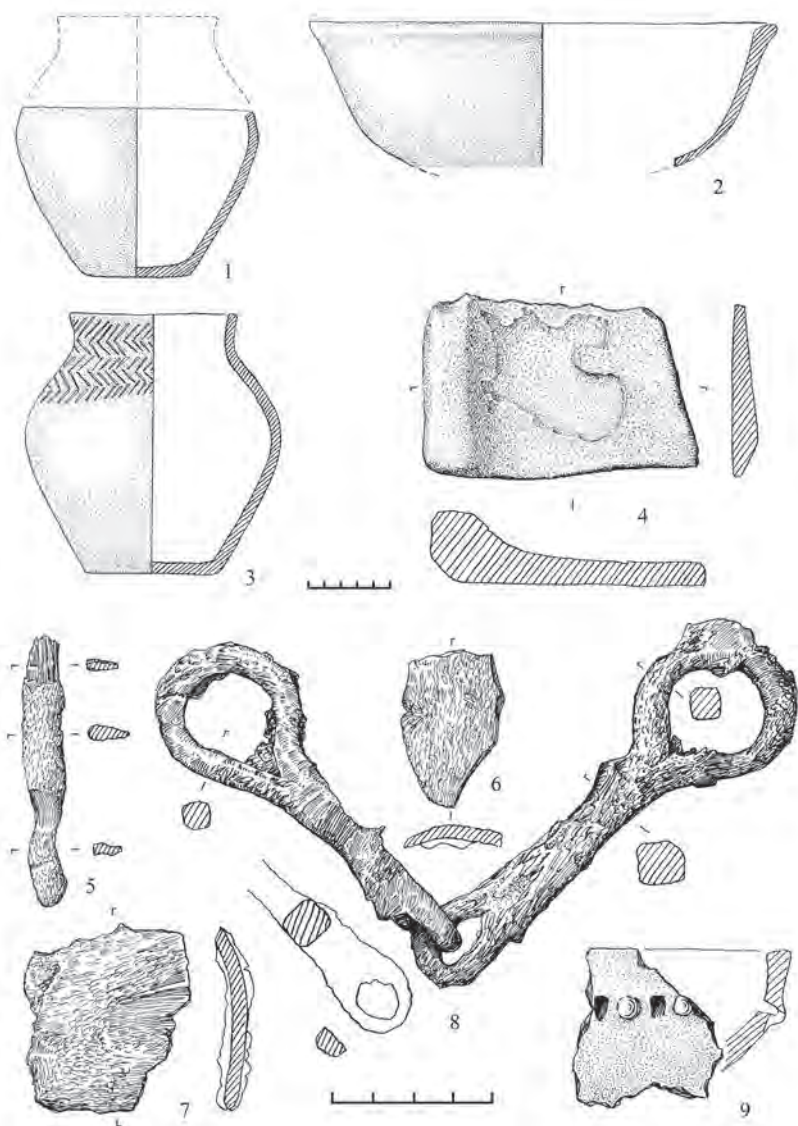

Рис. 2. Предметный комплекс из могильника Каменка:
 1, 2 – погребение №3; 3 – околomoгильное пространство погребения №3;
 4 – кольцо погребения №1; 5, 6, 7 – погребение №1; 8, 9 – погребение №2
 (1, 2, 3, 9 – керамика; 4 – камень; 5, 6, 7, 8 – железо)

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрянской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 143–155.
- Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины Нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск, 2013. 220 с.
- Киреев С.М. Курганы Майма-ХІХ // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992а. С. 39–47, 181–185.
- Киреев С.М. Погребения быстрянской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992б. С. 54–58.
- Киреев С.М. Роль миграционных процессов в сложении быстрянской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 118–120.
- Киришин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул, 2004. 292 с.
- Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы раннего железного века на Чумыше // КСИА. М., 1981. Вып. 167. С. 80–85.
- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988. 216 с.
- Шульга П.И. Датировка ранних курганов каменной культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 236–246.
- Шульга П.И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Мартянова). Новосибирск, 2013. 149 с.
- Сергеев С.М. О резных костяных изделиях из «скифского» кургана на Алтае // Советская археология. 1946. №8. С. 289–292.

К.Ю. Киришин, С.П. Грушин, С.М. Ситников

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

ОБСЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ БОЙНИХА-1 В 2014 ГОДУ

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление N220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В мае 2013 г. сотрудниками НПС «Наследие» и Алтайского государственного университета проводились работы по мониторингу объектов археологического наследия Первомайского района Алтайского края. В процессе работ было выявлено поселение эпохи неолита – раннего железного века Бойниха-1. В предварительной публикации материалов памятника, было отмечено, что поселение Бойниха-1 обладает высоким научным потенциалом и необходимо его дальнейшее изучение [Киришин, Фролов, Редников, 2014].

Памятник находится в 4,6 км к юго-юго-западу от юго-западной окраины, в 0,5 км к северо-востоку от базы отдыха на протоке Кашкарагаиха и в 3,2 км к ЮЗ от моста через р. Аничиха на дороге с. Рассказиха – п. Малая Речка. За мостом через р. Аничиху от проселочной ответвляется грунтовая дорога, которая идет через лес к базе отдыха, расположенной на левом берегу р. Бойниха. Хорошим ориентиром служит мост через р. Бойниха. Дорога к базе проходит по песчаной гриве, которая на несколько метров возвышается над поймой (с правой стороны) и небольшими старицами пойменного происхождения (с левой стороны).

В сентябре 2014 г. археологический отряд Алтайского госуниверситета провел мониторинг состояния памятника, определил его границы, произвел GPS- и топосъемку объекта, осуществил сбор подъемного материала. В ходе обследования, к глубокому сожалению, пришлось констатировать, что наиболее перспективная для исследования часть памятника оказалась уничтожена. На площади 60х70 м бульдозером снят слой почвы мощностью 0,7–0,8 м до материка (до песка). Весь снятый грунт сдвинут в большой отвал, высотой до 3 м в центре памятника. Виновник разрушений неизвестен, но высказано предположение, что это дело рук пожарных создавших запасы грунта для тушения пожаров.

По периметру разрушений, там где слой снятого грунта меньше, были собраны фрагменты керамики и немногочисленные каменные артефакты. Всего обнаружено 47 каменных артефактов: три скребка, скобель, три обломка орудий, четыре осколка, тридцать пять отщепов и одна чешуйка. Керамические коллекции (140 экз.) более представительны и информативны и существенно расширяют представления о памятнике по сравнению с ранее полученными материалами.

Большая часть керамики (87 экз.) – это фрагменты от одного сосуда, у которого частично реконструируется форма (рис. 1.-2). Судя по имеющимся фрагментам, это сосуд, у которого тулово немного шире венчика (немного отогнут наружу). Снаружи вся поверхность покрыта диагональными отпечатками предположительно шнура или веревочки. Подобные отпечатки имеются на внутренней поверхности в районе венчика (рис. 1.-2). Орнамент выполнен прокатыванием веревочки намотанной на палочку. Венчик сосуда орнаментирован округлыми вдавлениями, в каждом из которых имеются от двух до трех отпечатков шнура или веревочки образующими параллельные линии. Орнамент выполнен вдавлением штампа, который представляет собой веревочку, намотанную на круглую палочку. Аналогичный штамп использовался при орнаментации внешней поверхности сосуда, и внутренней по венчику. Различия заключаются в том, что в первом случае штамп прокатывался по поверхности сосуда, а во втором вдавливался в срез венчика под углом примерно в тридцать градусов.

В сломах венчиков прослеживаются следы полого канальчика от выгоревшего шнура или веревочки. Подобный технологический прием фиксируется в материалах поселений кипринского типа Верхне-

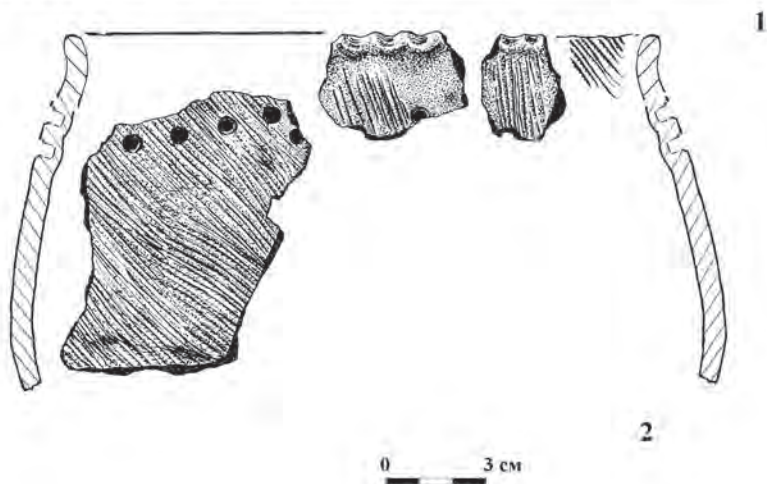
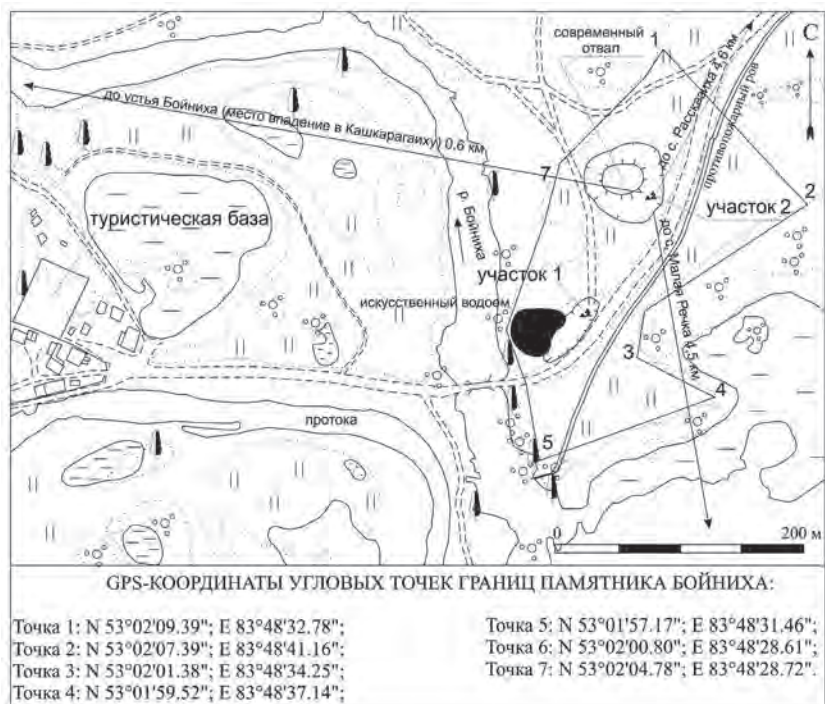

Рис. 1. 1 – план схема памятника – поселение Бойниха-1;
2 – керамика поселения Бойниха-1

го Приобья [Комарова, 1956] и в материалах поселений Иня-3 и Иня-11 в Тогучинском районе Новосибирской области [Зах, 2003, с. 129]. По тулову сосуда проходят два ряда ямок. Ямки глубокие, образуют жемчужины на внутренней поверхности сосуда. Форма ямок очень своеобразна. Внутри всех ямок имеется своеобразный конус, указывающий на полый характер орнамента. На внутренней поверхности сосуда вокруг многих ямок сформировано специфическое кольцо, указывающее на наличие некоего ограничителя на полом орнамента. При увеличении проявляется более подробная картина, которая позволяет несколько иначе посмотреть на процесс нанесения орнамента. У всех ямок диаметр 4,4 мм. Диаметр кольца вокруг ямок 6 мм. Создается впечатление, что в процессе нанесения ямок орнаментир поворачивался вокруг своей оси. Орнаментир имел неровный рабочий край и несимметричную рабочую поверхность со смещенным центром относительно плоскости вращения. Возможно, таким орнаментиром являлась обломанная кость животного или птицы, но этот момент требует дополнительного исследования.

Один сосуд – археологически целый. Восемь фрагментов собираются вместе от венчика до днища. Это небольшой, толстостенный сосуд (толщина стенок 0,8–1,1 см), с диаметром венчика 7,5 см и высотой 11 см (рис. 2.-1). У этого сосуда очень своеобразная форма – максимальное расширение тулова (10,5 см) приходится на нижнюю треть. Также своеобразна его орнаментальная схема и способы нанесения орнамента.

Судя по сохранившейся части, при декорировании сосуда использована вертикальная орнаментальная схема. Вертикальные ряды ямок чередуются с линиями отпечатков отступающей палочки с элементами накалывания. Все тулово сосуда покрыто горизонтальными и диагональными отпечатками гребенчатого орудия. Скорее всего, это отпечатки шпателя – технологические следы, образовавшиеся в процессе формовки сосуда, но этот вопрос требует дополнительного изучения.

Определения, выполненные М.Ю. Клименко, лаборантом Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, показали что ряды вертикальных ямок на сосуде нанесены трубчатой костью (суставом) мелкого млекопитающего (семейство Sciuridae беличьи), размером с суслика (*Spermophilus*). Подобная форма и орнаментальная схема в материалах неолита и энеолита Алтая нам неизвестна. Использование в качестве орнаментиров костей птиц и мелких млекопитающих зафиксировано на неолитической керамике поселения Иня-11 в Тогучинском районе Новосибирской области [Зах, 1990, с. 5–6; 2003, с. 120]. Керамику с фигурно-штампованной орнаментацией В.А. Зах относит к изылинскому этапу верхнеобской неолитической культуры [Зах, 2003, с. 120]. Использование костей животных для орнаментации посуды зафиксировано в материалах ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита лесной зоны Европейской части России [Костылева, Калинина, 2002, с. 248].

Три фрагмента керамики орнаментированы вдавлениями палочки поставленной под углом к поверхности сосуда образующими ряды елоч-ки и ямками (рис. 2.-2). Два венчика украшены аналогичными вдавлениями образующими горизонтальные и вертикальные ряды (рис. 2.-3). Еще один венчик орнаментирован подобными отпечатками образую-щими горизонтальные ряды и ямками (рис. 2.-6). Девять фрагментов кера-

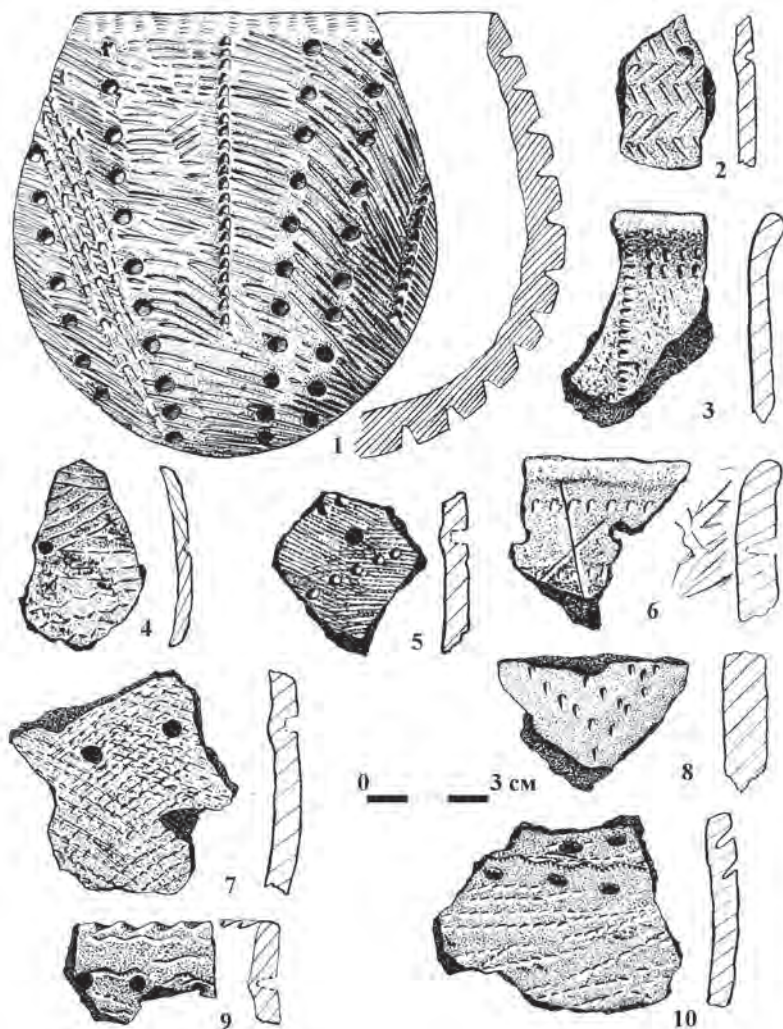

Рис. 2. 1-10 – керамика поселения Бойниха-1
(1-8 – эпоха неолита; 9-10 – эпоха энеолита)

мики декорированы прочерченными горизонтальными рядами прямых и волнистых линий, пространство между которыми иногда заполнено диагональными линиями (рис. 2.-4), ряды ямок разделяют орнаментальные зоны. Керамика, декорированная аналогичным образом, обнаружена на поселении Селезнево-1 в Шелаболихинском районе Алтайского края [Кирюшин, Семибратов, 2011].

Три фрагмента покрыты отпечатками прокатанной веревочки (?), поверх которой нанесены ряды неглубоких вдавлений полуовальной формы и ряды ямок (рис. 2.-5). Пять фрагментов покрыты горизонтальными и диагональными рядами отпечатков прокатанной веревочки (?) и рядами ямок (рис. 2.-7). Шесть экземпляров декорированы только насечками (рис. 2.-8).

Найден фрагмент венчика сосуда и четыре фрагмента стенок, орнаментированные рядами отступающей палочки с элементами накалывания и рядами ямок по тулову (рис. 2.-9, 10). Подобная керамика была найдена на поселении в 2013 г. [Кирюшин, Фролов, Редников, 2014, рис. 2.-4, 6]. Особенно интересен фрагмент сосуда, который помимо отпечатков отступающей палочки и ямок, орнаментирован отпечатками веревочки намотанной на палочку и прокатанной по тулову. У этого фрагмента очень своеобразная форма ямок, которая может свидетельствовать, что ямки нанесены пером птицы. Потребуется серия экспериментов, чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение.

В стенках всех сосудов в той или иной степени фиксируются следы органики. В некоторых случаях это полые каналца от сгоревших волоса или шерсти (рис. 1.-2; 2.-1–3, 5–10), в других следы похожие на выгоревшую траву (рис. 2.-4). Следы от волоса животных фиксируются в керамике поселения Тыткескень-II в Горном Алтае от раннего до финального неолита [Кирюшин, Кирюшин, Глушков, 2012]. Следы от пуха птиц в стенках сосудов фиксируются в материалах памятника эпохи энеолита в Северной Кулунде Новоильинка-III.

Керамика, орнаментированная отпечатками отступающей палочки с элементами накалывания и рядами ямок (рис. 2.-9, 10), относится к эпохе энеолита. Она находит аналогии в материалах памятников энеолита Северной Кулунды Новоильинка-III и Новоильинка-VI [Кирюшин, 2014; Кирюшин, Ситников, 2013]. Подобная керамика имеет много общего с посудой «кипринского типа» с территории Верхнего Приобья [Кирюшин, 2002; Молодин, 1977]. Как ранее отмечалось одним из авторов [Кирюшин, 2015], у керамики «кипринского» типа прослеживается широкий круг аналогов в материалах поселений неолита-энеолита Юго-Западного Алтая [Кирюшин, Клюкин, 1985] и Барабы [Молодин, 1985]. Мы считаем, что керамика поселения Бойниха-1, орнаментированная рядами отступающей палочки с элементами накалывания разделенными рядами накалов, и посуда поселений Новоильинка-III, Новоильинка-VI и Киприно (кипринский тип) принадлежат к единой культурной традиции.

Большую часть керамических коллекций (рис. 1.-2; 2.-1–8) сложно датировать. Полученные материалы, очень своеобразные и выделяются на фоне известных материалов эпохи неолита и энеолита Верхнего Приобья. Некоторые черты сходства прослеживаются с керамикой изылинского типа эпохи неолита, но не менее явно прослеживаются и различия. В качестве рабочей гипотезы мы исходим из того, что часть коллекции памятника (рис. 1.-2; 2.-1–8), может относиться к эпохе неолита, но это предположение требует уточнения и вопросы их периодизации и культурной принадлежности могут быть пересмотрены по мере накопления материала.

Таким образом, на памятнике Бойниха-1 получен своеобразный материал по наименее изученным периодам в древней истории Алтайского края. Керамические коллекции требуют внимательного лабораторного изучения. Результаты исследования позволят приблизиться к пониманию этнокультурных процессов происходящих на территории Барнаульско-Бийского Приобья в эпоху неолита и энеолита. К сожалению, в данный момент абсолютно непонятно будут ли эти вопросы решаться на материалах поселения Бойниха-1 или на вновь выявленных памятниках. Мы считаем, что органы охраны памятника должны принять меры, чтобы остановить дальнейшее разрушение памятника, чтобы уникальный археологический объект не оказался навсегда потерянным для науки.

Библиографический список

Зах В.А. Фигурно-штампованная неолитическая керамика стоянки Иня-11 // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск, 1990. С. 5–9.

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень, 2003. 168 с.

Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. №1 (61). 2015. С. 25–36.

Кирюшин К.Ю. Поселение эпохи энеолита Новоильинка-VI (по материалам исследований 2014 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2014. Т. XX. С. 168–171.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Глушков И.Г. Использование волоса животных в гончарной традиции неолитических комплексов поселения Тыткескень-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. №4 (52). 2012. С. 41–50.

Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Поселение Селезнево-I – новый объект археологического наследия Шелаболинского района // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г.: Археология, этнография, устная история. Барнаул, 2011. Вып. 7. С. 82–86.

Кирюшин К.Ю., Фролов Я.В., Редников А.А. Бойниха-1 – памятник неолита и раннего железного века Барнаульского Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 112–119.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 293 с.

Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 73–117.

Кирюшин К.Ю. Поселение Новоильинка-VI – новый памятник энеолита Кулунды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2013. Т. XIX. С. 202–206.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М. Исследование поселения Новоильинка-III в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2013. Т. XIX. С. 207–211.

Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. М., 1956. Вып. 64. С. 93–103.

Костылёва Е.Л., Калинина И.В. Использование костей животных для орнаментации ямочно-гребенчатой керамики // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. С. 248–256.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 174 с.

К.Ю. Кирюшин, А.В. Онников

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
Рубцовск, Россия*

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПАМЯТНИКА – ПОСЕЛЕНИЕ ПЕРЕШЕЕЧНОЕ-I

История изучения археологических памятников на озере Горькое-Перешеечное в Егорьевском районе Алтайского края, начинается в 1969 г. когда Г.А. Клюкиным было открыто поселение на окраине базы отдыха «Янтарь» (Перешеечное-VIII) [Кирюшин, Казаков, Тишкин, 1996, с. 132]. За прошедшие годы в исследовании берегов этого озера, кроме Г.А. Клюкина, приняли участие В.А. Могильников, Ю.Ф. Кирюшин, М.Т. Абдулганеев. В результате их работ выявлено 12 памятников археологии [Кирюшин, Казаков, Тишкин, 1996, с. 130–133].

В сентябре 2004 г. одним из авторов статьи на юго-западном берегу оз. Горькое-Перешеечное были обнаружены каменные артефакты и фрагменты керамических сосудов различных исторических эпох [Онников, 2006]. В результате проведенных поисков на урезе воды и мелководье, найдены скопления костей, обломков глиняной посуды и каменных артефактов. Часть коллекции была опубликована одним из авторов, как поселение «Перешеечное (Памятник)» [Онников, 2006]. В 2014 г. авторы статьи совершили совместный выезд на место сбора артефактов. В результате обследования места находок и консультаций с коллегами из НПЦ «Наследие» было установлено, что сборы сделаны на памятнике «Поселение Перешеечное-I», которое открыто Г.А. Клюкиным в 1982 г. В 1983 г. обследовано Ю.Ф. Кирюшиным и М.Т. Абдулганеевым [Кирюшин, Казаков, Тишкин, 1996, с. 130]. Расположено на юго-западном берегу оз. Горькое-Перешеечного, в 2,5–3 км к С от кордона.

К сожалению, культурный слой памятника разрушен, материалы различных исторических эпох лежат в воде на глубине от 0,5 до 0,7 м и это создает проблемы для исторической интерпретации перемещенных материалов. Несмотря на эти обстоятельства, собранная коллекция представляет научный интерес.

Коллекция каменных артефактов немногочисленна – 233 экз., но довольно выразительна и информативна. Для изготовления каменных артефактов использовались различные горные породы и минералы: халцедон желтого и светло-желтого цвета, кварцевый песчаник серого, светло-желтого и бурого цвета, кремний темно-коричневого и темно-серого цвета, яшмы темно-коричневого цвета, мелкозернистого кварцита бурого, серо-зеленого, темно-серого и желтого цвета.

Техника первичного расщепления представлена блоками камня со сколами – 1 экз., преформами – 3 экз., нуклеусами – 12 экз., обломками нуклеуса – 2 экз. и различными продуктами снятий с нуклеусов – 12 экз.

Преформы – 3 экз. (рис. 1.-1). Конусовидные куски камня с выделенной ударной площадкой и фронтом. Площадки у двух изделий подпрямоугольной, у одного подтреугольной формы (рис. 1.-1), у одного изделия выполнены серий продольно-поперечных сколов, у одного представлены поверхностью плитки, ещё у одного – одним сколом.

Все нуклеусы призматические одноплощадочные, сильной степени сработанности. Среди них выделяются мелкие (высотой до 3 см) – 3 экз., средние (от 3 до 6 см) – 8 экз.

Представлены следующими типами.

С концентрическим фронтом скалывания – 2 экз., один – мелкого размера (рис. 1.-3), один – среднего (рис. 1.-2). Снятия производились по всему периметру округлой по контуру ударной площадки. У одного изделия площадка прямая горизонтальная (рис. 1.-2), у другого – скошенная (рис. 1.-3), оформлена серий мелких сколов (рис. 1.-2, 3).

С полуконцентрическим фронтом – 5 экз. Это нуклеусы с полуовальной по контуру площадкой, выпуклый фронт скалывания занимает у данного типа от 2/3 до 3/4 периметра площадки (рис. 1.-4–7). Выделяются две разновидности данного типа. К первой относятся 4 экземпляра, все среднего размера. Ударные площадки у всех прямые горизонтальные (рис. 1.-5–7), оформлены серий продольно-поперечных сколов по всему периметру, округлые, полуовальные или подтреугольные в плане. Контрфронт в двух случаях представлен одним сколом (рис. 1.-5), в двух случаях серий поперечных сколов (рис. 1.-6, 7). Ко второй разновидности относится 1 экз. (рис. 1.-4) среднего размера. Подпрямоугольная ударная площадка, латерально скошенная. Контрфронт представлен ребром, образованным естественной поверхностью камня без следов обработки.

Призматические нуклеусы с ребром (псевдоклиновидные) – 3 экз. (рис. 1.-8–10) Фронт скалывания у данных нуклеусов занимает не более 1/3 ударной площадки. Ударные площадки подтреугольной (рис. 1.-8, 9)

или подпрямоугольной по контуру формы (рис. 1.-10). У одного изделия прямая оформленная продольно-поперечными снятиями (рис. 1.-10). У двух изделий ударная площадка неровная (рис. 1.-8, 9). У одного ударная площадка образована сколом, нанесенным со стороны фронта, в ре-

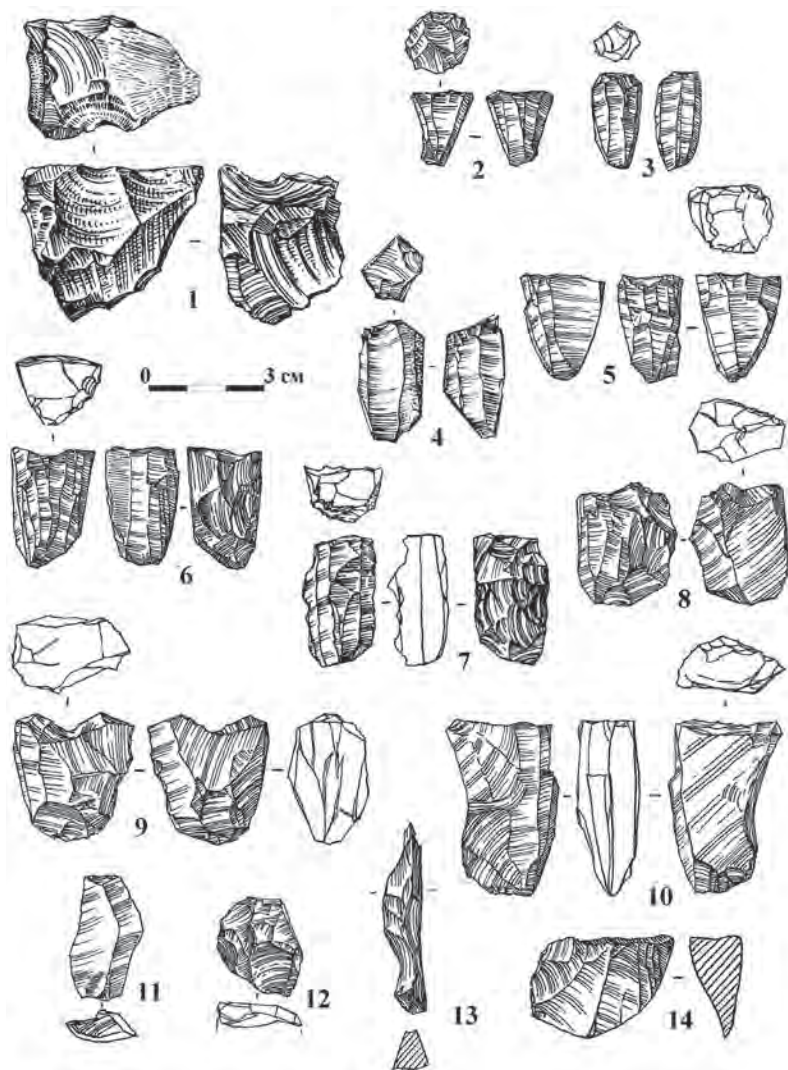

Рис. 1. Материалы памятника поселение Перешеечное-I (1-14 – камень):
1 – преформа; 2-10 – нуклеус; 11 – пластинчатый отщеп;
12 – ударная площадка нуклеуса; 13 – реберчатый скол; 14 – боковой скол

зультате чего образовалась неровность (рис. 1.-9). После этого снятия больше не проводились. У второго изделия (рис. 1.-8) попытки обновления ударной площадки также оказались неудачными. Серия сколов со стороны фронта не привела к желаемому результату. В центре ударной площадки сформировалась серия заломов, образовавших неровность, что, по-видимому, стало причиной для прекращения дальнейшего использования заготовки. Фронты снятия у всех – выпуклые по рельефу, треугольные по контуру. У всех изделий одна латераль выполнена крупным сколом, вторая – мелкими сколами. Контрфронт у двух изделий со стороны одной из латералей оформлен крупным сколом, а с другой подработан мелкими поперечными (рис. 1.-8, 9). У одного изделия большая часть контрфронта удалена (рис. 1.-10). Наличие характерного «гребня» в дистальной части изделия позволяет нам отнести этот артефакт к данному типу нуклеусов. Основание у всех острое. У всех имеются следы забитости в дистальной части нуклеусов.

Призматический одноплощадочный бифронтальный – 1 экз., мелкого размера, сильно (практически предельно) сработанный. Площадка у этого нуклеуса, имеет форму неправильной трапеции, латерально-скошенная, подработана по всему периметру серий продольно-поперечных снятий. Фронты скалывания расположены на торцах площадки, имеют форму трапеции. Латерали оформлены вертикальными сколами. На приостроенном со стороны латералей дистальном конце наблюдаются следы забитости.

Обломки нуклеусов – 2 экз.

Подработка нуклеусов проводилась вертикальными (7 экз.) и горизонтальными (5 экз.) сколами. Вертикальные сколы представлены: пластинчатыми отщепами – 3 экз. (рис. 1.-11), реберчатыми сколами – 1 экз. (рис. 1.-13) и боковыми сколами – 3 экз. (рис. 1.-14). К горизонтальным сколам относятся снятия ударных площадок – 5 экз. (рис. 1.-12).

Орудийный набор составляют 90 изделий: орудия на пластинах – 7 экз., на отщепах – 71 экз., шлифованные орудия – 2 экз., орудия для обработки камня – 10 экз.

Орудия на пластинах представлены пластинами с ретушью и фрагментами пластин без ретуши (усеченные пластины). Фрагменты пластин с ретушью – 3 экз., из них медиальные фрагменты с ретушью с двух краев с дорсала – 2 экз. (рис. 2.-29, 30) и проксимальный фрагмент с ретушью с одного края с дорсала – 1 экз. Усечённые пластины – медиальный фрагмент – 1 экз. (рис. 2.-26), дистальный фрагмент – 1 экз. (рис. 2.-28), проксимальный фрагмент – 2 экз. (рис. 2.-25, 31).

Орудия на отщепах – 71 экз. Представлены скребками – 42 экз., скобелями – 4 экз., отщепами с ретушью – 17 экз., наконечниками стрел – 1 экз., резец – 1 экз., острие – 1 экз.; бифасом – 4 экз.

Скребки представлены 42 изделиями. Встречены следующие типы скребков: скошенные – 2 экз. (рис. 2.-1, 2); полуовальные – 7 экз. (рис. 2.-

3); с плечиком – 2 экз. (рис. 2.-4, 5); концевой укороченный с утончением корпуса – 1 экз. (рис. 2.-6); концевые боковые – 5 экз. (рис. 2.-7, 8); концевой с ретушью в основании – 1 экз. (рис. 2.-9); стрельчатый –

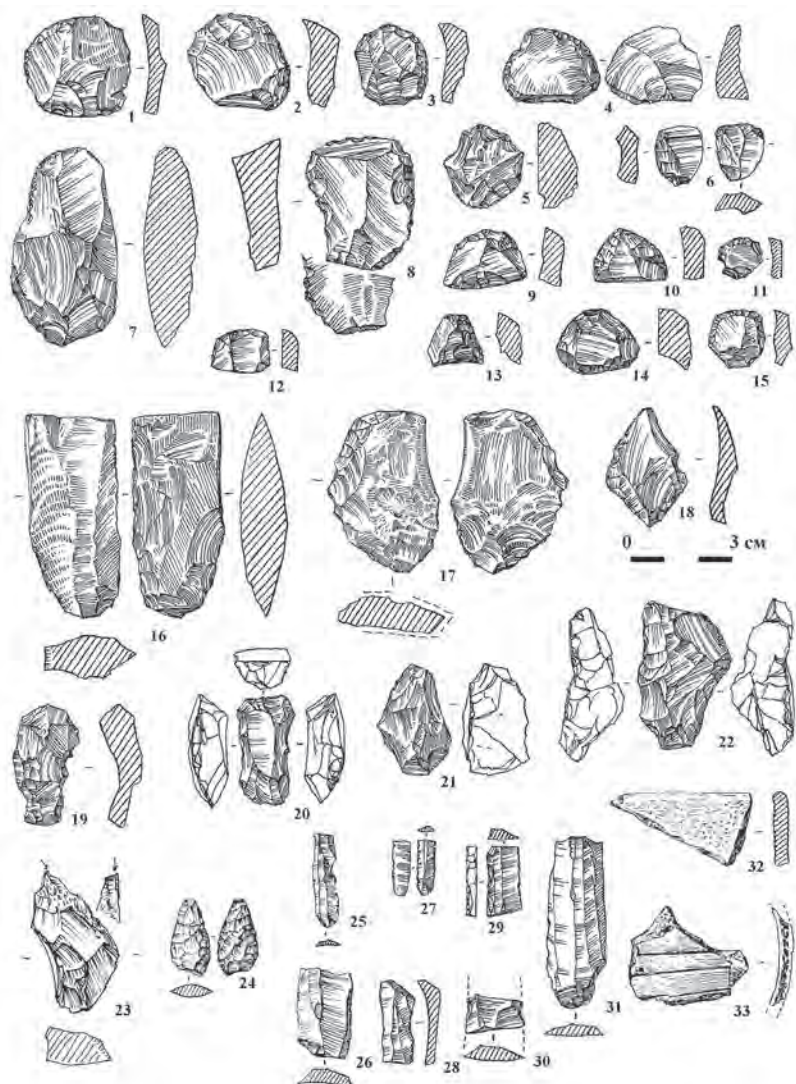

Рис. 2. Материалы памятника поселение Перешеечное-I (1-32 – камень; 33 – кость): 1-15 – скребок; 16 – шлифованный топорик; 17 – нож; 18 – острие; 19-22 – скребель; 23 – резец; 24 – наконечник стрелы; 25-31 – фрагменты пластин; 32 – абразив; 33 – кость с гравировкой

1 экз. (рис. 2.-10); круглые – 6 экз. (рис. 2.-11, 14, 15); концевые – 6 экз. (рис. 2.-12); концевой боковой с ретушью в основании – 1 экз. (рис. 2.-13); веерообразный – 1 экз. Встречены два обломка скребков и семь скребков случайной формы.

Скобели – 4 экз. Выполнены на обычных отщепах среднего размера (рис. 2.-19–22). По форме рабочего края выделяются изделия с выемчатым и прямым краем. Рабочие лезвия оформлены у всех изделий дорсальной, модифицирующей, краевой, разнофасеточной очень крутой ретушью.

Интересна находка двух целых бифасов и двух обломков.

К единичным находкам относятся: двугранный срединный резец (рис. 2.-23); острое атипичное асимметричное, выполненное на обычном отщепе средних размеров (рис. 2.-18); наконечник стрелы с обломанным насадом и острием (рис. 2.-24).

Очень интересен каменный нож со шлифованным обушком (рис. 2.-17). На крупном отщепе, выполнен небольшой топорик. Модифицирующей ретушью и подшлифовкой боковой грани изделию придана необходимая форма. Рабочая кромка оформлена шлифовкой. К сожалению, часть рабочей кромки обломана (рис. 2.-16).

Отщепы с ретушью – 17 экз. Из них вторичные отщепы мелкого размера – 2 экз. Обычные отщепы – 19 экз., из них крупного размера – 2 экз., среднего – 6 экз. и мелкого – 7 экз.

Орудия для обработки камня – 10 экз. Это пять отбойников и пять абразивов. Для использования в качестве отбойников выбирались вытянутые гальки. Отнесены к орудийному набору на основании следов сработанности в нижней части, выраженных в «забитости». Абразивы, отнесены к орудийному набору на основании следов сработанности, выражающихся в заложении рабочей поверхности. В трех случаях обнаружены обломки абразивов выполненные на гальках. В одном в качестве заготовки для которого использовался блок камня. Еще в одном случае найден обломок изделия, исходная заготовка которого сильно модифицирована (рис. 2.-32).

Отходы производства – это самая многочисленная категория артефактов – 113 экз.

К осколкам (39 экз.) отнесены бесформенные куски камня мелкого размера (от 1 до 3 см) – 9 экз., среднего (от 3 до 5 см) – 13 экз. и крупного (свыше 5 см) – 17 экз.

Отщепы – 72 экз. При характеристике отщепов учитывалось наличие желвачной корки на дорсальной поверхности. Выделены первичные, вторичные и обычные (без желвачной корки) отщепы. Дальнейшее разделение проводилось внутри каждой группы по размерам на мелкие (от 1 до 3 см), средние (от 3 до 5 см) и крупные (свыше 5 см).

Первичные отщепы – 3 экз. Из них крупного размера – 1 экз., среднего – 2 экз. Вторичные отщепы – 4 экз., из которых крупного размера –

1 экз., среднего – 2 экз. и мелкого – 1 экз. Обычные отщепы – 65 экз., из них крупного размера – 5 экз., среднего – 27 экз. и мелкого – 33 экз.

К чешуйкам (2 экз.) отнесены сколы диаметром менее одного сантиметра. Ударные площадки либо точечные, либо неопределимые.

На поселении Перешеечное-I собрано большое количество остеологического материала, который имеет темно-коричневую окраску. Весь остеологический материал сильно фрагментирован. Трубчатые кости расколоты, для извлечения костного мозга, т.е. являются кухонными отбросами. Среди костей животных обломки черепа или челюсти животного, на котором прорезаны три параллельные полосы (рис. 2.-33).

Коллекция керамики насчитывает 93 экз. К сожалению, большая часть керамики – это неорнаментированные фрагменты, из которых 44 – стенки сосудов, 10 – плоскодонные днища и 4 – венчики. Орнаментированы 35 фрагментов, из которых 10 – венчики и 25 – стенки. Керамика сильно различается по цвету от красного (кирпичного) до черного, по составу теста (от рыхлого до плотного), по степени сохранности (от отличного – залощенная керамика орнаментированная елочкой, до плохого расколота керамика с замытым орнаментом). Большинство фрагментов с орнаментом относятся к периоду поздней бронзы. Фрагменты венчика сосуда, орнаментированного сеточкой по краю венчика и рядом «жемчужника» чередующегося с ямками, относятся к ирменской культуре (рис. 3.-6). К саргаринско-алексеевской культуре относятся фрагменты сосуда орнаментированные «защипами» (рис. 3.-12). Несколько фрагментов венчика относятся к бегазы-дандыбаевской культуре (рис. 3.-10, 11). Иногда в силу фрагментарности установить культурную принадлежность проблематично. Некоторые фрагменты могут относиться как к андроновской, так и к бегазы-дандыбаевской культурам (рис. 3.-7, 9).

Несколько фрагментов керамики, скорее всего, относятся к более раннему времени (рис. 3.-1–5). Фрагмент венчика, орнаментированный отпечатками отступающей палочки с элементами накалываниями и рядом ямок (рис. 3.-1), скорее всего, относится к эпохе энеолита. Аналогичная керамика обнаружена на поселении Новоильинка-III в Северной Кулунде [Киришин, 2015]. К этому же времени, скорее всего, относится и фрагменты керамики орнаментированные отпечатками отступающей палочки с элементами накалываниями (рис. 3.-2). Фрагмент керамики, орнаментированный насечками и ямками (рис. 3.-4), имеет аналогии в материалах поселения Островное-III в Мамонтовском районе Алтайского края [Иванов, 2000, с. 51, рис. 14]. Материалы этого памятника Г.Е. Иванов датирует эпохой энеолита-ранней бронзы [Иванов, 2000, с. 44], но видимо часть материалов этого памятника может относиться к неолиту.

К сожалению, керамика представлена очень фрагментарно. Для убедительных выводов недостаточно данных. Часть керамики сильно замыта, и орнамент и техника орнаментирования читаются с трудом

(рис. 3.-5). Можно только предположить, что к эпохе неолита относятся фрагменты керамики, орнаментированные отпечатками гребенчатого штампа. В нескольких случаях – это короткий штамп, с четырьмя широкими зубцами (рис. 3.-3).

Стоит отметить, что фрагменты керамики, орнаментированные гребенчатым штампом и отступающей палочкой, имеют общие черты. В стенках сосудов визуально прослеживаются следы от органики (полые канальца от сгоревшей шерсти, волоса или пуха). Следы от волоса животных фиксируются в керамике поселения Тыткескень-II в Горном Алтае от раннего до финального неолита [Кирюшин, Кирюшин, 2008]. Следы от пуха птиц в стенках сосудов фиксируются в материалах памятника эпохи энеолита в Северной Кулунде Новоильинка-III.

Можно только констатировать, что часть из ранней керамики (рис. 3.-1–5) может быть синхронна с каменным инвентарем.

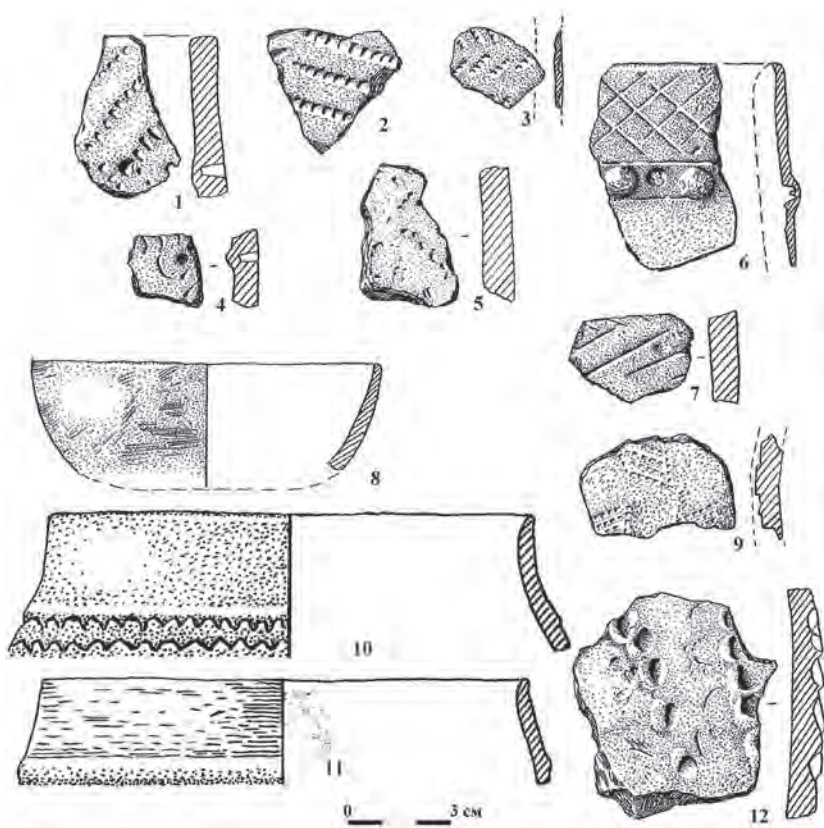

Рис. 3. Материалы памятника поселение Перешеечное-I (1-12 – керамика)

Эпоха неолита остается одним из наименее изученных периодов в древнейшей истории Алтая, и любые новые материалы существенно расширяют имеющуюся в нашем распоряжении источниковую базу. Несмотря на то, что культурный слой памятника разрушен, его научный потенциал остается значительным. По результатам обследования 2014 г. остеологические материалы и каменные орудия залегают на дне озера скоплениями. В 2014 г. уровень воды в водоемах Алтайского края существенно превышал среднестатистические показатели. Аналогичная ситуация прогнозируется и в 2015 г. Необходим мониторинг состояния памятника и при благоприятных погодных условиях (низкий уровень воды в озере Горькое-Перешеечное), возможно дальнейшее изучение поселения Перешеечное-1.

Библиографический список

Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул, 2000. 160 с.: ил.

Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. №1 (61). 2015. С. 25–36.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул, 2008. 335 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А. Новогорьевский район: памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 125–135.

Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 73–117.

Онников А.В. Археологический памятник в пойме озера Горькое-Перешеечное // Русская культура: История и современность. 2006. Ч. 1. С. 73–80.

К.Ю. Кирюшин, Я.В. Фролов

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

МАТЕРИАЛЫ I ТЫС. ДО Н.Э. МОГИЛЬНИКА ТУЗОВСКИЕ БУГРЫ-I (по результатам исследований 2014 года)

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление N 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Грунтовый могильник Тузовские Бугры-I, расположен в 30 км к югу от г. Барнаула. Памятник находится на правом берегу Оби на песчаной гряде в пойме реки, на протоке Заломная, в 8,5 км к юго-юго-западу от с. Рассказиха. В 2000 г. М.Т. Абдулганеевым на памятнике

был заложен раскоп площадью 174 кв. м. и исследованы 37 погребений. Из них 18 относятся к эпохе энеолита [Кирюшин и др., 2011; Кирюшин и др., 2012], одно – к ранней бронзе [Абдулганеев, Кирюшин, 2002] и 14 – к раннему железному веку [Абдулганеев, Кирюшин, Фролов, 2005].

В 2014 г. археологические исследования на могильнике Тузовские Бугры-I были продолжены. Началу работ предшествовало проведение исследования методом электромагнитного частотного зондирования с применением аппаратно-программного комплекса ЭМС, разработанного в лаборатории электромагнитных полей Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН. Исследование аппаратурой ЭМС выполнялось на площадке размером 40х40 м в узлах равномерной сетки с шагом 1х1 м. Полученные результаты показали, что информативные возможности памятника не исчерпаны после раскопок М.Т. Абдулганеева в 2000 г. и обладают высоким научно-исследовательским потенциалом.

В ходе работ в сентябре 2014 г. были обнаружены четыре захоронения, два из которых относятся к эпохе раннего железа, а два – к более раннему времени (к эпохе энеолита или к неолиту).

Погребения эпохи раннего железа принадлежат к серии обнаруженных ранее на могильнике погребений, датирующихся скифским временем. Это могилы №40 и 41.

Могила 40. Захоронение совершено в яме подпрямоугольной формы с сильно закругленными углами. Ее размеры в плане – 1,8х1,0 м. Могила на 25 см заглублена в материк. Ее глубина от современной дневной поверхности – 1,15 м. Стенки вертикальные. Погребенный в могиле уложен вытянуто на спине, головой на запад. Правая рука умершего слегка откинута в сторону. Череп наклонен вперед. Инвентаря нет. Ближе к северо-восточному углу погребения (выше дна могилы на 15 см) обнаружена кость животного. Ее принадлежность к захоронению неясна.

Могила 41 (рис. 1.-4). Захоронение совершено в яме подпрямоугольной формы. Ее размеры в плане – 2,0х0,8 м. Могила на 25 см заглублена в материк. Ее глубина от современной дневной поверхности – 1,05 м. Стенки вертикальные. Вдоль северо-западного края могильной ямы прослежена полоса древесного тлена коричневого цвета, вероятно, являющаяся следами деревянной обкладки. В могиле погребенный уложен вытянуто на спине, головой на юго-запад. Умерший захоронен в «позе всадника» – руки слегка согнуты в локтях и немного разведены в стороны, плечи приподняты. Слегка согнута в колене и правая нога. Ноги, также немного разведены в стороны. Череп наклонен вперед (рис. 1.-4). На нем обнаружен фрагмент керамики, попавший в заполнение могилы, по всей видимости, из разрушенного культурного слоя поселения. Из инвентаря в районе груди (справа) обнаружена костяная бляха-застежка, вероятно, являющаяся деталью крепления колчана (рис. 1.-1, 4). В районе таза (с правой стороны) найден костяной колчаный крюк (рис. 1.-2, 4), рядом с ним – два астрагала барана (без

следов обработки) и зашлифованный с торца фрагмент эпифиза кости животного (рис. 1.-3, 4).

В целом, погребальный обряд раскопанных в 2014 г. захоронений скифского времени демонстрирует близость с остальным комплек-

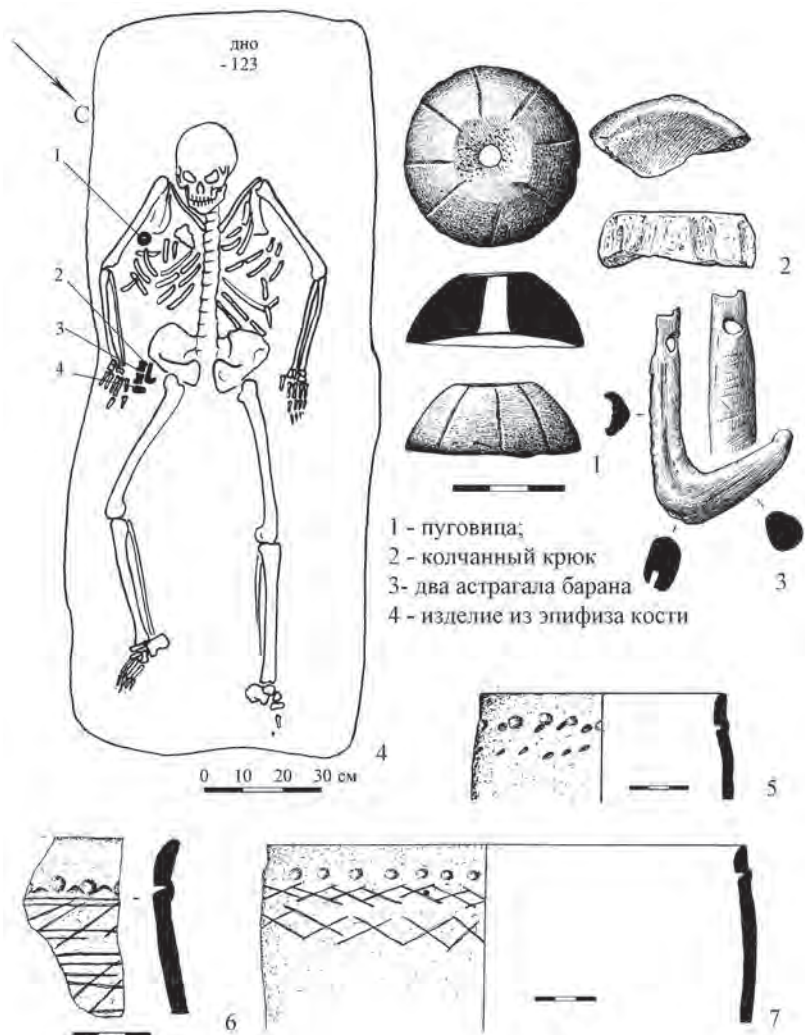

Рис. 1. Могильник Тузовские Бугры I. Материалы первой половины I тыс. до н.э. Раскопки 2014 г.: 1 – пуговица-застежка, м. 41; 2 – изделие из эпифиза кости, м. 41; 3 – колчанный крюк, м. 41; 4 – план могилы №41; 5–7 – керамика из культурного слоя памятника (1–3 – кость; 5–7 – керамика)

сом захоронений этого периода на могильнике. Погребения, изученные в 2014 г., продолжают ряды уже ранее раскопанных могил. Они образуют планировочную сетку: торцами могилы ориентированы в направлении юго-запад – северо-восток и длинными сторонами в направлении северо-запад – юго-восток. Причем могилы, обнаруженные в 2014 г., продолжают два параллельных ряда захоронений, в одном из которых погребенные в могилах ориентированы головой на запад, а в другом на юго-запад.

Данный вариант организации погребального пространства характерен для большинства грунтовых могильников староалейской культуры. Погребения в подпрямоугольных грунтовых ямах, а также их размеры и глубина, расположение умерших в могилах и их ориентация так же типичны для погребальной обрядности этой группы памятников [Фролов, 2008, с. 136–139].

Положение умершего в могиле №41 в «позе всадника» характерно для мужских захоронений староалейской группы могильников [Фролов, 2013, с. 260–281]. Наиболее часто «поза всадника» встречается в воинских захоронениях. Наличие деталей крепления колчана в могиле №4 – характерных элементов «мужского погребального набора» – также подтверждает это наблюдение.

Инвентарь раскопанных в 2014 г. погребений небогат. В него входит костяной колчаный крюк, найденный в могиле №41 (рис. 1.-1). Роговые и костяные колчаные крюки – предметы довольно часто встречающиеся в захоронениях староалейской группы могильников. Они обнаружены во всех раскопанных большими площадями памятниках этого типа могильниках: Староалейка-2, ОП 2, Фирсово-14, МГК-1, могильник 1 [Фролов, 2008, рис. 96.-12; 120.-11; 133.-7; Федорук, Фролов, Папин, 2012, с. 71, рис. 4.-4]. В других некрополях раннего железного века в Верхнем Приобье они встречены значительно реже [Могильников В.А., 1997, с. 57; Троицкая, 1983, рис. 2.-2; Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXXVI.-15].

Костяная круглая пуговица-застежка колчана, найденная в могиле №41, изготовлена из эпифизной головки бедренной кости животного. Предмет имеет орнамент из прорезанных радиально расходящихся линий на выпуклой стороне (рис. 1.-2). По форме данное изделие также напоминает пряслице, но его находка совместно с колчаным крюком и расположение в захоронении позволяют сделать вывод о том, что это все-таки деталь крепления колчана к поясу. Форма характерна для большой серии подобных изделий из дерева пазырыкской культуры [Бородовский, 1997, с. 47; Кубарев, 1992, с. 74, рис. 22.-3–8; Поздняков, Полосьмак, 2000, с. 76–77; Полосьмак, 2001, рис. 119].

В целом, материалы из захоронений раннего железного века, раскопанных в 2014 г., вписываются в комплекс захоронений ранее раскопанных на могильнике и демонстрируют погребальный обряд, характер-

ный для могильников «классической» стадии развития староалейской культуры. Изученные в 2014 г. погребения могут быть датированы, как и основной комплекс погребений, в рамках VI–IV вв. до н.э. [Абдулганеев, Фролов, 2005, с. 16].

Находки из культурного слоя на раскопанной в 2014 г. площади могильника относятся к периоду неолита – энеолита, к переходному времени от эпохи бронзы к эпохе раннего железа и скифскому времени.

Отдельные находки керамики переходного времени встречены по всей площади раскопа. У его западного края зафиксирован развал крупного баночного сосуда этого периода. Это плоскодонная тонкостенная закрытая банка средних размеров. Округлый край венчика слегка отогнут наружу. Орнамент представлен одним рядом мелкого жемчужника и широким бордюром заполненным двумя рядами сетки (рис. 1.-7). Данный сосуд по форме и орнаментации является типичным для всего керамического комплекса этого периода, обнаруженного на памятнике.

Остальные фрагменты керамики, относящиеся к этому времени, происходят от сосудов похожих форм – закрытых банок, чашек, с прямым или слегка отогнутым венчиком. В подавляющем большинстве случаев край венчика этих сосудов округлый. Орнамент представлен рядом жемчужника с разделениями и без. Наиболее часто использующийся вариант разделений отпечатки уголка лопаточки (рис. 1.-6). Из других элементов орнамента следует отметить узкие ряды сетки. В целом, керамический комплекс характерен для переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку, близок к ближнеелбанскому типу керамики, а также имеет некоторое сходство с бийским. Но в отличие от этих типов керамики, здесь почти не встречены сосуды со скошенным венчиком. Следует отметить, что практически на всех поселениях переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку в Барнаульско-Бийском Приобье прослеживается определенное своеобразие керамических комплексов, укладывающееся в орнаментальные традиции характерные для культуры в целом. Эту тенденцию и демонстрируют керамические материалы культурного слоя могильника Тузовские Бутры-I [Абдулганеев, Фролов, 2012, с. 183–184].

Керамика скифского времени представлена отдельными фрагментами керамики, от баночных сосудов украшенных в подавляющем числе случаев рядом жемчужника с разделителем, проходящим по краю венчика, часто в сочетании с рядом наколов, выполненным орнаментными рисунками разного типа (рис. 1.-5). Пока неясно, относятся ли керамика скифского времени с территории памятника к какому-то поселенческому комплексу или связаны с поминально-погребальной обрядностью могильника.

В целом, погребальные и поселенческие материалы I тыс. до н.э., полученные, в ходе раскопок могильника Тузовские Бутры-I в 2014 г., демонстрируют близкое сходство с изученными ранее комплексами этого периода.

Проведенные в 2014 г. работы доказывают, что могильное поле на памятнике изучено далеко не полностью и дальнейшие работы на этом могильнике имеют большие перспективы.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Комплекс скифского времени на могильнике Тузовские Бугры I // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2005. Вып. 7. С. 5–27.

Абдулганеев М.Т., Фролов Я.В. Новые материалы большереченской и староалейской культур из Барнаульского Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2009. Вып. XVII. С. 178–184.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф. Погребение бронзового века из могильника Тузовские Бугры-I // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 4–7.

Бородовский А.П. Древнее костерезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск, 1997. 224 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 196 с.

Поздняков Д.В., Полосьмак Н.В. Всадники, натягивающие лук (к вопросу о пазырыкских горитах) // Археология, этнография, антропология Евразии. 2000. №3. С. 75–80.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001. 336 с.

Троицкая Т.Н. Могильник Быстровка-1 как исторический источник // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск, 1983. С. 31–50.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.

Федорук А.С., Фролов Я.В., Папин Д.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья скифского времени по материалам могильника Фирсово-XIV (раскопки 2010–2011 гг.) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2013. Вып. 5(17). С. 64–77.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул, 2008. 479 с.

Фролов Я.В. Положение умершего в захоронении как маркер половозрастной дифференциации погребальной обрядности населения лесостепного Алтая в скифское время // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2013. Вып. XVIII–XIX. С. 279–282.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Абдулганеев М.Т. Зубы животных в погребениях могильника Тузовские Бугры-I как индикатор этнокультурных процессов на территории Алтая в III тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №3. С. 59–66.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Кузменкин Д.В., Абдулганеев М.Т. Раковины моллюсков в погребениях могильника Тузовские Бугры-I как индикатор этнокультурных процессов на территории Южной Сибири и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №2. С. 37–45.

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ НА Р. ЧУМЫШ

За последние годы в музей-заповедник «Кузнецкая крепость» поступило несколько случайных находок, сделанных местными жителями на р. Чумыш в ходе различных хозяйственных занятий. Обстоятельства и места находок некоторых из них были нами проверены.

Летом 2013 г. В.М. Ерошенко передал в музей палаш (рис. 1.-1–2). По словам дарителя, предмет был найден несколько лет назад – поднят в процессе рыбалки со дна р. Сары-Чумыш, в 250–300 м ниже впадения в нее р. Бенжереп, у д. Сары-Чумыш Кемеровской области. Общая длина палаша 86 см, длина клинка 75 см, ширина клинка у перекрестья 4 см, максимальная толщина 7 мм. Клинок прямой (прогиб менее 1 см), сечение клинка удлиненно-треугольное. Кончик заострен и на 18 см имеет двустороннюю заточку. На правой плоскости клинка вдоль обушка выбран дол, узкий и глубокий. Напускное железное перекрестье тонкое, в плане – ромбическое, длинное, со слегка расширяющимися секирообразными концами. Металлической накладки у основания клинка нет. Цельнокованный черен прямоугольного сечения, загнут под углом в 10–11° к лезвию, конец черена заострен. На черене сохранилась одна клепка от крепления деревянных накладок рукояти. Судя по всему, палаш попал в реку в ножнах, от них на клинке сохранилась пара портупейных обоей. Каждая в виде парных тонких медных полос шириной по 9 мм, приклепанных к фигурным латунным позолоченным накладкам (рис. 1.-3–4). Накладки были деформированы. Позолота частично стерта. Одна накладка пробита двумя шпёнками, другая тремя. Шпёнки, очевидно, грубо приделаны на замену отломившимся. О ремонте накладок заставляет думать и то, что красные медные петли контрастируют с цветом латуни. За исключением обоей, других остатков ножен проследить не удалось.

Близкая аналогия рассматриваемому палашу есть среди находок в Кузнецкой котловине – в могильнике Шанда, в кургане №9, найден очень близкий по размерам, форме клинка и перекрестья палаш [Илюшин, 1993, с. 11]. Важное отличие заключается в отсутствии дола.

Близкие по типу клинка и форме перекрестья палаши встречаются и на других территориях: от Хакасии до Северного Кавказа. Два палаша из Хакасии, близких по форме клинка, размерам и форме перекрестья, опубликованы [Худяков, 1980, с. 40; Минор, 2007, с. 126]. У них также отсутствуют долы. В отличие от шандинского палаша, на основании клинка у них имеются железные накладки.

Необходимо отметить, что устойчивого названия для данного типа оружия, на сегодняшний день не выработано. Его называют

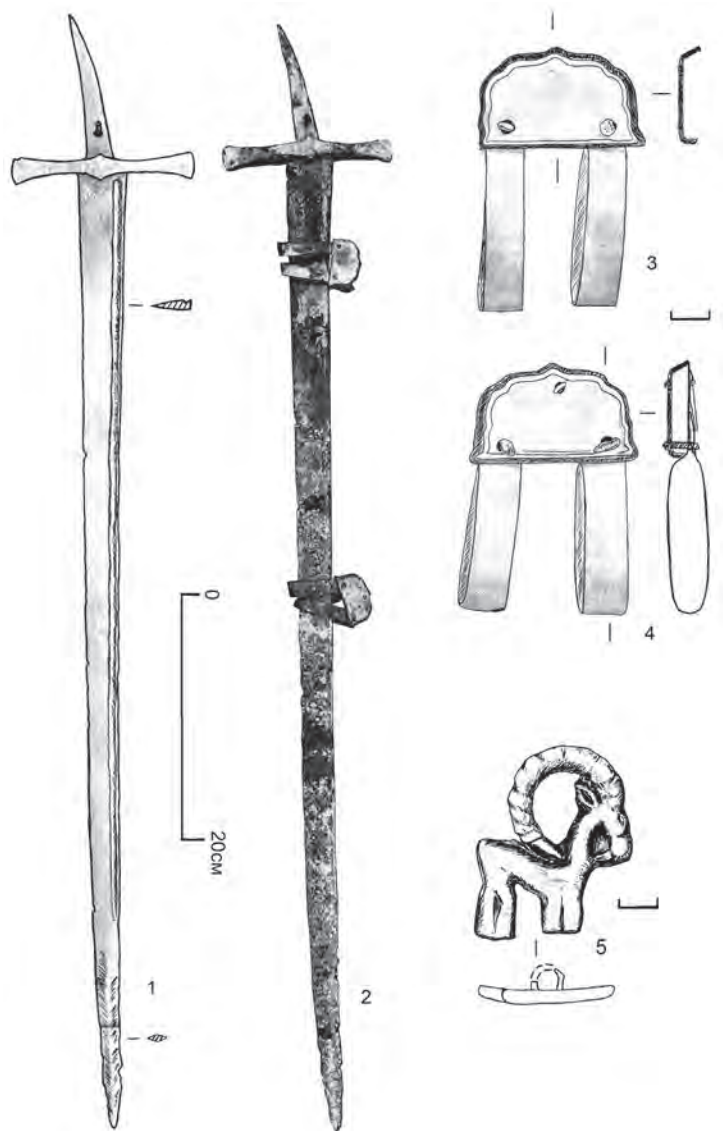

Рис. 1. Случайные находки из бассейна р. Чумыш:
 1–4 – палаш и обоймы ножен с накладками портупейных ремней
 из окрестностей д. Сары-Чумыш (МЗКК. КП 1871, А 6687); 5 – бляха
 из окрестностей д. Титово (МЗКК. КП 2027, А 9282) (1 – железо; 2 – железо,
 латунь с позолотой, медь; 3–4 – латунь с позолотой, медь; 5 – бронза)

как палашом, так и саблей. Незначительный изгиб клинка позволяет исследователям то подчеркивать наличие изгиба и называть клинок саблей, то пренебрегать этой незначительной кривизной и называть клинок палашом. Существуют попытки присвоить такому оружию название «хылыс» и отказаться от решения проблемы с классификацией «палаш-сабля». Дата подобного оружия достаточно определена в литературе и указывается в пределах X–XII вв. Место изготовления однозначно назвать не представляется возможным. Однако, наличие дола на клинке не характерно для сибирского клинкового оружия. Оно указывает, что палаш изготовлен не в Сибири, а является импортным изделием.

Осенью 2014 г. в музей передали бронзовую бляху в виде фигурки стоящего горного козла. Она была найдена у д. Титово Алтайского края, в 200 м к СВ от ее окраины, на правом берегу р. Чумыш, на разбитой копытами унавоженной поверхности бывшего скотного загона.

Фигурка представлена довольно грубой отливкой размерами 52х40х9 мм, с односторонним рельефом. Показаны четыре ноги сведенные попарно, живот поджарый, тонкая шея поднята, голова опущена. Круп – приюстренный, возможно, за счет хвостика. Выделен только один рог, загибающийся полукольцом к холке зверя. Рог рассечен сильно сглаженными широкими валиками (кроме кончика). На голове за рогом показано вытянутое острое ухо. В смазанном рельефе морды едва заметен глаз, выделяющийся сглаженным овальным валиком, различима борода, примыкающая к груди. На обороте фигурки, на туловище, с помощью сердечника была отформована небольшая дуговидная петля, которая обломилась. Треснул и кончик рога, примыкающий к холке.

Возможно, в этой фигурке переработаны ранние сакские прототипы изображений горного козла [Полидович, 2011, рис. 1.-3, 9]. Но ее заметно отличают постановка ног, шеи, головы, иное декоративное оформление рога и отсутствие типичных для сакского звериного стиля декоративных приемов в оформлении глаза, ноздри, рта и шерсти животного. Сложно найти чумышской бляхе аналогии и среди территориально близких находок. Фигурка козла из Новосибирского могильника, при сходстве в грубости отливки, имеет понуро опущенную голову [Могильников, 1997, рис. 55.-1]. По постановке шеи и головы ближе всего к описываемой фигурке – фигурка козла из памятника Новотроицкое-2 [Шульга и др., 2009, рис. 77.-8], но стилистически и технологически она исполнена по другому. По статичности позы, с явно выделенными четырьмя ногами, но не сведенными в одной точке, чумышская бляшка напоминает фигурки, отливаемые на рукоятках бронзовых зеркал. Подобная фигурка козла, но идущая в другую сторону известна на зеркале из Синьцзяна [Шульга, 2010, рис. 84.-1]. Не исключено, что рассматриваемая бляшка изначально также являлась ручкой зеркала и вторично была переиспользована в качестве ременной накладки. В пользу этого может указывать и неровный срез кончиков ног, с утратой копыт.

На обороте фигурных ручек зеркал отливались петли того же типа, что и у чумышской бляшки. С учетом рассмотренных особенностей, находку у д. Титово предварительно можно отнести к VI–V вв. до н.э.

Библиографический список

Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово, 1993. 116 с.

Минор В.А. Об одной случайной находке (кыргызский палаш) // *Nota bene*. Вып. 1. Случайная находка. Новосибирск, 2007. С. 125–126.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 196 с.

Полидович Ю.Б. Изображения таутеке на навершиях из комплекса Биже (Жетысу) в контексте раннесакского «звериного стиля» // *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии*. Караганды, 2011. С. 123–130.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980. 176 с.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул, 2010. 238 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА УРОЖАЙНАЯ В ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ

Стоянка Урожайная открыта геологом О.М. Адаменко в 1960 г. [Адаменко, 1966; Адаменко, Гайдук, 1967]. Памятник расположен в Советском районе Алтайского края в 15 км от кромки левого берега р. Катунь и в 2 км к юго-востоку от совхоза Урожайный на останце коренных пород, перекрытым чехлом рыхлых отложений.

Геоморфологическая характеристика района расположения памятника. Основная равнинная часть междуречья рек Катунь и Каменки в их нижнем течении сложена аллювиальными отложениями II надпойменной террасы Катунь, сложенной валунно-галечниковым конгломератом, сцементированным карбонатизированными супесями, песками и гравием. Основой террасы являются терригенно-карбонатные и вулканогенные морские формации нижнего-среднего кембрия (эффузива и туфы основного, среднего и, реже, кислого состава, известняки, алевролиты, песчаники, сланцы). К цокольным останцам примыкают толщи аллювиально-озерных и субэвральных отложений среднего отдела четвертичной системы (лессовидные суглинки, супеси, с горизонтами погребенных почв, илы и глины с включением щебня). Денудационные останцы, к одному из которых приурочена стоянка Урожайная, сложе-

ны девонскими интрузивными образованиями (граниты, адамеллиты, плагиограниты, гранит-порфиры). По тектоническому районированию регион относится к Алтае-Саянской (Каледонской) складчатой области Алтае-Салаирской складчатой системы Бийско-Катунской структурно-формационной зоне (Катунская подзона).

По равнине протекает речка Светлая образованная текущими с гор ручьями. На поверхности равнины из подножия сопки имеются выходы валунов. Вершина горы вытянута с запада на северо-восток и имеет более пологие склоны с юго-запада, спускающиеся к подножию террасами. Между восточным склоном и вершиной горы ложбина, распаханная под посевы. С юга и севера она ограничена двумя буграми.

Наиболее крупные работы велись на памятнике в 1962–1963 гг. отрядом Алтайской археологической экспедиции под руководством Е.М. Берс. Был заложен раскоп площадью 100 м², и проведены обширные сборы материала на вершине и склонах сопки.

Во время раскопок было прослежено три литологических горизонта, залегающих выше скального основания: чернозем, гумусовый суглинок, желтый лессовидный суглинок. В последнем литологическом горизонте и был выделен основной горизонт залегания находок. Анализ комплекса проводился по двум группам: материал представленный сборами с поверхности и материал, полученный из стратифицированных условий. Общее количество артефактов коллекции – 4983 экземпляра каменных изделий (таблица 2). На протяжении почти четверти века материалы из разрушений памятника собирал также Б.Х. Кадиков. Эти находки хранятся в Бийском краеведческом музее (инв. №177) и насчитывают 468 артефактов (таблица 1).

Материалы представленные сборами с поверхности. Сырье: преимущественная ориентация была на мелко зернистый песчаник – 50,4%. Далее следуют: кварцит – 22,98%, темный кремнистый материал – 13,1% и крупнозернистый песчаник – 8,88%.

Таблица 1

Типологический реестр составных элементов индустрии
стоянки Урожайная (сборы с поверхности)

№	Наименование типа изделия	Кол- во	%
Техника первичного расщепления			
1	Отщепы первичные: мелкие	1	0,15
2	средние	5	0,77
3	крупные	14	2,04
4	Отщепы вторичные: мелкие	16	2,41
5	средние	32	4,68
6	крупные	51	7,46

Продолжение таблицы 1

№	Наименование типа изделия	Кол-во	%
7	Осколки, обломки средние	9	1,39
8	крупные	3	0,44
9	Гальки со сколами	2	0,4
10	Расколотые оббитые гальки	3	0,44
11	Отбойник – наковальня	1	0,15
12	Сколы-заготовки галечные	14	2,05
13	Галечные сколы «цитрон» крупные	4	0,58
14	Нуклеусы одноплощадочный однофронтальный	10	1,46
15	двуплощадочный однофронтальный	4	0,58
16	двуплощадочный двуфронтальный	1	0,15
17	двуплощадочный двуфронтальный продольно-поперечный	1	0,15
18	«рабо»	1	0,15
19	«леваллуазский»	2	0,29
20	радиальный однофронтальный	7	1,02
21	радиальный двуфронтальный	6	0,88
22	аморфный	5	0,77
23	призматического типа скалывания	6	0,88
24	торцово-клиновидные	16	2,3
25	Нуклевидные изделия	3	0,44
26	Нуклевидные сколы	6	0,88
27	Нуклевидные обломки валунов (преформы)	6	0,88
28	Площадочные преформы	5	0,77
29	Пластины	1	0,15
30	Пластинчатые отщепы	7	1,02
Орудийный набор			
31	Скребки: концевые укороченные на пласт. отщепе	4	0,58
32	концевые короткие на пласт. отщепе	5	0,77
33	концевые на отщепе	3	0,44
34	с ретушью по периметру	1	0,15
35	сегментовидные	1	0,15
36	полуовальные	1	0,15
37	единичные	2	0,29
38	случайные	5	0,77
39	Скребла: дорсальные продольные выпуклые с переходом на торец на пластине	1	0,15
40	дорсальные продольные выпуклые двойные на пластине	1	0,15
41	дорсальное продольное прямое, выпуклое	27	3,95
42	дорсальное двойное продольно-выпуклое	8	1,17
43	дорсальное конвергентное	9	1,39
44	дорсальное с обработкой по периметру	4	0,58
45	дорсальное продольное-выпуклое на крупном первичном сколе	2	0,29

Продолжение таблицы 1

№	Наименование типа изделия	Кол-во	%
46	из целой гальки	1	0,15
47	Заготовки скребел	5	0,77
48	Обломки скребел	4	0,58
49	Скребловидные орудия	23	3,36
50	Орудия с «носиками»	7	1,02
51	Единичные орудия	4	0,58
52	Орудия с поперечным рабочим краем	2	0,29
53	Скобели: выемчатые	6	0,88
54	зубчато-выемчатые	3	0,44
55	зубчатые	20	2,9
56	с прямым краем	2	0,29
57	Долотовидные орудия	2	0,29
58	Долотовидные орудия крупные галечные	2	0,29
59	Долотовидные орудия-бифасы	2	0,29
60	Бифас-топор	1	0,15
61	Галечное орудие с корвенгентными краями (остроконечник)	1	0,15
62	Разделочные рубяще-режущие орудия из крупных сколов	3	0,44
63	Нож-бифас	1	0,15
64	Рубильце	1	0,15
65	Отщепы с ретушью	10	1,46
66	Отщепы с ретушью крупные первичные	2	0,29
	ИТОГО:	684	100

Материалы полученные из стратифицированных условий. Сырье: источником сырья для производства артефактов служили катунские галечные пляжи. Наиболее широко использовался серый и светло-серый мелкозернистый песчаник – 36,88%. Другими основными породами являются кварцит – 29,5% и темный кремнистый материал – 29,5%. Значительно реже применялся крупнозернистый песчаник – 4,09%.

Таблица 2

Типологический реестр составных элементов индустрии стоянки Урожайная (материалы А.П. Окладникова)
(по: [Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., 1992])

№	Наименование типа изделия	Кол-во	%
Первичное расщепление			
1	Первичные отщепы: мелкие	61	1,2
2	средние	119	2,39
3	крупные	128	2,58

Продолжение таблицы 2

№	Наименование типа изделия	Кол-во	%
4	Вторичные отщепы: мелкие	1935	38,9
5	средние	835	16,8
6	крупные	333	6,7
7	Осколки, обломки	156	3,14
8	Технические сколы	75	1,5
9	Нуклеусы: одноплощадочные однофронтальные	19	0,38
10	леваллуазские для пластин	37	0,75
11	леваллуазские для отщепов	36	0,72
12	торцовые аморфные	3	0,06
13	торцовые однофронтальные	30	0,6
14	торцовые двуфронтальные	5	0,1
15	торцовые клиновидные	14	0,28
16	торцовый двуфронтальный прямоугольно-вытянутый	1	0,02
17	торцовый единичный	6	0,12
18	подпризматический	1	0,02
19	ортогональные	17	0,34
10	Преформы	129	2,59
11	Нуклевидные обломки	27	0,54
12	Пластины	676	13,6
13	Пластинчатые отщепы	59	1,18
14	Плитки	1	0,02
Орудийный набор			
15	Скребла: дорсальные продольно-прямые	9	0,18
16	дорсальные продольно-выпуклые	10	0,2
17	дорсальные продольное двойное выпукло-вогнутое	1	0,02
18	дорсальные конвергентное прямое	1	0,02
19	дорсальные конвергентное выпуклое	1	0,02
20	дорсальные двойное продольно-выпуклое	1	0,02
21	дорсальные поперечно-прямое	5	0,1
22	дорсальные поперечно-выпуклое	5	0,1
23	дорсальные с обушком	8	0,16
24	дорсальные с частично бифасиальной обработкой	2	0,04
25	дорсальные с противолежащими рабочими краями	2	0,04
26	дорсальные угловатые	5	0,1
27	дорсальные с обработкой по периметру	3	0,06
28	дорсальные с эпизодической ретушью	6	0,12
29	дорсальные с резцовым сколом	8	0,16
30	дорсальные мелкие (скреблышки)	2	0,04
31	вентральные продольно-прямые	4	0,08
32	вентральные поперечно-прямые	2	0,04
33	вентральные поперечно-выпуклые	4	0,08

Продолжение таблицы 2

№	Наименование типа изделия	Кол-во	%
34	Скребки: концевые на пластинах	3	0,06
35	концевые на отщепах	13	0,26
36	двойной концевой на отщепе	1	0,02
37	боковой на пластине	2	0,04
38	боковой на отщепе	17	0,34
39	с ретушью по периметру	4	0,08
40	с ретушью по половине периметра	23	0,46
41	атипичный	1	0,02
42	микроскребки	18	0,36
43	Резцы	9	0,18
44	Скобели: зубчато-выемчатые	4	0,08
45	выемчатые	15	0,3
46	Ножи	5	0,1
47	Резчик	1	0,02
48	Долотовидные орудия	3	0,06
49	Галечные орудия	33	0,66
50	Пластины с ретушью	4	0,08
51	Орудие на плитке	1	0,02
52	Провертка	1	0,02
53	Проколка	1	0,02
54	Острие	5	0,1
55	Оригинальные (единичные) орудия	4	0,08
56	Отбойники	9	0,18
57	Обушковые формы	2	0,04
58	Отщепы с ретушью	2	0,04
ИТОГО		4963	100

Материал стоянки неоднократно привлекал к себе внимание исследователей (см. список литературы). В свое время академик А.П. Окладников предположил сходство характера каменной индустрии памятника с Усть-Семой и датировал ее эпипалеолитическим временем. Строго говоря, Урожайная стала одним из опорных памятников, на материалах которых Алексей Павлович обосновывал отсутствие мезолита на Алтае. Другая точка зрения была опубликована новосибирскими археологами: предположение о неоднородности комплекса, характеризующегося наличием двух групп различного технико-типологического облика. Первая группа представлена левалуазской техникой расщепления, а вторая группа – типично позднепалеолитическими типами орудий [Деревянко, Петрин, Рыбин, 1992]. Б.И. Лапшин, изучая материалы Урожайной, высказал мнение (отраженное в его рукописных материалах), что здесь обнаружена мастерская по изготовлению каменных орудий. Автор склонен

рассматривать Урожайную как одновременный позднепалеолитический индустриальный комплекс. Это мнение обосновывается прежде всего стратиграфическими условиями залегания культурного слоя и специфической формирования рыхлых отложений на денудационных останцах левобережья Нижней Катунь. Достаточно мощные флювиогляциальные и «прорывные» селевые потоки, характер которых подробно описан в специальной литературе [Адаменко, 1963; Алтае-Саянская горная область..., 1969; Барышников, 1992; 1998; Бутвиловский, 1993], на протяжении последних этапов четвертичного периода разрушали и выносили в юго-западном направлении рыхлые отложения. В результате этого процесса относительно невысокие цокольные останцы понижающегося веера североалтайских хребтов оказывались полностью обнажены. Об этом красноречиво свидетельствуют маломощные толщи лессовидных суглинков и супесей в описываемом районе. По мере удаления от аллювиальных террас Катунь эти толщи увеличиваются до десятков и сотен метров. Таким образом, на сопке Урожайной позднечетвертичный лессовый чехол имеет мощность не более одного-полутора метров, существенно увеличиваясь только к подножью возвышенности за счет смыва дождевыми и тальми водами. В местах примыкания этих вторичных толщ к останцу они наложены на аллювиальные песчаные и иловатые озерные отложения, иногда достаточно древние, но не содержащие никаких следов человеческой деятельности. Культурный слой памятника вмещен в нижнюю половину лессового чехла толщиной до 1 м, наложенную на кору выветривания цокольной основы. Максимально возможная датировка памятника не может быть древнее 15 тыс. лет. Именно поэтому автор в свое время не согласился с предложением новосибирских археологов выделить в индустрии стоянки Урожайная ранние и поздние комплексы [Деревянко, Петрин, Рыбин, 1992; Кунгуров, 1994].

Мы уже высказывали предположение о том, что Урожайная, как и другие позднепалеолитические памятники, расположенные на останцах, являются охотничье-заготовительными сезонными лагерями [Кунгуров, 1997]. Возможно, в период миграционного движения стадных животных через равнину, организовывалась массовая загонная охота и переработка добытых животных на Урожайной. Огромное количество скребел и присутствие всей орудийной группы по их производству, свидетельствует о достаточно глубокой переработке биологического сырья: разделка и обваловка туш, предварительная обработка шкур. Не исключен процесс предварительной консервации мяса (например, вяление и копчение), которая могла осуществляться перед транспортировкой добычи на базовый лагерь или в ходе этого процесса (разделение мужской рабочей группы на «транспортирующую» и «заготовительную» половины). Остается проблема расположения базовой стоянки, обитатели которой оставили столь впечатляющие остатки своей охотничьей деятельности. Расположение памятника на самом останце вряд ли воз-

можно в связи с его открытостью ветрам и удаленностью от нормального водного источника. Скорее всего, стойбище располагалось южнее в многочисленных залесенных долинах переходной предгорной зоны, изобиловавшей и водой и другими биологическими ресурсами, в отличие от остепненного предгорного плато.

Библиографический список

Адаменко О.М. Стратиграфия четвертичных отложений Предалтайской равнины в районе слияния рек Бии и Катунь // Труды ком. по изуч. четверт. периода. М., 1963. Т. 22. С. 93–105.

Адаменко О.М. К вопросу о геологическом возрасте южно-сибирского палеолита // Бюл. ком. по изуч. четверт. периода. 1966. №31. С. 138–141.

Адаменко О.М., Гайдук И.М. О новых находках палеолита в предгорьях Алтая // Известия Алтайского отдела Географического общества СССР. 1967. Вып. 8. С. 24–28.

Алтайский край. Атлас. Т. 1. М.; Барнаул, 1978. 222 с.

Алтае-Саянская горная область. История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока. М., 1969. 416 с.

Барышников Г.Я. Развитие рельефа переходных зон горных стран в кайнозое (на примере Горного Алтая). Томск, 1992. 182 с.

Барышников Г.Я. Рельеф переходных зон горных сооружений. Барнаул, 1998. 194 с.

Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР. Л., 1984. 172 с.

Бутвиловский В.В. Палеогеография последнего оледенения и голоцена Алтая: событийно-катастрофическая модель. Томск, 1993. 243 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Комплексы каменной индустрии палеолитического памятника сопки Урожайная (низовья р. Катунь, Северный Алтай). Новосибирск, 1992. 53 с.

Кунгуров А.Л., Кадиков Б.Х. Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 29–50.

Кунгуров А.Л. Верхний палеолит предгорий Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 16–18.

Кунгуров А.Л. Позднепалеолитическая стоянка Красная Гора // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991а. Вып. 2. С. 80–82.

Кунгуров А.Л. Относительная хронология палеолитических памятников бассейна Средней Катунь // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991б. С. 50–63.

Кунгуров А.Л. Культуры палеолита-мезолита Северного Алтая // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993а. С. 22–24.

Кунгуров А.Л. Палеолит и мезолит Алтая. Барнаул, 1993б. 89 с.

Кунгуров А.Л. Мустьерские традиции в верхнепалеолитических индустриях Алтая // Палеодемография и миграционные процессы в западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994а. С. 31–33.

Кунгуров А.Л. Палеолитическая стоянка Усть-Кулом // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994б. С. 3–9, 188–192.

Кунгуров А.Л. Поздний палеолит Алтая // История Алтая. Т. 1. Барнаул, 1995. С. 17–24.

Кунгуров А.Л. К вопросу о «хозяйственной направленности» некоторых палеолитических стоянок Алтая // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 21–24.

Кунгуров А.Л. Древние антропогенные разрушения рельефа в северных и юго-западных предгорьях Алтая // Рельеф и природопользование предгорных и низкогорных территорий. Барнаул, 2005. С. 163–165.

Лапшин Б.И., Кадиков Б.Х. Позднепалеолитическая стоянка у с. Майма в Горном Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 9–21.

Окладников А.П. К вопросу о мезолите и эппалеолите в азиатской части СССР / У истоков древних культур // МИА. №126. М., 1966. С. 213–223.

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

БРОНЗОВЫЙ НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ ИЗ ОБЬ-ЧУМЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

В 1974 г. в окрестностях с. Станция Озерки рабочим Озерского лесхоза (ныне пенсионером) Семеном Макаровичем Гановым при строительстве дороги от села к деревообрабатывающему заводу (ДОЗу) был найден бронзовый наконечник копья. В настоящее время предмет хранится у жителя с. Озерки Анатолия Никоновича Демкина. По описанию находчика, изделие обнаружено примерно в 2 км от окраины села (131 квартал Озерского лесничества) в месте своротка дороги от ДОЗа к с. Литвиновка. Наконечник был «воткнут острием в песок, втулка торчала наружу». Своеобразное расположение изделие в почве подтверждается сохранностью его поверхности: верхние две трети пера покрыты рыхлым окислом, сильно разрушившим поверхность металла, нижняя треть пера и втулка покрыты «благородной» патиной темно-зеленого цвета, характерной для медных и бронзовых изделий, длительное время находившихся на открытом воздухе.

Место находки артефакта расположено на опушке правобережного обского ленточного соснового бора в междуречье Оби и Чумыша (рис. 1). Наиболее краткое расстояние до долины р. Чумыш 15 км, до Оби и места впадения в нее Чумыша – 25–30 км. В 2,5 км северо-восточнее места находки протекает левый приток Чумыша небольшая речка Кашкарагаиха. И ДОЗ и с. Станция Озерки находятся на границе восточной кромки соснового бора и открытых лесостепных водораздельных пространств Чумышской аллювиальной долины. Поверхность в этом месте сложена крупнозернистыми серыми полимиктовыми аллювиальными песками, организованными в разноориентированные гряды-гряды высотой иногда до 15 м. Судя по описанию места обнаружения наконечника находчиком, оно представляет собой оконечность высокой 10-метровой

боровой гривы, выделенной двумя сырыми ложбинами, с ориентацией ЮЗ–СВ. Северо-восточная часть гривы, где при земляных работах и была сделана находка, маркировала границу лесного массива. Таким образом, местонахождение можно предварительно интерпретировать как культовое место на возвышенности опушки соснового бора. Отсутствие водотоков и иных источников воды в ближайших окрестностях не позволяет рассматривать объект как остатки поселенческого или иного комплекса. Можно предположить то, что рабочие подобрали только

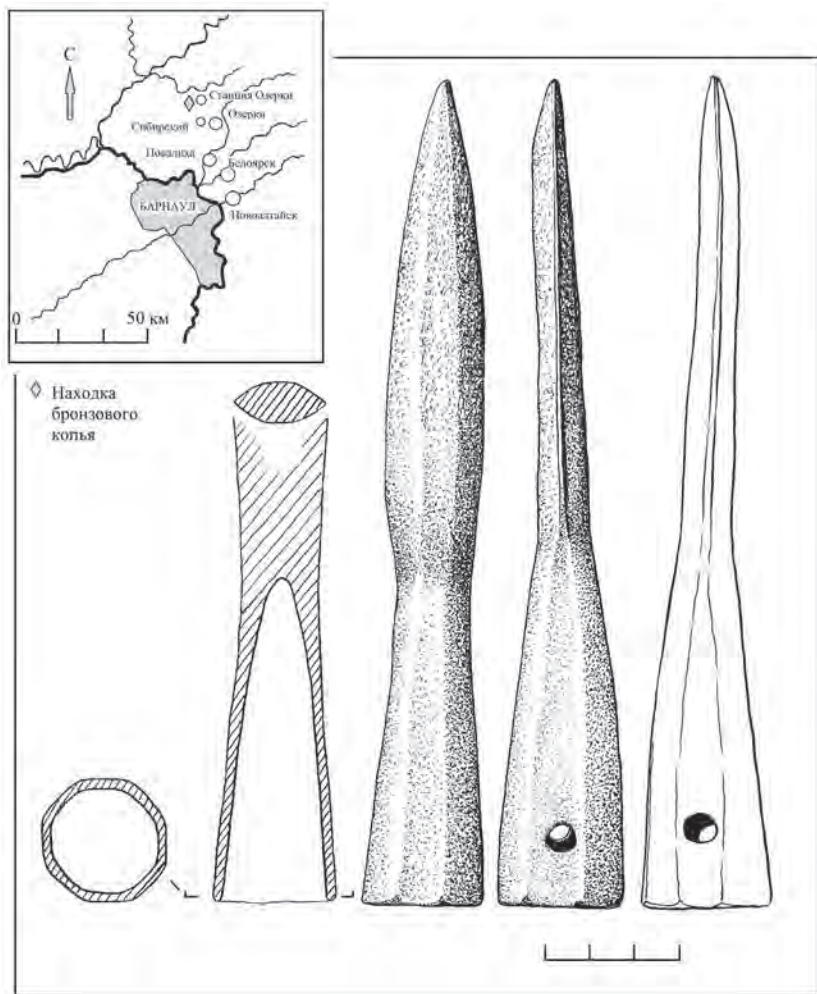

Рис. 1. Бронзовое копье из с. Станция Озерки

наиболее заметную находку, другие артефакты могли остаться незамеченными. В настоящее время место находки занято расширившимся ДО-Зом и застроено кирпичными цехами, кран-балками и железнодорожной веткой. Неоднократный осмотр близлежащих похожих мест выхода грав на окрестности села, имеющих многочисленные антропогенные разрушения (выпас скота, забор песка и т.п.) результатов не имел.

Наконечник копья изготовлен из бронзы или меди красноватого оттенка способом двустороннего литья. Имеет закрытую втулку с двумя симметричными округлыми сквозными отверстиями в 1–1,3 см выше края. Диаметр отверстий 0,6–0,7 см. Толщина втулки 0,2–0,3 см, глубина 7,4 см. Проковкой втулке придана скруглено-восьмиугольная в разрезе форма. Грани являются продолжением плоскостей пера, при этом две оформлены как продолжение его боковых кромок. Общая длина наконечника – 18,5 см. Втулка достаточно хорошо выражена (и в фас, и в профиль) и отделена от пера плавным сужением. С учетом этого перехвата длина пера составляет 11,5 см, максимальная ширина – 2,1 см, толщина – около 1 см. Форма – вытянуто-листовидная, поперечное сечение – шестиугольное, близкое к линзовидному, так как на плоскости фиксируются скругленные грани, переходящие на втулку. Боковые кромки наконечника приострены, но режущую функцию не выполняли из-за большой толщины самого пера. В целом, наконечник предназначался для сильного таранного удара (пики), так как характерных для рогатин тонких заточенных режущих перьев он не имеет.

Бронзовые наконечники копий на территории Степного Алтая находка достаточно редкая. Все они относятся к «раннескифскому» времени. В культурном отношении, скорее всего, данный тип вооружения характерен для большебереченской культуры. В отличие от наконечников из Барнаула (пос. Рыбальный) [Бородаев, 1977, рис. 2], Томского могильника [Комарова, 1962, рис. 21.-8] и БЕ-VII [Грязнов, 1956, табл. XVIII.-1, 2], наконечник из с. Озерки не имеет выраженных перьев с приостренным краем. Более всего он близок наконечнику копья из г. Бийска [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, рис. 10.-8; Могильников, 1997, рис. 43.-3–7].

Библиографический список

Бородаев В.Б. Археологические памятники в районе г. Барнаула // 250 лет горного производства на Алтае. Барнаул, 1977. С. 3–9.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 256 с. (МИА №48).

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 7–47.

Комарова М.Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. М., 1962. №24. С. 7–50.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 196 с.

**ВПУСКНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ АЛТАЯ
ХУННУСКО-СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ**

Особой разновидностью археологических памятников являются впускные погребения – захоронения в насыпях или могильных ямах уже существующих курганов с частичным нарушением основных комплексов. На территории Алтая такие объекты получают наиболее широкое распространение в скифо-сакское (2-я половина VI – III вв. до н.э.) и хуннуско-сяньбийско-жужанское (II в. до н.э. – V в. н.э.) время. В дальнейшем сооружение «впускников» представлено в погребальной традиции тюрок (2-я половина V – XI вв.), кочевников развитого Средневековья (XII–XV вв.), южных алтайцев. Сложность изучения данной категории захоронений обусловлена качеством публикации археологических источников (поверхностное описание часто без графической документации), плохой сохранностью или сильной разрушенностью костяков, отсутствием антропологических определений. Несмотря на это, анализ впускных захоронений имеет важное значение для получения для проведения этнокультурных, социальных и мировоззренческих реконструкций [Матренин, 2001; Тишкин, Матренин, 2010; Серегин, 2010].

На основе изучения опубликованных и архивных материалов нами был подготовлен свод по 33 впускным захоронениям хуннуско-сяньбийско-жужанского времени с территории Алтая, раскопанных на 19 могильниках (рис. 1). Данные комплексы относятся к булан-кобинской культуры и датируются в своей основной массе II – IV вв. н.э.

1. Балык-Соок-II. Курганная группа пазырыкской культуры в Онгудайском районе Республики Алтай в одноименном урочище в устье р. Куроты у подножья горной гряды к северу от Чуйского тракта. Впускное погребение исследовано в кургане №1. Оно устроено в заполнении основного погребения на глубине 0,5 м. В каменном ящике находилось безынвентарное захоронение взрослого человека вытянуто на спине, ориентированного головой на северо-запад. По особенностям ингумации погребение датируется 1-й половиной I тыс. н.э. Основное погребение ограблено [Кубарев, Шульга, 2007, рис. 15.-2].

2. Верх-Еланда-II. Располагается в Чемальском районе Республики Алтай в 0,5–0,7 км на восток от центра с. Еланда. В западной части насыпи кургана №1, принадлежащего к пазырыкской культуре, на уровне древнего горизонта исследовано захоронение ребенка, уложенного на спину с согнутыми ногами, головой ориентированного на север [Неверов, Степанова, 1990]. Сопроводительный инвентарь отсутствовал. К северу от погребения обнаружен керамический сосуд баночного типа, характерный для хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Основная могила ограблена.

3. Кальджин-VI. Находится в Кош-Агачском районе Республики Алтай на третьей террасе левого берега Ак-Алахи. В заполнении могильной ямы кургана №24, относящегося к пазырыкской культуре, на глубине 0,5–0,9 м, обнаружен каменный ящик с поперечным перекрытием. Внут-

1. Балык-Соок-II	7. Кок-Эдиган	13. Тете-IV	19. Ябоган-III
2. Верх-Еланда-II	8. Кор-Кобы-I	14. Тянгис-Тыт	
3. Кальджин-VI	9. Кызык-Телань-II	15. Усть-Кожолу-II	
4. Кара-Коба-II	10. Кызыл	16. Усть-Кожолу-IV	
5. Катанда-III	11. Кызыл-Джар-I	17. Усть-Эдиган	
6. Кокса	12. Пазырык	18. Чобурак-II	

Рис. 1. Карта-схема локализации впускных погребений хуннуско-сяньбийско-жужанского времени на территории Алтая

три находилось одиночное захоронение взрослого человека. Умерший лежал на спине с подогнутыми нижними конечностями, головой обращен на юго-запад [Молодин, Полосьмак, Новиков и др., 2004]. В погребении найдена бусина. Захоронение с большой долей вероятности относится к булан-кобинской культуре. Основное погребение не потревожено.

4. Кара-Коба-II. Располагается в 2 км к северу-северо-востоку от с. Кара-Кобы (Онгудайский район), в 0,1 км западнее дороги Кара-Коба – Теньга. В насыпи кургана пазырыкской культуры №6 на уровне древнего горизонта обнаружены две впускные могилы первых веков новой эры [Могильников, 1983а, с. 59, 82]. Погребение №1 содержало останки женщины без черепной коробки, уложенной на каменном настиле в нестандартной позе на животе с вытянутыми ногами. Размещение нижних конечностей указывало на ориентацию покойной «головой» на северо-восток. Найдены фрагменты железной пряжки. Погребение №2 было выполнено в каменной обкладке и представляло собой одиночную ингумацию ребенка вытянуто на спине, головой на северо-восток. Основное погребение ограблено.

5. Катанда-III. Могильник на правом берегу р. Катанда, в 7–8 км к северо-западу от одноименного села Онгудайского района. В кургане пазырыкской культуры №9 обнаружено разрушенное впускное захоронение «гунно-сарматского» времени [Мамадаков, 1995, с. 126]. Оно совершено в заполнении основного погребения в подовальной яме. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Сопроводительный инвентарь представлен костяной трубочкой, костяным и железным наконечниками стрел, железными ножом и пряжкой, фрагментами костяного изделия. Найдены кости овцы. Катандинский «впускник» был датирован I в. до н.э. – II–III вв. н.э. [Мамадаков, 1995, с. 128, 131]. Время его сооружения, на наш взгляд, можно определить в рамках II–IV вв. н.э. Основное погребение ограблено.

6. Кокса. Могильник в Усть-Коксинском районе Республики Алтай. В 1925 г. экспедицией ИИМК АН СССР под руководством С.И. Руденко раскопана впускная могила саянобийского периода в насыпи кургана №1 раннего железного века [Гаврилова, 1965, с. 6, 54–56, рис. 1]. В яме глубиной 0,3 м находилось захоронение человека с конем, ориентированным головой на восток. Из предметов инвентаря обнаружены железный меч, костяные накладки лука, железные наконечники стрел, роговые панцирные пластинки костяные свистунки, обломок трубочки с орнаментом. Материалы исследований не опубликованы. А.А. Гаврилова [1965, с. 7] датировала погребение IV–V вв. н.э. В.В. Горбунов [2003, табл. 1] предложил новую хронологию данного объекта в пределах III – 1-й половины IV вв. н.э. Информацией о сохранности основного погребения пазырыкского времени мы не располагаем.

7. Кок-Эдиган. Могильник в Чемальском районе на правом берегу р. Эдиган, в 2 км от одноименного села. В 1995–1999 гг. Южно-Сибирским

отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАИЭ СО РАН и НГУ на памятнике было раскопано 11 курганов пазырыкской культуры [Худяков, Миронов, 1997, 1998, 1999]. В насыпях объектов №5, 12, 14 обнаружены впускные захоронения хуннуско-сяньбийского времени и средневековья [Миронов, 1999, с. 37, табл. 1]. Материалы данных комплексов не опубликованы.

8. Кор-Кобы-І. Могильник в 1,7 км к северо-западу от с. Куюс в Чемальском районе. В центре кургана №1 афанасьевской культуры выявлено впускное погребение №1, датированное автором раскопок I тыс. н.э. [Ларин, 1990, с. 6–7, рис. IX, X.-1]. Захоронение было совершено в обкладке из плит на глубине 0,4 м с юго-западной стороны каменного ящика впускного погребения №2 раннескифского времени. Судя по сохранившимся *in situ* костям скелета, человек был уложен вытянуто на спину, головой на северо-запад.

9. Кызык-Телань-ІІ. Некрополь в одноименной долине в 4–5 км к юго-востоку от с. Куюс Чемальского района. Впускное погребение булан-кобинской культуры обнаружено в южной поле насыпи кургана №2 раннескифского времени на уровне древнего горизонта. В каменном ящике 1,68х0,56 м, высотой 0,4 м с перекрытием покоился человек, уложенный вытянуто на спину, головой на юго-восток. С умершим найдена железная поясная пряжка и железная трубочка. Автор раскопок датировал данное захоронение к 1-й половине I тыс. н.э. [Суразаков, 2001, с. 70–71, рис. 1].

10. Кызыл. Памятник в одноименной межгорной котловине в 5 км к северо-западу от р. Коир, под вершиной горы Томул (территория Кош-Агачского района Республики Алтай). В кургане пазырыкской культуры №3 исследовано два впускных захоронения. Они располагались ярусом в заполнении основной могилы на глубине 0,65 и 0,85 м [Кочеев, Суразаков, 2003, с. 70–73, рис. 1–7]. Умершие лежали вытянуто на спине, головами ориентированы на запад. Вокруг костяков прослежен древесный глен – остатки камеры в виде деревянного ящика, в одном случае частично обставленного небольшими каменными плитками. Мужчине из погребения №1 предназначался разнообразный инвентарь: лук с костными накладками, восемь железных и один костяной наконечников стрел, железные крюки-застежки, нож, оселок, керамический сосуд. В погребении №2 найден железный нож и каменное дисковидное изделие. На костях человека зафиксирована кучка угольков. Впускные погребения были предварительно датированы 1-й половиной I тыс. н.э. [Кочеев, Суразаков, 2003, с. 72]. Время появления данных объектов можно сузить до II – 1-й половины IV вв. н.э. [Тишкин, 2007]. Основное погребение не потревожено.

11. Кызыл-Джар-І. Курганная группа в одноименной долине на левом берегу р. Ак-Кель в Кош-Агачском районе. В кургане пазырыкской культуры №9 исследовано впускное захоронение. Оно находилось в заполнении могильной ямы на глубине 0,25 м. Мужчина 20–25 лет ле-

жал вытянуто на спине, головой на запад-юго-запад. С ним обнаружены остатки деревянного колчана с четырьмя железными наконечниками стрел [Могильников, 1983б]. Погребение относится ко II – I-й половине IV вв. н.э. [Матренин, 2005; Серегин, Матренин, 2014, с. 135]. Основное захоронение ограблено.

12. Пазырык. Могильное поле на правом берегу Большого Улагана в Улаганском районе Республики Алтай. В 1949 г. С.И. Руденко и А.А. Гаврилова в грабительской воронке в кургане №6 на глубине около 1 м вскрыли впускное захоронение мужчины, уложенного на спине, головой на ЮЮЗ. С умершим были найдены костяной и железный наконечники стрел, ножи с остатками ножен, пряжки [Гаврилова, 1965, с. 6, 52]. Впускное захоронение датируется II – I-й половиной IV вв. н.э. [Тишкин, Горбунов, 2005]. Основное погребение пазырыкской культуры ограблено.

13. Тете-IV. В 1983 г. В.Д. Кубаревым в Курайской степи (Кош-Агачский район) в зоне строительства мелиоративной системы на реке Тете раскопан курган №4, содержащий впускное погребение хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. В заполнении могильной ямы на глубине 0,4–0,45 м в аморфной каменной обкладке находилось захоронение ребенка, уложенного вытянуто на спину, головой на северо-запад [Кубарев, Шульга, 2007, рис. 47.-2]. Вдоль правого бедра прослежены остатки обугленной палочки. Под черепом найдена небольшая бусина. Основное погребение пазырыкской культуры ограблено.

14. Тянгыс-Тыт. Могильник на правом берегу р. Эдиган, к северу от дороги Еланда – Эдиган, в 0,2 км от с. Эдиган в Чемальском районе. В 1998 г. Южно-Сибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭ СО РАН под руководством Ю.С. Худякова в кургане №2 было исследовано впускное погребение сяньбийского времени (материалы не опубликованы). Оно располагалось в верхней части заполнения могильной ямы пазырыкской культуры и содержало разрозненные остатки взрослого человека, уложенного первоначально на спину, головой на запад. С умершим найдены две железные пряжки, колчаный крюк, железные накладки, обломок костяной накладки лука. «Впускник» может быть датирован концом III – IV вв. н.э. Основное погребение не потревожено.

15. Усть-Кожолу-II. Могильник в одноименном логу на северо-восточной окраине с. Купчегень Онгудайского района. В заполнении могильной ямы пазырыкского кургана №3 на глубине 0,3 м обнаружена обкладка из крупных камней. Внутри нее находилось безынвентарное захоронение человека, уложенного вытянуто на спине, головой на восток [Кочеев, 2004, с. 58–59, рис. 3]. Датируется по особенностям ингумации II–V вв. Основное погребение ограблено.

16. Усть-Кожолу-IV. Локализуется в южной части одноименного лога. Впускное погребение располагалось в заполнении могильной ямы кургана №10 пазырыкской культуры на глубине 1,2 м. В каменной

обкладке расчищено одиночное труположение мужчины мощного телосложения, покоящегося вытянуто на спине с ориентацией головой по восточному сектору. Сопроводительный инвентарь отсутствовал [Кочеев, 2004, с. 64, 66, 68, рис. 11]. Датируется по особенностям ингумации II–V вв. н.э. Основное погребение ограблено.

17. Усть-Эдиган. Могильник в 3 км к югу от устья р. Эдиган (Чемальский район). В заполнении могильных курганов №60 и 74, относящихся к пазырыкской культуре, зафиксированы колотые кости людей, а также фрагменты керамики хуннского времени [Худяков, 1998, с. 98–99]. Основные погребения не потревожены.

18. Чобурак-II. Могильник на правобережной террасе Катунь, в 0,2 км к северо-западу от моста через р. Чобурак, на обеих сторонах автодороги Еланда-Куюс (Чемальский район). При раскопках кургана №2, относящегося к пазырыкской культуре, выявлено безынвентарное впускное захоронение в каменной обкладке. Оно было совершено в заполнении ямы на глубине 0,2 м. Человек лежал на спине со слегка согнутыми ногами, головой на юго-восток [Кирюшин, Семибратов, Матренин и др., 2007, с. 274]. Основное погребение не потревожено.

19. Ябоган-III. Могильник из шести курганов пазырыкской культуры в урочище Сары-Кобы, в 4 км к востоку от с. Усть-Кан, неподалеку от места слияния р. Ябоган и Кырлык (Усть-Канский район Республики Алтай). В пяти объектах исследовано десять впускных погребений, совершенных в разное время в рамках конца I тыс. до н.э. – I-й пол. I тыс. н.э. [Могильников, Суразаков, 2003, с. 26–31, 63]. Все основные погребения были потревожены грабителями.

Курган №1 содержал два яруса впускных захоронений на глубине 0,5 м (погребение №1) и 1,1–1,2 м (погребение №2). Взрослый человек из погребения №1 лежал вытянуто на спине, головой на восток. С ним обнаружены фрагменты керамики. В погребении №2 зафиксирована парная ингумация взрослого человека и ребенка как бы в полусидячей позе, ориентированных головами на восток. Взрослый индивид не имел ноги. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Курган №2 содержал три впускных захоронения, расположенных в заполнении основной могилы. В погребении №1 (глубина 0,2 м) находилась коллективная ингумация двух взрослых людей, уложенных вытянуто на спине, и двух подростков, поза которых не установлена. Умершие ориентированы головами по антитезе: на ССВ и ЮЮЗ. В могиле обнаружены лук, костяные трубочки, железные пряжка, нож, фрагменты керамики. В погребении №2 (глубина 0,4 м) расчищены беспорядочно перемешанные кости двух человек и фрагменты керамики. В погребении №3 (глубина 0,6 м) зафиксированы останки взрослого человека, уложенного на правый бок с согнутыми ногами, головой на восток. Вместе с костями обнаружены фрагменты керамики и конские зубы. Скелет разбросан.

В насыпи кургана №3 располагалось три впускных захоронения. В погребениях №1 и 2 обнаружены разрозненные человеческие кости, а в погребении №3 – взрослый человек вытянуто на спине, головой на восток.

В кургане №4 впускное захоронение размещалось в заполнении могильной ямы на глубине 0,45 м. Человек лежал в каменной обкладке вытянуто на спине, головой на восток. Вместе с костями зафиксированы мелкие фрагменты керамики.

В кургане №5 впускное погребение располагалось в заполнении основной могилы на глубине 0,2 м. Содержало остатки взрослого человека, покоящегося вытянуто на спине, головой на восток. С умершим найдены костяные бляхи-нашивки.

Представленный свод археологических источников дает основания сделать общие выводы относительно особенностей впускных погребений Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Основной акцент был сделан на следующих элементах.

Местонахождение, устройство погребальной камеры, способ захоронения. Впускные погребения по местонахождению в структуре более ранних курганов представлены двумя группами: 1) в верхней части заполнения могильной ямы (26 случаев); 2) в насыпи (в центре или в полах) на уровне древнего горизонта (7 случаев). Доминирующая разновидность погребальной камеры это обычная ямой. Другими вариантами оформления захоронения являются каменная обкладка (7), каменный ящик (3), деревянная рама (2), настил из каменных плит на дне могилы (1). Все умершие похоронены по обряду ингумации, как правило, индивидуальной, реже парной и коллективной (до четырех человек). Положение и ориентация умерших людей из впускных погребений в основном соответствуют нормам обрядности булан-кобинской культуры. В сравнении с подкурганными погребениями, впускные захоронения отличает необычайная редкость каменных ящиков, а также единственный случай захоронения с конем на памятнике Кокса.

Отношение впускного и основного захоронения. Общеизвестно, что выбор места под захоронение обусловлен вполне конкретными и понятными критериями, отражающими отношения «живых» к «мертвым». Впускные погребения хуннуско-сяньбийско-жужанского времени совершались в основном в хорошо видимых (по-видимому, слабо задернованных) на древней поверхности курганах разного размера, принадлежащих почти исключительно пазырыкской культуре. Конечно, такие прагматические соображения были важным, но далеко не единственным фактором. В этой связи необходимо указать, что население, соорудившее впускные захоронения (как впрочем, и курганные объекты), имело вполне отчетливое представление о том, какому народу и времени принадлежали те или иные курганы. В большинстве случаев впускные погребения II в. до н.э. – V в. н.э. находились в ограбленных курганах скифо-сакского времени. Вопрос о времени ограбления курга-

нов и совершения в них впускных погребений наиболее сложен. Правда, в отдельных случаях имеются вполне конкретные данные (прежде всего, керамика в насыпях, нарушение впускных захоронений позднескифского времени) о том, что эти ограбления-осквернения имели место в позднескифское и хуннское время. Наиболее ярко такая ситуация представлена на могильнике Ябоган-III, где в пяти ограбленных курганах IV–III вв. до н.э. было совершено десять впускных могил. Преимущественное использование для впускных захоронений потревоженных погребальных объектов отражает не только практические соображения (действительно, легче совершить захоронение в грабительской воронке, чем разбирать насыпь до уровня могильной ямы), а также «нейтральное», а, быть может даже «негативное» отношении нового населения к своим предшественникам. Ситуация нахождения «впускников» в не потревоженных курганах может быть проявлением «обычая приобщения» [Суразаков, 1999]. С другой стороны, важно отметить, что буланкобинское население «не привязывало» свои курганы к пазырыкским.

Социальная обусловленность впускных погребений. Для адекватной оценки влияния социального фактора на практику впускных захоронений мы не располагаем достаточным количеством необходимых антропологических определений. Опираясь на сведения авторов раскопок и данные о составе сопроводительного инвентаря, можно указать, что подобным образом хоронили чаще всего мужчин и детей, реже женщин. Почти половина впускных погребений вообще не содержала вещей. В остальных случаях инвентарь достаточно скромный, и представлен, как привило, одним – двумя (в основном железные ножи, керамика), реже большим количеством предметов. Известно пока несколько погребений с более выразительным инвентарем, представленным предметами вооружения, снаряжения, орудиями труда (Кокса, Пазырык-6, Кызыл, Тянгыс-Тыт, Катанда-III, Ябоган-III, к. 2, в.п. 1). Для сравнения среди курганов буланкобинской культуры с погребениями взрослых людей количество безынвентарных объектов составляет всего чуть больше 20%. В данной связи напрашивается вывод о том, что во «впускных» могилах хоронили людей, обладавших, как правило, низким социально-имущественным статусом. Не исключено, что практика впускных погребений была обусловлена еще какими-то другими обстоятельствами (характер, условия смерти, образа жизни человека и пр.), обычно не получающими отражения в археологических источниках. В этом контексте следует упомянуть впускное погребение женщины без головы из могильника Кара-Коба-II похороненной вытянуто на животе. Судя по этнографическим материалам и письменным источникам, приданию телу покойного такого нестандартного положения обусловлено насильственным характером смерти или отражает манипуляции, направленные на «обезвреживание» необычных покойников, которых не хоронили на общем кладбище [Дьяконова, 1975, с. 149–150; Шилов, 1995, с. 65; Флеров, 2000, с. 60].

В заключение следует подчеркнуть, что все случаи присутствия впускных погребениях в курганах поздней древности заслуживают полноценной публикации безотносительно степени «богатства», содержащегося в них инвентаря. Только такой подход поможет качественно изменить научное осмысление данной категории археологических объектов. Настоящая публикация вносит посильный вклад в реализацию данной задачи.

Библиографический список

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 144 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. 174 с.; ил.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975. 164 с.

Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Матренин С.С., Грушин С.П., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Исследования погребальных и поминальных комплексов в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. Т. XIII, ч. I. С. 273–277.

Кочеев В.А. Раскопки Горно-Алтайского Краеведческого музея на могильниках Усть-Кожолу в 1989 году // Древности Алтая. 2004. №12. С. 58–70.

Кочеев В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в бассейне р. Коир // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. №10. С. 70–83.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Ларин О.В. Афанасьевские памятники среднего течения Катунь // Проблемы изучения Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 3–30.

Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки могильника Катанда-3 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 75–78.

Матренин С.С. Впускные погребения Алтая // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001. С. 98–106.

Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983а. С. 52–89.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-I, VIII – памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983б. С. 3–49.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Ябоган-III // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2003. Вып. 1. С. 26–63.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск, 2004. 256 с. (Материалы по археологии Сибири; Вып. 3).

Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Новые материалы из курганов конца I – начала II тыс. н.э. Средней Катунь // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 120–123.

Серегин Н.Н. Впускные погребения тюркской культуры Саяно-Алтая // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археологических совещаний. Томск, 2010. С. 264–266.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Археологические комплексы Алтая II в. до н.э. – XI в. н.э.: история исследований и основные аспекты интерпретации. Барнаул, 2014. 230 с.

Суразаков А.С. О традициях нарушения древних погребальных сооружений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая. Барнаул, 1999. С. 171–173.

Суразаков А.С. Кызык-Телань-II // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2001. №6. С. 70–72.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с. + вкл.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Впускные погребения кочевников Алтая поздней древности // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археологических совещаний. Томск, 2010. С. 297–299.

Флеров В.С. Розыскания по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой Восточной Европе // Труды по археологии. Степи Евразии в эпоху средневековья. Донецк, 2000. Т. 1. С. 55–72.

Худяков Ю.С. Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 97–112.

Худяков Ю.С., Миронов В.С. Археологические исследования на могильнике Кок-Эдиган // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. С. 310–313.

Худяков Ю.С., Миронов В.С. Раскопки курганов пазырыкской культуры в долине р. Эдиган в 1998 г. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. Т. IV. С. 374–378.

Худяков Ю.С., Миронов Ю.С. Раскопки курганов пазырыкской культуры на памятниках Кок-Эдиган и Тянгыс-Тыт в 1999 г. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1999. Т. V. С. 537–541.

Шилов Ю.А. Прародина ариев. История, обряды и мифы. Киев, 1995. 742 с.

С.С. Матренин

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ БУЛАН-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОНГУДАЙСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Онгудайский район Республики Алтай находится в самом центре Алтайской горной страны. На него приходится почти половина площади Центрально-Алтайской орографической провинции, образованной системой протянувшихся с северо-запада на юго-восток Катунского, Теректинского, Северо-Чуйского, Айгулакского, Сальджарского хребтов, а также южными отрогами Семинского хребта [Петкевич, 1971; Атлас. Алтайский край, 1978]. Сложный рельеф, богатство полезных

ископаемых и экологических ресурсов, вариабельность природно-климатических условий оказались важными условиями для комфортного проживания человека на территории Онгудайского района уже с глубокой древности. Данный факт подтверждают многочисленные археологические памятники от палеолита до развитого средневековья.

Археологические культуры разных исторических эпох в данном регионе изучены весьма неравномерно. На сегодняшний день на территории Онгудайского района выявлено и раскопано наибольшее количество погребений хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.), выделенных в булан-кобинскую культуру. Исследование данных комплексов принципиально поменяло представление о процессах этнокультурного развития Алтая в конце I тыс. до н.э. – I-й половины I тыс. и сделало возможным постановку целого ряда актуальных вопросов, которые ждут своего решения археологами XXI века. Приходится констатировать, что многие погребальные памятники указанного периода введены в научный оборот фрагментарно, а некоторые известны только по кратким предварительным сообщениям об итогах их полевого изучения. Принимая во внимания данное обстоятельство, нами был подготовлен обзорный свод погребальных комплексов II в. до н.э. – V в. н.э. Онгудайского района (рис. 1), составленный на основе опубликованных данных, а также некоторых архивных источников.

1. Балык-Соок-II. Курганный группа в одноименном урочище в устье р. Куроты (левый приток Урсула) у подножья горной гряды к северу от полотна Чуйского тракта (628 км трассы от Новосибирска). В 1985 г. Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН под руководством В.Д. Кубарева проведены раскопки 11 курганов, в одном из которых (курган №1) было зафиксировано впускное захоронение «постскифского» времени. Оно было устроено в верхней части заполнения могильной ямы основного погребения пазырыкской культуры на глубине 0,5 м от уровня древнего горизонта. В каменном ящике без перекрытия находилось безынвентарное захоронение взрослого человека, уложенного вытянуто на спину, ориентированного головой на северо-запад [Кубарев, Шульга, 2007, рис. 15.-2]. По особенностям ингумации погребение может датироваться 1-й половиной I тыс. н.э.

2. Белый-Бом-II. Расположен на второй надпойменной террасе левого берега Чуи, в 2,5 – 3 км к юго-юго-востоку от с. Белый-Бом. Могильник открыт в 1980 г. М.Т. Абдулганеевым. В этом же году Г.Д. Глоба [1983] раскопала 14 погребений булан-кобинской культуры. Работы на памятнике были продолжены в 1987 – 1989-х гг. Горно-Алтайской археологической экспедицией Алтайского госуниверситета под руководством Ю.Т. Мамадакова. В общей сложности исследовано более двух десятков захоронений. Курганы представляли собой округлые каменные насыпи с кольцевой выкладкой-стенкой из уложенных друг на друга плоских

каменных блоков. Наземные сооружения находились очень близко друг к другу и в некоторых случаях были пристроенными по типу «сот». Под

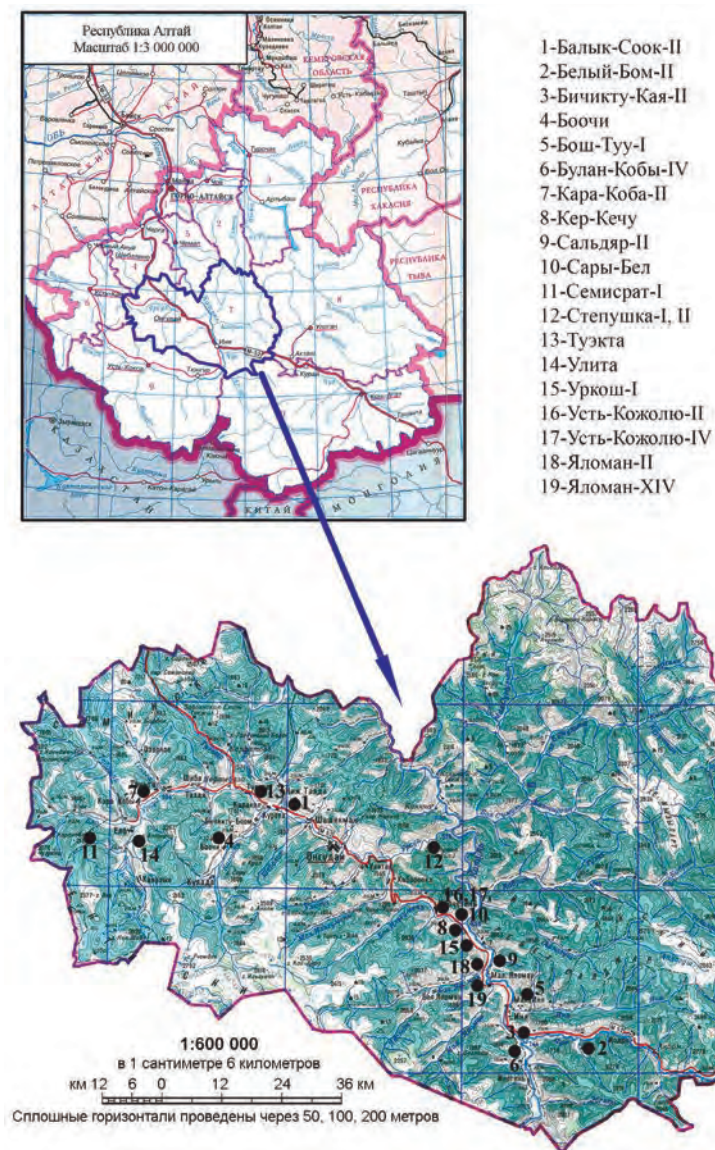

Рис. 1. Расположение погребальных памятников булан-кобинской культуры на территории Онгудайского района Республики Алтай

ними содержалось по одной неглубокой (до 0,7 м) прямоугольной могиле, ориентированной длинной осью по линии ССЗ – ЮЮВ. Погребения производились в каменных ящиках (иногда с деревянной колодой внутри) с перекрытием в основном по обряду одиночной ингумации. Умершие лежали вытянуто на спине, головой на восток и юг с различными отклонениями. На перекрытии некоторых ящиков и в свободном пространстве за задней торцевой стенкой камеры находились захоронения лошадей, уложенных на бок, ориентированные головой в одну с человеком сторону. Многочисленный и разнообразный сопроводительный инвентарь (луки, железные и костяные наконечники стрел, боевые ножи, кинжалы, поясные гарнитуры, колчаные крюки, металлические и костяные украшения, удила, подпружные пряжки, другие элементы амуниции верхового коня, бытовые предметы и орудия труда), указывает на датировку большинства погребений в рамках II – 1-й половины IV вв. н.э. В научный оборот введена небольшая часть археологических и антропологических источников [Глоба, 1983; Мамадаков, 1987; Неверов, Мамадаков, 1991; Бородовский, 1997, с. 90–91; Чикишева, Поздняков, 2000].

3. Бичикту-Кая-II. Погребальный комплекс на высокой террасе в месте слияния рек Катунь и Чуя. Памятник обнаружен в 2001 г. В.И. Соеновым*. По результатам проведенной им в 2005 г. разведки со снятием плана на площади могильника выявлен 21 визуально фиксируемый курган размерами до 6 м, овальной (14 курганов), округлой (пять курганов) и прямоугольной (два кургана) формы. Насыпи образуют две группы и локализуются довольно четкими микроцепочками по 3–6 объектов, выстроенных с севера на юг.

4. Боочи. Комплекс разновременных погребальных и поминальных сооружений, расположенный к северо-западу от с. Боочи, в центре распаханного поля. В 1987 г. археологической экспедицией Алтайского госуниверситета под руководством Ю.Т. Мамадакова [1997] вскрыто не менее десятка курганов булан-кобинской культуры. Они имели небольшие каменные полусферические насыпи (диаметр до 5 м, высота не более 0,45 м), под которыми находилась одна могила овальной или прямоугольной формы с отвесными стенками, ориентированная в широтном направлении, глубиной не более 0,6 м. На дне ям располагались преимущественно каменные ящики, обкладки из валунов с одиночными и парными захоронениями людей, уложенными вытянуто на спину, головой на восток. В погребениях зафиксированы детали сложносоставных луков, железные наконечники стрел, пояса, украшения, орудия труда, предметы быта. Памятник датируется II – 1-й половиной IV вв. н.э. Археологические материалы не опубликованы.

* Выражаем признательность В.И. Соенову, предоставившему возможность ознакомиться с отчетами по результатам археологических исследований на территории Республики Алтай в рамках проекта «Горный Алтай в гунно-сарматскую эпоху».

5. Бош-Туу-I. Могильник у подножья горы Хрустальной на высоком террасовом плато правого берега р. Малая Инюшка (правый приток р. Катунь) в 1–1,5 км на север-северо-запад от с. Малая Иня. Насчитывается 104 каменных кургана, диаметром от 1,5 до 16 м, высотой от 0,15 до 0,5 м. В 1988 г. в южной части могильника совместной экспедицией ИА АН СССР и ГАНИИИЯЛ было исследовано шесть курганов [Могильников, Суразаков, 1995]. В этом же году экспедицией Алтайского государственного университета раскопано 55 погребений булан-кобинской культуры [Мамадаков, 1990]. Исследованные объекты представляли собой небольшие пологие каменные насыпи с крупными валунами по периметру, образующими кольцевые выкладки-крепиды овальной формы, ориентированные с запада на восток с различными отклонениями. Захоронения были совершены в узких могилах прямоугольной и трапециевидной в плане формы глубиной 0,35–1,2 м, на дне которых располагались каменные, деревянные, реже каменно-деревянные ящики, в одном случае колода. Умершие лежали вытянуто на спину, иногда на бок, головой в западный и восточный сектор с разными отклонениями. На перекрытии некоторых внутримогильных сооружений и сразу над человеком имелись сопроводительные захоронения верховых коней, ориентированных в одну сторону с покойным. Данный комплекс Ю.Т. Мамадаков [1990, с. 15–17] отнес к III–IV вв. н.э. Полученный инвентарь (сложно-составные луки, железные и костяные наконечники стрел, пряжки, серьги, деревянная утварь) указывает на датировку большинства погребений в пределах развитого этапа булан-кобинской культуры (II – 1-я половина IV вв. н.э.). Археологический материал не опубликован и в настоящее время хранится в Алтайском государственном университете.

6. Булан-Кобы-IV. Находится на четвертой надпойменной террасе левого берега р. Катунь в 5,5 км к югу от с. Иня. Представляет собой комплекс разновременных объектов от раннего железного века до средневековья, локализованных на небольшой изолированной площадке, высоко над уровнем долины, и ограниченной с севера, юга, запада отвесными горами, с востока – крутым склоном. Исследование памятника начато в 1981 г. Онгудайским отрядом археологической экспедиции Алтайского госуниверситета под руководством Ю.Т. Мамадакова [1983, 1985, 1990] и продолжалось в течение четырех полевых сезонов. На могильнике раскопано 69 курганных погребений булан-кобинской культуры, которые составляли отдельные компактные группы. По периметру могил находились кольцевые выкладки-стенки из каменных плит, уложенных в несколько (от 2 до 12) слоев. Намного реже фиксировались кольцевые однослойные крепиды и сооружения без выкладок. Погребальные сооружения располагались тесно друг к другу и часто были пристроенными по типу «сот». Под насыпью размещалась одна или несколько ям прямоугольной и трапециевидной формы (глубина в основном не превышала 1 м от древней поверхности), обычно с отвесными стенками, на дне ко-

торых почти всегда устанавливались каменные ящики. Умершие лежали вытянуто на спине, ориентированы головой на восток с различными отклонениями. На перекрытии камер или сразу над покойными иногда располагались захоронения лошадей на боку или спине, головой в ту же сторону, что и человек. Сопроводительный инвентарь состоял из большой серии предметов вооружения и воинского снаряжения, разнообразных деталей поясной гарнитуры, украшений из металла и кости, орудий труда, бытовой утвари, снаряжения верхового коня. Время функционирования данного некрополя Ю.Т. Мамадаков [1990, с. 15–16] определил в границах I в. до н.э. – II–III вв. н.э. А.А. Тишкиным и В.В. Горбуновым датировка памятника пересмотрена в рамках II – I-й половины V вв. н.э. [Тишкин, Горбунов, 2005а; Тишкин, 2007]. По нашему мнению, большинство погребений могильника Булан-Кобы-IV датируются концом III – IV вв. н.э. [Матренин, 2011, 2013].

7. Кара-Коба-II. Располагается в 2 км к север-северо-востоку от с. Кара-Кобы, в 0,1 км западнее дороги Кара-Коба – Теньга, на ровном, прилежащем к горам склоне правобережной террасы Урсула, в 0,3 км от его русла. В 1981 г. В.А. Могильников раскопал шесть курганов пазырыкской культуры. В насыпи кургана №6 обнаружены две впускные могилы первых веков новой эры, содержавшие останки ребенка и взрослой женщины [Могильников, 1983, с. 59, 82]. Женщина была уложена на живот без черепной коробки. Немногочисленность инвентаря не позволяет определить точную датировку данных погребений. Предварительно их можно отнести к развитому этапу булан-кобинской культуры.

8. Кур-Кечу. Разновременный погребально-поминальный комплекс на левобережной террасе Катуня, в 6–7 км к юго-востоку от с. Купчегень. В ходе обследования западной части памятника (за Чуйским трактом) отрядом Яломанской археологической экспедиции АлтГУ под руководством А.А. Тишкина выявлено около двух десятков небольших каменно-земляных курганов булан-кобинской культуры, расположенных цепочками.

9. Сальдяр-II. Расположен в одноименном урочище на первой надпойменной террасе правого берега Катуня, 6 км к северо-западу от с. Малый Яломан. Памятник находится в северо-западной части долины и включает более 100 погребальных сооружений разных эпох, сконцентрированных компактной группой у подножья гор. Курганы булан-кобинской культуры располагаются несколькими компактными группами, очень близко друг к другу, в некоторых случаях пристраиваясь надмогильными сооружениями, образуя сплошное каменное покрытие. В 1990 г. В.А. Могильниковым и А.С. Суразаковым [1997, с. 139–140] была исследована цепочка из пяти объектов, ориентированная с северо-востока на юго-запад и стоящая к востоку от погребальных сооружений раннескифского времени. Это уплощенные каменные насыпи овальной формы, длиной до 4,5 м, высотой до 0,4 м с кольцевой выкладкой-крепидой меньшего размера. В пределах выкладок распола-

гались неглубокие прямоугольные могилы, на дне которых устанавливались каменные ящики или без таковых. Погребения людей совершались по обряду одиночного труположения вытянуто на спине, головой на юго-восток. Сопроводительный инвентарь состоял из бус. Комплекс предварительно можно отнести к бело-бомскому этапу (II – I-я половина IV вв. н.э.) булан-кобинской культуры.

10. Сары-Бел. Находится в 5 км к восток-юго-востоку от с. Купчегень на левом берегу р. Большой Ильгумень, на седловине, примерно в 400 м над уровнем долины. Могильник насчитывает более 300 объектов, расположенных без строгого порядка или небольшими цепочками с севера на юг. В 1995 г. археологической экспедицией ГАГУ под руководством В.И. Соенова [1999] было вскрыто четыре кургана и одна ритуальная кольцевую выкладка с захоронением лошади. Они имели небольшие каменно-земляные насыпей овальной формы с длинной осью по линии СВ–ЮЗ с крепидами. Под насыпями располагалось по одной могиле со значительно расширяющимися ко дну стенками. Внутри ям находились каменные и каменно-деревянные ящики, содержавшие одиночные захоронения людей на спине с небольшим завалом на бок, головой на северо-восток. На перекрытии камер или в слое заполнения могильной ямы размещались захоронения лошадей, ориентированных головами в восточный сектор. На основе ранних форм инвентаря из кургана №250 (ложечковидная застежка, кинжал с антенновидным навершием, железные трехлопастные треугольные шипастые наконечники стрел, роговая пряжка-блок с неподвижным шпеньком, удила с петельчатыми окончаниями звеньев) данная группа курганов отнесена к хунускому (II в. до н.э. – I в. н.э.) времени [Соенов, 1999, с. 136; Тишкин, Горбунов, 2003, с. 493; 2005a].

11. Семисарт-I. Находится в 4 км к юго-западу от с. Ело рядом у скалы Кара-Бом, в небольшом урочище на правом берегу Семисарта. Комплексные археологические, геодезические и палеоастрономические исследования на памятнике в течение нескольких полевых сезонов проводила Саяно-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством Л.С. Масадолова [2001]. К булан-кобинской культуре относится курган №18. Он представлял собой сильно задернованную однослойную выкладку, под которой находилась неглубокая могила с уступами по трем стенками и остатки деревянной камеры. Яма ориентирована по длине с севера на юг. Погребение оказалось разграбленным. По сохранившейся железной пряжке, данное захоронение датируется в пределах II–V вв. н.э.

12. Степушка-I, II. Погребальный комплекс в черте одноименного, ныне нежилого села на третьей надпойменной террасы правого берега р. Урсул, в 150 м к югу от его русла. Памятник открыт и полностью исследован в 2010 г. археологами АлтГУ (курганная группа Степушка-I – 30 сооружений погребального и ритуального назначения)

и ГАГУ (курганная группа Степушка-II – 64 объекта: 37 курганов и колец с погребениями и 27 каменных колец и выкладок без захоронений) [Соенов, 2010, с. 5; Кирыюшин, Шмидт, Тишкин, Матренин, 2011]. Курганы и выкладки располагались несколькими плотными, часто параллельными рядами, выстроенными в меридиональном направлении. Они размещались настолько близко друг к другу, что образовывали почти сплошной каменный «панцирь». Сохранившиеся насыпи представляли собой плоские наброски диаметром 0,8–5,5 м, высотой 0,1–0,45 м из равного камня с добавлением галечника. В основании, как правило, фиксировалась овальная крепида. Рядом с некоторыми курганами выявлено по одному небольшому вертикально вкопанному камню-«столбику». Под насыпями располагалась одна могила прямоугольной, трапецевидной или овальной формы, ориентированная длинной осью по линии З–В и с разными отклонениями от нее. Ямы обычно имели отвесные стенки, иногда – подбой. Погребальные камеры представлены каменными ящиками (в основном в виде их имитаций из вертикально установленных каменных плит у торцевых или длинных стенок), ямами без внутримогильных конструкций, иногда деревянными ящиками и обкладками. Погребения людей производились преимущественно по обряду одиночной ингумации вытянуто на спине, головой в восточный, реже западный сектор с различными отклонениями. В нескольких курганах исследованы захоронения в сопровождении верхового коня, уложенного в северной половине ямы на одном уровне с человеком на невысокой материковой приступке или ниже покойного. Большая часть археологических коллекций из курганной группы Степушка-I введена в научный оборот [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011, 2012а–б; 2013а–б; Матренин, 2013а–б; Тишкин, Матренин, 2013а–в; 2014; Матренин, Тишкин, Шмидт, 2014; Матренин, Тишкин, Плетнева, 2014; Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015]. Большинство погребений курганной группы Степушка-I датируются нами предварительно концом III – IV вв. н.э. Некоторые захоронения могут относиться к концу IV – началу V вв. н.э. Такая относительная хронология подтверждается результатами радиоуглеродного анализа. Материалы курганной группы Степушка-II опубликованы фрагментарно [Соенов, Константинов, 2014; Соенов, Трифанова, 2014].

13. Туэкта. Комплекс contemporaneous объектов от скифской эпохи до средневековья в окрестностях с. Туэкта на левом берегу р. Урсул. В 1937 г. археологической экспедицией под руководством С.В. Киселева [1951, с. 533–535, табл. XLVIII] было раскопано несколько, едва выделявшихся на поверхности выкладок с каменными ящиками (в двух случаях с конями), расположенных рядом с большими тюркскими курганами №2, 3, 4. Если следовать имеющемуся описанию и наблюдениям А.А. Гавриловой [1965, с. 88] относительно найденных в них роговых накладок на лук, стоит допустить датировку некоторых данных объектов самым концом сянбийско-жужанского времени.

14. Улита. Могильное поле в 3,5–4 км к юго-юго-востоку от с. Ело недалеко от места впадения р. Улиты в Урсул. В 1987 г. экспедицией Алтайского госуниверситета на памятнике было вскрыто 33 погребения булан-кобинской культуры. Материалы раскопок не опубликованы [Мамадаков, 1990, с. 7, 16, 17, 18]. Особый интерес представляют курганы №16, 25, содержавшие захоронения людей вытянуто на спине головой в западный сектор в ямах, на дне которых находились каменные плиты, имитирующие конструкцию ящика. Вдоль северной стенки могилы на невысокой приступке располагалось захоронения лошади. Памятник датирован Ю.Т. Мамадаковым [1990, с. 15] III–IV вв. н.э. Сопроводительный инвентарь включает редкие образцы изделий из цветного металла.

15. Уркуш-I. Обнаружен в 2004 г. Яломанской археологической экспедицией АлтГУ на левом берегу Катунь в одноименном урочище в 2,8 км на юг от моста в устье р. Большой Яломан, в 5,4 км к север-северо-западу от с. Малый Яломан в Онгудайском районе Республики [Тишкин, Матренин, Горбунов, 2006]. Примерно в 300 м к востоку от памятника проходит Чуйский тракт. Это компактная группа из 35 курганов булан-кобинской культуры, локализованных на слегка наклонной поверхности третьей надпойменной террасы. Они имели небольшие (диаметр 1,6–3,5 м, высота 0,15–0,35 м) задернованные каменные насыпи овальной формы, вытянутые с севера на юг и образовывали не менее шести, ориентированных в широтном направлении цепочек, выстроенных рядами. Курганы часто соединялись друг с другом полами, а в некоторых случаях могли быть пристроенными. По периметру большинства объектов отмечены однослойные выкладки-крепиды из более крупных камней. Четыре кургана (№29–32) в северной части некрополя отличались более крупными размерами (диаметр 4,5–6 м, высота не менее 0,45 м) и имели многослойные кольцевые выкладки-стенки из каменных плит.

16. Усть-Кожолу-II. В 1989 г. археологической экспедицией Горно-Алтайского краеведческого музея проводились аварийные раскопки в логу Усть-Кожолу на северо-восточной окраине с. Купчегень. В верхнем слое заполнения могильной ямы пазырыкского кургана №3 памятника Усть-Кожолу-II было зафиксировано безынвентарное впускное захоронение человека, лежащего вытянуто на спине, головой на восток в обкладке из крупных камней [Кочеев, 2004, с. 58–59, рис. 3]. Предположительная его датировка II–V вв. н.э.

17. Усть-Кожолу-IV. Находится в южной части одноименного лога. В 1989 г. А.В. Кочеев [2004, с. 64, 66, 68, рис. 11] раскопал там одиночное впускное захоронение булан-кобинской культуры в заполнении ямы пазырыкского кургана №10. В каменной обкладке на глубине 1,1 м располагалась одиночная ингумация человека мощного телосложения, покоящегося на спине с вытянутыми конечностями, ориентированного головой на восток. Отсутствие вещевого комплекса не позволяет определить хронологическую позицию данного объекта в рамках II–V вв. н.э.

18. Яломан-II. Расположен на четвертой надпойменной террасе левого берега р. Большой Яломан, в 420 м к северо-западу от моста, по которому проходит Чуйский тракт, немного выше впадения в Катунь. Памятник открыт в 2001 г. А.А. Тишкиным. Представляет собой скопление из 87 разновременных погребальных и поминальных сооружений, занимающих небольшую площадку, с востока ограниченную горами, с запада – оврагом и крутым логом. В 2002–2005, 2007, 2008 гг. Яломанской экспедицией АлтГУ были раскопаны 34 погребения в юго-западной (27) и центральной (7) части комплекса [Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, 2005а; Тишкин, 2007; Tishkin, 2011]. Курганы юго-западной группы располагались у края террасы. Они были выстроены несколькими рядами с северо-востока на юго-запад. Это невысокие каменно-земляные насыпи с кольцевой выкладкой-крепидой по периметру (рядом с ними иногда устанавливались каменные столбики), под которыми находилась одна могила глубиной до 1,5 м. Один объект содержал захоронение на уровне древнего горизонта. На дне устанавливались массивные каменные ящики (иногда с колодой внутри) с перекрытием, на которое помещалось сопроводительное захоронение одной или нескольких лошадей. Люди укладывались на правый бок или спину со слегка согнутыми, реже прямыми ногами, головой на восток, юго-восток. Исследованные курганы в центральной группе в основном были пристроены между собой по типу «сот». Их наземные сооружения характеризуются мощными (высотой до 1 м) кольцевыми выкладками-стенками из уложенных друг на друга в несколько слоев крупных и предварительно обработанных плит с каменно-земляным заполнением внутреннего пространства. Отдельно стоящее положение имел курган №20. Под насыпями находилась одна или несколько глубоких (от 1,5 до 3 м) ям прямоугольной формы с каменными ящиками из тонких плит с перекрытием. Умершие укладывались вытянуто на спину, головой в северо-восточный сектор. На перекрытии и за торцевой стенкой ящиков размещалось одно или несколько конских захоронений. Из погребений происходит многочисленный инвентарь, отличающийся обилием предметов вооружения, снаряжения верхового коня, украшений, бытовой утвари, орудий труда, наличием высокохудожественных изделий, выполненных в зверином стиле [Тишкин, Горбунов, 2003, 2005б; Тишкин, Хаврин, 2004; Тишкин, Горбунова, 2005; Тишкин, Матренин, 2010, 2011, 2012; Tishkin, 2011]. Западная группа курганов датируется II в. до н.э. – I в. н.э., центральная группа – 2-й половиной IV – 1-й половиной V вв. н.э. [Тишкин, Горбунов, 2005а, с. 160–161; Тишкин, 2007]. Данная относительная хронология подтверждается результатами радиоуглеродного анализа.

19. Яломан-IV. Находится на четвертой надпойменной террасе левого берега Катунь, 1,9 км на северо-запад от с. Малый Яломан, в 460 м к югу от дороги до с. Большой Яломан. Некрополь зафиксирован в 2003 г. Яломанской археологической экспедицией АлтГУ [Тишкин,

Горбунов, Матренин, 2004]. К булан-кобинской культуре принадлежит группа курганов №17–28, локализованная к северо-западу от цепочки пазырыкских погребений и тюркских оградок. Это небольшие (диаметр 2,5–3,8 м, высота до 0,25 м) интенсивно задернованные каменные насыпи, расположенные близко друг к другу и образующие на поверхности сплошное покрытие-панцирь, в котором прослеживаются однослойные кольцевые выкладки-крепиды отдельных курганов. Некоторые объекты, вероятно, пристроены по типу колец и полуколец.

Таким образом, на территории Онгудайского района нами учтено, по крайней мере, 20 могильников, на которых раскопано более 300 курганных и впускных погребений хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (около 60% этих материалов остаются не изданными). Они отражают все этапы развития булан-кобинской культуры: усть-эдиганский (II в. до н.э. – I в. н.э.), бело-бомский (II – I-я половина IV вв. н.э.), верх-уймонский (2-я половина IV – 1-я половина V вв. н.э.) [Тишкин, Горбунов, 2005а, с. 161; Матренин, 2005а; Тишкин, 2007]. С учетом современного состояния археологических источников можно отметить следующие локальные особенности погребальных комплексов данного региона.

1. На территории Онгудайского района встречаются могильники с преобладанием «сотовой» планиграфии погребений (Булан-Кобы-IV, Белый-Бом-II, Яломан-II – поздняя хронологическая группа).

2. Основанием надмогильной конструкции не менее 25% захоронений является кольцевая выкладка-стенка из нескольких ярусов плит. Захоронения с такими сооружениями составляют достаточно компактную группу на участке Катунь от Чуи до Б. Ильгуменя (могильники Булан-Кобы-IV, Белый-Бом-II, Яломан-II, Уркош-I).

3. Наблюдается самая высокая встречаемость погребальных камер, оформленных в виде каменного ящика на протяжении всего хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (около 80% погребений района или 64,9% всех ящиков булан-кобинской культуры), а также редкость каменных обкладок.

4. Доминирование традиции захоронения человека с верховым конем, уложенным «сверху» или в «ногах» человека, обычно над погребальной камерой или за ее задней стенкой, на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э. Существенно реже животное укладывалось «сбоку» от человека вдоль северной стенки могильной ямы. Данный вариант трупоположения с конем представлен в могильниках Улита, Степушка-I, II, расположенных к северо-западу от перевала Чике-Таман, являющегося естественной границей Урскульской и Средне-Катунской локальных групп погребальных памятников булан-кобинской культуры Центрального Алтая [Матренин, 2005а].

5. Преобладание ориентации умерших людей, головой в восточный сектор при этом, с преобладанием разных сезонных отклонений на отдельных могильниках [Матренин, 2005б]. Известен пока единственный

случай, когда в погребении II в. до н.э. – I в. н.э. (могильник Яломан-II, курган №23а) человек ориентирован головой на запад.

6. Специфической чертой, зафиксированной при раскопках могильника Степушка-I, являются захоронения людей в подбоях. Подобное оформление могильного пространства для территории Алтая выявлены на могильниках Верх-Уймон и Айрыдаш-I.

7. На сегодняшний день на территории Онгудайского района исследованы погребения с наиболее представительным и «богатым» сопроводительным инвентарем, которые могли принадлежат одной из самых влиятельных элитных групп кочевого населения Алтая хунно-сяньбийско-жужанского времени.

Библиографический список

- Алтайский край. Атлас. М.; Барнаул, 1978. 222 с.
- Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск, 1997. 224 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.
- Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый-Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 116–126.
- Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Барнаул, 2011. Вып. 7. С. 92–98.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1951. 642 с.
- Кочеев В.А. Раскопки Горно-Алтайского Краеведческого музея на могильниках Усть-Кожоло в 1989 году // Древности Алтая. 2004. №12. С. 58–70.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.
- Мамадаков Ю.Т. Работы Онгудайского отряда // АО 1981 года. М., 1983. С. 212.
- Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 173–198.
- Мамадаков Ю.Т. О памятниках первой половины I тыс. н.э. в Горном Алтае // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 197–203.
- Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.
- Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки у с. Боочи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. Вып. VIII. С. 150–153.
- Марсадолов Л.С. Комплекс археологических памятников в Семисарте на Алтае. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 4. СПб., 2001. 62 с.
- Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005а. 24 с.

Матренин С.С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005б. Вып. 2. С. 35–51.

Матренин С.С. Колчаные крюки кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.): классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2011. №4/2 (72). С. 141–149.

Матренин С.С. Комплексный анализ поясных пряжек кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам могильника Степушка-I) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История. Барнаул, 2013а. №4/1 (80). С. 228–237.

Матренин С.С. Костяные наконечники стрел кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам курганный группы Степушка-I) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013б. С. 201–205.

Матренин С.С., Тишкин А.А., Плетнева Л.М. Комплекс вооружения дистанционного боя сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I (Центральный Алтай) // Известия алтайского государственного университета. 2014. Т. 2. №4 (84). С. 154–164.

Матренин С.С., Тишкин А.А., Шмидт А.В. «Всадник без головы» эпохи великого переселения народов из Центрального Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2014. №1 (9). С. 15–26.

Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 52–89.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки Второго Сальдырского могильника // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 126–144.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки курганов гуннского времени у с. Малая Иня в Горном Алтае // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. С. 62–74.

Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т. Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 121–135.

Петкевич М.В. Строение поверхности // Горный Алтай. Томск, 1971. С. 46–62.

Соенов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 134–152.

Соенов В.И. Полевые археологические исследования научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ в 2010 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2010. №3 (15). С. 3–6.

Соенов В.И., Константинов Н.А. Охотничья деятельность населения Алтая в I тыс. н.э. Горно-Алтайск, 2014. 310 с.

Соенов В.И., Трифанова С.В. Пупарии sarcophagidae в погребении гунно-сарматского времени некрополя Степушка-2 (Алтай) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2014. №1 (9). С. 61–73.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этно-

графии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, ч. I. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005а. 200 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2005б. Ч. I. С. 327–333.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Реконструкция уздечных наборов булан-кобинской культуры (по материалам памятника Яломан-II) // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005. С. 118–122.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Комплексный анализ костяных пряжек кочевников Алтая хуннского и жузжанского времени (по материалам могильника Яломан-II) // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2010. №4/2 (68). С. 220–229.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Кенотаф хуннского времени на памятнике Яломан-II в Центральном Алтае // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ, 2011. С. 158–173.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Колчаные крюки булан-кобинской культуры из памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, №7. С. 125–133.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Поясные бляхи сяньбийско-жузжанского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Известия Алтайского государственного университета. 2013а. №4/1 (80). С. 204–213.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Воинское погребение раннежузжанского времени на могильнике Степушка-I в Центральном Алтае // КСИА. М., 2013б. Вып. 231. С. 59–71.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Новые данные по радиоуглеродному датированию погребальных комплексов булан-кобинской культуры Алтая (по материалам курганный группы Степушка-I) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2013в. №1 (7). С. 147–153.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Керамический материал из раскопок на Алтае курганный группы сяньбийско-жузжанского времени Степушка-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 170–174.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Яломанский археологический микрорайон в Горном Алтае // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004. С. 93–97.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В. Археологические памятники в урочище Уркош // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3, 4. С. 156–164.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Кунгуров А.Л. Наборные пояса кочевников Алтая эпохи великого переселения народов из памятника Степушка-I // Российская археология. 2015. №1. С. 121–135.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Женские металлические украшения из погребений сяньбийского времени на Алтае (по материалам исследования памятника Степушка-I) // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып. 3. С. 420–431.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Боевые ножи кочевников Алтая эпохи «великого переселения народов» (по материалам могильника Степушка-I) // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул, 2012а. С. 59–65.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Наборный пояс сяньбийского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор, 2012б. С. 116–120.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Кенотафы сяньбийско-жужанского времени могильника Степушка-I // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013а. С. 232–238.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Степушка-I – памятник кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013б. С. 258–279.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №3. С. 116–131.

Tishkin A. Characteristic burials of the Xiongnu period at Ialoman-II in the Altai // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011. P. 239–558.

И.В. Мерц¹, В.К. Мерц²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Павлодар, Казахстан

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ БЕСКАРАГАЙСКОГО РАЙОНА ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ (Казахстан)

Работа выполнена при частичной поддержке бюджетной программы МОН РК «Грантовое финансирование научных исследований» на 2015–2017 гг. «Ранний бронзовый век левобережья Казахстанского Прииртышья: этнокультурное взаимодействие» и гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Центром археологических исследований им. А.Х. Маргулана Павлодарского госуниверситета совместно с Лабораторией междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая в 2014 г. было проведено выявление памятников раннего бронзового века на территории Казахстанского Прииртышья. В результате работ в Бескарагайском районе Восточно-Казахстанской области выявлены стоянки Сарыкамыс, Таскудук 3, Тополька. Все они расположены на правом берегу р. Иртыш и представляют собой кратковременные стоянки на дюнах без остатков культурного слоя (рис. 1). Собранные артефакты представлены развалами и отдельными фрагментами керамических сосудов и каменными артефактами. В работе над материалами мы использовали терминологию, предложенную И.В. Калининой, Е.А. Устиновой, И.Г. Глушковым [Глушков, 1996; Калинина, Устинова, 1990].

Стоянка Сарыкамыс расположена в одноименном урочище, в 5 км к востоку от шоссе Долонь – Бескарагай (Бол. Владимировка), между двумя сосновыми борами, юго-восточная часть урочища покрыта затопляемыми в весеннее время низинами. Стоянка представляет собой несколько местонахождений, локализованных на дюне, сформировавшейся вдоль весеннего водотока. Отдельные местонахождения, приуроченные к выдувам, получили буквенные обозначения. Раннебронзовые материалы были собраны на местонахождении Сарыкамыс «Г», который представляет собой подовальный выдув размером 30х15 м (координаты по GPS-приемнику: N – 50°44'52.80"; E – 079°23'29.4"). Через памятник, находящийся на возвышенности, в 100 м к северу от края затопляемой низины и в 400 м южнее оконечности бора, с северо-северо-запада на юго-юго-восток проходит проселочная дорога, возле которой обнаружено большинство находок (рис. 1.-2).

Всего на стоянке было собрано 100 фр. керамики. В коллекции выделяется керамика раннего железного века – 6 фр. (1 фр. венчика, 5 фр. стенок) не менее чем от двух сосудов и эпохи ранней бронзы – 94 фр. (венчики – 3 экз., стенки – 89 экз., п/ч – 2 экз.) от двух сосудов.

Вся посуда, по-видимому, была плоскодонная, баночной формы. Размеры сосудов имеют следующие параметры: диаметры венчиков в пределах – 17 и 23,5 см, тулова – 25 см, дна – 16 см, высота – не менее 35 см, толщина стенок – 0,6–0,8 см. Орнамент сохранился у 91* фр., для его нанесения использовались способы: «накалывания» – 15** экз. (16%) и сочетание «протаскивания» и «накалывания» – «отступающе-накольная» техника – 82 экз. (90%), без орнамента было 2 экз. (2%). Налепной декор представлен прямыми горизонтальными валиками. Обратная поверхность заглажена мягким инструментом. Черепки светло-коричневого цвета местами покрыты темными пятнами, в изломе – черные, в местах свежих сломов крошатся. В тесте присутствует шамот. Орнаментальная композиция сосудов реконструируется в одном случае полностью, в другом – частично и представлена следующими вариантами:

1) срез венчика украшен наколами гребенчатого штампа, по венчику нанесены три горизонтальных ряда округлых наколов, средний ряд – по прямому валику. От нижнего ряда наколов до самого дна идут вертикальные ленты, состоящие из горизонтальных полос, разделителями между орнаментальными зонами сосуда выступают горизонтальные ряды косых, направленных вправо линий, самый нижний ряд которых нанесен гребенчатым штампом. Для декорирования использовалась «палочка» и гребенчатый штамп с подтреугольной формой зубцов (рис. 2.-1);

2) срез венчика округлый, без орнамента, у самого края венчика, нанесен ряд наколов, под которыми расположен прямой валик без орнамента, ниже идут горизонтальные линии, между которыми, через опреде-

* За 100% берется 91 определимые фрагменты керамики.

** Здесь и далее каждый способ нанесения орнамента на одном фрагменте керамики считается отдельно.

ленные промежутки, нанесены ряды округлых наколов или косых линий. Орнамент выполнен мелкозубчатым гребенчатым штампом с подчетыреугольной формой зубцов и палочкой с округлым краем (рис. 2.-2).

Стоянка Таскудук 3 (координаты по GPS-приемнику: N – 50° 56' 15.70"; E – 078°24'47.20") представляет собой подтреугольный выдув размером 35х30 м. Она расположена в 0,57 км к западу от развалин ОТФ Таскудук и в 0,3 км к северу от проселочной дороги, ведущей от грейдера Семиярка–Кривинка до ОТФ Таскудук (рис. 1.-3). Всего на памятнике были собраны 39 фрагментов керамики и шесть каменных предметов. В керамической коллекции выделяется керамика раннего железного века – четыре фрагмента (один фрагмент венчика, три фрагмента стенок) не менее чем от двух сосудов, керамика среднего бронзового века – один фрагмент венчика и эпохи ранней бронзы – 35 фрагментов, не менее чем от четырех сосудов.

Керамика эпохи средней бронзы представлена фрагментом венчика диаметром ≈ 12 см и толщиной 0,6 см, по-видимому, от сосуда горшечной формы. Орнамент был нанесен способом «накалывания» гладким штампом. Орнаментальная композиция представляла собой ряды

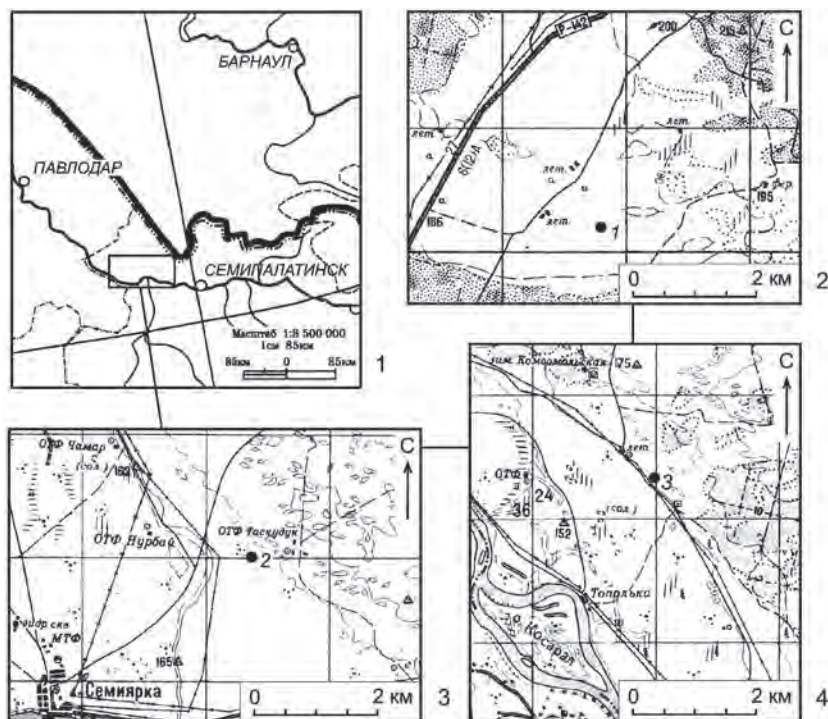

Рис. 1. 1 – расположение памятников на карте региона; местоположение стоянок: 2 – Сарыкамыс «I»; 3 – Таскудук 3; 4 – Тополька

горизонтальных «зигзагов», покрывающих верхнюю часть сосуда. Степень сохранности фрагмента не позволяет определить характер обработки поверхности, он сильно выветрен. В тесте визуально не удалось

Рис. 2. Керамика: 1–2 – Сарыкамыс Г; 3–6 – Таскудук 3;
10 – Тополька. Камень: 7–9, 11 – Таскудук 3

зафиксировать какую-либо примесь, тесто пористое. Черепок – рыже-коричневого цвета, в изломе – черный (рис. 2.-3).

Керамика периода ранней бронзы насчитывает 34 фрагмента (венчиков – 5 экз., стенок – 27 экз., п/ч – 2 экз.) не менее чем от четырех сосудов. Вся посуда была, по-видимому, плоскодонная, баночной формы. Размеры одного из сосудов реконструируются и имеют следующие параметры: диаметр венчика – 23 см, дна – 15 см, высота – не менее 25 см (рис. 2.-6). Из 35 фрагментов орнамент сохранился у 31* фр. Для его нанесения использовались способы «накалывания» – 6 экз. (19%); сочетание «протаскивания» и «накалывания» – «отступающе-накольная» техника – 14 экз. (45%); «шагание» – 7 экз. (23%) (прием: «шагающая» гребенка – 1 экз. (3%), «шагающая» гребенка с протаскиванием – 6 экз. (20%)); без орнамента – 7 экз. (23%).

Обратная поверхность заглажена: у двух сосудов зубчатым, а у двух – мягким инструментом. Черепки светло-коричневого цвета, местами покрыты темными пятнами, в местах свежих сломов крошатся, в изломе – черные. Тесто – плотное, некоторые черепки залощены. Керамика коллекции сильно фрагментирована, орнаментальная композиция реконструируется частично, выделяются следующие варианты:

1) поверхность украшена горизонтальными линиями; в тесте присутствует шамот (рис. 2.-4);

2) поверхность полностью покрыта оттисками «шагающей» гребенки с протаскиванием; в тесте присутствует шамот и кальцинированная кость (рис. 2.-5);

3) срез венчика у внутреннего края украшен наколами, по венчику нанесены косые двойные линии, между которыми оставлены не орнаментированные промежутки, ниже, по всей поверхности, до самого дна идут горизонтальные линии, дно не украшено; в тесте присутствует дробленый кварц и слюда (рис. 2.-6).

Стоянка Тополька (координаты по GPS-приемнику: N – 50°50'22.50"; E – 78°33'43.80") представляет собой изогнутый выдув размером 60х40 м, находится в 4,3 км на северо-северо-восток от развалин фермы Тополька и в 1,5 км к юго-востоку от развалин безымянного летника, между двумя проселочными дорогами, ведущими из с. Грачи на развалины зим. Комсомольская и далее в с. Лесное. В 1,2 км к востоку и юго-юго-востоку от памятника расположен сосновый бор (рис. 1.-4).

На стоянке были собраны 24 фрагмента керамики периода ранней бронзы (стенки – 15 экз., п/ч – 7 экз., не диагностируемые – 2 экз.) от одного баночного сосуда. Толщина стенок составляла 0,7–1 см, диаметр дна – 13 см. Из 24 фрагментов орнамент сохранился у 22** фрагментов. Для его нанесения использовались способы «шагания» (прием «шагающая» гребенка с протаскиванием – 16 экз. (73%)) и «накалывания» – 5 экз. (23%);

* За 100% берется 31 определяемые фр. керамики.

** За 100% берется 22 определяемые фр. керамики.

без орнамента было 4 экз. (18%). Обратная поверхность заглажена зубчатым инструментом. Черепки – рыже-коричневого цвета, в местах свежих сломов крошатся, в изломе – черные. В тесте присутствует шамот. Орнаментальная композиция реконструируется частично. Поверхность сосуда была покрыта горизонтальными лентами гребенки, в нижней части ленты не примыкали плотно к друг другу и имели зазоры. Разделителями между орнаментальными зонами выступали ряды вертикальных линий, дно не украшено. Для декорирования использовались крупно- и мелкогребенчатые штампы с подчетыреугольной формой зубцов (рис. 2.-10).

Таким образом, керамические комплексы стоянок Сарыкамыс «Г», Таскудук-3 и Тополька представлены разновременными материалами. Выделяется керамика эпохи раннего железа, развитой и ранней бронзы.

Керамика среднего бронзового века малочисленна и зафиксирована только на стоянке Таскудук-3 обломком, видимо, от горшка, украшенного горизонтальным зигзагом (рис. 2.-3). Аналогии подобной посуде имеются в андроновских материалах Верхнего и Среднего Прииртышья: на поселениях Канай и Золотушка, на могильниках Кенжеколь-1 (могила 25), Маринка (могила 13) и др. [Черников, 1960, таб. XVII.-20; Кирюшин, Клюкин, 1985, рис. 13.-2; Мерц, Казизов, Мерц, 2006, рис. 1.-13; Ткачева, Ткачев, 2007, рис. 29.-2]. Время существования андроновской культуры в регионе на основании радиоуглеродных дат определяется в пределах XVIII–XVI вв. до н.э. [Кирюшин, Грушин, Папин, 2007, с. 86; Stöllner и др., 2013, abb. 19].

Керамика раннего бронзового века составляет основу коллекций рассматриваемых памятников, однако она морфологически не однородна. Выделяются следующие типы керамики:

I тип декорирован способом «шагания» (приемы: «шагающая» гребенка, «шагающая» гребенка с протаскиванием) иногда в сочетании с «накалыванием». Последний способ использовался в основном для нанесения отдельных элементов, использовавшихся для выделения орнаментальных зон. Орнаментальная композиция представлена горизонтальными лентами, чередующимися с рядами вертикальных линий, дно не украшено. Внутренняя сторона посуды заглажена зубчатым инструментом (рис. 2.-5, 10). В тесте присутствует шамот, в одном случае – кальцинированная кость (рис. 2.-5). Орнамент нанесен гребенчатым штампом с подчетыреугольной формой зубцов.

II тип украшен сочетанием «протаскивания» и «накалывания» – «отступающе-накольчатая» техника (отступающая палочка) и «накалыванием». Орнаментальная композиция представлена наколами по срезу венчика, стенки покрыты горизонтальными линиями, дно не орнаментировано. Для разграничения орнаментальных зон использовались горизонтальные прямые валики, ряды округлых вдавлений и косых линий. Внутренняя сторона сосудов заглаживалась мягким предметом (рис. 2.-1, 6). В тесте присутствует шамот и в одном случае – слюда (рис. 2.-6). Орнамент наносился палочкой или краем лопаточки.

III тип декорирован способом «накалывания». Орнаментальная композиция представлена горизонтальными линиями, для выделения зон использовались прямые валики, горизонтальные ряды округлых наковов или косых линий. Внутренняя сторона заглаживалась зубчатым и мягким предметами. В тесте присутствует шамот. Орнамент нанесен гребенчатым штампом (с подчетырехугольной формой зубцов) и округлой палочкой. Количественно во всех рассмотренных памятниках данный тип керамики составляет малую долю.

Прямые аналогии керамике **I** и **II типа** в Прииртышье наблюдаются в елунинских материалах стоянок Нурбай-2 и 3 [Мерц, 2004, рис. 2.-3, 7, 9, 11], поселений Мичурино-I, Баргана, Костомар-I [Мерц, Франк, 1996, с. 75; Мерц, Мерц, 2013, рис. 2.-11–13, 3.-1–4; Мерц, 2012, с. 45], а в Лесостепном Алтае – на памятниках Чудацкая Гора, Березовая Лука, Телеутский Взвоз-I и др. [Кирюшин, 2002, с. 48–50]. Елунинскую посуду характеризуют две основные орнаментальные традиции: 1) «кротовская» – «шагающая» техника («шагающая» гребенка и «шагающая» гребенка с протаскиванием); 2) «логиновская» – «отступающе-накольчатая» техника (отступающая палочка). Обе традиции также устойчиво присутствуют в раннебронзовых комплексах Барабы, Среднего Прииртышья и Приишимья [Грушин, 2003, с. 51, 54; Стефанова, 1988, с. 68; Татаринцева, 1984, с. 106, 110]. По-видимому, отсутствие керамики **II типа** на стоянке Тополька обусловлено незначительностью выборки. На основании проведенных параллелей стоянки Таскудук-3 и Тополька можно отнести к елунинской культуре.

Помимо перечисленных орнаментальных традиций, в Прииртышье устойчиво присутствует керамика, которая украшена способом «накалывания», выполненным палочкой или гребенчатым штампом. На рассматриваемых памятниках эта традиция представлена **III типом** керамики. Необходимо отметить, что памятники, где преобладает посуда, декорированная только данным способом, встречаются не часто. В регионе – это поселения Тате, Ляпуново-I, Новенькое-6 [Мерц, Мерц, 2013, с. 212; Грушин, 1999, с. 79; Абдулганеев, 1985, с. 125], чья культурная принадлежность еще до конца не определена. Кроме этого, способ «накалывания» часто использовался для создания различных орнаментальных мотивов при декорировании елунинской посуды. Это фиксируется в материалах стоянок Тополька, Нурбай-3, поселений Баргана, Семипалатинские Дюны и др. [Мерц, 2004, рис. 2.-4, 5; Мерц, Мерц, 2013, рис. 2.-1–3; Кирюшин, 2002, рис. 95.-1]. Часто керамика, украшенная «накалыванием», залегает совместно с керамикой, декорированной другими способами (что демонстрируют материалы Таскудука-3, Барганы и др.). Это позволяет предположить, что керамика **III типа** хронологически близка к елунинской и на данном этапе исследования может рассматриваться в рамках елунинского круга памятников. Но этот компонент, видимо, является инокультурным и отражает своеобразие прииртышских памятников.

Особо выделяются материалы Сарыкамыса, где совместно обнаружена керамика **III и II типов** и отсутствует керамика **I типа**, преобладающая в елунинском керамическом комплексе. Несмотря на то, что керамика декорирована разными способами, ее сходство проявляется прежде всего в общей схеме построения орнаментальной композиции и в технике изготовления. Орнаментальная композиция сарыкамьской керамики, несмотря на наличие наlepных валиков, близка к чемарской (но там орнамент был нанесен способом «штампования»), которую исследователи выделяют отдельно от елунинской [Мерц, 2004, с. 169, рис. 2.-13–15; Ткачева, Ткачев, 2008, с. 246]. Все эти особенности не позволяют пока отнести стоянку Сарыкамыс «Г» к елунинской культуре.

Кроме керамики, на памятнике были собраны шесть каменных артефактов: отбойник-ретушер из гальки кварцита в виде дольки цитрона, со следами использования на концевых частях и выпуклом гребне, один конец очень забит, так как, видимо, использовался в качестве отбойника (рис. 2.-7); обломок отщепа с ретушью (рис. 2.-8) и обломок овального бифаса из желтого яшмо-кварцита (рис. 2.-9); неправильная пластинка с боковой дорзальной ретушью по одному краю от ударной площадки; пластинчатый скол из серого сливного кварцита. Особо выделяется обломок-скол песта или привязного топора-молота из зеленого мелкодисперсного песчаника (вес – 220 г). В средней части изделия находился желобок-перехват, диаметр обуха достигал 7,5 см. На торцевой части предмета фиксируются следы забитостей (рис. 2.-11).

Скол с макролита может быть как пестом с выделенной рукоятью, так и привязным топором или молотом. Подобные вещи имеют аналогии в раннебронзовых комплексах Обь-Иртышья и, в частности, в елунинских. Каменный пест с выделенной рукоятью известен в погребении №23 могильника Староалейка-2 [Киришин 2002, с. 54, рис. 124.-2], а каменный привязной топор – в погребении №4 могильника Шауке-1. Еще более широко хронологически и территориально представлены привязные молоты, связываемые с горным делом или металлообработкой [Килейников, 1984, с. 115; Татаринов, 2003, с. 39]. Кремневые изделия из вышеназванных пород также широко использовались в энеолите и ранней бронзе региона и могут быть связаны с данным комплексом. Изделия из пластин, видимо, – более ранние, но они отражают особенности топографии неолитических и раннебронзовых памятников региона, которые часто совпадают [Мерц, 2006, с. 73]. На основании приведенных аналогий основная часть каменных изделий стоянки Таскудук-3 относится к периоду ранней бронзы.

Таким образом, рассмотренные материалы дополняют наши знания о раннем бронзовом веке Прииртышья. На основании серии радиоуглеродных дат продолжительность этого периода в регионе определяется в пределах 2-й половины III – рубежом III–II тыс. до н.э. [Svyatko, Mertz, Reimer, 2015]. На данном этапе исследования материалы стоянок

Таскудук-3 и Тополька можно отнести к елунинской культуре и предварительно датировать этим временем. В рамках этого же хронологического интервала нужно рассматривать и стоянку Сырыкамыс «Г». Вполне возможно, что она занимает несколько более раннюю позицию относительно остальных памятников. В пользу этого предположения свидетельствует отсутствие на ней керамики, украшенной способом «шагания», а также определенное сходство ее материалов с чемарскими, которые, по мнению Н.А. и А.А. Ткачевых [2008, с. 246], довольно ранние и могут стоять в основе формирования некоторых раннебронзовых комплексов региона. В целом же, культурную принадлежность сарыкамысских материалов нужно пока рассматривать в рамках елунинского круга памятников. Дальнейшие исследования позволят уточнить их специфику и хронологию.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. Керамика эпохи ранней бронзы с Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 117–128.

Калинина И.В., Устинова Е.А. Технологическая классификация орнаментов неолитической – энеолитической керамики Уральского региона // Археологический сборник. СПб., 1990. №30. С. 7–19.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск, 1996. 328 с.

Грушин С.П. Ляпуново-I новый памятник эпохи ранней бронзы Лесостепного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X. С. 77–79.

Грушин С.П. Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье в эпоху ранней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. I. С. 49–56.

Килейников В.В. Каменные горнометаллургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения // Эпоха бронзы Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1984. С. 108–123.

Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 73–117.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В. Проблемы радиоуглеродного датирования археологических бронзового века Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2007. Вып. 3. С. 84–89.

Мерц В.К. Новые материалы по энеолиту и ранней бронзе Северо-Восточного Казахстана // Новые исследования по археологии Казахстана – Тр. науч.-практ. конф. «Маргулановские чтения – 15». Алматы, 2004. С. 165–169.

Мерц В.К. Археологические исследования в Бескарагае // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 73–82.

Мерц В.К. Археологические комплексы поселения Костомар // Археология и история Сарыарки. Караганда, 2012. С. 36–47.

Мерц В.К., Мерц И.В. Новые раннебронзовые материалы из Западной части Кулундинской равнины // Сохранение и изучение наследия Алтайского края. Барнаул, 2013. С. 207–214.

Мерц В.К., Франк Д.А. Раскопки у села Мичурино // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 71–76.

Мерц В.К., Казизов Е.С., Мерц И.В. Новые исследования могильника Кенжеколь-1 в Павлодарском Прииртышье // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г.: Археология, этнография, устная история. Барнаул, 2007. Вып. 3. С. 36–40.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 53–75.

Татаринов С.И. Древние горняки-металлурги Донбасса. Славянск, 2003. 132 с.

Татаринцева Н.С. Керамика поселения Вишневка I в лесостепном Приишимье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 104–113.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск, 2008. 304 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. №88. 272 с.

Stöllner T., Samašev Z., Berdenov S., Cierny J., Doll M., Garner J., Gontscharov A., Gorelik A., Hauptmann A., Herd R., Kušć G. A., Merz V., Riese T., Sikorski B., Zickgraf B. Zinn und Kupfer aus dem Osten Kasachstans. Ergebnisse eines deutsch-kasachischen Projektes 2003–2008 // Unbekanntes Kasachstan archäologie im Herzen Asiens. Bochum, 2013. B. I. S. 357–382.

Svyatko S.V., Mertz I.V., Reimerl P.J. Freshwater Reservoir Effect on Re-Dating of Eurasian Steppe Cultures: First Results for Eneolithic and Early Bronze Age North-East Kazakhstan (в печати).

С.А. Пилипенко

*Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия*

БЕРЕСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА КРОВО-15 В НОВОСИБИРСКОМ ПРИОБЬЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление N220), полученного
ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.
Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование
и динамика культуры на территории Северной Азии»

Изучение коллекций из музейных фондов, накопленных в течении многолетних работ, является одной из основных задач фундаментальных исследований. Авторы археологических раскопок порой обходятся публикацией, содержащей общую характеристику материалов, а иногда вообще их не публикуют, тем самым оставляя их неизвестными для научного сообщества.

Целью нашей статьи является введение в научный оборот коллекции берестяных изделий из кургана №3 (погребение №1) могильника Кротово-15 и их идентификация с точки зрения технологии изготовления и трасологических наблюдений. В наши намерения не входит рассмотрение элементов погребального обряда комплекса, так как результаты этого были опубликованы ранее [Адамов, 2000, с. 121–123]*.

Прежде чем мы перейдем к описанию коллекции берестяных изделий из кургана №3 Кротово-15, необходимо дать общую характеристику встречаемости бересты в погребениях могильника.

Курганная группа Кротово-15 расположена на краю надпойменной террасы правого берега р. Кротовка, в 3,5 км к востоку от памятников Кротово-7, 8 в Сузунском районе Новосибирской области. Памятник открыт и исследован в 1970 г. В.И. Молодиным. Комплекс состоит из 27 курганов, два из которых (№1–2) он исследовал. В погребениях инвентарь отсутствовал [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 107, рис. 76–83], могильник датирован XIII–XIV вв. В публикации не дано полного описания раскопок, но были помещены планы курганов и погребений с комментариями. В число инвентаря не был включен берестяной круг из кургана №2 (погр. 1).

Приведем описание берестяных конструкций из кургана №1–2.

В кургане №1 было встречено одно погребение. В нем умерший человек находился в берестяном однослойном чехле, изготовленном по принципу заворачивания. Он был перекрыт одним слоем бересты. Поверх этого перекрытия находилось перекрытие из поперечных деревянных плах, дополнительно перекрытое сверху двумя слоями берестяных листов. Все берестяные листы в погребении были расположены рисунком почек поперек листа.

В кургане №2 были встречены два погребения. В погр. №1 погребальная конструкция представляла из себя сооружение из двух деревянных плах. Одна из них лежала поперек могилы и сверху была перекрыта берестяным кругом со следами прошивки на нем, диаметром 0,5 м (рис. 1.-2б). К сожалению, не указано количество слоев у берестяного круга. Сверху погребенный был перекрыт берестяной тиской, состоящей из цельного слоя бересты рисунком почек поперек листа, боковые края которой укреплены узкими берестяными полосками шириной 3–4 см. Отверстия пробивались ножом, шов – в строчку, шаг шва 3–5 см. Размер тиски: длина 180 см, ширина 60 см. В восточной части погребения тиска завернута за голову.

Своей формой тиска повторяет форму тела человека, сужаясь к ногам, образуя своеобразную ладьеобразность. Этот эффект возникает в результате подгиба нижней части тиски вокруг ног с отгибом от цент-

* Хочу выразить искреннюю благодарность за предоставленную возможность ознакомиться с коллекцией Е.А. Сидорова и консультации с.н.с. НГКМ к.и.н. С.Г. Рослякова.

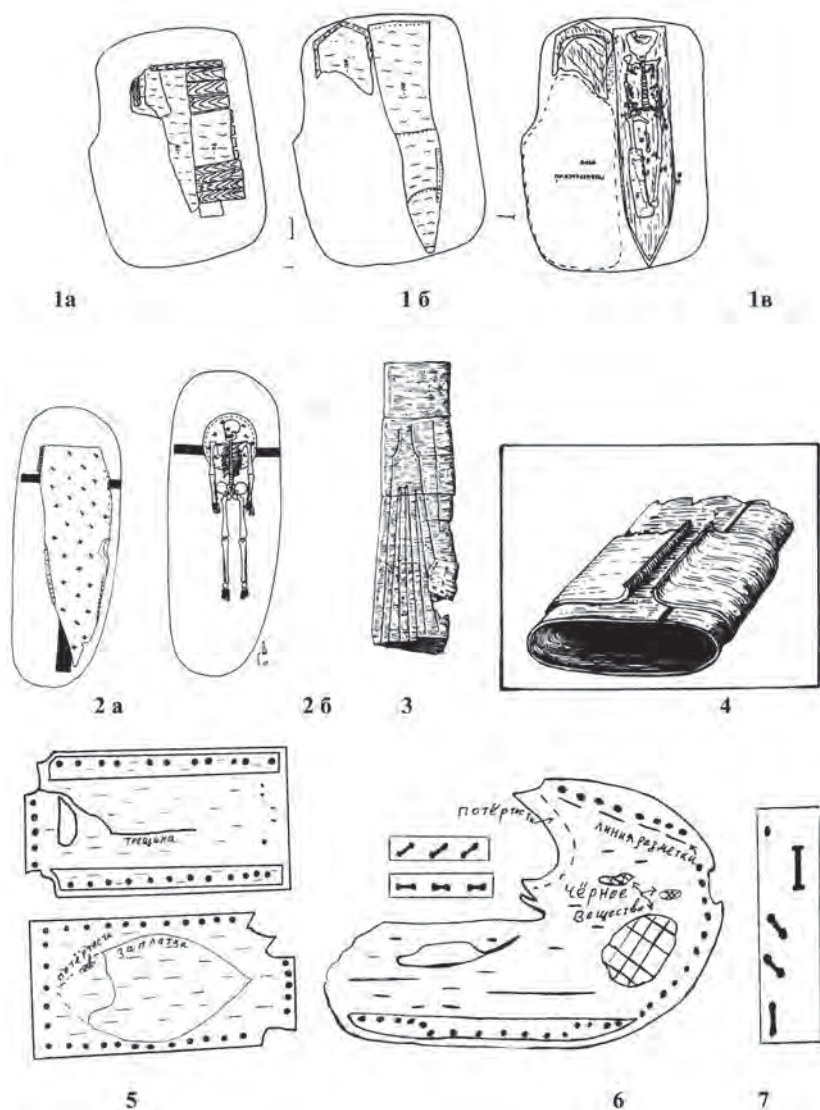

Рис. 1. Кротово-15, НСО: 1 – погр. 1 кург. №3;
 1а – перекрытие могильной ямы; 1б – перекрытие погребенного;
 1в – план погребения в лодках; 2а–б – погр. 1 кург. №2;
 3–4 – берестяной колчан из погр. 1 кург. №3 и его разрез; 5, 7 – берестяная
 заплатка с уплотнением и ее шов; 6 – берестяная заплатка на лодку

ра нижнего торца тиски, с подкладкой тонких каркасных плашек для прочности по линии изгиба. Поверх сужающегося клина тиски лежал еще один плохо сохранившийся слой бересты (рис. 1.-2а).

В погр. №2, детский скелет оказался завернут в два слоя бересты и уложен на две поперечные жерди. Сверху погребение перекрыто шестью плахами [Адамов, 2000, с. 122].

В 1984 г. могильник был вновь исследован Е.А. Сидоровым [1985, с. 1–7, рис. 3.-16]. Им раскопаны также два кургана №3–4, среди материалов которых встречен интересный инвентарь из железа, бронзы и берестяной колчан. К сожалению, из-за трагической гибели Е.А. Сидорова, материалы его исследований не были им введены в научный оборот. Коллекция находок и копия отчета были переданы в фонды Новосибирского государственного краеведческого музея.

Благодаря изучению А.А. Адамовым [2000, с. 121–123, рис. 97–99] памятников средневековых кочевников в Новосибирском Приобье, в 2000 г. материалы раскопок Е.А. Сидорова, кроме берестяных деталей погребальных конструкций, были опубликованы.

При описании берестяных конструкций и изделий из курганов №3–4 привлекались неопубликованные данные из коллекции НГКМ ОФ – 20040/12 и ОФ – 20040/6.

Приведем описание берестяных конструкций из кургана №3 и 4.

В кургане №3 встречены два погребения. Погр. 1, по мнению Е.А. Сидорова, было совершено в распиленной деревянной лодке-долбенке (колоды? – *С.П.*) (рис. 1.-1а–б). Сохранилось перекрытие могилы из 11 сосновых досок, перекрытых двумя слоями бересты (ширина полотен 30 см, длина 1,5 м). Под перекрытием выявлено двойное погребение, южный оказался не потревожен грабителями. Костяк человека лежал в носовой части лодки-долбленный (длиной 2,3 м и шириной 0,5 м). Лодка носом ориентирована на ЮЗЗ, перекрыта слоем бересты. На правой ноге погребенного лежал берестяной колчан (рис. 1.-1в).

Перекрытия обеих частей четко повторяли форму верхнего края распиленной лодки-долбенки (колоды? – *С.П.*). Фрагмент северной части имел специфический угловой выступ, который был повторен тиской (35–40 см и сохранившейся длины 40 см). Края тиски укреплены накладными монтажными лентами из бересты, пришитые через отверстия, пробитые ножом через два слоя (тиску и ленту). Рисунок почек коры полотна – поперек листа, шов – в строчку, шаг шва 3–4 см (рис. 1.-1в).

Тиска, перекрывавшая южную часть лодки-долбенки (колоды? – *С.П.*), – прямоугольной формы, состояла из трех разновеликих листов бересты шириной 35–40 см, длиной 1,2 м – первый, 60 см – второй и 35–40 см – третий лист. Третий лист имел полукруглый вырез в верхней части. Оформление листов в виде полукруга было вызвано двумя факторами. Во-первых, вторичным использованием берестяных днищ посуды разного диаметра, как в погр. 1 кург. №2 могильника Кро-

тово-15, погр. 1 кургана №1 могильника Усть-Изес-2 [Соловьев, 2007, с. 69, рис. 4], погр. 1 кург. №1 мог. Телеутский Взвоз-1 [Тишкин, 2002, рис. 5] и погр. 1 кург. №69 мог. Кармацкий [Тишкин, 2009, с. 93].

Во-вторых, это зависело от структуры самого листа, из которого кроили тиску. Обрыв по ширине листа мог быть не ровным из-за трещин или сучков, и это диктовало необходимость закруглять части листа.

Погребение 2. В нем сохранилась поперечное перекрытие из досок, на нем остатки бересты. Ребенок завернут в бересту.

Курган №4. Погребение 1. Могила перекрыта поперечным настилом из досок. Под настилом располагались остатки в носовой части лодки-долбленки. Сверху погребенный был перекрыт прямоугольным берестяным полотном, нижние углы которого подворачивались под ноги, образуя ладьеобразность. Как и в вышеупомянутых случаях, берестяное перекрытие состояло из берестяной тиски, сшитой из прямоугольных листов с обшивкой краев берестяными монтажными лентами. Рисунок коры – поперек листа.

Кроме отчета и находок из погребений, в число коллекции входят еще четыре предмета: берестяной колчана и три берестяных изделия со следами прошивки. Все материалы происходят из погр. 1 кургана №3.

1. Берестяной колчан, НГКМ ОФ – 20040/12 (рис. 1.-3). Длина берестяного колчана – 64 см, ширина сверху – 10–12 см (при обхвате цилиндра в 18 см), ширина низа колчана – 15 см (при обхвате цилиндра в 42 см). Колчан хорошей сохранности, два раза подвергался реставрации. Состоит из двух слоев коры, соединенных с тыльной стороны. Внутренний слой состоит из цельного листа бересты, края которого соединены внахлест слева направо, с наложением на 2–2,5 см. Второй слой также соединен с тыльной стороны колчана аналогичным образом, закрывая соединение первого слоя с небольшим смещением на 1,5 см (рис. 1.-4). Перед наложением боковых сторон листов, на месте стыка проводилась разметочная линия острием ножа. После этого листы соединялись и прошивались швом в строчку, с расположением отверстий в 1 см от края листа тонкой иглой, шаг шва 1 см. Второй – верхний слой колчана – состоял из двух прямоугольных листов бересты, соединенных внахлест на 1 см в верхней части колчана и прошит тонкой иглой. Кора для колчана была снята со старого дерева ранней весной или поздней осенью, имела характерный серый оттенок от частиц луба. Так же зафиксированы следы обработки самой коры ножом. В нижнюю часть колчана было вставлено деревянное донышко овальной формы из тонкой сосновой дощечки толщиной 1 см, размер донышка 14х8 см. Донышко сохранилось на $\frac{1}{4}$ своей ширины. Вдоль нижнего края колчана нет следов пришивания донышка, оно впрессовывалось в нижнюю часть. Такой способ крепления деревянного донышка находит параллели в традициях изготовления берестяной посуды, когда нижняя часть берестяного туеса распаривалась и после расширения стенок донышко

вставлялось между стенок, а после остывания коры донышко органично закреплялось на месте. После этого, в верхней части колчана с лицевой стороны срезали ножом полоску бересты, применяя технику расслаивания листа (размером 10х12 см). После окончания всех этих операций колчан разгибывался со всех сторон. С лицевой стороны наносился рисунок имитирующий расположение роговых орнаментированных накладок на аналогичных колчанах юга Западной Сибири. Рисунок представлял из себя лопаткообразную структуру, опущенную вниз от горловины, далее лучи расходились четырьмя лучами к низу колчана, не выходили за пределы лицевой стороны. Вертикальная разметка также присутствовала на боковых и тыльной частях колчана. Важно отметить, что на поверхности колчана между линиями разметки зафиксированы следы от вертикальной прошивки. По нашему мнению, эти узоры выполняют не только декоративную, но и практическую функции разметки для крепления внешнего реечного деревянного каркаса. Этому не противоречат находки аналогичных колчанов в могильнике Сопка-2 (погр. 668), где сохранилось деревянное основание кармана колчана, которое крепилось с тыльной стороны при помощи реек, переходящих на корпус [Молодин, Соловьев, с. 31, рис. 66.-з]. Ряды боковых отверстий должны соответствовать не сохранившимся деревянным планкам внешнего деревянного каркаса. Конечно, этот каркас не такой частый как у раннесредневековых колчанов, и, тем не менее, его надо учитывать.

2. Берестяной однослойный прямоугольный лист, ОФ – 20040/6 – длиной 28 см, шириной 10 см. Он был снят ранней весной или поздней осенью, так как имеются следы луба. Рисунок почек коры – вдоль листа. Лист обрезан со всех сторон ножом, других следов обработки не отмечено. Лист, скорее всего, является частью погребальной конструкции (возможно, это фрагмент тиски).

3. Берестяной однослойный прямоугольный лист, ОФ – 20040/6 – длиной 41 см, шириной торцов 12,5 и 13,5 см (рис. 1.-5), рисунком почек вдоль листа. Лист был отнесен Е.А. Сидоровым [1995, рис. 14] к крышке берестяного колчана, хотя ни на плане, ни в тексте описания погребения отдельно не выделялся как самостоятельная единица. Лист был снят весной. Он имеет повреждение от трещины, идущей от одного из углов к центру. Трещина пошла по волокнам и была заклеена тонкой эллипсовидной заплаткой из бересты. Заплата не доходила до краев листа и не имела следов прошивки (видимо, была приклеена каким-то клейким составом). По всему периметру пластина была укреплена берестяными лентами из толстой бересты и прошита. Сохранились только продольные ленты длиной 41 см и шириной 2,5–3 см. Торцевые не сохранились, но от их присутствия сохранились отверстия и более светлый фон коры в местах крепления. Продольные ленты прошиты швом в строчку через отверстия, пробитые толстым овальным шилом (рис. 1.-7). Учитывая следы от нитей на торцевых гранях, уда-

лось смоделировать два варианта распарывания берестяной реплики и, изучив следы от ниток и проколы, реконструировать сам шов (рис. 1.-7).

Две поперечно-торцовые ленты были пришиты двумя параллельными швами в строчку, закрепляя нить на торцах. Шаг шва – 1–2 см. Рисунок почек на коре лент – продольный относительно длине лент.

Данная пластина представляет из себя вторично использованное изделие, так как несет следы ремонта и уплотнения по краям, что является необходимым, если предмет часто используют в быту. Пластина шириной 45–55 см может быть частью берестяной тиски, так как совпадает по ширине с археологическими тисами.

4. Берестяная однослойная пластина овальной формы, ОФ – 20040/6 – длиной 32 см, шириной 18 см, рисунок почек коры – поперек листа. Лист с одной из сторон утратил $\frac{1}{4}$ своего размера, образуя потертости от трения о более волокнистую структуру, видимо, дерево, к которому он был прикреплен (рис. 1.-6). Отмечены темные включения черного цвета, от клеящего состава (типа дегтя). Кроме того, низ овала укрепляла берестяная лента, обрезанная по форме овала. На не потревоженной верхней части листа видны следы отверстий и разметки для монтажа утраченной аналогичной ленты. Все детали были пришиты швом в строчку. Данный берестяной лист, по нашему мнению, является вторично использованным днищем овальной посуды. А, по мнению автора раскопок, является заплаткой на кормовую часть лодки-долбленки. К сожалению, Е.А. Сидоров не указал на плане, где именно размещалась эта деталь. Хотя следы потертости от разбухшего дерева и следы клеящего состава не противоречат его версии. Чатские татары села Юрт-Акбалык и Чингисы Новосибирского Приобья при изготовлении лодок-однодревок используют смолы.

Находки берестяных погребальных конструкций в Новосибирском Приобье не так уж и часты. А для исследованного в 1984 г. могильника Кротово-15 – уникальны как по степени сохранности, так и по степени фиксации материалов. Отдельно надо отметить факт изъятия из могильного пространства берестяных деталей элементов погребальных конструкций и включение их в состав музейной коллекции. На сегодняшний день это единственная, хотя и не большая, коллекция археологической бересты в фондах НГКМ. До этого времени в музей поступали только две единичные находки: в 1926 г. – остатки погребальной конструкции из раскопок М.А. Кравкова в районе оз. Убиносское; в 1960-е гг. – железный нож с берестяными ножнами из раскопок Т.Н. Троицкой из Топовских курганов. На сегодняшний день обе находки утрачены.

При сооружении погребальных конструкций в курганах №1–4 могильника Кротово-15, группой местных жителей XIII–XIV веков были использованы берестяные листы, снятые с березы в основном либо ранней весной, либо поздней осенью пластовым методом, при помощи ножей средней длины – 10–12 см. При снятии береста прорезалась

и подрезалась. После снятия с дерева береста проходила дополнительную обработку. Вываривалась ли она или нет, нам установить не удалось из-за плохой сохранности. Был счищен внешний белый слой, срезаемы сучки и наросты, это четко видно по сохранившимся образцам.

После подготовки листы были нарезаны и сшиты в тиски размером 2х0,55–60 см. В случае, если лист был неровный или с наростом, край могли закруглить и пришить с наложением на другой лист. Это видно на тиске из перекрытия в погр. 1 кург. №3 (рис. 1.-1б).

Использовались детали от уже отслужившей свой век берестяной посуды, как в случае с своеобразной подстилкой из погр. 1 кург. №2. Из этнографических материалов известны деревянные подойники с берестяным дном у жителей Алтая.

Большой интерес представляют детали с прошивкой (рис. 1.-5, 6). Если верить описаниям погр. №1 из кург. №3, то мы имеем дело не с колодой, а с распиленной надвое берестяной лодкой, что заслуживает отдельного внимания исследователей. Берестяное изделие (рис. 1.-6), несомненно, выполняло функцию заплатки. Накладные берестяные ленты могут говорить о вторичном использовании дна, как части сосуда. Также надо отметить деталь (рис. 1.-5), которая была отремонтирована после того, как лопнула. Ее также можно отнести ко вторично использованной. Судя по небольшому размеру, следам ремонта и накладным лентам, она могла использоваться на покрытии, предназначенном для защиты от влаги, например, крыше или дверном проеме. Такие участки тщательно сшивали и водоизолировали. Применение лент в погребальных конструкциях несет две функции. Во-первых, для скрепления больших полотнищ бересты по краям. Во-вторых, для уплотнения небольших фрагментов бересты от влаги, аналогично креплению днищ туесков при сшивании дна и стенки. Нижние края туеса отгибают и прикладывают к дну нужного диаметра. Перед сшиванием этих деталей со стороны днища сосуда прокладывается округлая берестяная лента для уплотнения соединения. Этот прием типичен для народов Сибири [Лукина, 1985, рис. 26–27].

Для работы с берестой применяли нож (основное орудие труда), толстое шило диаметром до 0,5 см и иглу диаметром до 0,2 см. Соединительный материал состоял из нитей неуставленного материала и сарги. Все соединения выполнены внахлест. Во всех случаях были использованы два типа шва – в строчку и Z-образный. Оба выполняли функцию стягивания, Z-образный шов обладал большей практичностью и силой стяжки. Важно отметить применение вспомогательных конструкций в виде тонких плашек в случае загиба полотен под деревянную лодку.

Таким образом, при изготовлении берестяных конструкций видны разные приемы обработки бересты, от ее снятия до расслаивания. В основном, берестяные изделия выполняли вспомогательные функции как части жилищ или детали посуды. Хотя все они выдержаны в одних технологических и типологических рамках, что может говорить об устой-

чивых традициях берестяного промысла у средневекового населения, оставившего погребения в могильнике Кротово-15. Дальнейшее обобщение похожих материалов из других регионов позволит выявить как общие тенденции, так и локальную специфику.

Библиографический список

- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIII вв. Тобольск; Омск, 2000.
- Горбунов В.В., Казаков А.А., Тишкин А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул, 2002.
- Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа). Томск, 1985.
- Молодин В.И., Соловьев В.А. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск, 2004. Т. 2.
- Сидоров Е.А. Отчет о работах в Новосибирском Приобье в 1984 г. Новосибирск, 1985.
- Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул, 2009.
- Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980.

Н.Н. Серегин, А.Н. Мухарева

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия*

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКОВ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №15-31-01271a2 «Комплексное изучение наскальных изображений эпохи раннего средневековья на памятниках Алтае-Саянского региона и Монголии»)

Наскальные рисунки являются одной из важных групп источников для реконструкции различных аспектов истории раннесредневековых кочевников Алтая. Пласт петроглифов тюркского времени в регионе довольно обширен, но активно исследоваться и вводиться в научный оборот такие изображения стали сравнительно недавно – с 80-х гг. прошлого столетия. Это объясняется как труднодоступностью памятников, так и особенностью самих петроглифов, многие из которых выполнены тончайшими резными линиями и не всегда хорошо видны. Тем не менее, в результате работы различных исследователей к настоящему времени обоснованно выделены рисунки тюркского периода, накоплен значительный объем данных, требующих систематизации и детального анализа. При этом большая часть публикаций посвящена введению в научный оборот сведений о конкретных памятниках, интерпретации

отдельных сюжетов и образов, рассмотрению возможностей привлечения изображений для реконструкции частных сторон культуры кочевников. Очевидно, что в настоящее время насущной необходимостью является разноплановое обобщение имеющихся материалов. Одним из аспектов такого исследования является анализ истории изучения наскальных рисунков 2-й половины I тыс. н.э. на территории Алтая. В настоящей публикации кратко представлены основные этапы изучения петроглифов тюркского времени в обозначенном регионе.

Появление первых сведений о петроглифах Алтая эпохи раннего средневековья связано с работами исследователей XIX в. [Кубарев, Маточкин, 1992, с. 2–3]. Однако даже в 1-й трети XX в. работы по изучению наскальных рисунков 2-й половины I тыс. в обозначенном регионе носили отрывочный характер. По большей части подобная информация не была связана с исследованиями профессиональных археологов, которые, по замечанию Л.А. Евтюховой [1951, с. 189], редко обращались к изучению этого вида памятников. Так, значительное количество наскальных изображений зарисовано известным алтайским художником Г.И. Чорос-Гуркиным в ходе его поездок по Алтаю в 1902–1903 гг., а также во время участия в Алтайской этнографической экспедиции «Общества изучения Сибири и ее производительных сил» в 1930 г. [Еркинова, Кубарев, 2004, с. 88; Мартынов, Елин, Еркинова, 2006, с. 9–10]. Часть этих петроглифов была впоследствии опубликована и подробно проанализирована в статье Р.М. Еркиновой и Г.В. Кубарева [2004], а также некоторые из них упомянуты в монографии, посвященной введению в научный оборот наскальных рисунков Бичикту-Бомы [Мартынов, Елин, Еркинова, 2006, с. 11, 13].

Одним из первых памятников, давших обширный материал для исследования культуры раннесредневековых тюрков Алтая, стал известный комплекс Кудыргэ. Исследования погребальных и ритуальных объектов в этом пункте проводились экспедицией Этнографического отдела Русского музея в 1924–1925 гг. Отдельным вопросом при обсуждении результатов работ на памятнике стала интерпретация изображений, зафиксированного на валуне из кургана №16 комплекса Кудыргэ. Выгравированная на камне сцена коленопреклонения, подробно описанная и введенная в научный оборот С.И. Руденко и А.Н. Глуховым [1927, с. 51–52, рис. 18], была рассмотрена в серии публикаций [Киселев, 1951, с. 499; Длужневская, 1978; Суразаков, 1994; Мотов, 2001; Азбелев, 2010; и др.].

В 1930-х гг. сбором сведений о наскальных рисунках Алтая занимался П.П. Хороших, наряду с петроглифами различных периодов фиксируя изображения периода раннего средневековья. Отдельные из них упомянуты в обобщающей работе по наскальным изображениям рассматриваемого региона [Хороших, 1947], а также в специальной публикации [Хороших, 1949].

Некоторые вопросы изучения раннесредневековых петроглифов Алтая обозначены в краткой заметке Л.А. Евтюховой [1951, с. 189–190].

Поводом для обращения к данной тематике стали сведения о серии пунктов с наскальными изображениями, введенные в научный оборот А.И. Минорским [1951], обнаружившим «писанные скалы» во время съемок киноочерков. По мнению Л.А. Евтюховой [1951], часть зафиксированных им рисунков относится к VIII–IX вв., о чем свидетельствуют характерные формы изображенных предметов вооружения и конского снаряжения. Открытые А.И. Минорским изображения исследовательница сопоставила с известными петроглифами Минусинской котловины (главным образом с Сулекской писаницей), подчеркнув сходство не только в образах, но и технике нанесения рисунков.

Начиная с 1960-х гг. на территории Алтая проводили исследования несколько отрядов ИИФФ СО АН СССР под общим руководством А.П. Окладникова. По результатам этих работ позднее вышла серия монографий, в альбомах которых приведены и немногочисленные изображения тюркского времени (Окладников и др., 1979, табл. 1.-3, 68.-1, 82.-5, 89.-4; и др.). Фиксация наскальных рисунков осуществлялась в долинах р. Каракол, Катунь, Елангаш, Ак-Кол и др. [Кубарев, Маточкин, 1992, с. 10, 11; Черемисин, 2004а, с. 37].

В августе 1961 г. одним из отрядов под руководством А.И. Мартынова, состоящим из студентов Кемеровского педагогического института, в ходе обследования писаниц на территории Онгудайского района были обнаружены петроглифы различных эпох, среди которых «самую большую группу по датировке составляют писаницы раннетюркского или раннекыргызского времени» [Барыкина, 1962, с. 26]. Вернуться к исследованию наскальных изображений Алтая А.И. Мартынову удалось в 1980-х годах, когда под его руководством петроглифическая группа экспедиции кафедры археологии КемГУ занималась копированием рисунков в долине р. Каракол. Основные работы проводились на комплексе Бичикту-Бом, известном уже в начале XX в. В специальной публикации А.И. Мартынов [1995, с. 178–185] представил анализ сцен охоты эпохи средневековья, обнаруженных на этом памятнике. Результаты работ 1982–1988 годов обобщены в монографии [Мартынов, Елин, Еркинова, 2006], отдельные параграфы которой посвящены рисункам 2-й половины I тыс. н.э. [Мартынов, Елин, Еркинова, 2006, с. 308–316].

Определенный вклад в изучение наскальных изображений Алтая внесла Е.А. Окладникова, в 1970–1980-е гг. работавшая на многих петроглифических комплексах региона. Итоги ее многолетних исследований опубликованы в монографии, а также серии статей [Окладникова, 1975, 1982, 1984; и др.]. В числе наскальных изображений различных хронологических периодов Е.А. Окладниковой зафиксировано большое количество рисунков раннего средневековья. Наиболее показательными из них являются петроглифы Кара-Оюка, Жалгыз-Тобе, Шалкобы и др., многофигурные композиции которых передают сцены охоты или баталлий тюркского времени, а одиночные фигуры представляют воору-

женных всадников или охотников [Окладникова, 1986, рис. 4.-2; 1988, рис. 2-4; 1989, рис. 10.-4; и др.]. Е.А. Окладникова [1988, с. 152-153] отметила, что аналогии раннесредневековым изображениям Алтая имеются в петроглифах Тувы, Минусинской котловины, Монголии, а также зафиксированы при исследовании комплексов, расположенных на более отдаленных территориях.

В 1989 г. петроглифическая группа экспедиции кафедры археологии КемГУ под руководством Е.А. Миклашевич продолжала работать в Центральном Алтае, изучая и копируя наскальные изображения различных хронологических периодов. Раннесредневековые рисунки, демонстрирующие главным образом сцены охоты и вооруженных всадников, а также две рунические надписи зафиксированы в урочище Устю-Айры и на скалах у д. Туэкта [Martynov, Miklashevich, 1995; Миклашевич, 2003, рис. 8; 2006, с. 222-223, рис. 5].

Во 2-й половине 1970-х и в 1980-е гг. объем сведений о петроглифических комплексах Алтая периода раннего средневековья постепенно увеличивается. Открывались и в различной степени вводились в научный оборот новые памятники наскального искусства [Савинов, 1971; Шер, 1980, с. 125-126; Елин, Томилов, 1992; Молодин, 1992; и др.]. Серия изображений, нанесенных на стелы, была зафиксирована в ходе исследования тюркских ритуальных объектов [Елин, Зиняков, 1977, с. 202; Васютин и др., 1987, рис. 1].

Изучение наскальных изображений Алтая различных хронологических периодов являлось одним из приоритетных направлений работы В.Д. Кубарева. Вклад этого исследователя в изучение петроглифических памятников региона трудно переоценить. Обобщение результатов многолетних изысканий в данной области представлено в совместной монографии археолога с Е.П. Маточкиным [1992]. Важной частью книги стал свод наскальных изображений Алтая, среди которых были кратко описаны и местонахождения, на плоскостях которых есть петроглифы раннего средневековья. Начиная с 1984 г. и на протяжении последующих лет В.Д. Кубаревым проводились планомерные исследования на известных комплексах Калбак-Таш-I и II. Среди композиций, скопированных на данном комплексе, часть рисунков, главным образом демонстрирующих сцены охоты и выполненных в технике граффити, относится ко 2-й половине I тыс. н.э. [Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 2-6; Кубарев, 2007, рис. 1.-5; 2011, с. 63, прил. II: 2-5; и др.]. На святилище Калбак-Таш-I открыта также значительная серия тюркских рунических надписей [Кубарев, 2011, с. 392-402]. Отдельным направлением исследований В.Д. Кубарева [2001; 2003, табл. V: 7-10; и др.] стал анализ сюжетов «охоты и войны» в раннесредневековых изображениях Алтая. Несомненной заслугой исследователя является фиксация рисунков на стелах или плитах тюркских оградок, которым он придавал большое значение для решения вопросов атрибуции петроглифов на скалах [Кубарев, 1984, рис. 13-14, табл. XLVII и др.].

Наскальные изображения раннего средневековья активно выявляются и исследуются Чуйским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН под руководством Г.В. Кубарева. Рисунки 2-й половины I тыс. н.э., выполненные главным образом в технике граффити, зафиксированы на памятниках Жалгыз-Тобе, Калбак-Таш-I и II, Кургак, Курмантау, Сырнах-Гозы [Кубарев, 2003, 2004, 2012, 2013]. Кроме того, в урочище Кургак, близ скалы Кызыл-Кабак и на святилище Большой Яломан-III выявлены четыре ранее не известные тюркские рунические надписи [Кубарев Г., Кубарев В., 2001; Кубарев, Кляшторный, 2002; Тугушева, Кляшторный, Кубарев, 2014].

Целенаправленным изучением наскальных изображений Юго-Восточного Алтая в последние десятилетия занимается Д.В. Черемисин. В ходе многолетних работ им выявлено и зафиксировано значительное количество рисунков различных хронологических периодов от энеолита до этнографической современности. Среди них особого внимания заслуживают граффити и выбитые изображения раннего средневековья, исследованные на плоскостях известной горы Жалгыз-Тобе, в урочище Теке-Туру, а также в долине р. Чаган [Черемисин, 2000, 2001, 2002, 2004б, 2011; и др.]. Обобщение выявленных археологом наскальных рисунков тюркского времени представлено в специальной статье [Черемисин, 2004б]. В публикациях последних лет исследователь обратился к актуальной проблеме методики копирования гравированных наскальных изображений различных хронологических периодов, в том числе раннего средневековья [Черемисин, 2011а–б]. В 2013 г. Д.В. Черемисиным совместно с Е.А. Миклашевич и Л.Л. Бове были продолжены работы на памятниках Центрального и Юго-Восточного Алтая, в ходе которых с помощью современных методов фиксации тончайших гравировок удалось осуществить документирование серии рисунков 2-й половины I тыс. н.э. [Черемисин, Миклашевич, Бове, 2013, с. 370, рис. 1].

В последние годы на памятниках Центрального и Юго-Восточного Алтая возобновили работу петроглифические отряды экспедиции кафедры археологии КемГУ под руководством А.И. Мартынова [Мартынов и др., 2013] и Е.А. Миклашевич [Черемисин, Миклашевич, Бове, 2013, с. 370, рис. 1; и др.]. Различный опыт и возможности участников двух отрядов часто демонстрируют противоположные результаты при документировании изображений (в том числе и раннесредневековых) на одних и тех же памятниках. В 2013 и 2014 гг. Е.А. Миклашевич выявлена серия тонких детализированных гравированных рисунков тюркского времени в Онгудайском и Кош-Агачском районах Республики Алтай, к сожалению, большей частью пока неопубликованных [Серегин, Матренин, 2014, фото 43].

Одной из важных тенденций, получивших отражение в работах последних десятилетий, стало привлечение результатов изучения на-

скальных изображений для реконструкции различных аспектов истории и культуры раннесредневековых кочевников Алтая. Одним из примеров подобного исследования являются публикации В.В. Горбунова [1998, 2003, 2006; и др.]. В серии статей и монографиях археолог использовал изображения 2-й половины I тыс. н.э. при анализе комплекса вооружения номадов, конкретизировав ряд аспектов их военного искусства. Сцены охоты, получившие определенное распространение в сюжетах рисунков тюркского времени, стали важным источником для детализации особенностей охотничьей деятельности населения региона в работе В.И. Соенова и Н.А. Константинова [2014]. Раннесредневековые петроглифы Алтая привлечены А.Н. Мухаревой [2007а–б] при анализе изобразительных традиций в культуре кочевников 2-й половины I тыс. н.э.

Таким образом, в области изучения раннесредневековых наскальных изображений Алтая накоплен значительный опыт. Актуальным направлением дальнейшей работы, учитывая значительный объем имеющихся материалов, является подготовка обобщающего исследования, включающего свод известных рисунков, а также опыт решения вопросов культурно-хронологической атрибуции памятников, выделения и интерпретации сюжетных образов и стилистических традиций. Кроме того, большое значение для реконструкции особенностей развития культуры раннесредневековых кочевников будет иметь сопоставление результатов исследования наскальных изображений на Алтае с подобными комплексами на сопредельных территориях.

Библиографический список

- Азбелев П.П. Кудыргинский сюжет. СПб., 2010. 60 с.
- Барыкина Л. Писаницы Алтая // Сборник научных студенческих работ. Кемерово, 1962. Вып. 1. С. 23–32.
- Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в ранний железный век и средневековье. Барнаул, 1998. С. 102–128.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. 174 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.
- Длужневская Г.В. Еще раз о «кудыргинском валуне» (к вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник 1974 г. М., 1978. С. 230–237.
- Евтюхова Л.А. К вопросу о писаницах Алтая // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI. С. 189–190.
- Елин В.Н., Томилов А.М. Граффити Жалгыз-Тобе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 77–78.
- Еркинова Р.М., Кубарев Г.В. Граффити Бичикту-Бомы (Из творческого наследия Г.И. Чорос-Гуркина) // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2004. Вып. 2. С. 88–97.

- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 638 с.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 230 с.
- Кубарев В.Д. Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. №4 (8). С. 95–107.
- Кубарев В.Д. Военные сюжеты и культ оружия в петроглифах Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. №11. С. 23–35.
- Кубарев В.Д. Калбак-Таш-II: памятник наскального искусства Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. Т. XIII. С. 282–287.
- Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск, 2011. 444 с.
- Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992. 124 с.
- Кубарев Г.В. Исследования в Чуйской степи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, ч. I. С. 384–388.
- Кубарев Г.В. Раннесредневековые граффити Чуйской степи // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2004. Вып. 2. С. 75–84.
- Кубарев Г.В. Археологические работы в долине р. Чуи на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2013. Вып. XVIII–XIX. С. 340–345.
- Кубарев Г.В., Кляшторный С.Г. Тюркские рунические эпиграфы из Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. Новосибирск, 2002. Т. 2. С. 78–82.
- Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Руническая надпись из Кургака (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 341–342.
- Мартынов А.И. Средневековые сцены охоты на плитах Бичикту-Бом // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 178–185.
- Мартынов А.И., Базайченко А.В., Дворников Э.П., Мамыева Н.А., Штанов Е.С. Священные горы Каракольской долины (левобережная часть). Кемерово, 2013. 239 с.
- Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М. Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2006. 346 с.
- Миклашевич Е.А. Петроглифы урочища Устю-Айры на Горном Алтае // Археология Южной Сибири. Новосибирск, 2003. С. 84–91.
- Миклашевич Е.А. Рисунки на скалах у деревни Туэкта (Горный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3–4. С. 219–235.
- Миновский А.И. Древние наскальные рисунки Горного Алтая // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI. С. 184–188.
- Молодин В.И. Усть-Канская писаница // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск, 1992. С. 91–93.
- Мотов Ю.А. К изучению идеологии раннесредневекового населения Алтая (по материалам могильника Кудыргэ) // История и археология Семиречья. 2001. Вып. 2. С. 63–86.
- Мухарева А.Н. Раннесредневековая изобразительная традиция в петроглифах Саяно-Алтайского региона и сопредельных территорий // Вестник Но-

новосибирского государственного университета. 2007а. Т. 6. Вып. 3: Археология, этнография. С. 189–198.

Мухарева А.Н. Сюжетные композиции эпохи раннего средневековья в изобразительном искусстве Саяно-Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007б. 23 с.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). Новосибирск, 1979. 136 с.

Окладникова Е.А. Петроглифы Куюса (долина р. Катунь, Алтай) // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 122–129.

Окладникова Е.А. Петроглифы горы Жалгыз-Тепе // Полевые исследования Института этнографии. М., 1982. С. 183–190.

Окладникова Е.А. Петроглифы Средней Катунь. Новосибирск, 1984. 110 с.

Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай // Материальная и духовная культура народов Сибири (Сборник МАЭТ. XLII.). Л., 1988. С. 140–158.

Окладникова Е.А. Петроглифы урочища Шалкобы (Горный Алтай) // Новое в этнографии: Полевые исследования. М., 1989. Вып. 1. С. 130–141.

Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. 1927. Т. III, вып. 2. С. 37–52.

Савинов Д.Г. Археологические памятники в районе хребта Чихачева // Археологические открытия 1971 года. М., 1972. С. 286–287.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Археологические комплексы Алтая II в. до н.э. – XI в. н.э.: история исследований и основные аспекты интерпретации. Барнаул: Азбука, 2014. 230 с.

Соенов В.И., Константинов Н.А. Охотничья деятельность населения Алтая в I тыс. н.э. Горно-Алтайск, 2014. 310 с.

Суразаков А.С. К семантике изображений на кудыргинском валуне // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н.э. Кемерово, 1994. С. 45–55.

Тугушева Л.Ю. Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В. Надпись уйгурским письмом и рунические надписи из местности Уркош (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №4 (60). С. 77–82.

Хороших П.П. Писаницы Алтая (Предварительное сообщение) // КСИИМК. 1947. Вып. XIV. С. 26–34.

Хороших П.П. Изображения на скале Ялбак-Таш // КСИИМК. 1949. Вып. XXV. С. 132–133.

Черемисин Д.В. Исследование петроглифов г. Джалгыз-Тобе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. VI. С. 435–440.

Черемисин Д.В. Исследование наскальных изображений на юге Горного Алтая в 2001 г.: Петроглифы Чаганки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 480–485.

Черемисин Д.В. Петроглифы бассейна р. Чаган: результаты исследований 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Т. VIII. С. 491–496.

Черемисин Д.В. Памятники Алтая (Республика Алтай) // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы, 2004а. С. 37–43.

Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. 2004б. №1(17). С. 40–51.

Черемисин Д.В. Несколько наблюдений над граффити Горного Алтая // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Кемерово, 2011а. С. 146–160. (Труды САИПИ. Вып. 7).

Черемисин Д.В. О копировании граффити Горного Алтая // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово, 2011б. Т. 2. С. 175–178 (Труды САИПИ. Вып. 8).

Черемисин Д.В., Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Документирование наскальных изображений юго-восточного и центрального Алтая в 2013 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2013. Т. XIX. С. 369–373.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. 328 с.

Kubarev V., Jacobson E. Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 3: Sibérie du sud 3: Kalbak-Tash I (République de l'Altai). Mémoires de la Mission Archeologique Française en Asie Centrale, Tome V. 3. DeBoccard: Paris, 1996. 256 p.

Martynov A.I., Miklashevich E.A. The Tuekta petroglyphs in the Gorny Altai // I.N.O.R.A. 1995. №10. P. 15–17.

С.М. Ситников, Л.Л. Гайдученко, Ю.И. Гельмел

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул;

Челябинский государственный университет, Челябинск;

Центр творчества детей и молодежи, Славгород, Россия

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА-5

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект №14-11-22002 «Древние поселения Северной Кулунды
(культурно-хронологический аспект)»)

Работа опубликована при поддержке гранта Министерства
образования и науки РФ (постановление N 220), полученного
ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»
договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири:
формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Поселение Новоильинка-5 расположено в Хабаровском районе Алтайского края, в 2 км к юго-западу от с. Новоильинка, на правом берегу р. Бурла, слева от трассы Новоильинка – Пионер Труда. В начале 1990-х гг. местным жителем с. Новоильинка Ф.Н. Лысаком в юго-восточной части памятника был обнаружен бронзовый нож с выделенной поллой рукоятью (место находки уточнено С.М. Ситниковым в 1999 г.). Полая, овальная в разрезе, рукоять несколько расширяется на конце (рис. 2.-8). Отверстие на торце рукояти (горловина полости) эллипсоидной формы.

Одна из стенок рукояти проработана не полностью. Видимо, некоторые неточности при изготовлении были причиной образования пустот в отливке или слишком тонких стенок, частично разрушившихся впоследствии. Рукоять украшена орнаментом. На одной стороне хорошо прослеживаются сначала девять желобков, идущих от лезвия чуть наискось поперек рукояти параллельно друг другу, затем следует «лесенка» из семи желобков, идущая в том же направлении, и за ней еще один или два поперечных желобка. На другой, поврежденной, стороне орнамент читается хуже. Хорошо заметны девять желобков, идущих от лезвия к концу рукояти. За ними пространство, где орнамент не прослежен, а затем фрагменты еще нескольких, более тонких, желобков, расположенных перпендикулярно оси рукояти [Гельмел, 1995, с. 42].

Вероятнее всего, с этого же памятника происходит бронзовое желобчатое долото с литой втулкой и валиком (рис. 2.-9), переданное в краеведческий музей с. Хабары жителем с. Новоильинка А.И. Бабаевым.

В 1996 г. на территории памятника, с целью уточнения его датировки, был заложен небольшой разведочный раскоп общей площадью около 40 кв. м. Культурный слой неоднороден. В небольшом количестве на поселении (около 20%) зафиксирована андроновская (федоровская) посуда (рис. 1.-1–3, 9). Основная масса керамики относится к саргаринско-алексеевской культуре (рис. 1.-4–7; 2.-1–6). Единично фиксируется станковая керамика (рис. 1.-8; 2.-7). Планиграфически и стратиграфически керамические комплексы не разделяются.

Летом 2014 г. был проведен археозоологический анализ костных останков с памятника сотрудником Челябинского государственного университета, кандидатом геолого-минералогических наук Л.Л. Гайдученко. Общее количество костей 1735. Остеологически определимых – 479 (27,6%), неопределимых – 1257 (72,4%). К домашним животным относятся 448 костных останков (93,9%), диким – 29 (6,1%). В единичном количестве зафиксирована кость человека.

Среди диких животных резко доминируют кости лисы. Второе место занимают останки беркута.

Таблица 1

Количественное и процентное соотношение
диких животных и птиц с поселения Новоильинка 5

	Количество костей		Количество особей	
Волк	1	3,4%	1	7,7%
Барсук	1	3,4%	1	7,7%
Лиса	16	55,2%	8	61,5%
Птица (утка?)	3	10,3%	2	15,4%
Беркут	8	27,7%	1	7,7%
Всего	29	100%	13	100%

Как показывает таблица 2, в видовом составе среди домашних животных доминирует КРС – 51,1% (по количеству костных останков или 40% по количеству особей). Второе место занимает овца – 42,2% (по количеству костных останков или 43,8% по количеству особей). В целом преобладание в составе стада КРС и овцы довольно характерно для поселенческих комплексов периодов средней и поздней бронзы [Гальченко, 1990, с. 59; Гальченко, Кирюшин, 1986; Зданович, 1979; Кузьмина, 1994, с. 201; Макарова, 1970; Макарова, 1974, Могильников, 1995]. Небольшой процент занимают лошадь, коза и собака. Помимо мясных и молочных продуктов, лошадь также использовалась и при пастыбе

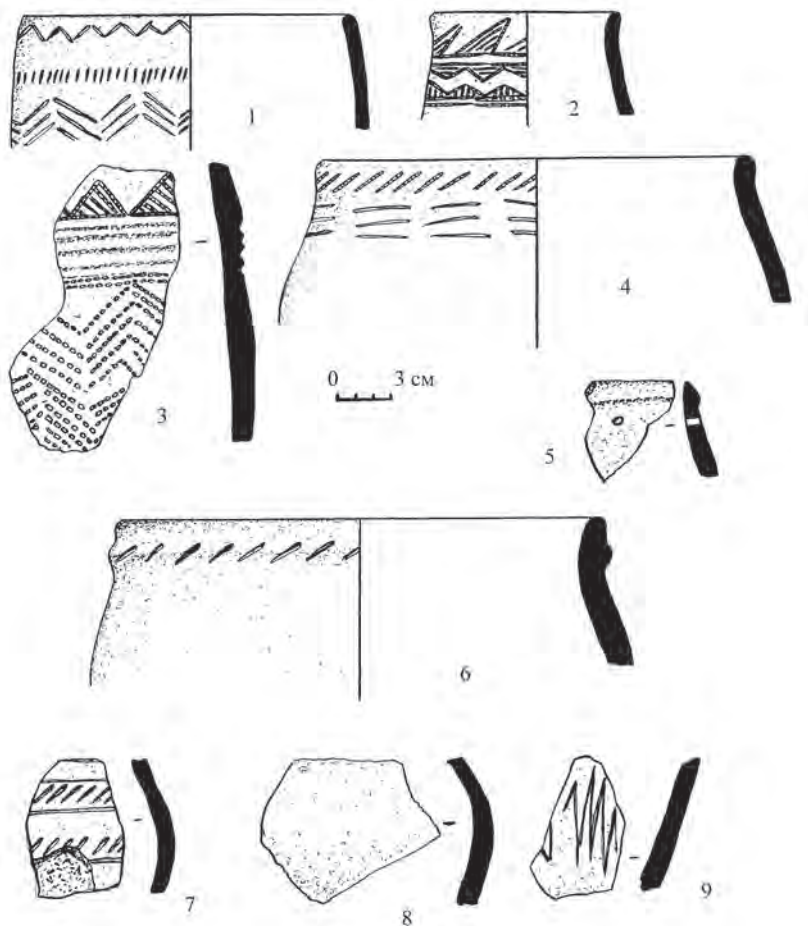

Рис. 1. Керамика с поселения Новоильинка-5

животных. Об использовании лошади в качестве верхового животного свидетельствуют находки псалиев на ряде поселений [Ситников, 2014]. Кроме того, важное значение имела и способность лошади самостоятельно добывать корм в зимнее время (тебеневать).

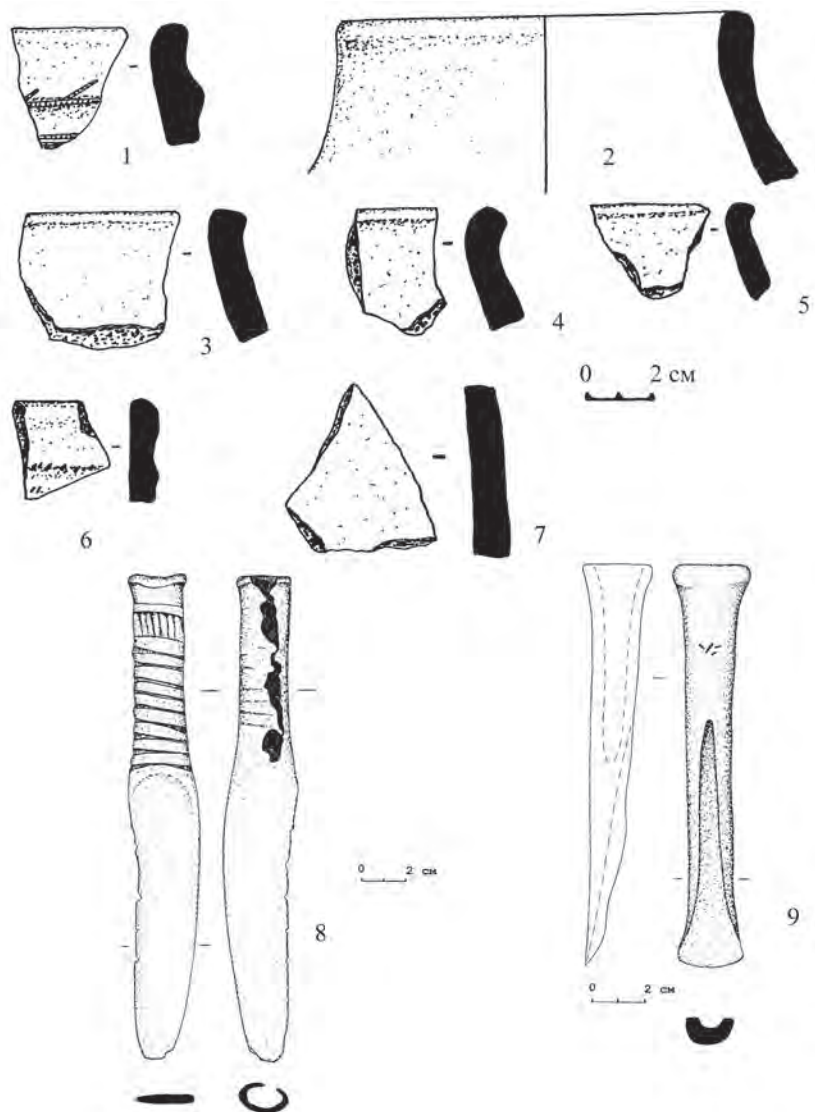

Рис. 2. Инвентарь поселения Новоильинка-5: 1–7 – керамика; 8, 9 – бронза

Таблица 2

Количественное и процентное соотношение
домашних животных с поселения Новоилинка 5

	Количество костей		Количество особей	
Лошадь	25	5,6%	16	12,3%
КРС	229	51,1%	52	40%
Овца	189	42,2%	57	43,8%
Коза	1	0,2%	1	0,8%
Собака	4	0,9%	4	3,1%
Всего	448	100%	130	100%

Библиографический список

Гальченко А.В. Фаунистический анализ остеологического материала из андроновских поселений Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 57–62.

Гальченко А.В., Кирюшин Ю.Ф. К вопросу о типах хозяйства в эпоху поздней бронзы в лесостепном Верхнем Приобье // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 97–100.

Зданович С.Я. Саргаринская культура – заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: автореф. ... канд. ист. наук. М., 1979. 20 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994. 464 с.

Макарова Л.А. Предварительное сообщение о животных эпохи бронзы поселения Чаглинка // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 269–276.

Макарова Л.А. Кости животных из археологических раскопок в Казахстане // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 201–206.

Могильников В.А. Поселение Гилево-1 // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. 5, ч. 2. С. 78–84.

Ситников С.М. Предметы конской упряжи с территории лесостепного Алтая // Маргулановские чтения 2014 г. Алматы; Павлодар, 2014. С. 151–155.

А.А. Тишкин, А.Н. Мухарева, Ч. Мунхбаяр

Алтайский государственный университет, Барнаул;

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия;

Ховдский государственный университет, Ховд, Монголия

МОНИТОРИНГ И ФИКСАЦИЯ «ОЛЕННЫХ» КАМНЕЙ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ ХОВДСКОГО АЙМАКА МОНГОЛИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии (проект №13-21-03003 «Систематизация, анализ и комплексное изучение археологических памятников Монгольского Алтая»)

В июне 2014 г. Буянтская российско-монгольская археологическая экспедиция проводила научные изыскания на северо-западе Ховдского аймака Монголии. Одним из направлений работы стал мониторинг со-

стояния уже известных и фиксация новых «оленных» камней, расположенных на территории Эрдэнэбурэн сомона, недалеко от границы Ховдского и Баян-Ульгийского аймаков (рис. 1.-1). В ходе исследований были составлены описания «оленных» камней, обозначены их координаты и осуществлено картирование памятников, получены микалентные копии и сделаны фотоснимки всех «изваяний» как целиком, так и отдельными фрагментами.

Баян Энгэр. Один из обследованных археологических комплексов, находящийся на левом берегу реки Барун гол, обозначен как Баян Энгэр. Среди разновременных погребальных и ритуальных объектов наиболее известными являются «оленные» камни, находящиеся у дороги А 305, которая идет из г. Баян-Ульгий в г. Ховд. Два из них установлены вертикально на расстоянии менее 6 м друг от друга. Два других полностью не сохранились и представлены обломками. Во время обследований они лежали в нескольких десятках метров от стоящих «оленных» камней. Эти древние «изваяния», а также выполненные на них изображения неоднократно демонстрировались в российских и монгольских изданиях [Дорж, Новгородова, 1975, табл. II, рис. 2; Окладников, 1981, табл. 113.-5; Худяков, 1987, рис. 4.-1, 2; Волков, 2002, с. 49, табл. 32; Батмөнх, 2008, т. 57, 58, зураг 10–13; и др.]. Однако качество приведенных в них фотографий и прорисовок оставляет желать лучшего.

Стоит отметить, что в публикациях, вышедших по результатам работ во 2-й половине XX в. [Дорж, Новгородова, 1975, с. 12; Окладников, 1981, с. 60; Волков, 2002, с. 49], при описании месторасположения памятника Баян Энгэр указан Толбо сомон Баян-Ульгийского аймака, а не Эрдэнэбурэн сомон Ховдского аймака. Такое несоответствие современному административному делению связано с рядом объективных и субъективных причин.

Наиболее подробно из отечественных исследователей указанные «оленные» камни представил В.В. Волков [2002, с. 49, табл. 32]. В его монографии написано, что «...на западной окраине небольшого поселка третьей бригады стояли в ряд, вытянувшись цепочкой с севера на юг, пять оленных камней. Из них целиком сохранилось лишь два. Остальные разбиты и их обломки лежат здесь же рядом». К сожалению, в ходе работ 2014 г. были обнаружены свидетельства лишь о четырех «оленных» камнях. Возможно, что к настоящему времени фрагменты пятого «изваяния» либо оказались засыпаны и задернованы, либо использованы местными жителями в хозяйственных целях. В книге В.В. Волкова [2002, с. 49] приведены прорисовки только стоящих «оленных» камней. В описании исследователь отметил, что «...рисунок сохранился только в верхней части и на узких сторонах... На лицевых (узких) гранях, обращенных к востоку, в самом верху, – по три параллельные линии. Ниже располагается ожерелье из ряда овальных углублений, опоясывающее стелы. Кроме того, на тех же узких сторонах имеются схематические

Рис. 1. «Оленные» камни Эрдэнэбүрэн сомона: 1 – карта местонахождений «оленных» камней; 2– Баян Энгэр, «оленный» камень №1 (лицевая, левая и правая грани, фрагмент микалентной копии изображений на лицевой грани); 3 – Баян Энгэр, «оленный» камень №2 (лицевая и правая грани, фрагмент лицевой грани с изображениями козлов и кинжала)

фигурки козлов, лошадей и еще каких-то животных. По цвету они значительно светлее остальных рисунков и, по всей вероятности, выбиты на оленных камня в более позднее время. На широких плоскостях выбиты серьги-кольца». Плохую сохранность изображений ученый объяснил особенностью материала, из которого стелы изготовлены («...очень рыхлый и легко отслаивается»).

В отличие от «оленных» камней из гранитоидных пород, для создания «изваяний» Баян Энгэра использовались сланцевые породы, поэтому они имеют множество острых граней и довольно грубо обработаны. Самый крупный «оленный» камень получил первый номер* (его географические координаты такие: N – 48°23.194'; E – 090°49.298'; высота над уровнем моря – 2023 м). По передней грани высота стелы достигает 298 см (без учета закопанной части), ширина – 64 см, толщина – до 22 см (у основания ширина – 78 см, толщина – 9 см). У В.В. Волкова [2002, табл. 32.-2] приведены прорисовки лишь двух граней этого «оленного» камня, тогда как изображения фиксируются на всех четырех (рис. 1.-2). Из реалий хорошо прослеживаются выбитые на поверхности камня три полосы, «диадема», «серьга» (на одной стороне), «ожерелье» и дисковидный предмет (диаметром около 8 см). Характерные полосы, расположенные в верхней части лицевой грани, имеют следующую длину (сверху вниз): 11,5 см, 11,5 см и 11,3 см. Ширина выбитой полосы, обозначенной В.В. Волковым «диадемой», – 11,5 см. В виде двух линий продемонстрирован пояс, ширина которого оказалась около 7,6 см. Кроме того, на лицевой грани «оленного» камня изображена вереница животных, также выполненных в технике выбивки, но менее глубокой. Они явно сделаны позже, чем перечисленные выше реалии. Не все рисунки имеют хорошую сохранность. Часть их пострадала в ходе природного и антропогенного воздействия (в некоторых местах на камне видны следы синей краски).

Прорисовка фрагмента верхней части лицевой грани рассматриваемого «оленного» камня опубликована Э.А. Новгородовой [Дорж, Новгородова, 1975, табл. II, рис. 2], а также А.П. Окладниковым [1981, табл. 113.-5], в работе которого она представлена в перевернутом виде. К сожалению, тогдашняя методика копирования изображений, их камеральная обработка, а также полиграфическое качество изданий сделали эту композицию слабо узнаваемой.

Еще один «оленный» камень, получивший номер «2» (координаты: N – 48°23.193'; E – 090°49.297'; высота над уровнем моря – 2018 м), имеет изображения на трех его гранях (рис. 1.-3), что было зафиксировано В.В. Волковым [2002, табл. 32.-1]. Из реалий хорошо прослеживаются выбитые на поверхности камня «ожерелье», три полосы и кинжал.

* В ходе работы рядом с этим изваянием С.П. Грушиным были найдены два металлических предмета (наконечник стрелы и пряжка), скопление алычковых и несколько фрагментов керамики без орнамента.

Кроме того, на лицевой стороне «оленного» камня просматриваются животные, выполненные в технике поверхностной выбивки. Фигуры выглядят светлее скальной поверхности. Вероятно, петроглифы нанесены позднее и неоднократно подновлялись. Сохранность изображений на всех гранях «оленного» камня – неудовлетворительная, имеются следы природного и антропогенного (следы синей краски) воздействия.

Один из обломков следующего «оленного» камня (№3) был зафиксирован в примерно в 22 м к северу–северо-западу от стоящих изваяний (координаты: N – 48°23.207'; E – 090°49.292'; высота над уровнем моря – 2016 м). Выбивка сохранилась на двух его гранях: на лицевой фиксируются три полосы и линия «ожерелья», а на боковой – кольцо-«серьга» и ряд продолжающихся лунок, образующих «ожерелье» (рис. 2.-1). Выбоины довольно глубокие и частые, форма их не прослеживается. Поверхность «оленного» камня с рисунками – неровная, изображения сильно патинированы и сохранились не полностью, из-за чего плохо видны на фоне скальной поверхности.

Примерно в 45 м северо-восточнее от стоящих «оленных» камней лежит обломок еще одного «оленного» камня – №4 (координаты: N – 48°23.213'; E – 090°48.321'; высота над уровнем моря – 2018 м). Изображения выявлены только на одной из его граней: фигура животного (лошади?) и четыре кольца примерно одинакового размера, выполненные в технике выбивки (рис. 2.-2). Одно из колец («серьга») расположено несколько выше трех других, вероятно, передающих «ожерелье». Выбоины довольно глубокие и частые, форма их не прослеживается. Как и в предыдущем случае, поверхность «оленного» камня с рисунками – неровная, изображения сильно патинированы и сохранились не полностью.

Обследование «оленных» камней комплекса Баян Энгэр выявило удручающее состояние памятника. Причинами этого являются как природные, так и антропогенные факторы, негативно повлиявшие на сохранность объектов. Схематичные копии, полученные в результате предыдущих исследований, не дают полного представления о том, что было изображено на «изваяниях». В связи данным обстоятельством, остается актуальным создание полной документации для каждого из «оленных» камней и транспортировка сохранившихся обломков в Ховдский музей.

Хох Богоч. Поблизости от комплекса Баян Энгэр, в местности Хох Богоч, у кургана, расположенного недалеко от дороги А 305 (к юго-востоку от нее), находится «оленный» камень с обломанным основанием. Его обнаружили и показали Ч. Мунхбаяру местные жители. Насколько нам известно, ранее в научной литературе это древнее «изваяние» представлено не было.

Диаметр кургана, у юго-восточной полы курганной насыпи которого находится «оленный» камень, составляет около 8 м, высота – до 0,5 м. Географические координаты, зафиксированные (как и все предыдущие)

Рис. 2. «Оленные» камни Эрдэнэбурэн сомона: 1 – Баян Энгэр, часть «оленного» камня №3 (микалентная копия); 2 – Баян Энгэр, фрагмент «оленного» камня №4 (микалентная копия); 3 – Хох Богоч (правая, лицевая и левая грани «оленного» камня; микалентная копия); 4 – Хаг, правая и левая грани «оленного» камня, окружность в верхней части камня, имитирующая головной убор (фрагмент микалентной копии)

с помощью GPS-приемника, такие: N – 48° 23.887', E – 90° 50.224' (± 4 м). Высота над уровнем моря, полученная тем же прибором, – 2001 м. Поскольку камень сделан из крупнозернистого светлого гранита, он хорошо выделяется на фоне темного плитняка, использованного для сооружения кургана. Размеры сохранившейся части «оленного» камня составляют следующие показатели: длина – 97 см, ширина – до 37 см, толщина – до 25 см (параметры по слою – 25х23 см). В верхней части объекта имеются изображения двух сережек (правая – диаметром около 12 см, ширина выбитого кольца – до 2 см; левая – диаметром 13 см). На лицевой грани, в центральной ее части, под двумя косыми линиями (длина каждой составляет примерно 10 см) фиксируется крупная округлая лунка диаметром до 7 см. Под «ожерельем» просматривается кинжал с грибовидным навершием и перекрестием. Он изображен наклонно (рис. 2.-3).

Хаг. Еще один (весьма своеобразный) «оленный» камень находится немного в стороне от долины р. Хонго-Гол, южнее оз. Салхитын-Хаг (рис. 1.-1), на краю херексура (рис. 2.-4). Координаты места, где лежит «изваяние», такие: N – 48°25.951'; E – 091°05.278' (± 3 м). Высота над уровнем моря – 1670 м. Для осмотра, копирования и фотофиксации «оленный» камень был поднят, а по окончании работ положен на первоначальное место. Его размеры следующие: длина – 1,3 м, ширина – 0,47 м, толщина – 0,33 м. В верхней части выбита окружность (31х29,5 см), частично переходящая на лицевую грань и, вероятнее всего, имитирующая головной убор (ширина выбитой линии – 1–1,5 см). На боковых гранях имеются кольца-«серьги». На левой стороне – серьга круглая, ее размеры 19х19 см (линия выбивки шириной 2–2,2 см). Под ней слабо просматривается изображение, скорее всего, горита. На правой грани серьга также округлая, но значительно меньше (размеры 8,5х8 см). Ниже ее нанесено изображение чекана, рукоять которого составляет 12 см, а боек – 6 см. Все реалии выполнены в технике выбивки с последующей шлифовкой. Насколько нам известно, ранее в научной литературе этот «оленный» камень в полном виде также не был представлен.

Таким образом, проведенные обследования на территории Эрдэнэбузэн сомона Ховдского аймака позволили выявить новые объекты. Изучение их еще раз продемонстрировало необходимость тщательного документирования памятников с «оленными» камнями.

Библиографический список

- Батмөнх Б. Монгол алтайн нурууны төв хэсгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар, 2008. 141 т.
- Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002. 248 с.
- Дорж Д., Новгородова Э.А. Петроглифы Монголии. Улан-Батор, 1975. Ч. 1. 275 с.
- Окладников А.П. Петроглифы Монголии. Л., 1981. 228 с.
- Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 136–162.

А.С. Федорук^{1,2}, И.Ю. Слюсаренко³, Я.В. Фролов^{1,2}, Д.В. Папин¹

¹ *Алтайский государственный университет;*

² *НПЦ «Наследие», Барнаул;*

³ *Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия*

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ БРОНЗОВЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление N220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Ежегодно на территории края в результате природных и антропогенных факторов разрушаются десятки объектов археологического наследия. Отдельные предметы, происходящие из поврежденных комплексов, все же пополняют музейные фонды и попадают в руки исследователей. Даже в отрыве от основного комплекса памятника, утратив часть чрезвычайно важной для науки информации, они продолжают оставаться важным источником для понимания исторического прошлого региона.

В данной работе представлены три случайные находки бронзовых изделий с территории западных районов Алтайского края.

Долото №1 (рис. 1.-1). Обнаружено на поверхности пашни Я.В. Фроловым в 2010 г. при проведении мониторинга поселения периода поздней бронзы Песьянов Мыс в Рубцовском районе Алтайского края РФ. Сохранилось полностью. Длина изделия – 130 мм, ширина по краю втулки – 23 мм, ширина рабочей части лезвия – 20 мм. Предмет относится к типу цельнолитых втульчатых желобчатых изделий. Край втулки ровный, без валикообразного утолщения. В области втулки долото имеет округлое сечение, в зоне рабочего края лезвия – полукруглое.

Наиболее близкими аналогиями являются изделия, найденные на поселении Фирсово-18 [Федорук, Шамшин, Папин, 2008, рис. 13.-5], поселении Большой Лог-I [Кирюшин, Лузин, 1990, с. 53], поселении Крестьянское-2 [Иванов, Исаев, 2005, рис. 2.-1], из Омского клада, [Аванесова, 1991, рис. 37А.-16] и др. [Папин, Федорук, 2009, рис. 84–85]. Определяя хронологическую позицию данных орудий труда, Н.А. Аванесова [1991], на наш взгляд, справедливо считая этот подтип (III/1 – литые гладковтульчатые желобчатые долота) промежуточным этапом между долотами со свернутой втулкой и изделиями с литой втулкой усиленной валикообразным утолщением по краю втулки, соотносит их с федоровским временем. При этом долота с валиковым утолщением на втулке датируются ею XIII (XII) – IX вв. до н.э. [Аванесова, 1991, с. 35]. Довольно близкое изделие происходит с поселения Камышное [Аванесова, 1991, с. 34, рис. 37.-А:6; Потемкина, 1985, рис. 55.-4] Т.М. Потемкина [1985, с. 144] датирует его более широко – XII–VIII вв. до н.э. Долото с поселения Большой Лог-I, обнаруженное в слое с

валиковой керамикой, перекрывающей андроновскую, Ю.Ф. Кирюшиным и С.Ю. Лузиным [1990, с. 53] датируется XIII–XII вв. до н.э. Долото, обнаруженное на поселении Фирсово-18, датировано концом II тыс. до н.э. – рубеж II–I тыс. до н.э., т.е. XII–X вв. до н.э. [Шамшин, 2000, с. 129]. Таким образом, вероятно, дата бытования такого типа изделий – последние века II тыс. до н.э.

Долото №2 (рис. 1.-2). Найдено Иваном Юрьевичем Окатенко в 2007 г. при распашке целины в 7 км к юго-западу от с. Северка Ключевского района Алтайского края. Находчиком отмечается, что в месте обнаружения изделия присутствовали другие находки, в частности кости (животных?),

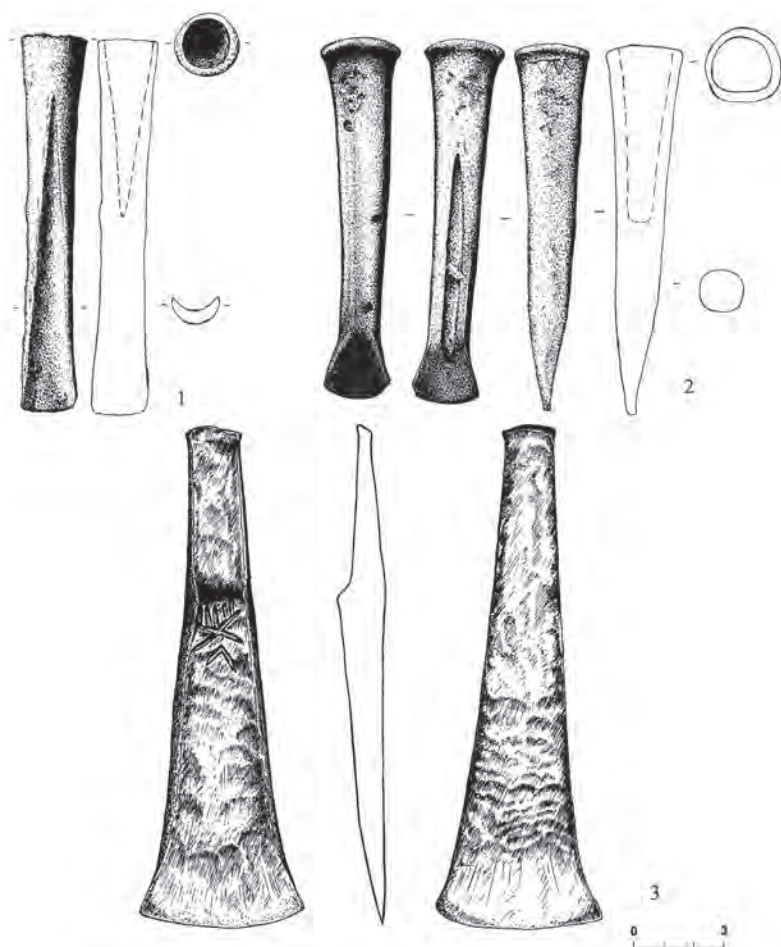

Рис. 1. Бронзовые изделия из Рубцовского и Ключевского районов Алтайского края

что указывает на наличие неизвестного нам ныне археологического комплекса. Относится к типу литых втульчатых желобчатых долот. Длина – 121 мм, ширина в области устья втулки – 27 мм, ширина рабочей части – 22 мм. Имеет намечающееся утолщение-валик по устью втулки и плоскую поверхность рабочей части. С одного бока на устье втулки присутствует орнамент из насечек, образующих три свисающих равнобедренных треугольника. По классификации Н.А. Аванесовой [1991, с. 34] относится к под-типу П2 – литые втульчатые желобчатые долота с валиковым утолщением в верхней части втулки и датируется XIII–IX вв. до н.э. Аналогии данному изделию достаточно широко известны в материалах периода поздней бронзы Казахстана и сопредельных территорий. В частности, подобное изделие, отличающееся только С-видной формой лезвия происходит с поселения Новоникольское-I [Аванесова, 1991, рис. 37А.-12].

Представленные выше изделия отражают последовательные этапы эволюции форм долот, существовавших в период поздней бронзы на обширной территории степного и лесостепного региона юга Западной Сибири и Казахстана: от изделий с гладкой втулкой к изделиям с валиком-утолщением по краю втулки.

Тесло (рис. 1.-3). По данным местного краеведа Бориса Павловича Гукова, изделие найдено жителем райцентра Ключи Владимиром Михайловичем Масичем в 2003 г. в 3 км к юго-востоку от с. Северка Ключевского района Алтайского края РФ во время копки песка для строительных работ. В августе 2012 г. передано в музей Института археологии и этнографии СО РАН. Длина тесла – 167 мм, длина лезвийной части – 110 мм, ширина лезвия – 52 мм, ширина в месте уступа – 24 мм, ширина обушка – 17 мм, толщина по уступу – 14 мм, толщина обушка – 4 мм. Отчетливо видны следы расковки лезвийной части изделия. Уникальной особенностью изделия является присутствие на нем (в верхней части лезвия, у края уступа) тамги состоящей из «горки», косога креста с примыкающими к нему сверху пятью вертикальными линиями. Относится к распространенному в период поздней бронзы типу тесел с уступом (по Н.А. Аванесовой [1991, с. 33] тип II). Аналогии теслу из с. Северка обнаруживаются на широкой территории, включающей степной и лесостепной юг Западной Сибири, Казахстан, Среднюю Азию, и датируются XII–IX вв. до н.э. [Аванесова, 1991, с. 33, рис. 36.-11–17, 21–22; 37.-18].

Обращает на себя внимание многочисленность случайных находок периода поздней бронзы, происходящих из Ключевского района (ранее были опубликованы бронзовый топор и наконечник стрелы [Папин, Федорук, Шамшин, 2006, рис. 1.-7, 5]). При этом практически все известные на территории района памятники – курганные могильники периода раннего железного века и средневековья [Шамшин, 2002]. Объектов поздней бронзы в районе до сегодняшнего дня не зафиксировано. Сам факт обнаружения в одном микрорайоне (к юго-западу от с. Северка) двух качественных изделий периода поздней бронзы, позволяет предпо-

ложить наличие в указанном месте крупного объекта рубежа II–I тыс. до н.э. Очевидно необходимо целенаправленное археологическое обследование данного микрорайона, которое, вероятно, поможет выявить разрушаемый объект и сделать его достоянием науки.

Библиографический список

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям) Ташкент, 1991. 200 с.

Иванов Г.Е., Исаев Н.Н. Новые данные о некоторых памятниках эпохи бронзы в верховьях р. Барнаулки (по результатам работ 2003–2004 гг.) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2004 г. Барнаул, 2005. С. 117–121.

Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Поселение Большой Лог 1 – новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 42–56.

Папин Д.В., Федорук А.С. Поздний период бронзового века и переходное время от бронзового века к раннему железному // Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. 160 с.

Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Находки бронзовых предметов с территории Кулундинской степи // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 83–97.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобья. М., 1985. 376 с.

Федорук А.С., Шамшин А.Б., Папин Д.В. Предварительные итоги исследования поселения Фирсово-XVIII // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008. С. 125–143.

Шамшин А.Б. Некоторые актуальные проблемы изучения ирменской культуры (по материалам Барнаульского Приобья) // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2000. С. 129–130.

Шамшин А.Б. Из древнего прошлого Ключевского района // Ключевский район: история и современность. Барнаул, 2002. С. 34–40.

А.С. Федорук, Я.В. Фролов

*Алтайский государственный университет;
НПЦ «Наследие», Барнаул, Россия*

НОВЫЕ НАХОДКИ БРОНЗОВЫХ ПРЕДМЕТОВ НА ПОСЕЛЕНИИ ФИРСОВО-18

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление N 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В последние годы, в связи с активным строительством коттеджных поселков в окрестностях г. Барнаула, существенно активизировалась застройка наиболее близких к городу территорий правого берега Оби.

Одним из эпицентров бурного строительства жилых поселков и соответствующей инфраструктуры стали окрестности сел Санниково и Фирсово Первомайского района Алтайского края. Это привело к существенному учащению случаев причинения вреда памятникам Фирсовского археологического микрорайона. Наиболее сложная ситуация возникла на объектах «Фирсово-1, грунтовый могильник», «Фирсово-3, поселение», значительная часть которых уже уничтожена при прокладке ЛЭП. Практически ежегодно фиксируются случаи причинения вреда ключевым памятникам микрорайона – грунтовому могильнику Фирсово-14 и поселению Фирсово-18. На территории этих памятников выбирали плодородный грунт, видимо, для использования в качестве подсыпки на различных земельных участках. Особенно интенсивно, подобные разрушения, производились начиная с 2007 г. С мая по июнь 2007 г. на площади поселения Фирсово-18 было сделано несколько крупных выемок, работали бульдозер, экскаватор. В результате регулярного мониторинга сотрудниками Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» территории памятников в 2007–2008 гг., в октябре 2007 г. удалось застать на месте разрушения памятника людей, вывозивших грунт. Выяснилось что незаконные работы на территории памятника, проводила организация ГУП «Обской мост». Участковым в с. Санниково было возбуждено дело об административном правонарушении. На этом хозяйственная деятельность на памятнике не прекратилась. Только в 2008 г. были зафиксированы четыре случая подобных разрушений. И снова на месте разрушений сотрудниками НПЦ установлены незаконные земляные работы. На этот раз вывоз грунта осуществляли «Новоалтайские тепловые сети». На протяжении 2009–2011 гг. серьезных разрушений на памятниках Фирсовского микрорайона зафиксировано не было. Но территория памятников Фирсово-14 и Фирсово-18 стала использоваться под незаконную свалку мусора. Новые разрушения археологических памятников произошли в 2012 г. В ходе модернизации линии электропередач был почти полностью уничтожен памятник «Фирсово-3, поселение» и поврежден участок территории памятника «Фирсово-1, грунтовый могильник». Прокуратура Первомайского района возбудила дело против организации, разрушившей памятники. В 2012–2014 гг. длилось судебное разбирательство, в результате которого организация, вследствие деятельности которой культурный слой памятников был частично поврежден, компенсировала затраты на проведение раскопок аварийных участков на этих объектах. В 2014 г. вновь возобновились работы по забору грунта уже на другом памятнике – «Фирсово-14, грунтовый могильник». Совместная работа сотрудников прокуратуры г. Новоалтайска, НПЦ «Наследие» и управления Алтайского края по культуре и архивному делу позволила остановить незаконные работы на этом памятнике. В 2014 г. собственник земельных участков, на которых располагаются памятники Фирсово-14 и Фирсово-18, установил информационные зна-

ки на этих объектах. Это, на наш взгляд приостановит систематические разрушения памятников, так как отсутствие информационных знаков на памятниках послужило основанием в отказе в возбуждении уголовных дел при разрушениях памятников в 2007–2008 гг.

Культурный слой памятников Фирсовского микрорайона разрушается также в ходе эксплуатации полевых автодорог, проходящих по их территории, по которым существенно интенсифицировалось движение автотранспорта. О разрушениях свидетельствуют многочисленные находки артефактов в колеях дорог.

В ходе мониторинга территорий памятников Фирсовского микрорайона в местах разрушений культурного слоя поселения Фирсово-18, авторами статьи в 2007 и 2008 гг. был сделан ряд находок. В апреле 2007 г. в колее автодороги обнаружен бронзовый нож (№1), состоящий из двух фрагментов (рис. 1.-10). В отвалах землеройной техники в 2008 г. собрана многочисленная коллекция фрагментов керамики и найден еще один бронзовый нож (№2) (рис. 1.-11).

Нож №1 состоит из двух фрагментов. Это пластинчатый бронзовый прямообушковый нож с рукоятью, слабо выраженной небольшим уступом. Длина сохранившейся части изделия – 130 мм, ширина рукояти – 18–19 мм, лезвийной части – 20–21 мм. Нож отлит в односторонней форме, клинковая часть дополнительно прокована. Верхняя часть рукояти отсутствует (рис. 1.-10).

Нож №2 (рис. 1.-11) также имеет неполную сохранность, но отсутствует часть клинка. Это бронзовый однолезвийный вогнутообушковый нож с рукоятью, слабо выраженной небольшим уступом. Длина фрагмента – 118 мм, ширина рукояти 15–18 мм, ширина клинковой части – 22–24 мм. Нож отлит в односторонней форме, лезвийная часть дополнительно прокована. Верхний край рукояти имеет навершие – расширение подовальной формы, образованное дополнительной расковкой края (ширина навершия – 20 мм, высота – 12 мм). Интересно, что после слома изделие продолжало использоваться, о чем свидетельствует заточка лезвийной части на изломе.

Аналогии обнаруженным ножам хорошо известны в материалах позднего бронзового века и переходного времени от бронзы к раннему железу региона и сопредельных территорий. Наибольший интерес представляет нож №2. Изделия такого типа на памятнике уже обнаруживались [Федорук, Шамшин, Папин, 2008, рис. 13.-1, 2; Папин, Федорук, 2009, рис. 84]. Широкий круг аналогий представленному ножу укладывается в ареал распространения памятников ирменской культуры Приобья [Грязнов, 1956, табл. 18.-28; Членова, 1994, рис. 1.-4, 9, 5.-2; Матющенко, 2006, рис. 25.-3; Матвеев, 1993, табл. 25.-4; Шамшин, 2006, рис. 2.-3; Ковалевский, 2006, рис. 2] и датируется VIII–VII вв. до н.э. [Членова, 1994, с. 71].

Керамика из сборов представлена одним развалом ирменского горшочка (рис. 1.-1) и серией фрагментов сосудов развитой и поздней

бронзы (рис. 1.-5-9), а также фрагментами от сосудов раннего железного века (рис. 1.-2-4). Последние типичны для комплекса керамики демонстрирующего смешение староалейских и каменных традиций в орнаментации.

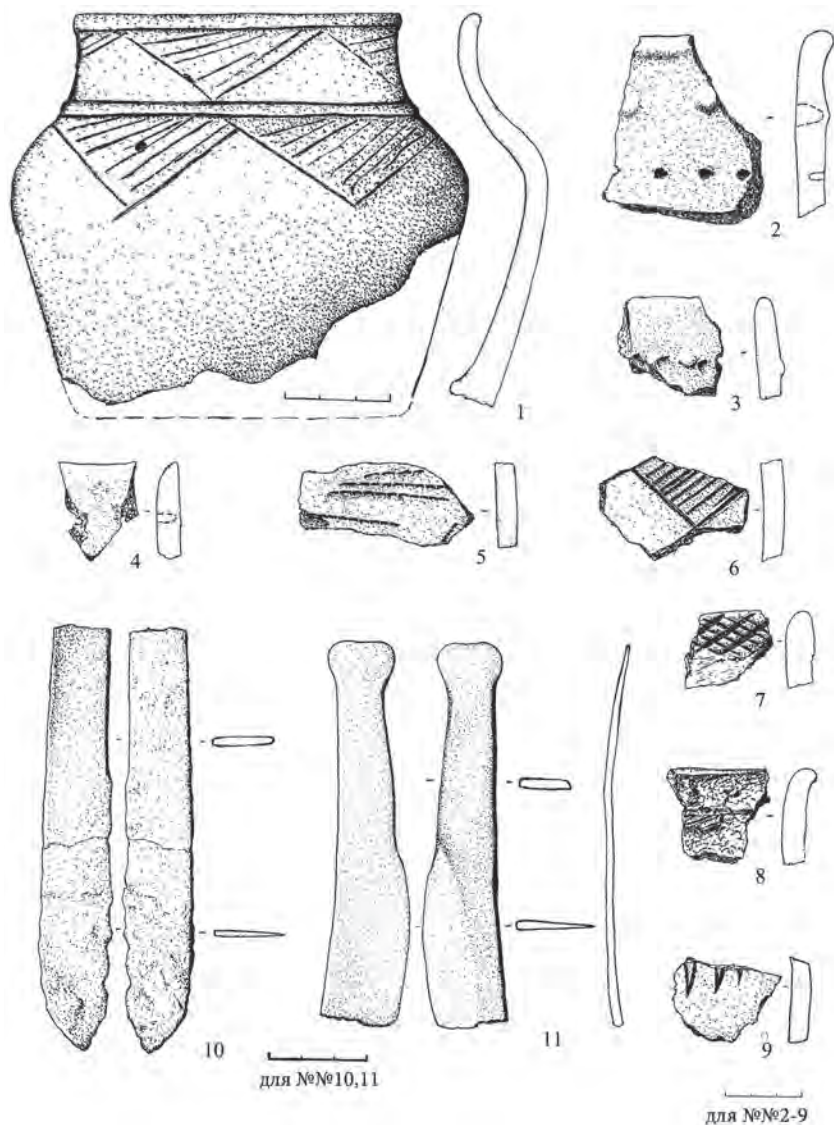

Рис. 1. Сборы с поселения Фирсово-18

Библиографический список

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка. М.; Л., 1956. 256 с. (МИА, №48).

Ковалевский С.А. Ирменские бронзовые ножи из погребальных комплексов Кузнецкой котловины // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 54–64.

Матвеев А.В. Ирменская культуры в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. 182 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть третья. Еловский II могильник. Комплексы Ирмени и раннего железного века. Омск, 2006. 120 с.

Папин Д.В., Федорук А.С. Поздний период бронзового века и переходное время от бронзового века к раннему железному // Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. 160 с.

Федорук А.С., Шамшин А.Б., Папин Д.В. Предварительные итоги исследования поселения Фирсово-XVIII // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008. С. 125–143.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. 170 с.

Шамшин А.Б. Поселение Казенная Заимка в г. Барнауле и проблема взаимодействия ирменской и корчажкинской культур в Барнаульском Приобье // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2006. Вып. 2. С. 88–99.

Е.Г. Шалахов

*Государственное бюджетное учреждение культуры
Республики Марий Эл «Замок Шереметева», Юрино, Россия*

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ НЕКОТОРЫХ ПЕТРОГЛИФОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И МОНГОЛИИ С КУЛЬТУРОЙ ВОИНСКОЙ ЭЛИТЫ ПОЗДНЕБРОНЗОВОЙ ЭПОХИ

В недавних публикациях Д.Г. Савинова [2013, 2014], посвященных сейминско-турбинской проблематике, исследователем рассмотрена целая серия весьма любопытных наскальных рисунков, открытых в разные годы в Монголии, Туве и в южных районах Горного Алтая [Савинов, 2013, с. 10–11, рис. 1.-1–9].

Вполне обоснованно выдвигая гипотезу о сейминско-турбинской принадлежности части южносибирских петроглифов эпохи бронзы, Д.Г. Савинов [2014, с. 95] пишет: «Не меньший интерес вызывают некоторые антропоморфные изображения, представляющие стоящие мужские фигуры, иногда парные, вооруженные длинными копьями с наконечниками копий типа сейминских. В одном случае (Цаган-Гол) ниже на той же плоскости показаны фигурки лошадей, выполненные

в характерном сейминско-турбинском стиле». Далее Д.Г. Савинов обращает внимание на оригинальную манеру изображения цаган-гольских воителей бронзового века, которые предстают перед нами в длинных туго подпоясанных «кафтанах», как нам кажется, унифицированных кожаных доспехах. Необычны и головные уборы копьеносцев Цаган-Гола: «головные уборы – шляпы с округлым верхом, украшенные перьями» [Савинов, 2013, с. 10–11, рис. 1.-1].

Антропоморфы с писаниц в долине Чуи также вооружены копьями, на древках которых закреплены округлые и продолговатые предметы [Савинов, 2013, с. 11, рис. 1.-2], отдаленно напоминающие знаменитые в более позднее время символы власти – бунчуки.

Кроме того, в работах Д.Г. Савинова описаны и петроглифы, которые на первый взгляд не ассоциируются с образами древних копейщиков эпохи палеометалла. Речь идет о наскальных рисунках в Монголии с почти одинаковым изображением персонажей – мужчин в характерной, как считает Д.Г. Савинов, позе, где «одна рука опущена вниз, другая поднята вверх» [Савинов, 2013, с. 11, рис. 1.-4–6; Савинов, 2014, с. 95]. Поза «победителя», по мнению Д.Г. Савинова [2013, с. 10], отражает «определенную мифологию (или эпический образ)». От себя замечу, что интерпретация «жестикулирующих» воинов как эпических персонажей не лишена смысла, ведь время миграций сейминско-турбинских группировок в Северной Евразии – это «эпоха героев и оловянных бронз» [Шалахов, 2015, с. 149].

Упомянутые выше петроглифические памятники Южной Сибири и Монголии, по нашему мнению, могут иметь непосредственную связь с культурой воинской элиты позднебронзовой эпохи на Евразийском континенте. Очевидно, что атрибуты этой культуры, отлитые в бронзе и запечатленные на скалах, были консолидирующим сакральным инвентарем в начале формирования сейминско-турбинского комплекса.

Продолжение этого уникального явления мы видим в Европейской зоне распространения погребальных памятников типа Сейма-Турбино.

Самый яркий пример социальнозначимого захоронения с наконечником копья сейминского типа [Бадер, 1970, с. 100; Черных, Кузьминых, 1989, с. 83, рис. 42.-2], как на цаган-гольских петроглифах, – воинское погребение 10 Усть-Ветлужского (Юринского) могильника, изученное Марийской археологической экспедицией (Б.С. Соловьев) в 2004 г. на верхней площадке памятника [Соловьев, 2005, с. 108; Соловьев, Шалахов, 2006, с. 168].

Соловьев Б.С. [2005, с. 108–109] так описывает устройство могильной ямы: «В раскопе 2 2004 г. на фоне светло-желтого песка (22 см от современной поверхности) выявлено серое прямоугольное заполнение (240х96 см, толщина 21 см), вытянутое по линии юго-запад – северо-восток. Параллельно короткой северо-восточной стенке на глубине 22 см наклонно лежал кельт лезвием на северо-запад; вдоль

юго-западного края (23–33 см) – наконечник копья, направленный острием вниз под небольшим углом. Под наконечником зафиксированы темные органические включения толщиной до 1 см. В центре, на дне (43–46 см) в гумусном пятне найден бронзовый нож острием на юго-запад. Юго-западную половину могилы перекрывала проявившаяся под дерново-подзолистым покровом округлая линза охры. Ниже она приобрела вытянутые очертания (153х51 см). Охристое пятно, скорее всего, связано с погребением... Костяк не обнаружен».

Среди других захоронений Усть-Ветлуги кенотаф представителя воинской элиты бронзового века выделяется своим металлическим инвентарем.

Нож имеет листовидный клинок, снабжен коротким подпрямоугольным вальцованным по краям черенком и слабовыраженной комбинацией перекрестья и перехвата (рис. 1.-1). Оружие для ближнего боя имеет широкие аналогии в позднеабашевских, покровских и раннесрубных древностях [Соловьев, Шалахов, 2006, с. 169–170].

Уникальной находкой является литой топор-кельт с овальной втулкой и расширенной рубящей частью (рис. 1.-2). Втулку кельта опоясывает характерная для декора сейминско-турбинского оружия рельефная «лесенка». От нее вниз по одной из фасок кельта идет цепочка заштрихованных ромбов, завершающаяся треугольником – тоже со штриховкой внутри фигуры. Кроме того, орнаментом из штрихованных треугольников украшены края фаски, примыкающие к ребрам жесткости кельта. Полных аналогов этой находке нет. Этот факт признает С.В. Кузьминых [2011, с. 242].

Наиболее ценным предметом (в определении социального статуса погребенного) является литой наконечник копья с пером листовидной формы, ромбическим стержнем, треугольным боковым ушком и «манжетовидным» завершением округлой втулки (рис. 1.-3). Подобные типы наконечников – с ушками, очевидно, играли особенную роль у военной элиты древних кочевников Евразии. Небезынтересна точка зрения В.С. Бочкарева [2010, с. 142]: «Конечно, трудно сказать, как выглядели значки, эмблемы и вымпелы, которые крепились к ушкам наконечников копий. Можно предполагать, что они по преимуществу изготовлялись из мягких материалов (кожи, войлока, ткани), способных развеиваться на ветру. В этой связи интересно отметить, что на ушке одного из наконечников сейминского типа из Засеченского могильника сохранился небольшой фрагмент ткани. Очевидно, что этим подвескам придавалась строго определенная форма. Судя по некоторым историческим и этнографическим аналогиям, это могли быть ленточки, флажки, бунчуки или какие-то зооморфные изображения в духе сейминско-турбинского звериного стиля. О конкретной семантике таких копий-наверший можно лишь догадываться. Спектр возможных решений здесь весьма велик. Сейчас, однако, важно зафиксировать сам факт их существования. Если

Бронзовый инвентарь воинского («княжеского») погребения №10 Усть-Ветлужского (Юринского) могильника. Фото И.И. Панова. 2004 г.

щевой инвентарь погребений «княжеского» ранга с наконечниками в Восточной Европе иллюстрируют тот временной отрезок, когда копья «стали выполнять роль престижного этнического и социального маркера» [Худяков, Белинская, 2010, с. 52]. Это время – начало периода поздней бронзы Северной Евразии, когда носители сейминско-турбинской традиции создавали свои погребально-мемориальные комплексы (Ростовка, Турбино, Сейма, Решное, Сатыга-XVI, Усть-Ветлуга), посвященные лидерам «княжеских» кланов и выдающимся воинам.

его удастся подтвердить другими данными, то мы получим еще один дополнительный источник об уровне развития общества эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Южной Сибири».

Нам думается, что копья с бунчуками и вымпелами могут быть отнесены к символике военной элиты палеометаллической эпохи. Странные, на первый взгляд, округлые и продолговатые предметы, закрепленные на длиннодревковом оружии с наскальных рисунков, использованных Д.Г. Савиновым [2013, с. 11, рис. 1.-2], соотносятся с типологическими особенностями сейминских и усть-ветлужского наконечников.

Таким образом, петроглифы Монголии и Горного Алтая с изображением древних воинов-копейщиков и ве-

Библиографический список

- Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970. 176 с.
- Бочкарёв В.С. О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // В.С. Бочкарёв. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб., 2010. 231 с.
- Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // Краткие сообщения Института археологии. 2011. №225. С. 240–263.
- Савинов Д.Г. О двух путях распространения бронзовых изделий сейминского типа на восток // Теория и практика археологических исследований. 2013. №2 (8). С. 5–16.
- Савинов Д.Г. О двух путях распространения бронзовых изделий сейминского типа на восток // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул, 2014. С. 91–99.
- Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // Российская археология. 2005. №4. С. 103–111.
- Соловьев Б.С., Шалахов Е.Г. Воинское погребение Юринского могильника // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. Чебоксары, 2006. С. 168–174.
- Худяков Ю.С., Белинская К.Ы. Копье как оружие, символ власти и военной организации у древних кочевников Евразийских степей // Андроновский мир. Тюмень, 2010. С. 49–54.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. 320 с.: ил.
- Шалахов Е.Г. Носители сейминско-турбинской традиции и «камень победы» (нефрит в эпоху героев и оловянных бронз) // Вопросы исторической науки: мат. III междунар. науч. конф. М., 2015. С. 149–152.

РАЗДЕЛ 3. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ И ЭТНОГРАФИИ

К.В. Лен

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ УПРАВЛЕНИЙ ГОРОДОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ

Из делопроизводственной документации представительств городов наиболее часто публиковались отчеты магистратур и «обязательные постановления» городских дум. Первые адекватно отражали процесс функционирования муниципальных учреждений и издавались самими думами (отчет о деятельности петербургской городской думы, подготовленный М.И. Стасюлевичем). Публикация отчетов о работе магистратур была типичным явлением для крупных городов, в том числе и сибирских – Иркутска, Красноярска и Томска. Вторые отражали нормотворческую практику городских представительств. Опубликованное «обязательное постановление» городской думы означало его реальную юридическую силу.

Также интересна делопроизводственная документация городских самоуправлений. В фондах архивов сохранилась информация о нормотворческой практике городских самоуправлений, их взаимоотношений с МВД и сибирской администрацией. Если аналогичная группа опубликованных источников была достоверной, то неопубликованные акты общественных управлений были не всегда объективны, хотя отражали отношение городов к какой-либо проблеме, к позиции государственных институтов. Так, тексты обязательных постановлений городских дум, неопубликованные в печати, должны проверяться другими, как правило, опубликованными документами, так как они часто не утверждались губернской администрацией, а значит не имели юридической силы. Такие случаи отражены в делах фонда №3 (Томское губернское правление) и фонда №48 (Томское губернское по городским делам присутствие) Государственного архива Томской обл. В проверке нуждаются алфавитные книги домовладельцев, списки избирателей и состава городских управлений, сметы доходов и расходов, которые отложились в большом количестве в специальных фондах общественных управлений (фонд №127 ГАТО – городской думы Томска, фонд №174 и 175 ЦХАФАК – Бийской городской управы и думы) [Лен, 2000, с. 35]. Даже списки избирателей, являющиеся хорошим источником, как по состоянию избирательной системы, так и торговли и промыслов не всегда были объективны. В список

избирателей включались горожане не в алфавитной последовательности, а в зависимости от величины уплачиваемых сборов в соответствии с делением их по трем разрядам. Такой порядок неизбежно приводил к ошибкам, нередко умышленным (списки составлялись гласными, владельцами недвижимости, заинтересованными в снижении оценочного сбора). Деление на разряды, с точки зрения сибирской администрации, а иногда и гласных дум, не всегда было справедливым.

Сметы ежегодных доходов и расходов определяли приоритеты бюджетной политики магистратур, отмечали вплоть до копейки, что город должен получить, а что потратить. Вместе с тем, сметы управы часто не санкционировались думой, губернской администрацией, оказывались иллюзорными уже в ходе бюджетной политики, когда величина доходов была меньшей или большей, чем планировалось, а расходы увеличивались в силу пожара, эпидемии и т.д.

Вместе с тем, «черновые» варианты делопроизводственной документации помогут исследователю пролить свет на такой тонкий вопрос, как благотворительность. До сих пор остаются невыясненными возможности городских самоуправлений в активизации благотворительных акций богатых людей города, столь важных как для всего городского развития в целом, так и для народного образования и здравоохранения. В настоящее время возможности городских самоуправлений в этом процессе сводятся только к мерам морального поощрения благотворителей (благодарности от лица думы, ходатайства о предоставлении почетного гражданства, размещение портретов, молебны и т.д.). В мае 1890 г. МВД конфиденциально уведомляло министерство финансов о том, что в Западной Сибири городские управления под видом пожертвований в пользу города берут плату за разрешение на открытие питейных заведений. В этом смысле представляет интерес заметка «Сибирской газеты», где с иронией сообщается, что в январе 1888 г. в Колывани усилились благотворительные акции. Автор заметки страсть к благотворительности объяснял решением думы сократить в городе число питейных заведений (такое решение действительно было) [Сибирская газета, 10; ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2328. Л. 58–59].

В 1881 г. в Ялуторовске в росписи доходов женской прогимназии присутствует фраза: «174 р. получено при взятии с торговых свидетельств». В 1888 г., в Кургане, в черновой смете городских доходов, в графе доходы случайные присутствует фраза: «Разными лицами при выборе торговых документов на учебные пособия истрачено 1950 р.». В Тюкалинске в 1878 г. дума вводила особый сбор с виноторговцев. Для прикрытия незаконности сбора брало его в виде платы за взятые виноторговцами в аренду городские озера [ГФ ГАТО. Ф. 158. Оп. 30 А. Д. 115. Л. 12].

Губернское по городским делам присутствие, зная об этих не совсем законных фактах, нередко беспомощно признавало, что «юридическим путем обличить незаконные действия думы весьма трудно».

Деятельность магистратур протекала во взаимосвязи с государством, которое осуществляло надзор за законностью их действий, обязывало участвовать в решении многих общегосударственных задач. Это обстоятельство повлияло на очень широкий диапазон делопроизводственных документов городских самоуправлений, связанный с взаимоотношениями с государством (прошения, жалобы, планы на строительство, конфиденциальная переписка). К примеру, в фонде №48 ГАТО находятся жалобы на городские представительства со стороны частных лиц, списки избирателей, имущественные споры, ходатайства дум о введении новых сборов и т.п. С одной стороны, они являются проекцией делопроизводственной документации дум и управ, с другой же, – делопроизводственной документацией государственных институтов. Последняя группа более полно отражена в РГИА, где содержатся сведения о подготовке реформы, составе дум и управ, различных деятелях самоуправлений, оценки эффективности функционирования общественных управлений.

Библиографический список

Государственный архив Томской области Ф. 3. Оп. 4. Д. 2328. Л. 58–59; Сибирская газета. 1888. 3 января. С. 10.

Лен К.В. Подготовка и проведение городской реформы в Западной Сибири (на материалах Томской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000. С. 35.

Тобольский филиал государственного архива Тюменской области Ф. 158. Оп. 30 А. Д. 115. Л. 12.

**Н.А. Тадина, Т.С. Ябыштаев, Г.А. Байгонакова,
Э.Т. Казакулов, А.В. Чилбакова**

*Горно-Алтайский государственный университет,
Горно-Алтайск, Россия*

РОДОВЫЕ СТАРЕЙШИНЫ В СОХРАНЕНИИ РИТУАЛЬНЫХ ПРАКТИК: НА ПРИМЕРЕ ПРАЗДНИКОВ ЧАГА БАЙРАМ И ЭЛ ОЙЫН (Республика Алтай, Россия)

Исследование проведено при поддержке проекта РГНФ, №15-11-04003a(p)
и научно-исследовательского проекта МинобрНауки РФ, №2137

В целях реализации проекта РГНФ (№15-11-04003 a(p)) на тему «Традиции и новации родовой потестарности алтайцев в контексте этносоциальных процессов в Республике Алтай» и научно-исследовательского проекта Минобрнауки РФ «Комплексный мониторинг латентных конфликтов и рисков в полиэтнической среде Республики Алтай» (2014–2016 гг., №2137) выявляются способы и формы сохранения ритуальных практик на примере проведения обще-

республиканских праздник Чага байрам (Алтайского Нового года) и Эл Ойын (Народные игры). Статья написана на основе собранного полевого материала.

В последнее десятилетие в Республике Алтай активную роль играет зайсанат – совет родовых старейшин у алтайцев. Одним из актуальных вопросов является коррекция «неправильного» праздника Чага байрам, принятого правительством республики в 1997 г. Название праздника является тюркским вариантом названия монгольского праздника встречи Нового года «Цаган сар» (Белый месяц). Чага байрам дословно означает «праздник чага» («чага» – от монгольского «белый, священный»), в смысле «белый праздник». Он знаменует приход Нового года в феврале, когда еще лежит снег.

Праздник Чага байрам не связан с древней традицией алтайцев и воспринимается в народе как вестник буддизации алтайцев. В среде алтайцев наблюдается противостояние между приверженцами этнической религии «Алтайской веры», представляемой смешением шаманизма и бурханизма, и группой алтайцев-буддистов, создавшей в 1991 г. общину «Ак Буркан» (Белый Бурхан) [Тадина, 2014, с. 163]. В начале 1990-х гг., когда возрождалась этническая культура, этот праздник предложили чуйские теленгиты. Эта локальная группа алтайцев проживает в Чуйской степи, Кош-Агачском районе Республики Алтай, граничащем на юге с Монголией, а на востоке с Республикой Тыва. У тувинцев праздник Нового года называется «Шагаа». По другой версии, Чага байрам был принят в память о вхождении алтайцев в состав Джунгарии (XVII – сер. XVIII в.) – государства западных монголов.

Изучая происхождение спорной ситуации, местные этнографы пришли к следующим выводам. В.А. Муйтуева [2012] обратила внимание на то, что даже по времени проведения праздник Чага байрам является чужим, ведь зимой не возможно творить ритуал испрашивания благополучия у божества Алтая, он, как и вся природа, в этот период «спит». Другой исследователь С.П. Тюхтенева [2009, с. 84–98] описала ритуалы Чага байрам и обрядовую природу праздника Жылгайак – альтернативного Нового года у алтайцев, отмечаемого ранней весной, в марте, когда «просыпается земля и обращения к божеству Алтая слышимы».

Спорные вопросы в среде алтайцев призваны решать зайсаны как родовые старейшины, что проявляется одним из способов легитимизации их потестарной власти. Усилиями зайсанов Алтайский Новый год проводится с учетом символики культуры алтайцев, что закреплено в указанном законе. В начале февраля 2013 г. Госсобрание Республики Алтай внесло поправки в закон «О праздничных и памятных днях, юбилейных датах в Республике Алтай». С этого времени Чага-Байрам является нерабочим праздничным днем в Республике Алтай, а день его празднования не фиксированный, а «плавающий». Проведение Чага байрам назначается в один из трех первых четных дней новолуния фев-

раля, обычно в воскресенье: так соблюдается символика чета. Соблюдается правило ритуальной чистоты – в ритуалах участвуют лишь те мужчины, в чьих семьях не было похорон в течение года.

В день встречи Алтайского Нового года – Чага байрам – зайсаны, одетые в нарядные алтайские костюмы, ранним утром совершают ритуал почитания Алтая и испрашивания благополучия. В г. Горно-Алтайске этот ритуал проходит у подножия горы Туу-кайа как наиболее почитаемой в окрестностях вершины. На ее восточном склоне группа старейшин, обязательно в четном составе, повязывают на березу белые ритуальные ленты (парное число каждый), кропят молоком на четыре стороны и разжигают огонь, совершая обряд поклонения Алтаю. В огонь кладут «угощение» природе Алтая, принесенные с собой сыр, лепешки, масло, талкан – мелко дробленный обжаренный ячмень. Ритуальными действиями выражается чувство уважения и благодарности духам Алтая, что проходит в приватной обстановке – без СМИ, сопровождающих и прочих лиц. После обряда благословения на городской площади в 10 часов утра начинается массовое празднование.

В Республике Алтай популярен другой национальный праздник Эл Ойын. На алтайском языке «эл» означает «народ», «ойын» – «игра, состязание», дословно «народные игры». Этот новый праздник возник на волне этнического возрождения, как наследник межродовых встреч. Первый праздник Эл Ойын состоялся в 1988 г. в с. Ело Онгудайского района. Затем проводился раз в два года, по четным годам, причем каждый раз в новом районе республики. Идея «кочующего» праздника подчеркивала былую кочевую жизнь алтайцев-скотоводов.

В 2006 г. праздник Эл Ойын, получивший республиканский статус и ставший всенародно признанным, вернулся на место исхода. Основной причиной стали затраты на строительство площадок в каждом районе проведения. Постоянным местом явилась долина Кабайлу Межелик, что на алтайском языке означает «Ложбина с колыбелью». Эта священная долина на протяжении последних четырех Народных игр пострадала от антропогенных перегрузок, о чем в народе говорят «об усталости местных духов природы», поэтому предлагается проводить праздник не через два, а через четыре года. По причине проведения на одном и том же месте уменьшился интерес к празднику Эл Ойын, а при «кочующем» мероприятии была возможность побывать в других районах, так как ландшафт и население республики разнообразны. Проблему возврата «кочующего» праздника зайсаны – родовые главы поднимают на съездах-курултаях.

Все население республики к празднику готовится заранее, каждый район проводит свой Эл Ойын, отбирая участников, которые могут быть делегированы от района, представляя свои таланты. Подготовку и проведение праздника возглавляет специальный комитет, в который входят представители правительства республики, главы районных админи-

страций и делегаты от каждого района, в роли которых обычно бывают зайсаны. Это летнее мероприятие проходит в начале июля, в течение трех-четырех дней, обязательно в период новолуния – это важное событие этнокультурной символики алтайцев.

Структура праздника Эл Ойын сложилась в выработанный единый сценарий: ритуал освящения места праздника, открытие мероприятия, конкурс традиционного костюма и жилища, выступления творческих коллективов, спортивные национальные состязания, выставка-ярмарка изделий народных промыслов и ремесел. Был отменен вечерний фейерверк, противоречащий устоям почитания природы. Согласно картине мира алтайцев считается, что Алтай, приютивший людей, – живое божество, и у каждого места есть дух-покровитель, который не следует беспокоить [Филологи...]. Началу Народных игр предшествует обряд поклонения Алтаю и освящения земли, на которой состоится праздник. В алтайской этнической среде основным принципом взаимоотношений выступает престиж старших. Ни одно общественное мероприятие, в том числе и праздник Эл Ойын, не проходит без участия старших, иначе событие не будет иметь социальную значимость.

Сложившаяся традиция проведения алтайских национальных праздников позволяет прийти к выводу о том, что они проводятся не только на уровне официальных мероприятий, а выступают в форме самовыражения современной этнической культуры. Эти праздники не исключительно алтайский феномен, а одна из форм перехода от традиционной культуры прошлого к новой этнической культуре XXI столетия. Участие в них осознается алтайцами как выражение самоидентификации, приобщение к своей этнической культуре. Следует отметить, что, несмотря на то, что Чага байрам и Эл Ойын введены в качестве праздников сверху, они постепенно включаются в этническую культуру алтайцев благодаря роли родовых старейшин как хранителей ритуальных практик. Современная праздничная культура невозможна без «изобретения праздников», обеспечивающих легитимность власти и объединяющих народы [Хобсбаум, 2000, с. 61].

Библиографический список

Муйтуева В.А. Чага байрам алтайлардын байрамы эмес [Электронный ресурс] // Алтай калыктын сайтты [сайт]. URL: <http://www.altai.kurultai.ru/religiya/altaj/297-q-q> (дата обращения 01.03.2015)

Тадина Н.А. Два взгляда на бурханизм у алтай-кижи // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. №4. С. 159–166.

Тюхтенева С.П. Земля. Вода. Хан Алтай: этническая культура алтайцев в XX веке. Элиста, 2009. 169 с.

Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. М., 2000. №1. С. 47–62.

Филологи высказались против фейерверка на Эл Ойыне [Электронный ресурс] // Новости Горного Алтая [сайт]. URL: <http://www.gorno-altaisk.info/news/8672> (дата обращения 20.03.2015)

**ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ «УСАДЬБА НАСЛЕДНИКОВ
КУПЦА ИЗМАЙЛОВА» (г. Бийск)**

Бийск – город неповторимого архитектурного облика, город памятников, самобытная страница истории Алтая. Возникнув в XVIII в. как город-крепость, Бийск в конце XIX – начале XX вв. становится крупным торгово-купеческим центром юга Сибири, торгующим с Англией, Францией, Германией.

В 1897 г. в торговле были заняты 12,4% (692 человека) всего городского населения Бийска. Наиболее крупную оптовую торговлю вели купцы Е.Г. Морозова, А. Колмаков, Осиповы, Фирсовы, братья Гилевы, М.С. Сычев и др. Бийские купцы закупали в округе хлеб, кожу, мед, воск, орехи и отправляли на Ирбитскую ярмарку. Через Бийск шел Чуйский тракт в Монголию, что способствовало оживленной торговли купцов города. Главными предметами торговли по вывозу в Монголию являлись мануфактурные товары, железные и скобяные, кирпичный чай, рога маралов (панты). А из Монголии и Китая вывозили кожи, шерсть, пушнину, жировые товары, скот [Чураев, 1910, с. 151].

В застройке Бийска, формируя облик городских улиц, с того времени доминируют особняки и магазины купцов, построенные на их средства общественные здания. Подавляющее большинство строений возводилось в формах эклектики, реже – с элементами модерна или в стиле модерн.

Георгий Константинович Измайлов в конце XIX в. в г. Бийске был доверенным лицом тарского купца 1 гильдии Алексея Ивановича Щербакова, который, как и фирма Платонова и Судовской, а также бийские купцы Я.А. Сахаров, Пастухов, М.А. Яновский, Бирюков, В.М. Рыбаков, торговал вином [ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 11. Л. 180].

По сведениям жителей купец А.И. Щербаков, наравне с Платоновым и Сахаровым, задавал тон в городе, устанавливал цены и прочие порядки, старался как можно больше продать вина [ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 9. Л. 28]. Кроме виноторговли, купец 1-й гильдии из г. Тары Тобольской губернии А.И. Щербаков с барнаульским предпринимателем М.Е. Функом организовал пароходную компанию с конторой в Барнауле. В 1878 г. М.Е. Функ и А.И. Щербаков доставили в Обскую губу 23,5 тыс. пуд. пшеницы с Алтая, которую они обменяли на промышленные товары, доставленные из Европы гамбургским купцом Отто Баргминтом [Скубневский, Старцев, Гончаров, 1996, с. 100].

Рядом с наиболее состоятельной частью провинциального купечества быстро складывались капиталы доверенных, приказчиков и других служивых людей. Так получилось и с доверенным лицом купца А.И. Щербакова – Г.К. Измайловым.

Усадьба Измайлова расположена в исторической части города, в переулке III-го Интернационала (ранее – переулок Владимировский), рядом с усадьбой бийского купца 1 гильдии Н.И. Асанова. Здания на усадьбе были построены по проекту, полученному из Строительного отделения Томского губернского управления. Заказчиком проекта выступил Г.К. Измайлов. Жилой двухэтажный кирпичный дом был построен в конце XIX в. (1899), а двухэтажный кирпичный флигель – в 1901 г.

Двухэтажный жилой дом и двухэтажный флигель выходили главными фасадами на переулок Владимировский, были отделены от соседних участков рядом деревянных одноэтажных хозяйственных построек, расположенных по периметру. Соединяющим звеном между зданиями выступала арка ворот – проезда во двор. Жилой дом расположен в восточной части комплекса, флигель – в северной части комплекса.

Собственностью наследников Измайлова усадьба становится в 1908 г. В дореволюционный период один из домов был доходным, в нем размещались номера Кряжева. Бийские мещане Кряжевы, кроме занятия гостиничным бизнесом, вели торговлю с Китаем. О Кряжевых можно узнать из составленных сведений о ввозе русскими купцами иностранных товаров через Онгудайскую таможню за период с 1 января по 1 июля 1907 г. Так, братья Кряжевы ввезли за данный период: шерсть баранью – 45 пудов и шкуры сурка – 125 пудов на общую сумму 7076 рублей [ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 154. Л. 57].

По другим данным, бийский мещанин Павел Илларионович Кряжев за период с 1 июля по 31 декабря 1911 г. вывез товаров из России

Бийск. Усадьба наследников купца Измайлова

в Китай через Кош-Агачскую таможню на сумму 1074 рублей, в том числе таких, как овес, ткань, юфть, посуда и виноградное вино [ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 201. Л. 5].

После революции дома на усадьбе наследников Измайлова национализировали. В 1922 г. дома муниципализировали, в них находились жилые квартиры. В 1932 г. дома принадлежали городскому коммунальному хозяйству (Горкомхоз), были закреплены на балансе Домоуправления-2. В бывшем флигеле наследников Измайлова на двух этажах разместились четыре квартиры, а в бывшем жилом доме – шесть квартир. В 1959 г. два жилых дома на бывшей усадьбе были закреплены на балансе исполкома Бийского городского Совета.

15 марта 1968 г. часть помещений на первом этаже в бывшем жилом доме наследников Измайлова (по адресу: пер. III Интернационала, 9) были переданы под отделение почтовой связи №25, а в помещениях во второй части первого этажа и на втором этаже размещались жилые квартиры. В 1978 г. решением Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся дома на усадьбе переданы в ведение производственно-жилищного эксплуатационного треста №1 (ПЖЭТ). В 1990-х гг. жилые здания на бывшей усадьбе наследников Измайлова переданы в хозяйственное ведение муниципальному унитарному предприятию «Жилтрест №1».

По данным Бюро технической инвентаризации, в 1991 г. в доме по адресу пер. III Интернационала, 9 на двух этажах размещалось пять жилых квартир, в том числе три – однокомнатные и две – двухкомнатные, общей площадью 102,7 м². Дополнительно на первом этаже, в помещениях площадью 61,4 м², размещалось почтовое отделение №25. Высота помещений составляла 3,4 м. На момент составления технического паспорта было отмечено, что дом двухэтажный кирпичный с подвалом общей площадью 355,3 м², из них подвал – 111,4 м², первый этаж – 120,2 м². Фундаменты в доме кирпичные ленточные, имели трещины и сколы, чердачное перекрытие – деревянное с утеплением (в удовлетворительном состоянии). Крыша была покрыта шифером. На момент осмотра имелось повреждение поверхностного слоя. Полы – дощатые, окрашенные, наблюдалась гниль, стертость полов. Рамы – двойные глухие, поврежденные гнилью. Внутренняя отделка стен – оштукатурены и покрашены, в доме – проведено водяное отопление. Были два входных узла: с пер. III Интернационала вход осуществлялся в помещения почтового отделения на первом этаже, а с дворового фасада организован вход в жилые помещения первого и второго этажа.

По дому (бывший флигель) по адресу: пер. III Интернационала, 9а) в техническом паспорте отмечено, что дом – двухэтажный кирпичный, 1901 г. постройки, полезной площадью 130,5 м², из них жилые помещения – 130,5 м², высота помещений – 2,9 м². В доме были четыре квартиры (по две однокомнатные и двухкомнатные. Фундаменты – кирпичные ленточные, перекрытие чердачное деревянное с утеплением (состояние

неудовлетворительное), крыша покрыта шифером, полы – дощатые окрашенные, рамы – двойные, глухие, двери филенчатые, внутренняя отделка стен – оштукатурены и покрашены. Вход на первый этаж – осуществляется с бокового фасада, вход во второй этаж со стороны дворового фасада. С 1993 г. квартиры жильцами стали приватизироваться, в 1995 г. дома были переданы в хозяйственное ведение муниципальному предприятию «Ремонт и эксплуатация зданий».

В 2008 г., на основании постановления Верховного Совета Российской Федерации от 27.12.1991 №3020-1, Российская Федерация зарегистрировала свою собственность на нежилые помещения на первом этаже, занимаемые бийским отделением федерального государственного унитарного предприятия «Почта России» в здании по адресу: г. Бийск, пер. III Интернационала, 9 общей площадью 61,2 м². В 2008 г. здание по пер. III Интернационала, 9 перестраивалось: над подвалом было устроено монолитное железобетонное перекрытие по металлическим балкам, железобетонная лестница в подвал и на второй этаж, пробиты оконные проемы по юго-восточному фасаду, произведена вычинка стен лестничного объема со стороны двора.

Жилой дом по пер. III Интернационала, 9а и часть здания по пер. III Интернационала, 9в 2008 г. были в пользовании МУ «Управление муниципальным имуществом Администрации города Бийска».

В октябре 2008 г. специалисты НППЦ «Наследие» выполнила акты технического осмотра на два здания в г. Бийске по пер. III Интернационала, 9 и 9а.

По зданию, расположенному по адресу пер. III Интернационала, 9, в акте технического состояния от 27 октября 2008 г. отмечено, что в целом здание с подвалом находится в удовлетворительном состоянии. Стены подвала выложены из керамического кирпича на известковом растворе. Уровень культурного слоя земли был выше оконных проемов подвала, что привело к нарушению гидроизоляции фундаментов. Кирпичная кладка находилась в неудовлетворительном состоянии: наблюдалась сырость, массовое поражение грибом. Цоколь в здании (низ стены) оказался скрыт уровнем культурного слоя земли, оконные проемы выполнены с кирпичными лучковыми клинчатыми перемычками. Наблюдалось выветривание швов кирпичной кладки, высолы, замокание, поражение грибом, мхами. Отмостка по главному фасаду – асфальтобетонная, является пешеходной частью улицы. Стены первоначального объема были из керамического кирпича лицевой кладки на известковом растворе. Наружная верста кирпичной кладки значительно повреждена выветриванием и массовым разрушением кирпича, особенно в уровне первого этажа. Со стороны юго-западного фасада (в уровне первого этажа, под оконным проемом) наблюдалось выпадение кирпичей, более чем на одну версту. По северо-западному фасаду (в уровне второго этажа) оконный проем был заложен кирпичом. Со стороны юго-восточного

фасада имелся заложенный проем с клинчатой перемышкой и пробиты шесть новых проемов. Лестничный объем со стороны фасада сделан из керамического кирпича лицевой кладки. Покрытие кровли – асбестоцементные волнистые листы, наблюдались множественные заплатки. Ранее производилось протезирование стропильной системы. Водосточные трубы утрачены. Стены главного фасада в уровне первого этажа окрашены известковым составом. Со стороны парадного фасада устроен современный козырек на кованых консолях с покрытием из оцинкованной стали. Над входом по дворовому фасаду устроен козырек с покрытием из асбестоцементных волнистых листов. Декоративное оформление аттиков по главному фасаду, элементами (шпили парпетные решетки и др.) из просечного железа на момент осмотра здания оказались утрачены. Стены в помещениях были из керамического кирпича на известковом растворе, перегородки – дощатые. В подвале имелись две кирпичные колонны квадратного сечения, установленные как опоры под монолитное перекрытие. Деревянные оконные рамы в здании окрашены масляной краской. Межкомнатные двери – филенчатые. Лестница спуска в подвал – монолитная, железобетонная по металлическим таврам. Лестница подъема на второй этаж – деревянная, окрашена масляным составом, в большей части помещений полы – дощатые, окрашенные. Специалисты центра рекомендовали собственнику здания в 2009–2011 гг. отремонтировать крышу, организовать водосток, выполнить гидроизоляцию фундаментов, провести реставрацию фасадов согласно разработанной проектной документации, замену окон с сохранением первоначального вида фасадов, реставрацию въездных ворот.

По зданию, расположенному по адресу пер. III Интернационала, 9а в акте технического состояния от 27 октября 2008 г. отмечено, что общее состояние здания неудовлетворительное. Цоколь в здании скрыт уровнем культурного слоя земли. По низу стены наблюдается выветривание швов кирпичной кладки, высолы, замокание, поражение грибом, мхами. Отмостка по главному фасаду – асфальтобетонная, является пешеходной частью улицы. Стены первоначального объема были из керамического кирпича лицевой кладки на известковом растворе. С северо-западной стороны проходит брандмауэрная стена, переходящая в ограждение дворового участка. В первоначально глухой брандмауэрной стене были пробиты четыре проема. По юго-восточному фасаду (в уровне первого и второго этажа) по два правых оконных проема заложены кирпичом, над остальными оконными и дверным проемом наблюдались глубокие трещины. В стене основного объема со стороны юго-западного фасада первоначальный проем заложен, рядом пробит новый, который имел сильное разрушение: утрату перемышки, выпадение кирпичной кладки. Наружная верста кирпичной кладки значительно повреждена выветриванием и массовым разрушением кирпича. По северо-западному фасаду (брандмауэрная стена) ранее проводилось протезирование наружной версты кирпичной кладки

почти на всю высоту без учета реставрационных технологий (стена обложена современным кирпичом). Первоначальные дверные и оконные проемы – с кирпичными лучковыми клинчатыми перемышками. Со стороны фасада имелась частично разрушенная лестничная пристройка из досок. Водосточные трубы частично утрачены. Стены основного объема на момент осмотра здания окрашены известковым составом, по главному фасаду в уровне 1-го этажа, светлой краской. Над входом со стороны юго-восточного фасада – козырек с покрытием из асбестоцементных волнистых листов (утрачен). Декоративное оформление аттиков по главному фасаду, элементами (шпили парпетные решетки и др.) из просечного железа также утрачены. Стены – из керамического кирпича на известковом растворе, перегородки – дощатые. Одна из стен основного объема частично разрушена: пробито отверстие, стихийно разбирается кирпичная кладка. Оконные рамы деревянные, окрашены масляной краской. Лестница подъема на второй этаж деревянная, окрашена масляным составом. Полы – дощатые, окрашенные. На момент осмотра здание не эксплуатировалось, горожанами проводилась несанкционированная разборка конструкций. Специалисты центра рекомендовали собственнику в первом квартале 2009 г. провести консервацию объекта историко-культурного наследия, а в 2009–2011 гг. – комплексную реставрацию.

14 марта 2013 г. администрация г. Бийска приняла два постановления: одно – по дому пер. III Интернационала, 9а «О переводе жилого дома в нежилой» и второе – по дому пер. III Интернационала, 9 «О переводе жилых помещений под №1–6 в нежилые».

В настоящее время здание по адресу пер. III Интернационала, 9 частично не эксплуатируется, кроме помещений постовой связи на первом этаже. Второе здание, бывший флигель наследников Измайлова, не эксплуатируется полностью с 2008 г. По словам жителей города Бийска «от одного из домов остались лишь стены... Внутри стен «торричеллиева пустота».

Здания, расположенные по адресу: Алтайский край, г. Бийск, пер. III Интернационала, 9 и 9а являются объектами культурного наследия регионального значения «Усадьба наследников купца Измайлова»: «Дом жилой», 1899 г., «Флигель», 1901 г. согласно постановлению Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28.12.1994 №169.

Объект культурного наследия является образцом городской купеческой усадьбы конца XIX – начала XX в., выполненный в формах эклектики с элементами фигурной кладки главных фасадов. Элементы комплекса взаимосвязаны и имеют единое стилистическое решение, являясь архитектурной доминантой окружающей застройки.

Библиографический список

Бийск: энциклопедия / гл. ред. К.Г. Колтаков, В.П. Никишаева. Бийск, 2009. 416 с.

Бийская крепость – город Бийск. К 300-летию образования. Барнаул, 2009. 530 с.

Сибирь. Спутник и адресно-справочная торгово-промышленная книга / изд. И.Е. Чураева, 1910. С. 151.

Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861–1917 гг.: энциклопедия. Барнаул, 1996. С. 100.

М.А. Целищева

НПЦ «Наследие», Барнаул, Россия

**ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ
С ЭЛЕМЕНТАМИ КОНСТРУКТИВИЗМА «БАНК»
(г. Славгород)**

Славгород был основан в 1910 г., а в 1914 г. поселок получил статус города. С 1917 по 1930 гг. Славгород – административный центр одноименного уезда и округа, с января 1945 г. – город краевого подчинения, административный центр Славгородского района. Присвоению статуса города способствовала реформа, проводимая в царской России выдающимся деятелем того времени, министром-реформатором Петром Аркадьевичем Столыпиным. Большое количество жителей Центральной части России устремились в Западную Сибирь, где всем желающим предоставлялись земли для ведения сельского хозяйства. Выгодное расположение Славгорода как опорного переселенческого пункта привлекало внимание купечества. За три года (1910–1912) в нем были построены 500 жилых домов, церковь, две школы (мужская и женская), врачебный и ветеринарный пункт, несколько магазинов и винных лавок, гостиница с рестораном, а также имелись почта, телеграф, синематограф, кружок драматического искусства, функционировало «ссудно-сберегательное товарищество» [Жемеров, 2007, с. 333]. Полными хозяевами Славгорода являлись купцы и торговцы, скупавшие у значительной части населения хлеб и другие сельхозпродукты. В 1916 г. была подведена железная дорога с выходом через станцию Татарская на Транссибирскую магистраль. В 1924 г. железная дорога была продлена до Кулунды. В 1920-е и 1930-е гг. созданы железнодорожные мастерские, чугунолитейный завод, предприятия по переработке сельхозпродукции, ремонту сельхозинвентаря. К началу 1930-х гг. в историческом центре по ул. Комсомольской возводится ряд зданий в характерных для того времени формах, связанных с конструктивизмом. Эти постройки являются памятниками советской архитектуры.

Административное здание в г. Славгороде на пересечении улиц Володарского и Комсомольской построено в 1930 г. Автор проекта неизвестен. Двухэтажное кирпичное здание с подвалом под частью основного объема, имеет угловую композицию фасадов. Два крыла зда-

ния, вытянутые вдоль красных линий улиц, соединены между собой по главным фасадам в уровне второго этажа вставкой сегментарной формы в плане, опирающейся в уровне первого этажа на две колонны квадратного сечения. Угловая часть, где устроен главный вход в здание, является акцентом в композиции фасадов. В центре планировки этажей угловой части – входная группа помещений с холлами первого и второго этажей и парадной трехмаршевой лестницей.

Фасады здания оштукатурены и окрашены. По главным фасадам от низа окон второго этажа до верха первого проходит широкий пояс. Основная плоскость главных фасадов с равным шагом разбита большими оконными проемами. Композицию западного фасада, выполненного в шесть оконных осей и обращенного на улицу Володарского, по седьмой оси фланкирует ризалит лестничной клетки со сплошным витражным остеклением, завершенный в уровне кровли аттиковой стенкой, дополненной прямоугольной нишей. Южный фасад здания выполнен в шесть оконных осей, акцентирован по пятой оси небольшим ризалитом, завершенным аттиковой стенкой, в верхней части которой размещена филленка с надписью «1930 г.». Оконные проемы в ризалите меньше по ширине остальных окон.

С момента постройки в здании располагалось Славгородское отделение государственного банка СССР. В октябре 1950 г. отдел коммунального хозяйства городского Совета депутатов трудящихся предоставил Славгородскому отделению Госбанка в бессрочное пользование земельный участок площадью 5956,1 кв. м, состоящий из владений, находящихся по адресу ул. Володарского, 145, кирпичное здание, жилой дом и сарай.

г. Славгород ул. Володарского, 145. Памятник архитектуры Банк Общий вид

По справке, выданной в 1959 г. Инвентаризационным бюро отдела коммунального хозяйства Славгородского Горкомхоза, в здании на втором этаже находился Славгородский Госбанк, занимавший помещения общей площадью 613,5 кв. м, в том числе 69,3 кв. м отведено под жилье. В июле 1959 г. данная жилая площадь была переоборудована в конторские служебные помещения. Часть помещений на первом этаже до 1982 г. занимал Горком партии. С 1991 г. на первом этаже располагался расчетно-кассовый центр Сбербанка, в северо-западном крыле – Славгородский отдел института «Алтайкоммунпроект». В 1995 г. по договору купли-продажи часть помещений перешло АК «Агропромбанк». В 2000 г. Коммерческий Банк «Сибирское Общество Взаимного кредита» приобрел здание по договору купли-продажи от 05.12.2000 №Т-6-2/7. 28 ноября 2002 г. Коммерческий Банк «Сибирское Общество Взаимного кредита» (открытое акционерное общество, далее КБ «Сибирское ОВК» ОАО) продал нежилое двухэтажное кирпичное здание, общей площадью 1330 кв. м, трем покупателям: ООО «Сибирское Агентство недвижимости», в оперативное управление отделению Пенсионного фонда РФ (на праве собственности), в оперативное управление Главного управления Министерства юстиции РФ по Алтайскому краю (на праве собственности). Стоимость здания на момент продажи составляла 2 миллиона рублей. В 2002 г. в помещениях проводились ремонтные работы.

Распоряжением комитета по управлению государственным имуществом администрации Алтайского края от 28.03.2003 №165 из оперативного управления Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Алтайскому краю были изъяты нежилые помещения общей площадью 303,4 кв. м, в двухэтажном здании, расположенном по адресу г. Славгород, ул. Володарского, 145. Этим же распоряжением данные помещения были закреплены за государственным учреждением – Управлением пенсионного фонда Российской Федерации в г. Славгороде и Славгородском районе Алтайского края на праве оперативного управления.

31 декабря 2005 г. по договору купли-продажи ООО «Сибирское Агентство недвижимости» продал государственному учреждению Управления Пенсионного фонда РФ в г. Славгороде и Славгородском районе Алтайского края 182/1330 доли нежилого помещения по ул. Володарского, 145. Сумма сделки составила 440,0 тысяч рублей. На момент продажи двухэтажное кирпичное здание с подвалом общей площадью 1395,8 кв. м было с центральными инженерными коммуникациями: отоплением, канализацией, водоснабжением, энергоснабжением. Согласно техническому паспорту Славгородского отделения ФГУП «Ростехинвентаризация – Федеральное БТИ», проданное строение состояло из 36 отдельных изолированных помещений, расположенных на первом этаже здания (общей площадью 629,3 кв. м) и из 28 отдельных поме-

щений, расположенных на втором этаже (общей площадью 679,2 кв. м), а также подвального помещения площадью 87,3 кв. м.

Сегодня помещения левого крыла здания на первом этаже и помещения всего второго этажа занимает государственное учреждение – Управление Пенсионного фонда Российской Федерации в г. Славгороде Алтайского края, в другой части помещений на первом этаже работает Росбанк.

Объект культурного наследия регионального значения «Банк», расположенный по адресу Алтайский край, г. Славгород, ул. Володарского, 145, поставлен на государственную охрану решением исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов от 24.03.1989 №108. Памятник архитектуры первой пятилетки с элементами конструктивизма, имеет градостроительное значение, оформляя угол важных транспортных пересечений города.

Библиографический список

Столыпинская аграрная реформа и Алтай / В.Н. Разгон, А.А. Храмов, К.А. Пожарская. Барнаул, 2010.

Жемеров В. Так начинался Славгород // Алтайский благодатный край. Можайск, 2007. Вып. 8. С. 330–334.

М.А. Целищева, М.А. Слуцкий

НПЦ «Наследие», Барнаул, Россия

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ «ТОРГОВЫЙ ДОМ ГИЛЕВА» И «ТОРГОВЫЙ ДОМ ИГНАТЬЕВА» (г. Бийск)

Торговый дом купца Гилева

Двухэтажное кирпичное здание, расположенное в исторической части г. Бийска, находится на пересечении улиц Советской (ранее – ул. Успенская) и Двойных, было построено в 1860 г. купцом А. Гилевым. В доме на первом этаже находился магазин, а на втором – контора и жилые помещения. Главным фасадом здание выходило на торговую площадь. После смерти купца, делами занималась его жена – Гилева Дарья Никитична (1798 – после 1879). В 1859 г. она открыла заведение мануфактурного типа по выделке кож, которое в то время являлось самым крупным промышленным предприятием в Бийске, товар сбывался в Бийском округе и Монголии. Из сведений об устроенных на землях Алтайского горного округа кирпичных, мыловаренных, салотопленных и других заводах, требующих огненного действия в черте Бийских городских земель, составленных окружным исправником 10 ноября 1872 г., следует, что бийская купчиха Д.Н. Гилева с разре-

шения Томского губернского правления в 1866 г. открыла кожевенное заведение за оброчную плату в городовое хозяйственное управление. Заведение находилось против города Бийска за рекой Бией, в расстоянии от города в 1-й версте, занимало четыре десятины земли. Дрова для работы кожевенного заведения получала из бийского бора, из сухоподстоялого и валежного леса, за установленную плату, до 5 кубических сажен. Заведение занималось выделыванием кож до 2000 штук, сбыт кожи производился преимущественно в пределы Китая, а также местным жителям города Бийска и окрестных селений [ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 492. Л. 269]. Состав семьи: дети – Андрей (р. 1829), Василий (р. 1830), Мефодий (р. 1838).

Гилев Василий Алексеевич (1830 – после 1890) – бийский 1-й гильдии купец, сын Дарьи Никитичны, один из основателей русской торговли с Монголией по Чуйскому тракту. В 1850–1860-х гг. вел приграничную торговлю с подданными Китая в пос. Кош-Агач и скупал скот у коренного населения Горного Алтая. В 1864 г. с санкции томского губернатора Г. Лерхе первым из бийских купцов совершил поездку в г. Кобдо для установления прямых торговых связей. С 1870 г. торговал в Кобдо. В 1861 г. В.А. Гилев построил здание для первого в Бийске Владимирского женского училища, был блюстителем этого училища и до 1865 г. содержал его на свои средства. При открытии в училище обучалось 23 человека [ГААК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 11. Л. 20].

Гилев Мефодий Алексеевич (1839–1891) – бийский 2-й гильдии купец, брат Василия, являлся владельцем кожевенного завода в Бийске и скупал скот в Монголии. Как сказано в сведениях о существующих в г. Бийске фабриках и заводах в 1891 г. у бийского 2-й гильдии купца М.А. Гилева был один кожевенный завод, открытый в 1860 г. без всякого разрешения на арендуемом участке в городской управе [ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1472. Л. 6 об.]. До 1885 г. братья торговали неразделенным капиталом, но после ссоры, каждый из них дела вел самостоятельно. Василий заведовал торговлей в Бийске, а Мефодий ездил в Монголию [Бийская крепость – город Бийск, 2009, с. 201].

В 1878–1879 гг. в их доме по Успенской улице жили, готовясь ко второй экспедиции в Монголию, путешественник Г.Н. Потанин и его жена А.В. Потанина (Лаврская) – путешественница, одна из первых женщин членов Русского географического общества [Рафиенко, 1990, с. 48]. Из записок Е.П. Клевакина о бийской городской, общественной и частной жизни за 1885–1886 гг., но узнать, что в 1885 г. в городе самые красивые дома были у купцов А.Ф. Морозова, М.С. Сычева, братьев В.А. и М.А. Гилевых, Н.Н. Гусева и В.Н. Бирюкова [ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 11. Л. 172]. Из ведомости о купцах 1-й гильдии г. Бийска, представленной бийской городской Управой в Томскую Казенную палату 7 февраля 1887 г., следует, что В.А. Гилев – купец 1-й гильдии, ему 56 лет, вдовец, его брат М.А. Гилев – купец 2-й гильдии, ему 48 лет, его жене

Александр Герасимовне 36 лет, а дочерям Анне – 15 лет, Агнии – 12 лет и Лидии – 4 года [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 454. Л. 3].

В 1919 г. здание было отдано под размещение штаба главного интендантского отделения чехословацкой армии [ГААК. Ф. 174. Оп. 1, доп. Д. 600. Л. 67–68]. В 1920-х гг. здание национализировали, в нем размещались различные организации. В 1990-х гг. здание было на балансе Производственно-жилищного эксплуатационного треста (ПЖЭТ), в нем находились пункт охраны общественного порядка и бюро технической инвентаризации. В 1998 г. часть здания на первом этаже, общей площадью 101,4 м² продана под кафе. В 2002 г. два помещения общей площадью 68,7 м² перепроданы новому владельцу под кафе «Рандеву». В 2003 г. администрация города Бийска получила свидетельство о праве собственности на здание общей площадью 838,7 м², расположенное по адресу г. Бийск, ул. Советская, 4. Часть помещений на первом этаже, общей площадью 51,1 м², в 2004 г. Жилтрест №1 сдал в аренду ООО «Велес». Постановлением Думы города Бийска от 22.04.2004 №005 муниципальное имущество в виде части нежилого двухэтажного здания, расположенного по адресу ул. Советская, 4, было предоставлено в безвозмездное пользование под офис Бийскому межрайонному филиалу государственного учреждения «Учреждение юстиции по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним на территории Алтайского края». В дальнейшем из муниципального имущества здание передано в федеральное имущество. В настоящее время в здании размещается управление Федеральной службы государствен-

Бийск. Советская 4. Торговый дом Гилева и Торговый дом Игнатъева

ной регистрации, кадастра и картографии по Алтайскому краю, г. Бийск и на первом этаже кафе «Рандеву».

Двухэтажное с подвалом прямоугольное в плане здание, построенное на пересечении улиц, имеет угловую композицию с декоративным оформлением главных фасадов. По второй и пятой осям фасада по ул. Советской устроены входы в помещения первого этажа. Стены – из керамического кирпича. Уличные фасады здания симметричны, их фланги в две оконные оси каждый выделены легкими ризалитами с лопатками на углах и завершены щипцовыми фронтонами. Над лопатками в уровне кровли – полуциркульные завершения – кокошники. Первый этаж с небольшими лучковыми окнами отделен от второго карнизом с мелкими зубцами, над которым проходит филенчатый пояс, включающий подоконные ниши. Окна первого этажа украшены наличниками тянутой формы, дополнены подоконными полочками и подоконными нишами. Убранство второго этажа основано на сочетании лицевой кладки стен с оштукатуренными филенками, обрамляющими попарно высокие арочные окна, дополненные выступающими замковыми камнями. Главную ось центральной части фасада по ул. Двойных в уровне второго этажа выделял балкон, утраченный ныне. Интерьеров в здании не сохранилось.

Объект культурного наследия является образцом торгового здания середины XIX в., сочетающий жилые и торговые помещения, выполнен в формах эклектики, является частью исторической застройки торговой площади. Один из первых частных домов в городе Бийске. Здание поставлено на государственную охрану Решением исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов от 24.03.1989 №108.

Торговый дом купца Игнатьева

Двухэтажное кирпичное здание расположено в исторической части города Бийска, находится на улице Советской (ранее – ул. Успенская), построено в конце XIX в. купцом Игнатьевым. Проект здания был утвержден в строительном отделении Томского губернского управления. Главным фасадом выходило на улицу Успенскую. Здание примыкает к западному фасаду ранее построенного дома купца А. Гилева. На флюгере сохранилась дата 1898 год. Скорее всего, после смерти купцов братьев В.А. и М.А. Гилевых в 1890-х гг., И.Г. Игнатьев выкупил у наследников Гилевых дом и пристроил с левой стороны свой.

Иоана Григорьевич Игнатьев (1855–1911) – барнаульский, а затем бийский 2-й гильдии купец, один из видных деятелей русско-монгольской торговли. Торговую карьеру в Монголии начал в 1872 г. в качестве приказчика бийского купца Г.Г. Бодунова. В 1882 г. открыл самостоятельное дело. В начале XX в. И.Г. Игнатьев являлся одним из наиболее крупных предпринимателей в Северо-Западной Монголии, имел несколько шерстостомоен и торговых факторий. С 1904 г. он был избран старшиной русского торгового общества в Улясутае и много времени уделял обще-

купеческим проблемам [Скубневский, Старцев, Гончаров, 1996, с. 55]. 3 марта 1908 г. купец И.Г. Игнатьев подал в городскую Управу сведения о своей семье. На момент подачи документов ему было 43 года, жене Анисье – 32, у него было четыре сына: Петр (12 лет), Алексей, Владимир и Василий [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 297. Л. 15]. В 1909 г. городская Управа составила список лиц всех сословий, владеющих на праве собственности землею в количестве не менее 20 десятин или другим недвижимым имуществом стоящем не менее 500 рублей. В этом списке, наряду с другими бийскими купцами, находится и купец И.Г. Игнатьев, который имел недвижимого имущества на сумму 5000 рублей [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 299. Л. 5].

В 1911 г., после смерти купца И.Г. Игнатьева, фирму возглавила его вдова Анисья Васильевна, а затем старший сын Петр, организовавший Т/Д «Наследники И.Г. Игнатьева». Фирма, помимо Монголии, торговала в Горном Алтае, имела лавки в Кош-Агаче для продажи мануфактурных, галантерейных и других товаров, а также скупала разнообразное сырье. Из налоговой ведомости бийской городской Управы на недвижимое имущество, составленной в 1911 г., следует, что на усадьбе у наследников И.Г. Игнатьева на Успенской улице находился двухэтажный каменный дом, на первом этаже располагались магазины, две двухэтажные каменные кладовые, одноэтажный деревянный дом, два амбара и баня (деревянные). Кроме того, у него были три лошади, крупного рогатого скота – 2, мужчин проживало – 4, женщин – 4. Налог на строения составил 8,0 тысяч рублей [ГААК. Ф. 174. Оп. 1, доп. Д. 26. Л. 18об.]. В том же году Управой был составлен список лиц и учреждений, пользующихся правом выбора гласных бийской городской Управы. Под №138 проходят Н-ки Игнатьева И.Г. с цензом на недвижимое имущество во второй части города в 8,0 тысяч рублей [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 312. Л. 3 об.].

В 1912 г. городская Управа разрешила наследникам купца И.Г. Игнатьева построить полукаменный двухэтажный с подвальным помещением дом на собственной земле во второй части г. Бийска на углу Успенской улицы и Базарной площади (кв. 133) [ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 214. Л. 14]. В 1918 г. бийской городской Управой была составлена инвентарная опись на недвижимое имущество, подлежащее обложению налогом. На Успенской улице №4 находилось следующее имущество наследников купца И.Г. Игнатьева: два двухэтажных каменных дома с торговыми помещениями на первом этаже, полукаменный двухэтажный дом, два каменных амбара, баня, деревянный навес. Страховая сумма строений составляла 36500 рублей, оклад – 5746 рублей, налог – 459,68 рублей [ГААК. Ф. 174. Оп. 1, доп. Д. 46. Л. 30]. Из общего списка плательщиков губернского земского сбора с недвижимого имущества на 1917–1921 гг., наследники И.Г. Игнатьева за имущество находящееся по ул. Успенской, 4 должны были заплатить налога в 1917–1919 гг. по 90,10 рублей в год [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 330. Л. 59]. В октябре 1919 г. бийская городская

Управа направила в Алтайский губернский распорядительный комитет сведения о расквартированных в г. Бийске всех войсковых частей в городских и других зданиях с июля 1918 по 1919 г. В доме наследников купца И.Г. Игнатьева со 2 апреля 1919 г. находился штаб главного интендантского отделения чехословацкой армии [ГААК. Ф. 174. Оп. 1, доп. Д. 600. Л. 67–68].

В 1920-х гг. здание национализировали, в нем разместилась бийская городская государственная трудовая Сберегательная касса и продовольственный магазин бийского отделения Сибирского акционерного общества розничной торговли «Акорт». В 1990-х гг. здание находилось на балансе Производственно-жилищного эксплуатационного треста (ПЖЭТ), в нем размещались сберкасса и магазин. В 2000-х гг. здание перешло из муниципального в федеральное имущество.

Двухэтажное кирпичное здание с двускатной крышей, стены – из керамического кирпича, по главному фасаду оштукатурены. Конструкция крыши – чердачная, кровля – из листового металла, водосток – организованный. Главный фасад по ул. Советской симметричен и богато декорирован, его композиция акцентирована тремя ложными ризалитами в две оси каждый, завершенными фигурными аттиками, ограниченными филленчатыми столбиками. Ризалиты на фасаде выделены плоскими лопатками, раскрепованными в уровне междуэтажного пояса и карниза. Витринные окна первого этажа обрамлены строгими плоскими наличниками с треугольными сандриками. Парные завершения арочных окон второго этажа имеют филленчатые сандрики и «кисти» по сторонам проемов. Декоративные элементы выделены белым колером. Украшением фасада служат ажурные воронки водосточных труб, выполненные из просечного железа. По другим фасадам декоративного оформления нет. Боковой северо-западный фасад выполнен в виде брандмауэрной стены. Интерьеров в здании не сохранилось, выполнена перепланировка помещений, объединившая функционально два объекта культурного наследия.

В 2004 г. проведена реставрация фасадов и приспособление зданий: два объекта были объединены в один объем, воссоздано по первоначальному проекту столярное заполнение окон, первоначальный вход, располагающийся по оси центрального аттика, был перенесен в правую часть фасада. Внешний штукатурный декор по главным фасадам воссоздан по первоначальным образцам. Произведен ремонт и перепланировка помещений с использованием современных материалов. В 2007 г. Распоряжением Территориального управления Федерального агентства по управлению федеральным имуществом по Алтайскому краю №745 здание передано управлению Федеральной регистрационной службы по Алтайскому краю. В настоящее время в здании размещается управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Алтайскому краю, г. Бийск.

Объект культурного наследия является образцом торгового здания начала XX века, выполненного в формах эклектики. Фасадный декор представляет собой стилизацию элементов барокко и псевдорусского стиля. Здание поставлено на государственную охрану Решением исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов от 24.03.1989 №108.

Библиографический список

Бийская крепость – город Бийск. К 300-летию образования / Управление архивного дела Алтайского края. Барнаул, 2009.

Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Алтайский край. М., 1990. С. 48 (Сб. науч. тр. / НИИ культуры, авт.-сост. Л.С. Рафиенко).

Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтайа. 1861–1917 гг.: Энциклопедия. Барнаул, 1996.

Степанская Т.М. Памятники архитектуры г. Бийска // Бийск: энциклопедия / гл. ред. К.Г. Колтаков, В.П. Никишаева. Бийск, 2009. С. 223–225.

М.Ю. Чарышова

*Национальный исследовательский Томский
государственный университет, Томск, Россия*

СИМВОЛИКА МОЛОКА В КУЛЬТУРЕ АЛТАЙ-КИЖИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ
(проект №14-01-00263 «Этническая и книжная традиция
в культурном наследии Западной Сибири»)

Традиционная пища алтай-кижи включает в свой рацион преимущественно мясную и молочную пищу. Связано это, конечно, с традиционными занятиями алтайцев. В первую очередь, – это скотоводство, подсобными занятиями являются охота и собирательство. В данной статье рассматривается технология приготовления молочных продуктов и роль молока в культуре алтай-кижи.

Молоко *сум* занимает особое место в жизни алтайцев в силу того, что является главным продуктом пропитания. Получают его от разных домашних животных таких, как корова, лошадь, коза и даже як – *сарлык* (в Кош-Агачском районе). Заготовкой молочных продуктов на зиму алтайцы занимаются в летний период. Для приготовления молочных продуктов используют термическую обработку. Связано это, в первую очередь, с традиционным мировоззрением алтай-кижи, согласно которому корова и коза являются созданием подземного бога Эрлика, а кобыла – демиурга. Именно по этой причине молоко коровы кипятится, и тем самым оно проходит очищение [Муйтуева, 2007, с. 65].

На молоко и продукты, изготовляемые из него, налагаются определенные запреты, невыполнение которых ведет к потере удачи и отрица-

тельно сказывается на благосостоянии семьи. Так, запрещается играть с молочными продуктами, бросать их, а молоко выносить из дома либо давать кому-либо во время убывания луны (*айдын эскизинде*). Небрежное отношение к ним, например, если хозяйка прольют молоко на землю, может привести даже к конфликту между соседями. Считается, что данные действия могут разозлить *айлдын ээзи* – духа хозяина юрты [Боданова, 2015, ПМА].

Молоко и его производные также играют весомую роль в обрядовой сфере. Во-первых, молоко является одним из необходимых компонентов при угощении огня. Например, Василий Иванович Вербицкий в своей книге «Алтайские инородцы», описывая свадебный обряд южных алтайцев, отмечал, что невеста по приезду в юрту жениха сначала кланяется огню, кладет в него кусок мяса и масло, кропит его *аракой* – молочной водкой, т.е. приносит жертвоприношение [Вербицкий, 1893, с. 105]. Во-вторых, при сватовстве пиалу с молоком родители жениха подают родителям невесты. В-третьих, мать жениха подает пиалу с молоком невестке, впервые переступившей порог юрты, тем самым свекровь благословляет будущую хозяйку. В-четвертых, кожаный сосуд (*тожур*) с молоком является одним из элементов, который обязательно приносят *неме бил-тран кижиге* – «видящему человеку», который, в свою очередь, использует молоко для кропления очага и *жайлыка* – священного угла юрты, где подвешена ветка можжевельника [Боданова, 2015, ПМА].

Молоко также играет ведущую роль при совершении семейных обрядов: на свадьбе (*той жыргалда*) и на празднике в честь первого года ребенка (*койу-кочо*). Считается, что молоко обладает сакральным значением и имеет очистительную функцию. Действительно, молоком поют ребенка перед совершением обряда *чормеш кезер* и *тужсу кезер*, т.е. стрижка волос и разрезание пут. На свадьбе, когда заплетают косы невесте, предварительно окунают гребень в чашу с молоком и лишь затем расчесывают ей волосы [Муйтуева, 2007, с. 92].

Из молока алтайцы готовят разнообразные продукты, которые очень популярны и сегодня, нередко их можно увидеть на ярмарках и даже во время праздников, где предприимчивые фермеры продают свою продукцию.

В научных трудах XVIII–XIX вв. И.И. Георги, В.В. Радлов, В.И. Вербицкий, Н.М. Ядринцев упоминали о молочных продуктах как о главных в традиционном рационе алтайцев. Например, В.В. Радлов [1983] в своем труде «Из Сибири» отмечал, что алтайцы готовят *чеген*, напоминающий ему айран. При этом он заметил, что чеген – довольно вкусный напиток, который составляет основную пищу алтайцев на протяжении всего лета. Также Василий Васильевич отмечает, что из чегена алтайцы готовят араку и твердый сыр [Радлов, 1983, с. 163].

Чеген – это напиток из заквашенного коровьего молока. В начале XX в. для его приготовления помещали копченую копчиковую кость или

копченую жилу лошади в деревянное ведро с кипяченым молоком [Алтайцы, 2014, с. 248]. Со 2-й половины XX в. вместо копчиковой кости и жилы начали использовать сухие дрожжи, а затем стали добавлять сырой картофель [Боданова, 2015, ПМА]. После того как молоко поставлено на закваску, в него каждый вечер добавляют прокисшее молоко. Отмечу, что чегеном принято угощать каждого гостя, пришедшего в юрту. Например, Василий Васильевич Сапожников [1897, с. 51] в своей книге «По Алтаю» описывает гостеприимство алтайцев, которые угощали путешественников чегеноми *аракой*. Являясь универсальным напитком, чеген прекрасно утоляет жажду и голод, обладает целебными свойствами и в народной медицине используется при дисбактериозе [Муйтуева, 2007, с. 70].

Из чегена, в свою очередь, готовят множество молочных продуктов: *арчы*, *курут*, *быштак* и *араку* – молочную водку. Для перегонки араки выливают в казан 3–4 ведра чегена и ставят на сильный огонь. При этом плотно закрывают крышкой, состоящей из двух половинок сферической формы. На места соединения крышек с казаном кладут тряпочки и обмазывают их глиной. Пары кипящего чегена проходят по двум изогнутым деревянным трубкам – *чорго*, вставленным одним концом в крышку аппарата, а другим – в два чугунных кувшина, помещенных в деревянную колоду – *тоскыр* – с холодной водой. Охлаждаясь в кувшинах, пары превращаются в молочную водку [Баина, 2015, ПМА]. Стоит отметить, что воду в тоскыре нужно менять как можно чаще. Араку принято пить из деревянного *чочоя*, разливают араку в кожаный тожур. Араку употребляют во время праздников, для чего заготавливают в большом количестве [Алтайцы, 2014, с. 248].

После получения араки содержимое казана выливали в мешок из хлопчатобумажной ткани, который висел справа от входа. Стекавшая сыворотка – *сарсу-суу* – имела широкое применение в быту алтайской семьи. Ею мыли голову, используя вместо шампуня, ею же стирали необработанные шкурки ягнят, из которых шили алтайскую шапку. Выстиранные в сыворотке шкурки считались прочными, их мех долго не вынашивался [Алтайцы, 2014, с. 249].

Оставшуюся от чегена творожистую массу также выкладывают в мешок, в котором она должна простоять 2–3 дня, затем хозяйка вынимает содержимое и разрезает с помощью волосяной или конской нити на круглые либо квадратные пласты – *курут* [Боданова, 2015, ПМА]. Курут сушат на решетках над очагом – *керем*. Остатки от курута шли в пищу и известны как *арчы*. Арчы, тщательно размешав, заправляли сметаной либо *оромо* и сахаром и подавали на стол. Арчы является любимым блюдом детей.

Быштак – это нечто среднее между творогом и брынзой. Для его приготовления в казан выливают десять литров процеженного парного молока и доводят до кипения, затем добавляют литр чегена. При этом

смесь нужно постоянно помешивать. Образовавшуюся творожистую массу выкладывают поварешкой в мешок из марли, затем придают форму чем-то тяжелым, например, ведром воды [Баина, 2015, ПМА].

Одно из любимых блюд алтайцев – *оромо* – толстая пенка, снятая с поверхности кипяченого молока. Ее обычно добавляют в чай или едят с мучными продуктами. Для приготовления оромо на огонь ставят казан с процеженным парным молоком. Когда оно закипит, добавляют чай с *талканом*, т.е. толчеными зернами ячменя, либо заранее приготовленную смесь: в стакане теплой воды размешивают столовую ложку муки. Затем 40 раз зачерпывают поварешкой молоко, высоко поднимают его и снова выливают в казан – *собыртран*. После приготовления оромо снимают казан с огня и убирают под лавку в заранее приготовленное небольшое углубление, где он должен стоять около суток. По прошествии требуемого времени, образовавшуюся толстую пленку аккуратно снимают с поверхности остывшего кипяченого молока [Боданова, 2015, ПМА].

Таким образом, молоко и его производные представляют огромный пласт культуры алтай-кижи, поскольку включают в себя не только традиционные блюда, весьма популярные среди народа и поныне, но и несут символическую составляющую, которая отражает традиционное мировоззрение алтайцев и играет значительную роль в обрядовой сфере.

Библиографический список

- Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие / ред. Н.В. Екеева. Горно-Алтайск, 2014. 464 с.
- Баданова З.С. Полевые материалы автора (ПМА), с. Белый Ануй Усть-Канского р-на Республики Алтай, январь 2015 г.
- Баина Т.С., ПМА, г. Горно-Алтайск Республики Алтай, январь 2015 г.
- Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. СПб., 1893. 435 с.
- Муйтуева В.А. Традиционная пища алтай-кижи (обряды и представления). Горно-Алтайск, 2007. 154 с.
- Радлов В.В. Из Сибири. СПб., 1989. 256 с.
- Сапожников В.В. По Алтаю. Томск, 1897. 127 с.

РАЗДЕЛ 4. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И В СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

С.П. Грушин, В.О. Сайберт, О.В. Спиненко

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КОНЦЕПЦИЯ ЭКСПОЗИЦИИ ПО АРХЕОЛОГИИ В «МУЗЕЕ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ГОРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ИМ. А. ДЕМИДОВА» В ЗМЕИНОГОРСКЕ

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление N220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» проект №2013-220-04-129
«Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Использование региональных историко-культурных ресурсов играет большую роль в развитии туристической инфраструктуры. Важной ее частью являются краеведческие музеи, поскольку они дают возможность в полной мере описать историю и развитие региона. Большинство туристических программ и экскурсионных маршрутов начинают работу именно с музея.

Музейная сеть Сибири достаточно развита. Значительную ее часть составляют музеи историко-краеведческого профиля, расположенные в малых городах, поселках городского типа, районных центрах. Это музеи, документирующие особенности природного развития, истории, хозяйственной жизни, культуры и быта определенной территории или населенного пункта. Специфика краеведческих музеев состоит в том, что они имеют широкий диапазон экспозиций, сочетающих в себе черты музеев исторического и природоведческого направления, а иногда имеют еще художественные, литературные или мемориальные отделы, поэтому их называют еще музеями комплексного профиля [Назарцева, 2002, с. 59–61].

Особый интерес представляет проектирование экспозиций по археологии в краеведческих музеях. Археологические материалы в таких музеях являются составной частью разнообразного по составу музейного собрания и имеют свои особенности в использовании. Если специализированные археологические музеи могут применять систематический метод показа, раскрывая типологию археологических предметов, то для краеведческих музеев возможен только тематический подход, поскольку основной целью является не демонстрация археологических памятников, а иллюстрация истории древнего общества [Кузнецова, 2002, с. 85–87].

Проектирование экспозиций в музеях местного масштаба влечет за собой ряд проблем: пространственное ограничение, характер и наполняемость фондов, финансирование, а в связи с этим недостаточное техническое оснащение. В большинстве музеев экспозиции не меняются на протяжении многих лет и даже десятилетий.

К наиболее крупным, имеющим богатую историю муниципальным музейным учреждениям относится МБУК «Музей истории развития горного производства им. А. Демидова» в г. Змеиногорске. Для него разработана концепция экспозиции зала археологии. Змеиногорский музей является одним из ведущих музеев края. Контингент и состав посетителей довольно обширный, начиная от местных жителей и заканчивая иностранными туристами. Такая известность стала ключевой причиной для создания проекта новой экспозиции.

Для достижения поставленной цели были выделены следующие задачи: дать краткую характеристику и историю формирования фондов музея; проанализировать и охарактеризовать состав коллекции зала археологии; выявить основные проблемные места существующей экспозиции, а также определить пути их решения; создать графический план экспозиции зала археологии, определить основные направления дальнейшего развития экспозиции.

Здание музея является памятником архитектуры XIX в. и первое в Западной Сибири, построенное специально под музей. Основателем музея горного дела, который открылся в 1827 г., стал начальник Колывано-Воскресенских заводов П.К. Фролов. Исследователи предполагают, что первые коллекции музея были универсального характера и принадлежали его основателю. В музее хранились модель церкви Преображения, коллекция минералов и руд, макеты гидротехнических сооружений, макет плотины на реке Змеевке, картографические материалы, а также орудия для добычи руды [Степанская, 2000, с. 286–288].

В 20-е гг. XX в. коллекция была систематизирована и разделена на семь отделов. [Тишкина, 2000, с. 288–290]. В годы Великой отечественной войны часть экспонатов, принадлежащих Змеиногорскому музею, была передана в эксплуатацию краевого музея. Работа по формированию фондов и реконструкция здания была начата только в 1981 г. по инициативе зав. отделом культуры Змеиногорского горисполкома В.Х. Смирновой. 27 апреля 1985 г. был открыт музей истории развития горного производства. Там были собраны архивные документы, подтверждающие историю развития змеиногорского рудника, археологические материалы, экспонаты по Великой отечественной войне, были возвращены в музей пушки принадлежащие А. Демидову, собран картинный фонд. В 1995 г. оборудовано помещение для хранения книг [Смирнова, Складорова, 2000, с. 220–293]. Музей в современном его виде был оформлен после реконструкции здания и экспозиций в 2003 г. при

поддержке краевого управления культуры и научно-производственного центра «Наследие» [Смирнова, 2007, с. 291–293].

На сегодняшний день в музее функционируют три зала. В первом представлены образцы из рудных месторождений, минералы, поделочные камни и изделия из них Колыванской камнерезной фабрики. Второй зал демонстрирует историю развития горного производства. Основными экспонатами являются макеты воздухоудвной установки, Змеиногорской крепости, рудообогатительной фабрики, железной дороги и др., а также картины, карты, скульптуры, орудия труда и быта, архивные документы, рассказывающие о жизни рудокопов, горняков и секретно-каторжных колодников. Третий зал посвящен археологии, где представлены кости древних животных, копии наскальных рисунков, орудия труда древних рудокопов и др.

Экспозиция зала археологии «Музея истории развития горного производства им. А. Демидова», составленная под руководством Ю.П. Алехина, раскрывает древнюю и средневековую историю Алтая. Основу собрания составляют предметы, обнаруженные в памятниках Змеиногорского, Локтевского, Третьяковского и Курынского районов Алтайского края. Экспозиция составлена по хронологическому принципу и представлена орудиями из камня, керамическими изделиями, изделиями из металла и кости, а также разделом палеонтологии.

В настоящее время Музей истории развития горного производства на Алтае в г. Змеиногорске имеет ряд важных археологических коллекций и отдельных находок. Многие предметы уже неоднократно были опубликованы и проанализированы. Экспозиция зала археологии не менялась в течение 10 лет, возникла необходимость анализа имеющихся фондов, обновления и дополнения ее состава.

При работе с экспозицией были выявлены некоторые неточности. Основной проблемой являлось несоответствие экспонатов с хронологией, а также технические недоработки в проектировании: отсутствие этикетаж на отдельных экспонатах, размещение экспонатов одной археологической эпохи на нескольких витринах, избыточное количество вспомогательного (иллюстративного) материала.

Из-за архитектурных особенностей здания и уникальности музейного оборудования, которое было создано по проекту Г.Л. Нехведавичюса, отсутствовала возможность для изменения пространственного расположения экспозиционного оборудования. Зал археологии совмещен с конференц-залом, поэтому возникла необходимость разработки топографического плана для более удобного осмотра экспозиции посетителем (рис. 1).

Разработанная экспозиция включает в себя 10 вертикальных, семь горизонтальных витрин и один стенд. Экспонаты в них распределены по памятникам, каждый на отдельном планшете. Помимо этого имеются одиночные экспонаты и научно-вспомогательный материал. С каждым

стендом и витриной проведена работа по компоновке материалов. Был оформлен вспомогательный текст. Ниже приведем краткую содержательную характеристику разработанной экспозиции (рис. 2).

В первой витрине располагаются экспонаты, относящиеся к эпохе камня (2,5 миллиона лет назад – IV тыс. до н.э.). Наиболее привлекательным экспонатом является каменный топор, который дополнен деревянной рукоятю. Здесь также представлены каменные орудия, отщепы, скребки, собранные на памятниках Давыдовка-I, Беянинский-I, Ушлеп, Каменка-2 и Титкескень-2.

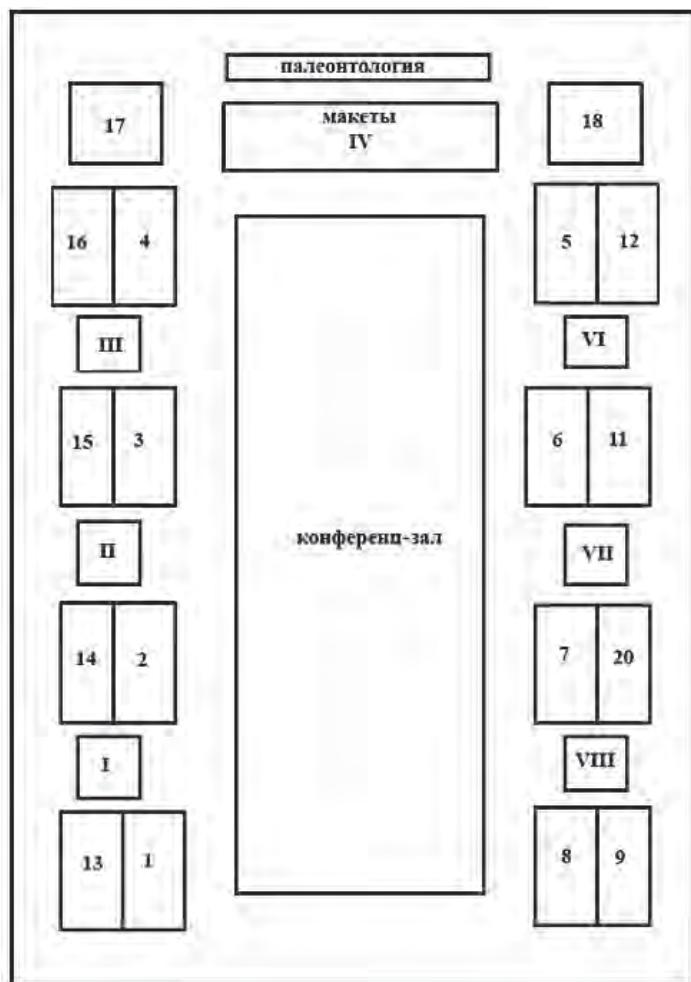

Рис. 1. Топографический план экспозиции зала археологии

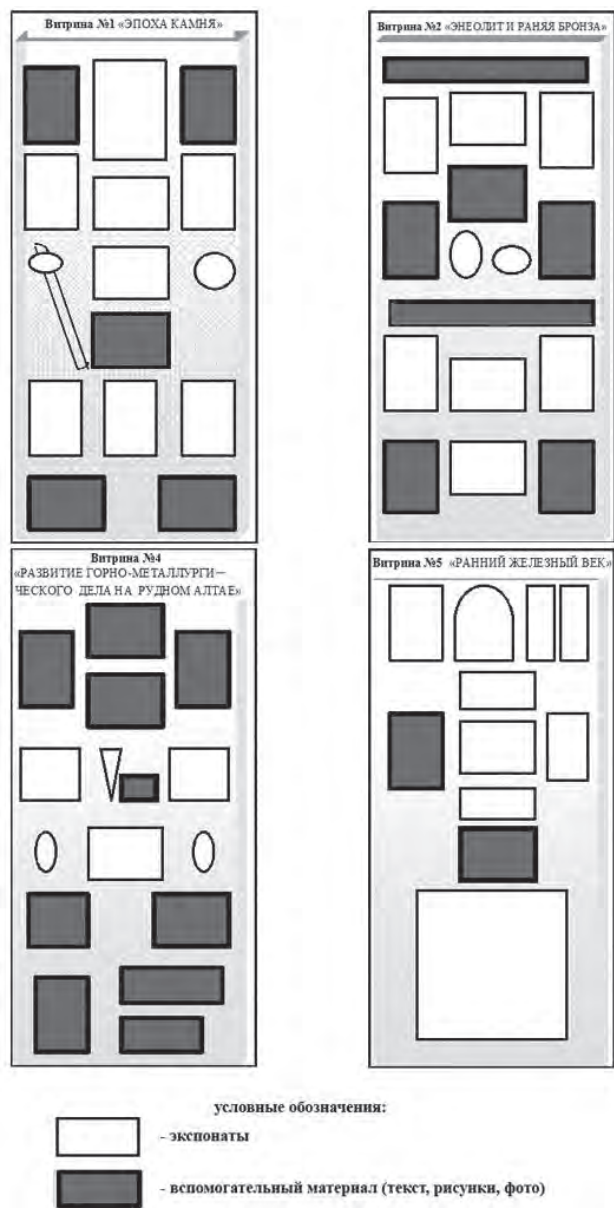

Рис. 2. Топография экспонатов и вспомогательного материала на витринах экспозиции

Вторая витрина посвящена энеолиту и периоду ранней бронзы (IV тыс. до н.э. – XVIII вв. до н.э.). Наиболее важные предметы – бронзовые наконечники стрел, шилья, каменное изображение человека и каменный пест в виде головы быка. На планшетах представлены фрагменты керамических изделий с поселений Колыванское-I и Подсинюшка.

Развитой и поздней бронзе (XVII–IX вв. до н.э.) посвящена витрина №3, где выставлены находки с памятников Колыванское-I и Новофирсово. Предметами, характеризующими хозяйственную деятельность человека этого периода, являются бронзовые изделия и фрагменты керамических сосудов.

Витрина №4 представляет начало и развитие горно-металлургической деятельности на Алтае (2-я половина IV тыс. до н.э. – III в. до н.э.). Основными экспонатами являются материалы, обнаруженные на поселении Колыванское-I и случайные находки. Ярким экспонатом является бронзовая кирка. Из-за недостатка материалов, большая часть витрины занята рисунками, реконструкциями и фотографиями раскопок.

Материалы, относящиеся к раннему железному веку, представлены изделиями скифского времени (VIII–II вв. до н.э.). На одной из витрин выставлены элементы конской узда: удила и псалии из бронзы, бронзовые бляхи, подпружные пряжки. Вторая витрина иллюстрирует погребальный обряд. Здесь экспонаты полностью заменены научно-вспомогательным материалом.

Витрина №7 содержит экспонаты эпохи Великого переселения народов (II в. до н.э. – VI в. н.э.). В состав стенда входят фрагменты железных ножей, наконечники стрел, фрагменты берестяной обшивки колчана, а также графическая реконструкция доспехов воинов.

На восьмой и девятой витринах расположены материалы, относящиеся к эпохе средневековья (VII–XIV вв. н.э.) с курганных могильников Гилево-VIII, Коболиха-XIII, IX, Ивановка-XVII, Чаузово, Малый Гоньбинский кордон и Мурлинское городище. На одной витрине расположены украшения и фрагменты керамических изделий, которые иллюстрируют хозяйственный уклад населения эпохи средневековья: «бляхи Будды», подвески, колокольчик, зажим для волос, поясные и уздечные бляхи. В состав второй витрины входят материалы, связанные с военной деятельностью, которая лежит в основе всей эпохи. Здесь принадлежности конского снаряжения, нож, палаш, лук, ножны и наконечники стрел.

На витрине №10 представлена карта района и список археологических памятников. Завершается экспозиция зала особым разделом, который занимает четыре витрины, посвященные исследователям, внесшим существенный вклад в комплектование фондов археологии «Музея развития горного производства на Алтае им. А. Демидова».

В процессе работы был составлен ряд рекомендаций: оформить этикетаж ко всем экспонатам, обновить фон планшетов, изменить расположение напольных горизонтальных витрин (поднять на 40–50 см от пола и расположить на них крупные каменные изделия и керамические сосуды).

Таким образом, вновь разработана концепция экспозиции зала археологии «Музея истории развития горного производства им. А. Демидова». В результате были найдены и устранены неточности в экспозиции, классифицирован и скомпонован археологический материал по эпохам, существенно дополнена экспозиция новыми археологическими материалами, создан вспомогательный текст и разработан топографический план. Проект был одобрен директором музея В.Х. Смирновой, в настоящее время ведется работа по его внедрению в жизнь.

Музей в г. Змеиногорске имеет в себе черты краеведческого музея, который отражает историю региона, и профильного музея, который иллюстрирует развитие горнорудного производства. Созданная экспозиция несет в себе краеведческую направленность, поэтому перспективным направлением является создание проекта, который в полной мере осветит историю развития горного производства на Алтае.

Библиографический список

Кузнецова Л.Ф. Археологическая коллекция кемеровского областного краеведческого музея. Научное описание и использование // Наука и музей. Кемерово, 2002. С. 85–87.

Назарцева Т.М. О некоторых проблемах муниципальных музеев Сибири (на примере Омской и Новосибирской областей) // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе. Томск, 2002. С. 59–76.

Смирнова В.Х. Прошлое живет в настоящем // Алтайский благодатный край. М., 2007. С. 291–293.

Смирнова В.Х., Склярова О.Н. Музей всегда должен быть готов к вызовам времени // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 220–293.

Степанская Т.М. Посвящен отечественной культуре // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 286–288.

Тишкина Т.В. Змеиногорский музей в 1922–1925 годах // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 288–290.

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ, ХРАНЯЩИХСЯ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ МУЗЕЯХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект №14-11-22001 «Энциклопедия музеев Алтайского края»)

Многие музеи и учреждения музейного типа Алтайского края имеют археологические коллекции, предметы которых до сих пор не введены в научный оборот или не прошли соответствующую атрибуцию с использованием современных знаний, методов и подходов. Изучение и пуб-

ликация отдельных находок из таких собраний в разные годы предпринимались, но они не носили системного характера. При выполнении проекта «Энциклопедия музеев Алтайского края» обозначилась задача не только выявления данного вида источников, но и сформировалась необходимость реализации специальной исследовательской программы. Такая работа началась и демонстрирует разноплановые перспективы.

Муниципальные музеи являются наиболее многочисленной категорией рассматриваемых учреждений. Среди них самое крупное археологическое собрание имеет МБУ «Бийский краеведческий музей имени В.В. Бианки». В нем сосредоточено более 65 тыс. единиц хранения (ед. хр.) [Тишкина, 2014]. В структуре экспозиции выделен специальный раздел, где демонстрируются находки от палеолита до позднего средневековья. В музее сосредоточен важный архивный фонд. Часть археологических материалов требует серьезной научной обработки.

МБУК «Музей истории развития горного производства им. А. Демидова» (г. Змеиногорск) к 01.01.2011 г. имел 1023 ед. хр. археологических экспонатов [Тишкина, 2014]. Их научно-информационный потенциал не исчерпан. Особенно это касается изучения находок, связанных с древним горнорудным делом и бронзолитейным производством [Тишкин, 2014].

Витрины с археологическими предметами демонстрируются в МБУК «Алейский историко-краеведческий музей», МБУ «Косихинский районный краеведческий музей», МБУК «Павловский историко-художественный музей», МКУК «Топчихинский районный краеведческий музей» и др. [Тишкина, 2014].

МКУК «Шелаболихинский районный музей», о котором идет речь в этой и других публикациях настоящего сборника, обладает несколькими десятками артефактов разных периодов древней и средневековой истории. Часть их представлена в экспозиции. Некоторые изделия уже изучались и опубликованы [Тишкин, 2013, с. 93–95, рис. 1]. В настоящее время идет последовательная работа по исследованию предметов из цветного металла. Одним из примеров такой деятельности может стать публикация экспоната, который обозначен следующим образом: бронзовый топор (тесло, кельт) ОФ №5339 (рис. 1–2)*. Эта случайная находка передана в музей Ф.И. Степановым, жителем с. Быково Шелаболихинского района Алтайского края.

Кельт отлит в двухсторонней форме, о чем свидетельствует литейный шов, идущий по бокам изделия (рис. 2). Местами лишний металл не снят и хорошо выражен. Кельт двухушковый, т.е. имеет по торцевым (боковым) сторонам петлевидные загибы, которые идут от втулки к телу изделия. Внутри этих «ушек» видны также следы литейного шва. Одно из «ушек» имеет следы некачественного изготовления. Более существенный литейный брак – трещины и выпуклины (неровности) – хо-

* Фотоснимки сделаны автором публикации, а рисунок выполнен А.Л. Кунгуровым.

рошо видны на одной из широких сторон изделия (рис. 1–2). Причем крупная из трещин (длиной около 5 см) имеет сквозное разъединение.

Длина изделия (от края втулки до лезвия) по центру – 10,3 см. Лезвие (шириной 5 см) затачивалось, имеет характерный изгиб (правда, не идеально дугообразный). С одной стороны оно сработано сильнее. Один край лезвия загнут, по всей видимости, современным инструментом, так как виден металл и загиб (рис. 2). Выделяются две нервюры по краям, идущие от втулки к окончанию лезвия. В одном месте каждая нервюра смыкается с выпуклой линией, которая идет через ушко. Нервюры и линии, скорее всего, направлены на усиление края изделия, так как их декоративная функция минимальна. Такие нервюры есть и с другой стороны, но они плохо читаются. Нервюры маркируют изгиб от широкой стороны к торцу.

Втулка кельта имеет овальную форму. Ее внутренние размеры – 4,3х3,8 см, глубина почти 6 см. Внешние параметры рассматриваемой части с неровным валиком (его ширина от 5 до 8 см (чаще 6–7 см), а высота – 0,5 см) такие: 5,5х4,1 см. Толщина топора в центральной части – 2,7 см. Ширина с «ушками» – 7,2 см, из них на одно приходится 1 см (малое), на другое – 1,2 см.

Ширина изделия в центре – 4,5 см. Для образования втулки использовался своеобразный стержень (возможно, из дерева или глины клиновидной формы).

Аналогичные кельты обнаружены в памятниках переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку на разных территориях Евразии [Папин, Шамшин, 2005, с. 32–34].

Рис. 1. Экспонат Шелаболихинского районного музея

Рентгенофлуоресцентным спектрометром ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США), который имеется на кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета исследовалась поверхность изделия с использованием программного режима «Аналитический». Сначала тестировался центр широкой стороны,

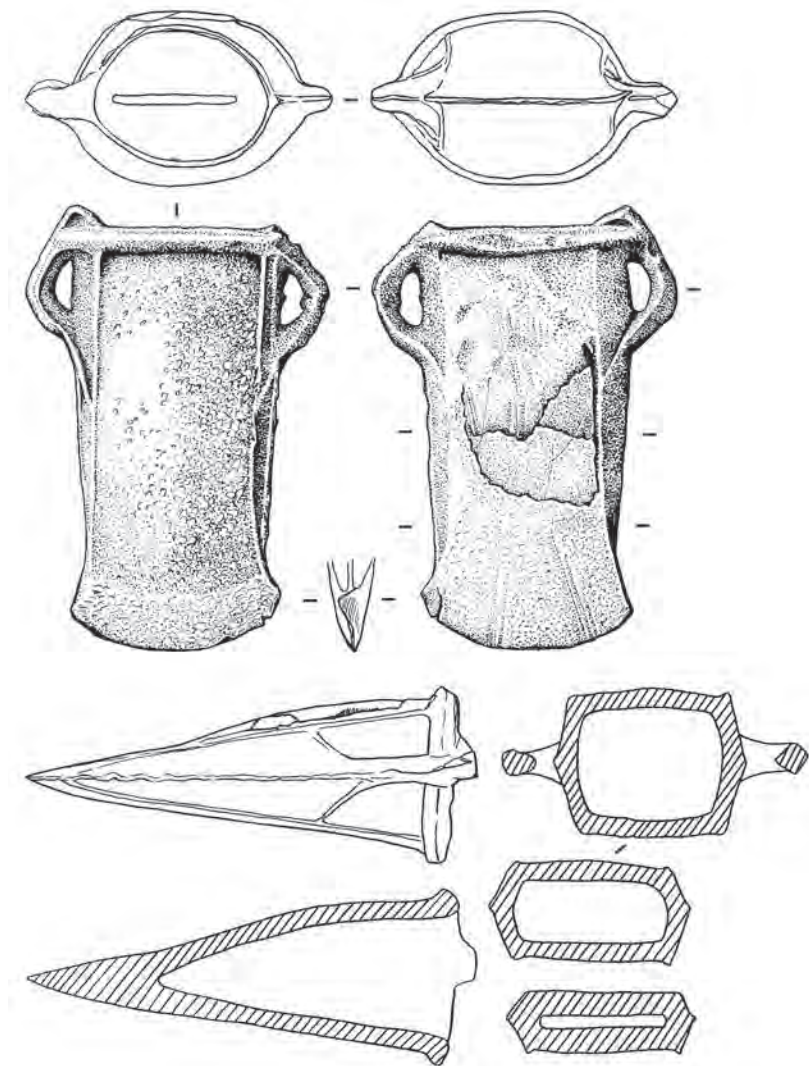

Рис. 2. Бронзовый кельт (детальная иллюстрация)

которая не имеет дефектов и покрыта патиной. Получен такой результат: Cu (медь) – 78,73%; Sn (олово) – 18,9%; Fe (железо) – 1,88%; Ti (титан) – 0,29%; Pb (свинец) – 0,2%. Эти данные указывают на медно-оловянный (бронзовый) сплав с набором других элементов. Повышенное содержание железа в патине – распространенное явление, связанное с нахождением предмета в грунте. Для получения более реального состава металла было осуществлено механическое снятие окислов на небольшом участке изделия и произведено исследование указанным прибором: Cu – 78,84%; Sn – 20,48%; Pb – 0,33%; Ti – 0,2%; Fe – 0,15%. Дальнейшее снятие позволило получить наиболее адекватное заключение о характере сплава: Cu – 82,09%; Sn – 17,59%; Pb – 0,32%. Оно свидетельствует о наличии двух основных компонентов (медь и олово). Третий (свинец) не играл значительной роли и может быть определен как рудная примесь.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о медно-оловянном (бронзовом) сплаве хорошего сочетания. Древний кельт является хорошим материалом для расширения возможностей имеющейся в музее экспозиции. Представленный материал содержит не только атрибутивные характеристики предмета, но и позволит конкретизировать экскурсию, дополнив ее конкретными реконструкциями.

В заключение следует указать, что работа по выявлению и изучению археологических коллекций в музеях Алтайского края следует расширить. В ближайшее время планируется изучение коллекции древних металлических изделия МКУК «Районный историко-краеведческий музей им. В.М. Комарова» (с. Волчиха). Кроме этого, интерес представляют экспонаты МБУК «Мамонтовский районный краеведческий музей» и др. Выявление археологических коллекций с Алтая нужно провести в сибирском регионе (Новосибирск, Томск и др.), а также в некоторых учреждениях страны и зарубежья. Этот огромный научный потенциал позволит без раскопок наполнить содержанием уже имеющуюся культурно-хронологическую схему изучения истории Алтая. Одним из наиболее продуктивных результатов могут стать издания каталогов археологических коллекций.

Библиографический список

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы в раннему железному веку. Барнаул, 2005. 201 с.

Тишкин А.А. Научный потенциал археологического собрания Змеиногорского музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 43–48

Тишкин А.А. Перспективные возможности проведения рентгенофлюоресцентного анализа изделий из цветных металлов в музеях Алтайского края // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013. С. 93–98.

Тишкина Т.В. Археологические коллекции в музеях Алтайского края // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Барнаул, 2014. Вып. 1. С. 99–101.

А.А. Тишкин, Т.П. Сёмкина, Т.М. Черепанова

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
МКУК «Шелаболихинский районный музей»;
Шелаболихинская средняя общеобразовательная школа №1,
Шелаболиха, Россия*

КОЛЛЕКЦИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ИЗДЕЛИЙ В ШЕЛАБОЛИХИНСКОМ РАЙОННОМ МУЗЕЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект №14-01-00463а «Этнокультурные процессы
на юге Западной Сибири в раннем средневековье»)

В Шелаболихинском районном музее Алтайского края имеется небольшая коллекция археологических предметов, среди которых особое место занимают изделия, относящиеся к периоду раннего средневековья (рис. 1–3)*. В данном сообщении будут представлены их характеристики, а также даны результаты рентгенофлюоресцентного анализа, полученные с помощью спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США), который имеется на кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета.

Краткая история изучения древних и средневековых памятников Шелаболихинского района представлена в очерке А.Б. Шамшина [1998]. За прошедшие годы эта информация может быть дополнена новыми материалами, в том числе из раскопок памятника Филин-I [Горбунов, Тишкин, 1999; 2001, с. 281; Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 60–63; и др.]. Именно с этого комплекса происходят три экспоната, два из которых ранее уже введены в научный оборот [Тишкин, 2013, с. 94–95, рис. 1.-2–3], но демонстрируются здесь с уточнениями как составная часть рассматриваемой раннесредневековой коллекции.

1. Наконечник ремня (инвентарный номер ОФ №835) от конской узды сильно патинизирован (рис. 1.-1; 2.-1). Он имеет длину 5,3 см. Изделие расширяется от основания к центру и носику от 1,7 до 2–2,1 см. Высота фигурного и слегка отогнутого бортика также варьирует. У основания она составляет 0,4 см, в центре – 0,6 см, а у носика – 0,55 см. Лицевая поверхность изделия украшена рельефным растительным орнаментом в виде бутонов и побегов. Наконечник крепился на кожаном ремне с помощью двух шпеньков, один из которых обломан, а другой слегка согнут (рис. 1.-1). Фиксаторы отсутствуют. Окислы на орнаментированной поверхности имеют темный цвет. Сквозь них местами просматриваются серебристо-серые участки. На обратной стороне преобладает зелено-синяя гамма.

Указанным рентгенофлюоресцентным спектрометром сначала дважды тестировался в разных местах центр орнаментированной поверхности наконечника. Получены следующие результаты:

* Рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым, а фотоснимки – А.А. Тишкиным.

1) Cu (медь) – 57,76%; Sn (олово) – 30,86%; Pb (свинец) – 9,85%; Fe (железо) – 1%; As (мышьяк) – 0,45%; Ni (никель) – 0,08%;

2) Cu – 65,76%; Sn – 25,23%; Pb – 7,8%; As – 0,62%; Fe – 0,26%; Ti (титан) – 0,24%; Ni – 0,09%.

Существенно повышенное содержание олова свидетельствует об использовании лужения для придания лицевой поверхности благородного вида. Данное обстоятельство было зафиксировано при изучении аналогичных изделий из кургана №1 памятника Филин-I [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 60, 120]. Для выяснения химического состава основного сплава изделия по краю бортика (у носика) механически были удалены имевшиеся окислы. В данном месте прибором зафиксировано существенно меньшее количество олова и свинца при наличии медной основы и других проводительных элементов, которые могут рассматриваться в качестве рудных примесей: Cu – 84,97%; Sn – 10,04%; Pb – 3,37%; Fe – 0,87%; As – 0,68%; Ni – 0,07%. Таким образом, сплав можно характеризовать как медно-оловянно-свинцовый с набором сопутствующих элементов. Лицевая сторона этого изделия дополнительно покрывалась тонким слоем олова (лужение) [Тишкин, 2013, с. 95].

2. Бляха-накладка (рис. 1.-2; 2.-2), использовавшаяся как украшение ремня конской узда (инвентарный номер ОФ №837), имеет пятиугольную форму, волнистый бортик, V-образное основание и несложный рельефный орнамент. Длина изделия составляет 2,2 см, ширина в центре – 1,6 см, а у носика – 1,4 см. Высота расширяющегося фигурного бортика – 0,4 см. Предмет покрыт окислами и имеет два шпенька, один из которых обломан, другой немного согнут, а край у него расплюсчен (рис. 1.-2). Орнамент в виде летящей утки является характерным для изделий сrostкинской культуры 2-й половины X в. и встречается довольно часто [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 60–61].

Рентгенофлуоресцентным спектрометром сначала тестировалась патинизированная лицевая поверхность в центре изделия. Получены результаты, которые схожи с показателями по предыдущему предмету: Cu – 72,21%; Sn – 23,21%; Pb – 3,61%; As – 0,66%; Fe – 0,25%; Ni – 0,06%. Это свидетельствует о том, что комплект узденных украшений изготавливался в одной мастерской.

Затем изучался участок края бортика у основания, где механически были удалены окислы: Cu – 81,59%; Sn – 12,16%; Pb – 4,2%; As – 0,92%; Fe – 0,61%; Ti – 0,44%; Ni – 0,08%. Данный сплав также можно характеризовать как медно-оловянно-свинцовый с набором примесей [Тишкин, 2013, с. 95]. Судя по всему, лицевая сторона данного изделия также была покрыта тонким слоем олова.

3. Качелевидная бляха-накладка (инвентарный номер ОФ №836) с одним сохранившимся шпеньком (было два) сильно покрыта патиной (рис. 1.-3; 2-3). Орнамент растительный. Размеры – 3,6х1,7 см. Высота фигурных бортиков – до 0,4 см. Оставшийся шпенок выступает на

0,6 см. Он слегка изогнут. Подобные предметы с разными особенностями широко встречаются в памятниках сросткинской культуры [Горбунова, 2010, рис. 60–62, 65–66, 68].

Рентгенофлуоресцентным спектрометром сначала тестировалась лицевая поверхность изделия, покрытая окислами. Зафиксирован такой поэлементный ряд: Cu – 68,93%; Sn – 20,79%; Pb – 7,85%; As – 1,05%; Sb (сурьма) – 0,66%; Ag (серебро) – 0,6%; Fe – 0,12%.

Затем исследовался участок тыльной стороны, на котором были частично удалены следы коррозии. Получен следующий результат: Cu – 88,12%; Sn – 6,19%; Pb – 3,46%; As – 1,14%; Ag – 0,65%; Fe – 0,26%; Ti – 0,18%. Эти данные свидетельствуют о медно-оловянно-свинцовом сплаве, который аналогичен предыдущим. Однако среди примесей фиксируется небольшое количество серебра. Бляха-накладка также демонстрирует применение лужения на орнаментированной поверхности. Такой технологический прием придавал дополнительный декоративный эффект [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 121–122]. Получалась блестящая белосеребристая поверхность, которая также хорошо предохраняла от коррозии.

Рассмотренные изделия представляют собой украшения раннесредневековой конской узды и происходят из памятника Филин-I, который находился у одноименного озера около с. Новообинцево в Шелаболи-

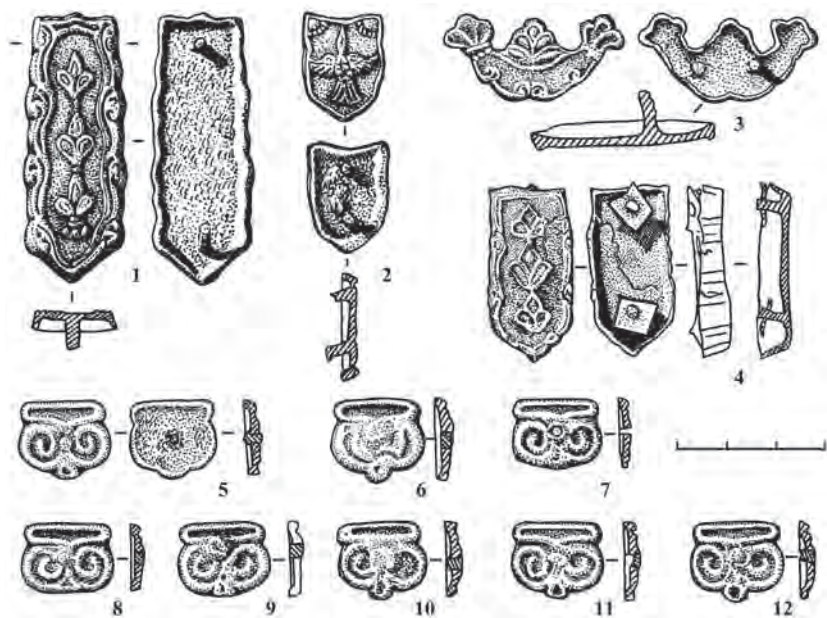

Рис. 1. Шелаболихинский районный музей. Раннесредневековые металлические изделия

Рис. 2. Шелаболихинский районный музей. Украшения конской узды

Рис. 3. Шелаболихинский районный музей. Металлические бляхи-накладки хинском районе Алтайского края. В 1998 г. на одном из курганов при его распашке обнажились части деревянных конструкций и захоронения лошадей. Данный объект существенно пострадал в ходе несанкционированных раскопок, предпринятых местными жителями. Часть находок удалось собрать с помощью местного учителя А.С. Тагильцева. Сведения о них опубликованы [Горбунов, Тишкин, 1999]. Три предмета, как сейчас понятно, попали в Шелаболихинский районный музей.

На памятнике Филин-I археологической экспедицией Алтайского государственного университета (АлтГУ) были осуществлены исследова-

ния двух аварийных курганов, которые дали материалы, позволившие отнести «элитные» погребения к шадринцевскому этапу сrostкинской культуре и датировать их 2-й половиной X – 1-й половиной XI вв. [Тишкин, Горбунов, 2000; Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2001; Горбунов, Тишкин, 2001; и др.]. Все находки, полученные при осуществленных раскопках, хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ (колл. №168). Имеющиеся там украшения конской узды исследовались рентенофлюоресцентным методом в Отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа. Результаты введены в научный оборот [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 60–63]. Фотоснимок изделий демонстрируется в учебном пособии «Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас» [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 61]. Теперь он может быть дополнен еще тремя предметами (рис. 2).

4. Кроме представленных экспонатов, рассмотрим еще один наколочник ремня (инвентарный номер ОФ №5322) (рис. 1.-4; 2.-4), который сильно покрыт патиной. Он был сделан изящно. В настоящее время имеются небольшие дефекты (сломано основание, есть трещины, слегка поведен). Длина изделия – 3,5 см (от носика до основания), ширина (по центру) по бортикам – 1,7 см, высота – 0,65 см. На лицевой стороне рельефом выделяется растительный орнамент. Бортики фигурные, оформлены специфично. Сохранились шпешки и пластинки-фиксаторы, примерные размеры которых 0,8х0,65 см.

Сначала рентенофлюоресцентным спектрометром дважды тестировалась лицевая поверхность без снятия окислов. Получены такие данные:

1) по центру: Cu – 44,07%; Ag – 30,37%; Au (золото) – 20,36%; Sn – 2,1%; Zn (цинк) – 1,41%; Pb – 0,76%; Fe – 0,61%; As – 0,32%;

2) ближе к носику: Cu – 46,19%; Ag – 28,67%; Au – 19,7%; Sn – 1,87%; Zn – 1,54%; Fe – 1,04%; Pb – 0,61%; As – 0,23%; Mn (марганец) – 0,08%; Ni – 0,07%.

Затем исследовалась внутренняя часть в центре без удаления коррозийного слоя: Ag – 48,62%; Cu – 43,78%; Sn – 2,04%; Fe – 1,92%; Zn – 1,88%; Pb – 1,24%; Ti – 0,44%; Ni – 0,08%. Полученные данные, несмотря на значительный по количеству элементный ряд, демонстрирует отсутствие золота.

Произведенное частичное снятие окислов на участке бортика позволило получить два близких результата:

Ag – 43,64%; Cu – 41,78%; Au – 9,64%; Sn – 2,65%; Pb – 0,99%; Zn – 0,94%; Fe – 0,36%;

Ag – 43,55%; Cu – 43,02%; Au – 8,61%; Sn – 2,6%; Zn – 0,91%; Pb – 0,88%; Fe – 0,43%. Проведенная процедура также позволила увидеть реальный цвет изделия.

Кроме представленных показателей, есть смысл продемонстрировать поэлементный ряд, полученный при тестировании шпешка с фиксатором без снятия окислов: Cu – 89,4%; Ag – 6,94%; Pb – 1,73%; Fe – 0,64%; As –

0,49%; Sn – 0,46%; Zn – 0,25%; Ni – 0,09%. Эти данные (больше качествен-ного уровня) демонстрируют, что фиксатор сделан из другого металла.

Изученное изделие демонстрирует интересный феномен, кото-рый уже ранее был отмечен и рассматривался в нескольких публика-циях [Конькова, Король, 2005, с. 120; Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2008, с. 170; 2009, с. 63, с. 125; и др.]. Он заключается в том, что серебряный сплав с существенным присутствием меди и других элементов (олово, свинец, цинк) используется для изготовления изделия, которое затем еще дополнительно с помощью амальгамирования покрывалось золо-том. При изучении многочисленных раннесредневековых украшений конской амуниции, происходящих из погребений конца IX – начала XI вв., зафиксирована такая закономерность: в предметах без золочения серебро в больших количества не присутствует [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2008, с. 170]. Данное обстоятельство, возможно, связано с тех-нологией золочения. Обозначенное явление требует дальнейшего изуче-ния при опоре на специальную литературу [Минасян, 2014].

5–12. Восемь схожих блях-накладок, обозначенных под одним ин-вентарным номером (ОФ №588), представляют собой изделия, каждое из которых крепилось к кожаной основе с помощью железного шпень-ка, проходившего через отверстие в центре (рис. 1.-5–12; 3). Размеры предметов, фиксируемые по центру, варьируют в следующих пределах 1,85–1,9х1,55–1,7х0,2–0,25 см. Несмотря на кажущийся стандарт, бляхи отличаются не только параметрами, но и качеством отливки. При этом у всех просматривается одинаковый рельефный орнамент. Предназначе-ние данные изделий трудно определить однозначно. Они могли исполь-зоваться для украшения узды, пояса и других вещей.

Предметы сильно покрыты ржавчиной. Это необходимо учитывать при рассмотрении результатов, полученных рентгенофлюоресцентным спектрометром. Тестировались поверхности только двух изделий.

У первой бляхи-накладки сначала изучалась лицевая сторона, по-крытая патиной. Получен такой результат: Cu – 37,91%; Sn – 22,25%; Pb – 20,58%; Fe – 15,46%; Ag – 2,75%; As – 1,04%. Затем исследовался участок с обратной стороны, где частично были удалены окислы: Cu – 54,52%; Pb – 20,7%; Sn – 9,26%; Fe – 14,22%; Ag – 1,29%.

Вторая аналогичная бляха-накладка изучалась аналогичным обра-зом, что обеспечило такие показатели:

Cu – 45,87%; Sn – 21,98%; Pb – 25,34%; Fe – 4,86%; As – 1,32%; Ag – 0,62%;

Cu – 63,72%; Pb – 23,53%; Sn – 10,54%; Fe – 1,66%; As – 0,51%; Ni – 0,04%.

Кроме этого, тестировалось другое место на участке, освобожден-ном от окислов: Cu – 60,16%; Pb – 26,45%; Sn – 12,26%; As – 0,68%; Fe – 0,38%; Ni – 0,07%. Данный результат более адекватно отражает специфику использованного медно-свинцово-оловянного сплава.

По всей видимости, рассмотренные предметы представляют собой части единого комплекта. Аналогии этим изделиям обнаружены при рассмотрении материалов из кургана №11 памятника Катанда-3, который датирован 2-й половиной VII – 1-й половиной VIII вв. [Мамадаков, Горбунов, с. 117, рис. 10.-3]. Правда, схожие изделия изготовлялись по другой технология. Указанная датировка соответствует времени существования в Верхнем Приобье одинцовской культуры [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 42–53].

В заключение следует указать, что осуществленные исследования памятников раннего средневековья на территории Приобского плато позволяют сделать обобщение, которое дополняют находки, хранящиеся в музеях Алтайского края.

Библиографический список

Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Раскопки курганов на Алтае // Археологические открытия 2000 года. М., 2001. С. 212–214.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник сrostкинской культуры Филин-I – аварийный памятник археологии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X. С. 137–141.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 281–287.

Горбунова Т.Г. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты. Барнаул, 2010. 136 с.: ил.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул, 2009. 144 с.

Конькова Л.В., Король Г.Г. Тюхтатский клад: состав цветного металла ремennых украшений // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 119–122.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. С. 115–129.

Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб., 2014. 472 с.: ил.

Тишкин А.А. Перспективные возможности проведения рентгенофлюоресцентного анализа изделий из цветных металлов в музеях Алтайского края // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013. С. 93–98.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Результаты исследования курганов сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. VI. С. 405–410.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул, 2011. 136 с.: ил.

Шамшин А.Б. Очерки древнего прошлого Шелаболихинского района // Из истории населенных пунктов Шелаболихинского района. Барнаул, 1998. С. 15–33.

Т.В. Тишкина, Т.П. Сёмкина

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
МКУК «Шелаболихинский районный музей», Шелаболиха, Россия*

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МКУК «ШЕЛАБОЛИХИНСКИЙ РАЙОННЫЙ МУЗЕЙ»

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект №14-11-22001 «Энциклопедия музеев Алтайского края»)

Идея создания в Шелаболихе районного музея возникла в 1980-х гг. и энтузиасты приступили к сбору экспонатов. По предложению секретаря районного комитета партии В.А. Гостеева осуществлялся поиск материалов о Героях Советского Союза, кавалерах орденов Ленина, Красного Знамени, Октябрьской революции. Значительную подготовительную работу по созданию музея провели учителя истории О.Г. Зюкова и Н.В. Вдовина, под их руководством школьники занимались составлением различных коллекций (монет, фотографий и др.).

В 1990 г. последовало постановление бюро РК КПСС и райисполкома о создании районного музея. Осенью 1992 г. его директором стала Н.М. Брюшкова. Для устройства музея в центре Шелаболихи было выбрано одно из старейших зданий, являющееся памятником истории и культуры – деревянное помещение бывшей торговой лавки (современный адрес: пер. Пионерский, 19). Оно было построено в 1917 г. предпринимателем Трофимом Степановичем Лобастовым. После революции 1917 г. Т.С. Лобастов выехал за пределы Шелаболихи, а его имущество национализировано советской властью. В помещении торговой лавки в разные годы размещались сельская школа, районный узел связи, сельхозбанк. С большими сложностями здание было отремонтировано и оборудовано для музея (рис.).

Открытие Шелаболихинского краеведческого музея состоялось 24 мая 1994 г. К тому времени основной фонд состоял из 294 единиц хранения. В 1990-е гг. сотрудники учреждения занимались сбором материалов среди населения, устанавливали контакты с бывшими фронтовиками. В результате музей пополнился десятками уникальных экспонатов. Значительный вклад в создание экспозиции о Великой Отечественной войне внес Кавалер орденов Ленина и Красного знамени И.А. Ромашов. В июле 1997 г. Иван Андреевич передал в музей собранные в 1985 г. на горе Муста Тунтури 16 предметов (пулеметную ленту, пробитую каску, осколки от снарядов мин, патроны от немецких винтовок, часть гранаты и др.) – свидетельств ожесточенных сражений на Кольском полуострове в сентябре 1941 г. В дар музею И.А. Ромашов также предоставил комплект своей военной формы (сержанта). Фронтовики Н.Г. Степкин и Н.П. Маргалин подарили музею фотографии. Награды и документы мужей передали вдовы вете-

ранов войны М.Н. Панова, Е.И. Краснова, Л.И. Мосина из с. Шелаболиха и М.М. Мурзинцева из с. Киприно. Одним из первых экспонатов музея стал железный цеп, изготовленный в 1926 г. Его принес житель с. Ильинка П.Я. Елисеев.

Активное участие в пополнении фондов музея приняли коллекционеры-любители. Свои собрания в музей передали семьи Коряковцевых и Жага из Ново-Обинцево, О.И. Енике из Шелаболихи. Значительное количество фотографий и документов предоставили А.И. Болотина из д. Быково, П.Я. Елисеев из с. Ильинка, К.Я. Скалозубова из с. Ново-Обинцево. Коллекционер Е.П. Андреев пожертвовал бумажные деньги (советские, российские, монгольские, корейские), польские монеты. В 1998 г. художник музея Н.А. Лихачев изготовил макет церкви Святителя Чудотворца Николая, построенной в Шелаболихе в 1906 г. За период с 1994 по 1998 г. в фонды Шелаболихинского краеведческого музея поступили 728 предметов.

Развитие музея на первоначальном этапе зависело от энергичной деятельности директора. Н.М. Брюшкова сумела заложить основы направлений работы учреждения: была решена проблема размещения фондов, организованы экспозиционные отделы и определен состав их экспонатов (орудия крестьянского труда, ремесленные инструменты, предметы быта конца XIX – 1-й половины XX в.). Работники музея уде-

Рис. Здание Шелаболихинского районного музея

ляли внимание работе с посетителями. Наталья Михайловна Брюшкова разработала тематику литературно-музыкальных вечеров для постоянных посетителей музея – членов клуба «Общение». Мероприятия были посвящены творчеству В. Шукшина, И. Шумилова, Т. Гудковой, В. Косарецкого и других земляков.

В 1997 г. директором музея стал Валерий Антонович Гостеев. Его деятельность была направлена на устройство разнообразных выставок, а также на изучение исторического прошлого населенных пунктов района. С марта 1998 по 2001 г. фонды музея увеличились на 523 предмета: поступили различные фотоматериалы (38 экз.) от А.И. Болотиной из д. Быковой; В.А. Гостеев предоставил фотографии (27 экз.), иллюстрирующих работу Павловского и Шелаболихинского райкомов КПСС. В 2000 г. получены фотографии и документы (42 экз.) от участника Великой Отечественной войны, краеведа, бывшего директора средней школы с. Ильинка П.Я. Елисеева. 16 предметов (каменный скребок, погоны подполковника, петлицы от мундира, нагрудный знак «Гвардия» и др.) передал участник войны в Афганистане Е.А. Белов. В сентябре 2001 г. фонды музея пополнились материалами о Герое Советского Союза С.Н. Рассохе. Их предоставила дочь фронтовика А.С. Рассоха.

С января 2002 г. по декабрь 2003 г. фонды музея увеличились на 415 экспонатов. Рост количества поступлений связан с активным сбором материалов о ветеранах и участниках Великой Отечественной войны для подготовки к публикации «Книги памяти». Информация о работе над изданием распространялась среди местного населения, что способствовало передаче в музей различных документов от семей участников войны, сельских советов Шелаболихинского района.

В настоящее время в штате МКУК «Шелаболихинский районный музей» трудятся директор Наталья Сергеевна Иванова, главный хранитель Татьяна Петровна Сёмкина, методист по музейно-образовательной деятельности Оксана Михайловна Шибайло, заведующий хозяйством, истопник и уборщица.

Одним из основных направлений деятельности учреждения является фондовая работа. К 1 января 2014 г. в Шелаболихинском районном музее имелось 5554 единиц хранения основного и 1148 единиц хранения вспомогательного фондов. Другое важное направление – работа над музейной экспозицией, которая состоит из нескольких разделов и размещается в четырех залах общей площадью 92 кв. м. Необходимо отметить, что оформление экспозиции проводится исключительно силами работников музея. Для монтажа часто используются подручные средства.

В первом зале размещена экспозиция «Живая старина – жива». Вниманию посетителей представлены часть бивня мамонта, кости ископаемых животных, археологические предметы (каменные скребки,

орнаментированные фрагменты керамических сосудов, металлический наконечник стрел, обломки металлических зеркал и др.). Экспонаты этикетированы, указана информация о времени и обстоятельствах их поступления в музей. Археологическая коллекция музея включает 140 единиц хранения. Нумизматическое собрание состоит из 293 единиц хранения, в экспозиции представлены находившиеся в обращении различные денежные знаки и монеты.

Значительное внимание уделено демонстрации орудий крестьянского труда. Среди музейных экспонатов имеются решето для очистки зерна, серп, коса, цеп, грабли и ручная мельница, пряжа ножная 1893 г., гребенка для чесания кудели, веретено, колодки для катания валенок и изделия (керамическая посуда, образцы ткани начала XX в., рушники, вышитые салфетки и т.д.). Здесь же представлена одежда крестьян – украшенная вышивкой свадебная рубаша 1870 г., опояска мужская 1901 г., лапти из лыка, самодельная обувь из сыромятной кожи, выполненная в свое время С.П. Афанасьевым (1889 г. рождения) для своей многочисленной семьи и т.д. Всего в зале демонстрируется 317 экспонатов.

Во втором музейном зале представлена экспозиция «Советская история района» (532 экспоната), состоящая из нескольких тематических разделов: «Развитие населенных пунктов на территории Шелаболихинского района»; «Гражданская война и коллективизация на территории района»; «Двадцатые – тридцатые годы XX в. – годы созидательные и трагические». Раздел экспозиции, названный «Против забвения», отражает военные события из отечественной истории. Вниманию посетителей предложены материалы о погибших и вернувшихся домой воинах-защитниках отечества, о рядовых солдатах и офицерах. На стендах представлены биографические сведения о фронтовиках, фотографии, награды. Среди экспонатов, напоминающих о событиях Великой Отечественной войны, – солдатская каска, форма красноармейца, котелок, гильзы снарядов, карта с указанием боев, которую гвардии-лейтенант Т.В. Мосин пронес через всю войну, сумка-планшет летчика, а также немецкий трофейный компас. Особое внимание уделено фронтовым подвигам уроженцев Шелаболихинского района Героев Советского Союза Н.М. Малахова, Н.М. Михайлова и Н.Е. Симинихина. Собрание материалов о Великой Отечественной войне постоянно пополняется. Так, например, 3 декабря 2014 г. жительница Шелаболихи Т.Д. Гуляева передала на постоянное хранение в фонды музея солдатский медальон и личные вещи своего отца Д.А. Леонова, погибшего в декабре 1941 г. Останки бойца были обнаружены в 2013 г. членами поискового отряда «Карельский фронт».

Экспозицию зала завершает раздел «Они выполняли приказ...», посвященный ратным подвигам воинов – участников афганской и че-

ченской войн. На стенде и в витрине представлены материалы (фотографии военнослужащих, письма, документы), рассказывающие об участии жителей района в локальных войнах XX в. Стенды зала выполнены по одному принципу, в виду малой экспозиционной площади, представлены крутящимися пирами.

В третьем, небольшом по площади зале музея размещена экспозиция «Комната 50 – 60 гг. XX века», которая знакомит посетителей с жизнью и повседневным бытом населения послевоенной страны. Советская эпоха не отличалась большим вниманием к благоустройству быта, однако в указанный период происходит заметное улучшение жизни людей. В экспозиции представлены 77 экспонатов: этажерка, зеркало, стул, тумбочка с машинкой «Зингер», вышитые коврики, вязанные салфетки, подзоры и накидки, одежда, обувь и т.д. С 2008 г. в Шелаболихинском районном музее формируется раздел экспозиции «Русская изба».

Основную экспозицию музея дополняют временные выставочные проекты. В течение 2014 г. были организованы выставки: «Аквареальность» (работы В. Булатова); «Волшебство своими руками. Модульное оригами» (изделия кружка учащихся второй общеобразовательной школы, руководитель Н.В. Быкова); «Прекрасных рук творенье» (работы воспитанников Центра детского творчества, руководитель И.А. Некрасов) и т.д.

Особое внимание в деятельности музея уделяется работе с разными категориями посетителей. Сотрудники учреждения являются организаторами разнообразных мероприятий. С 2012 г. Шелаболихинский районный музей принимает участие в культурной акции «Музейная ночь». Среди учащихся проводились конкурсы «Пишу тебе в далекий сорок пятый ...» (2013 г.), «Не уходи из памяти, война» (2014 г.) и др. При музее с 1994 г. действует клуб «Общение», который к настоящему времени объединяет около 30 человек. В 2014 г. сформирован клуб «Контакт», цель деятельности которого – помощь в социальной адаптации инвалидам и детям из неблагополучных семей. Данной группе посетителей было предложено участие в нескольких мероприятиях: «Музейный лабиринт»; «В гости к купцу Лобастову»; «История-загадка старинных вещей» и т.д.

Материалы музея использовались при подготовке ряда изданий [Кирюшина, 2002, с. 107–110; Поклонись победителям..., 2006; Гостеев, 2008; Русская керамика Алтая, 2012, с. 23; и др.]. Раритетные экспонаты музея (деревянная шкатулка, привезенная солдатом И.Я. Минаевым с Первой мировой войны, несколько фотографии участников военных событий) оказались востребованными при осуществлении выставочного проекта Алтайского государственного краеведческого музея и демонстрировались на выставке «За веру и честь» (К 100-летию начала Первой мировой войны) (2014 г.).

МКУК «Шелаболихинский районный музей» отражает природу, историю, условия развития и культурное наследие района, активно работает с посетителями.

Библиографический список

Гостеев В. История села в истории края (к 260-летию с. Шелаболиха). Шелаболиха, 2008. Б/с.

Кирюшина Ю.В. Орнаментированные предметы одежды из коллекции Шелаболихинского краеведческого музея Алтайского края // Ученые записки Алтайского государственного института искусств и культуры. 2002. Вып. 2. С. 107–110.

Поклонись победителям и помни о них: Книга Памяти. Барнаул, 2006. 376 с.

Русская керамика Алтая (из собраний музеев Алтайского края): Каталог / сост. О.С. Мамонтова. Барнаул, 2012. 44 с.

Научное издание

**СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

Выпуск XXI

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Статьи публикуются в авторской редакции

Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 09.04.2015. Печать ризографическая.

Бумага офсетная. Формат 60х84/8. Усл. печ. л. 15,1.

Тираж 300 экз. Заказ 149.

Издательство Алтайского государственного университета:

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66